

№ 5/2 2018 (май)

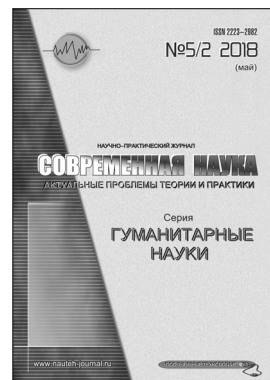
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»**Редакционный совет**

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр-Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
 109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
 Тел/факс: 8(495) 755-1913
 e-mail: redaktor@nauteh.ru
 http://www.nauteh-journal.ru
 http://www.vipstd.ru

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
 Свидетельство о регистрации
 ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
 в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
 подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
 приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
 «Современная наука: актуальные проблемы
 теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ»

тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 30.05.2018 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЯ

- М.А. Зайцева** – Историография регионального управления экономикой в 90–е годы XX века на примере Вологодской области
M. Zaytseva – Historiography of regional management of the economy in the 90s of the XX century on the example of the Vologda region 4
- М.Н. Крот** – Проблема взаимодействия имперского центра и национальных окраин в воззрениях русского консервативного мыслителя С.Ф. Шарапова
M. Krot – The problem of interaction of the imperial center and the national peripheries in the opinions of the Russian conservative thinker S.F. Sharapov 8
- А.В. Македонский** – Особенности работы по ликвидации неграмотности в РККА в 1920–30–е годы
A. Makedonsky – Features of the work on the elimination of illiteracy in the Red Army in 1920–30–ies 14
- И.В. Потапова** – Японские воинские захоронения второй мировой войны на территории хабаровского края
I. Potapova – Japanese military burials of the second world war on the territory of Khabarovsk region 18
- И.А. Субботина** – Губернский комиссар как высшее должностное лицо в управлении Нижегородской губернией периода Временного правительства
I. Subbotina – The provincial commissar as the top executive in ruling the Nizhni Novgorod province during the provisional government period 21
- Э.Б. Терещенко** – Н.Г. Чернышевский и история учебных заведений (духовной семинарии гимназии) в Саратове на материалах "Саратовских губернских ведомостей" 1840–х годов
E. Tereschenko – N.G. Chernyshevsky and the history of open educational institutions. (Seminary school) in Saratov on the "the Saratov province Gazette" in 1840–ies 24
- А.М. Фазлиев, Д.И. Игонин, И.З. Нафиков, Ф.Н. Шакуров** – Роль конфессионального фактора в развитии политической системы России
A. Fazliev, D. Igonin, I. Nafikov, F. Shakurov – The role of the confessional factor in the development of the political system of Russia 27

ПЕДАГОГИКА

- И.В. Арановская, Г.Б. Двойнина** – Инновационные процессы в современном высшем музыкально–педагогическом образовании: теоретические подходы и технологии обучения
I. Aranovskaya, G. Dvoynina – Innovative processes in the modern musical pedagogical higher education: theoretical approaches and educational technologies 31
- Н.В. Бухова** – Интеграция инновационных проектных технологий и технологии "портфолио" как фактор формирования профессиональной иноязычной компетенции будущего специалиста (на примере архитектурного портфолио)
N. Bukhova – Integration of innovative project–based technologies and "portfolio" technology as a factor for forming professional foreign language competence of the future specialist (based on architectural portfolio) 37

- Г.А. Дмитренко, Ю.С. Шепелева, М.Ю. Шпейт** – Применение проектного метода обучения в рамках предмета "Начертательная геометрия" (для студентов младших курсов)
G. Dmitrenko, Ju. Shepeleva, M. Speight – The application of the project method of instruction within the subject "Descriptive geometry" (for students of junior courses) 41
- Д.М. Карданова** – Готовность будущих юристов к профилактике правонарушений среди подростков: феноменологический и категориальный анализ
D. Kardanova – The readiness of the future lawyers to the prevention of juvenile delinquency: a phenomenological and categorical analysis 43
- Н.А. Киндря** – Презентация специальной лексики экономического профиля на начальном этапе обучения РКИ
N. Kindrya – Presentation of special lexico of economic profile at initial stage of training of RCT 48
- Н.А. Киндря** – Подготовка иностранных учащихся к самостоятельному чтению литературы по специальности (экономический профиль)
N. Kindrya – Preparation of foreign students to the independent reading of literature on specialty (economic profile) 51
- И.А. Левецкая** – Социальные факторы оптимизации подготовки инженерно–экономических кадров: компетентностный подход
I. Levitskaya – Social factors of optimization of engineering and economic personnel training: competence approach 54
- Лю Сюэцзюань** – К вопросу об актуализации изучения русского языка как иностранного (РКИ) в рамках российско–китайского сотрудничества
Liu Xijuan – To the question of the actualization of the study of the Russian language as foreign in the framework of the Russian–Chinese cooperation 59
- Т.В. Моисеева** – Педагогическое мастерство как основная парадигма современного образования в высшей школе
T. Moiseeva – Pedagogical skills as the main paradigm of the modern education in a higher school 62
- Г.М. Нургалева** – Некоторые особенности стиля выпускной квалификационной работы по МБА
G. Nurgaleeva – Several points about the style of MBA graduate qualification works 66
- Е.Ю. Холопова, С.Е. Корышева, И.Е. Скопина, Н.Ю. Коноплин, Г.К. Евстратов** – Формирование ценностных отношений обучающихся в высших учебных заведениях
E. Holopova, S. Koricheva, I. Skopina, N. Konoplin, H. Evstratov – Formation of values and relations of students in institutions of higher education 69

ФИЛОЛОГИЯ

- Е.А. Аглей** – Православие на российском телевидении: разнообразие телевизионного контента
E. Aglei – Orthodoxy on Russian TV: television content's diversity 73

Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова – Коллаборативный перевод <i>L. Alekseeva, S. Mishlanova</i> – Collaborative translation77	Д.О. Ремайникова, С.Л. Мишланова – Особенности анализа метафтонимии в рекламных слоганах <i>D. Remyannikova, S. Mishlanova</i> – Peculiarities of metaphonymy analysis in advertising slogans132
Д.С. Абрамаднех – Связь ключевых слов культуры и стержневых компонентов фразеологизма <i>D. Alramadan</i> – Relates the key words culture and core components of a phraseological unit83	Е.В. Сони́на – Способы воплощения авторского сознания в сборнике рассказов Е.В. Гришковца "Планка" <i>E. Sonina</i> – Ways of translating the author's consciousness in the collection of "Planka" short stories of E.V. Grishkovets138
К.Ш. Ахмедова – Многочленные сложные предложения как синтаксическая единица <i>K. Ahmadova</i> – Multi-component complex sentences as asyntactic unit87	Сунь Е – Сочетание исторического и художественного в рассказе Ю. Н. Тынянова "Подпоручик Кижэ" <i>Sun Ye</i> – Combination of the historical and artistic tale in the story N.N. Tynyanova "Supporter Kizhe"143
С.А. Багирова – Коранические мотивы в творчестве русских поэтов-романтиков первой половины XIX века <i>S. Bagirova</i> – Quranic motives in the work of Russian romantic poets of the first half of the XIX century92	Н.Н. Таньков, Т.А. Гордеева, Л.Р. Башкова, Л.Н. Авдонина – К семантике омонимичных отделяемых и неотделяемых глагольных приставок в немецком языке <i>N. Tankov, T. Gordeeva, L. Bashkova, L. Avdonina</i> – On the semantics of homonymous separable and inseparable verb prefixes in the German language147
И.А. Губарь – Конструкции, содержащие лексический повтор с синтаксическим распространением, в идиостиле Б.Л. Пастернака <i>I. Gubar</i> – Constructions containing lexical repetition with syntactic distribution in idiostyle B.L. Pasternak97	Д.А. Ушаков – Лингвистические особенности галисийского варианта испанского языка в условиях двуязычия <i>D. Ushakov</i> – Linguistic features of Spanish as spoken by Galician speakers in bilingual environment152
С.Ж. Ергалиева, Н.В. Мельник – Лингвоперсоналогическое описание комментария к политической статье в виртуальном пространстве <i>S. Yergaliyeva, N. Melnik</i> – Linguistic personological description of commentary to political articles in the virtual space100	Н.В. Чезыбаева – Внутренний мир человека: благоговейный страх в языковом сознании (на материале английского языка) <i>N. Chezybaeva</i> – Man's inner world: reverential fear and language consciousness (based on the English language source)156
Е.Ю. Иванова – Использование корпусов и конкордансера antconc для отбора и составления словаря японских артонимов в английском языке <i>E. Ivanova</i> – Corpora and antconc concordancer in selection and compiling the dictionary of Japanese artonyms in English language107	Чэн Цзиньтао – Лексико-семантическая группа глаголов передачи объекта в лингвокультурологическом аспекте <i>Cheng Jintao</i> – Lexico-semantic group of verbs of transfer of the object in linguistic and culturological aspect161
М.Н. Клочкова – Варианты синтаксической комбинаторики лексемы right в современной английской адекативной лексике, ее проявление полистатутности <i>M. Klochkova</i> – Options of syntactic combinatorics of tokens "right" in the modern English adjectival lexicon, it is a manifestation of polystatic111	Чэн Цзин, Лю Янькунь – Очерк изучения творчества русских народников в Китае <i>Chen Gjing, Liu Yankun</i> – The study of the works of Russian populists in China164
Е.В. Куликова – Некоторые аспекты перевода прозы Андрея Платонова на английский язык <i>E. Kulikova</i> – Some aspects of translation of Andrei Platonov's prose into English116	З.И. Яхьяева – Художественное отражение элементов этнопсихологии в автобиографическом тексте (С. Щипачев, "Березовый сок") <i>Z. Yahyaeva</i> – Artistic reflection of ethno elements in the autobiographical text (S. Schipachev, "Birch juice")167
Е.В. Лаврищева – Языковые средства выражения иронии на материале немецких публицистических текстов <i>E. Lavristscheva</i> – Linguistic means of expressing irony on the material of German publicistic texts122	ИНФОРМАЦИЯ
Лю Янькунь, Чэн Цзин – Гэ Баоцюань и Пушкин <i>Liu Yankun, Chen Gjing</i> – Ge Baoquan and A.S. Pushkin125	Наши Авторы / Our Authors170
И.С. Парахина – Интерпретация концептосферы "окружающая среда" <i>I. Parakhina</i> – Interpretation of the concept "environment"129	Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале172

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКО В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

HISTORIOGRAPHY OF REGIONAL MANAGEMENT OF THE ECONOMY IN THE 90S OF THE XX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION

M. Zaytseva

Annotation

The article analyzes the accumulated historical knowledge regarding the management of economic development in Russia in the 1990s. on the example of the Vologda region. Based on this analysis, the existing gaps in the scientific literature are defined, and directions for further research on the problem are suggested. The study makes it possible to trace the emergence of new trends in historiography, helps to determine the value and novelty of the works. The work uses methods of content analysis, historical, typological, actualization.

Keywords: Vologda region, historiography, market economy, state regulation of the economy.

Зайцева Мария Александровна

Аспирант,

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье проводится анализ накопленных исторических знаний относительно управления экономическим развитием в России в 90-е годы XX в. на примере Вологодской области. Исследование позволяет проследить возникновение новых направлений в историографии, содействует определению ценности и новизны трудов. На основании данного анализа определяются существующие в научной литературе лакуны, предлагаются направления дальнейших исследований проблемы. В работе применены методы: контент-анализ, исторический, типологический, актуализация.

Ключевые слова:

Вологодская область, историография, рыночная экономика, государственное регулирование экономики.

Новейшая история России представляет для исследователей особый интерес, её изучение, в частности, позволяет своевременно вносить изменения в текущие социально-экономические и политические процессы, практику государственного управления, включая его региональный уровень.

При анализе историографии мы тематически разделили её на следующие направления: работы, исследующие социально-экономические реформы в России в целом; работы по региональным аспектам реформ; работы по реформам в Вологодской области. В последнем направлении можно выделить следующие линии: оценка общего положения Вологодской области; социально-экономические изменения в регионе; управление экономическими изменениями органами государственной власти; политические преобразования.

Работы по реформам 90-х гг. в целом характеризуются главным образом изучением изменения вектора развития страны и связанных с этим институциональных и экономических преобразований. В данном отношении обращают на себя внимание труды авторов, поставивших перед собой цель, главную или дополнительную. Таковым является труд В.И. Меньковского, О.А. Яновского, О.В. Бригадиной, И.А. Литвиновского и других [23], который касается историографии современной (новой) истории в

целом. А.И. Татаркин и В.Л. Берсенёв [33] остановились на наиболее значимых монографиях и статьях, посвящённых самой активной фазе преобразований – от начала 1990-х гг. и до дефолта 17 августа 1998 г. В работе представлены позиции не только исследователей, но и непосредственных участников событий.

Изменение вектора развития страны, управленческие и институциональные изменения на федеральном уровне стали приоритетной темой большинства исследований данного периода российской истории. Главное внимание было обращено на сопоставление двух систем управления (старой и новой), изучение хода экономических преобразований, их первых результатов, исследование возникших проблем.

Так, В.В. Бубнов [4] показывает различие между ролью государства в командно-административной и рыночной экономике, отдельно останавливается на ходе приватизации и новой социальной политике государства в переходный период. Г.И. Ханин [36] описывает институциональные преобразования в российской экономике в 1992–1998 гг., их влияние на состояние народного хозяйства России.

Большинство авторов сосредоточивается на изучении конкретных, частных вопросов реформ. Б.П. Елисеев [14] проводит изучение процесса формирования новой системы органов государственной власти, выявляет основные

проблемы её развития и возможные направления совершенствования. Данной проблемой также занимается Л.В. Карнаушенко [20], который детально рассматривает политико-административные преобразования, последовавшие за принятием Конституции 1993 г. Л.Э. Грязнов [11] освещает другую сторону политико-экономических процессов того времени – причины и последствия экономического кризиса в России, определение возможных путей выхода из него. При этом автор поставил вопрос об альтернативных методах государственного регулирования в период социально-экономических кризисов.

Государственное управление в 90-е годы XX века на федеральном и региональном уровне столкнулось с необходимостью регламентировать и поддерживать вновь созданные формы хозяйственной деятельности. Таковыми, например, стали финансово-промышленные группы (ФПГ), их изучению посвятил свою диссертацию В.Е. Дементьев [12]. В ней он полно и основательно исследовал данный предмет, включая зарубежный опыт подобной деятельности. Особенностью работы С.Г. Митина является концентрация внимания на трансформации отдельных секторов экономики [24]. Автор показал необходимость государственного регулирования инвестиционной деятельности, страхового рынка, естественных монополий.

Отдельным направлением исследований стало изучение региональных аспектов экономической модернизации. Так, интерес представляет работа Т.В. Муртузалиевой. Она на основе анализа и обобщения отечественного и зарубежного опыта обосновала теоретические положения и разработала практические рекомендации по формированию эффективного механизма государственного управления экономикой региона в условиях рынка [26]. Вопрос о месте региона в проводившихся реформах поставил А.Г. Гранберг [10]. Автор указал на необходимость согласования федеральной и региональной стратегии экономического развития. Данный вопрос также стал предметом изучения А.А. Титова [34].

Большинство работ, касающихся региональных аспектов экономической модернизации имеет прикладную направленность. А.А. Волков [9] изучал опыт реализации комплексных целевых программ, механизмы их осуществления в Удмуртской Республике, выработал на основе данного анализа ценные практические рекомендации. На данных вопросах остановился и А.А. Амадеску [1]. Автор разделил процесс планирования на логические этапы, затронул вопросы его методического обеспечения, оптимизации, оценки результативности.

Научной новизной отличается работа Г.Н. Дрозда [13]. Автор остановился на состоянии системы управления региональным агропромышленным комплексом, используя, в частности, результаты тестирования управленческих кадров. Данной проблеме также посвящена работа М.Ф. Сычёва, П.М. Советова, А.А. Пашко [30]. Ценной её составляющей является Концепция развития экономики и социальной сферы Череповецкого района Вологодской области, основанной на глубоком изучении социально-экономического состояния региона.

Некоторые из названных выше трудов затрагивают опыт реформ в Вологодской области. Существуют работы, специально посвящённые данной тематике. Они касаются самых разнообразных сторон политико-экономических и социальных реформ в регионе. Характеристика природно-ресурсного потенциала, демографической и экологической ситуации, показателей народнохозяйственного комплекса, социальной среды в начале 90-х годов представлена в одном из трудов авторского коллектива в составе В.В. Судакова, А.А. Пашко, П.М. Советова, М.Ф. Сычёва [32]. Труд И. Петрова [28] посвящен систематическому описанию Вологодской области, её территории, населения, системы управления, политической элиты, народного хозяйства, финансов и подобного. Интерес представляет его анализ взаимоотношений ветвей власти, соотношения региональных политических сил.

К настоящему времени появились работы, специально исследующие экономические реформы 90-х гг. в интересующем нас регионе. Социально-экономическое положение Вологодской области в переходный период отражено в статье А.А. Винокурова [8]. Наиболее продуктивно над экономическими вопросами реформ работает группа авторов, ядро которой составляют В.А. Ильин, А.А. Пашко, П.М. Советов и М.Ф. Сычёв [15]. Несомненное достоинство их изданной в 1995 г. работы составляет объективный и многоаспектный анализ положения сельского хозяйства в непростое время радикальных социально-экономических преобразований, поиск путей повышения его эффективности. Позже данные проблемы были затронуты в монографии 2001 г. [31], а в более поздней работе они подвели предварительные итоги реформ [17].

На социальных последствиях реформ остановился Г.А. Буданов [7]. Автор даёт определение региональной политики, описывает её виды. В своем анализе он опирается на опубликованные официальные сведения, фокусирует внимание на региональных социальных программах.

Впервые специфику жизни и ежедневные проблемы простых вологодских сельских людей в ходе реформ на конкретных примерах показал В.В. Казарезов [19]. Относительно проблем вологодских фермеров в период экономических преобразований позицию предыдущего автора поддерживает С.Г. Карпов [21]. Автор, рассматривая процесс создания и развития фермерского уклада в аграрной экономике Европейского Севера России, анализирует нормативно-правовую базу, на которой основывается данный процесс, обосновывает свою позицию ссылкой на статистические данные производственной деятельности фермерских хозяйств.

Большая аналитическая работа проделана А.Н. Чекавинским. Он подробно описал проблемы АПК, указал причины отставания данного сектора от развитых стран, произвел расчёт аграрного потенциала районов Вологодской области, что предоставило ценную информацию для принятия управленческих решений [36]. Работа В.А. Ильина даёт общую характеристику состояния сельского хозяйства региона, существующих в нём проблем [18].

90-е годы XX века характеризовались не только становлением новой экономической и политической системы, но и необходимостью разработки соответствующей методологии, способной достоверно оценить результативность проводимых преобразований. Одними из первых В.А. Ильин [16] и вологодский научный координационный центр РАН обратили внимание на проблему мониторинга проводимых социально-экономических преобразований и осуществили разработку соответствующей методики.

Эта тенденция привела к разработке альтернативных путей развития экономики региона (труды А.С. Барабанова [3], А.Ю. Медведева и А.П. Дороговцева [22], О.С. Москвиной [25]).

Безусловно, важными при исследовании экономических преобразований в регионе являются те публикации, которые отражают мнения акторов реформ, первых лиц региона (Н.М. Подгорнова [29], Позгалева Е.В. [38], Н.Н. Пеганова [27], А.Н. Шичкова [37]).

Известно, что на протяжении всей истории нашей страны государственные институты играли большую роль в определении вектора её развития, сравнительно с другими ведущими европейскими странами. Не стал исключением и рассматриваемый период. Это объясняет внимание исследователей к деятельности региональных властных институтов в период реформ конца XX в. Впрочем, исследование политических аспектов реформ менее популярно в сравнении с вопросами социально-экономическими. Изучению деятельности Законодательного собрания Вологодской области посвящена работа Л.И. Антоновой [2]. Статья приводит важные данные о становлении и развитии законодательного органа, реорганиза-

ции структуры областного Законодательного собрания, его деятельности. Г.А. Буданов [6] затронул такой нестандартный вопрос, как формирование доверия общества к государственным институтам, являющегося фактором успешных преобразований в регионе. Автор также остановился на отношениях региональной власти и федерального центра, дал характеристику их эволюции [5].

Исследуемые изменения произошли относительно недавно, при этом к настоящему времени произведено большое количество исследований различных направлений реформ. Исследователи сходятся во мнении по поводу возникших проблем у населения и производителей, но по-разному оценивают деятельность властей. Так же во внимании ученых остается не только федеральный уровень власти. С середины 90-х годов развивается методология оценки социально-экономического положения регионов в новых экономических условиях. В данном направлении стоит отметить заслугу вологодских авторов в разработке методологии мониторинга проводимых социально-экономических преобразований, данная работа актуальна и в наше время, в силу постоянных изменений в управлении жизнедеятельностью общества.

В региональной историографии управления экономическим развитием в Вологодской области мы можем найти проблемы, оставшиеся без внимания: организация государственного аппарата области, цели и задачи властей Вологодской области в переходный период, выделенные приоритеты в развитии, управленческие действия по содействию становления новых структур, а также остаются не изученными архивные материалы, представляющие большую ценность и интерес для исторической науки и управленческой практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амадеску А.А. Региональные программы в современных условиях: содержание и методы // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 21–24.
2. Антонова Л.И. К вопросу о становлении региональных парламентов. Правовая институционализация региональных парламентов: (на примере Вологодской области) // Политический ландшафт региона: сб. ст. и докл. – Вологда, 2008. – С. 65–69. URL: https://www.booksite.ru/election/05_st-36.html (дата обращения: 03.10.2017).
3. Барабанов А.С. Анализ структурных сдвигов экономики региона // Устойчивое развитие отраслей и производственных комплексов // Проблемы развития территории. – 1(57). – 2012. – С. 17–36. URL: <http://pdt.vsc.ac.ru/article/914/full>(дата обращения: 21.02.2016).
4. Бубнов В.В. Роль государства в экономике переходного периода: дис. ... канд. экономич. наук. М., 1999. 192 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/rol-gosudarstva-v-ekonomike-perekhodnogo-perioda>(дата обращения 02.10.2016).
5. Буданов Г.А. Региональная политика борьбы против бедности и нищеты среди детей, подростков и молодежи в Вологодской области // Дети и молодежь – будущее России: материалы Второй Российской научно-практической конференции (г. Вологда, 7–9 июля 2004 г.). – С. 515 – 521.
6. Буданов Г.А. Социально-экономическая политика формирования регионального хозяйства (на примере Вологодской области) // Стратегия развития региона. – 2007. – 14 (53) – С. 42–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-politika-formirovaniya-regionalnogo-hozyaystva-na-primere-ologodskoy-oblasti> (дата обращения: 16.05.2016).
7. Буданов Г.А. Взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и федерального центра в процессе формирования региональной социально-экономической политики // Регионология. – 2008. – № 2. URL: <http://regionsar.ru/en/node/47> (дата обращения: 16.05.2016).
8. Винокуров А.А. Вологодская область: современная роль и перспективы // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 26–28.
9. Волков А.А. Государственное регулирование экономической деятельности Удмуртской Республики на основе региональных комплексных программ: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 1998. – 180 с. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/gosudarstvennoe-regulirovanie-jekonomicheskoy-deyatelnosti-udmurt>

- skoj-respubliki-na.html(дата обращения 16.09.2017).
10. Гранберг А.Г. Региональное развитие и региональная политика в переходный период // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. Вологда, 1995. – С. 5–11.
 11. Грязнов Л.Э. Государственное регулирование переходной экономики в периоды кризисов: дис. ... канд. эконом. наук. М., 1998. – 164 с.
 12. Дементьев В.Е. Стратегическая роль финансово-промышленных групп и их государственное регулирование в российской экономике: дисс. ... доктора эконом. наук. М., 1998. – 416 с.
 13. Дрозд Г.Н. Об управлении реформами в регионе // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 35–37.
 14. Елисеев Б.П. Система органов государственной власти в Российской Федерации: дисс ... доктора юридич. наук. М., 1998. – 323 с.
 15. Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф. Вологодская область: движение к рынку. Вологда: Вологодский научный координационный центр РАН, 1995. – 132 с.
 16. Ильин В.А. Мониторинг социально-экономических преобразований: концептуальные подходы и апробация (на примере Вологодской области) // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 17–21.
 17. Ильин В.А., Сычев М.Ф. Тенденции и проблемы развития региона Научные труды: в 3 ч. Ч.2: Территориальные проблемы экономического и социального развития. Вологда: Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института РАН, 2005. – 750 с. URL: <http://library.vssc.ac.ru/Files/books/12997322301162V.PDF> (дата обращения: 21.02.2016).
 18. Ильин В.А. Анализируя прошлое, думать о будущем. Вологда: ФГБУН ИСЭРТ РАН, 2015. – 335 с.
 19. Казарезов В.В. Земля Вологодская. Возрождение хозяина. Вологда: Издательско-производственный центр "Легиа", 2000. – 296 с.
 20. Карнаушенко Л.В. Исторический опыт реформы государственного управления Российской Федерации: дисс. ... доктора историч. наук. Краснодар, 2009. 509 с. URL: <http://cheloveknauka.com/istoricheskiy-opyt-reformy-gosudarstvennogo-upravleniya-rossiyskoy-federatsii>(дата обращения 16.09.2017).
 21. Карпов С.Г. Фермерские хозяйства в аграрной экономике европейского севера России в конце XX – начале XXI века // Проблемы развития территории. 2012. 5(61). С. 110–117. URL: <http://pdt.isert-ran.ru/article/995/full> (дата обращения 02.11.2016).
 22. Медведев А.Ю., Дороговцев А.П. Оценка инвестиционной привлекательности Вологодской области // Экономика и управление, Вологда, 1999. – С. 3–9.
 23. Меньковский В.И., Яновский О.А., Бригадина О.В., Литвиновский И.А. и др. Современная российская историография новейшей истории России и истории СССР: учебно-справочное пособие. Мн.: РИВШ, 2006. – 193 с. URL: http://www.pseudology.org/History/Menkovsky_Sovrem_Ross_Istoria2.pdf (дата обращения: 03.02.2016).
 24. Митин С.Г. Стратегия государственного регулирования экономики в переходный период: Россия 90-х годов: дис. ... канд. экономич. наук. СПб., 1999. – 441 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/strategiya-gosudarstvennogo-regulirovaniya-ekonomiki-v-perekhodnyi-period-rossiya-90-kh-godo> (дата обращения 02.10.2016).
 25. Москвина О.С. Резервы роста инвестиций в регионе // Экономика и управление, Вологда, 1999. – С. 43–46.
 26. Муртузалиева Т.В. Совершенствование механизма государственного регулирования экономики региона: дисс. ... канд. экономич. наук. Махачкала, 2001. 157 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovershenstvovanie-mekhanizma-gosudarstvennogo-regulirovaniya-ekonomiki-regiona#ixzz4HILkJhTo>(дата обращения 02.10.2016).
 27. Пеганов Н.Н. Ход экономических реформ в Вологодской области и проблемы их развития // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 11–17.
 28. Петров И. Вологодская область. Социально-политические портреты регионов // Политический альманах России. Т. 2. Кн. 1. М., 1998. – С. 493–504. URL: <https://www.booksite.ru/election/data/almanah.pdf>, http://ikvo35.ru/election/05_st-34.html (дата обращения: 07.07.2017).
 29. Подгорнов Н.М. Реформы: первые итоги. Вологда, 1995. – 159 с.
 30. Сычев М.Ф., Советов П.М., Пашко А.А. Районное звено: экономика и управление. Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2000. – 65 с.
 31. Советов П.М., Пашко А.А., Дрозд Г.Н. Стратегия развития районного агропромышленного комплекса. Вологда-Молочное: ВГМХА, 2001. – 112 с.
 32. Судаков В.В., Пашко А.А., Советов П.М., Сычев М.Ф. Вологодская область в народном хозяйстве Северного экономического района и Российской Федерации: издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. Вологда, 1994.
 33. Татаркин А.И., Берсенёв В.Л. Крутой разворот к рынку. Экономическая реформа в России (1992–1998) и ее последствия // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 2. – С. 325–341.
 34. Титов А.А. Некоторые аспекты взаимосвязи регионального и федерального развития // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 34–35.
 35. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Том 3. Российская экономика в 1992–2008 гг. Часть 1. Российская экономика в 1992–1998 гг. 2012 г. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/12/1273406084/journal10-hanin.pdf> (дата обращения: 09.10.2016).
 36. Чекавинский А.Н. АПК региона: уроки реформирования и выводы для перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3. С. 130–138. URL: <http://esc.isert-ran.ru/article/216/full> (дата обращения 02.10.2016).
 37. Шичков А.Н. Пути активизации инвестиционного процесса в регионе // Материалы научно-практического семинара в г. Вологде 24 февраля 1995 года. – С. 28–29.
 38. Издание к юбилею Позгалева Е.В.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМПЕРСКОГО ЦЕНТРА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН В ВОЗЗРЕНИЯХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИВНОГО МЫСЛИТЕЛЯ С.Ф. ШАРАПОВА*

* Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 "Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли".

THE PROBLEM OF INTERACTION OF THE IMPERIAL CENTER AND THE NATIONAL PERIPHERIES IN THE OPINIONS OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE THINKER S.F SHARAPOV

M. Krot

Annotation

The article examines one of the aspects of the rich creative heritage of a prominent conservative publicist and public figure of the turn of the XIX – XX centuries is considered. S.F. Sharapov, related to the issue of the situation of national peripheries in the Russian Empire. This problem was touched upon by the thinker in the context of his global project of administrative and political reorganization of the country, involving the introduction of broad self-government. The article analyzes the models of interaction between the imperial center and various peripheries districts proposed by Sharapov, describes his attitude to the national policy pursued by the government, reveals the ideological and philosophical foundations of his views on this issue. It is concluded that his program with respect to the national peripheries combined various models of ethnoconfessional politics, representing a flexible and situational model for solving the problem of preserving the integrity of the Russian Empire.

Keywords: S.F. Sharapov, the Russian Empire, national suburbs, conservatism, self-government, russification.

Крот Максим Николаевич

*Н.с., Южный научный центр
Российской академии наук;
К.и.н., доцент, Южный федеральный
университет, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация

В статье рассматривается один из аспектов богатого творческого наследия видного консервативного публициста и общественного деятеля рубежа XIX – XX вв. С.Ф. Шарапова, связанный с вопросом о положении национальных окраин в составе Российской империи. Данная проблема затрагивалась мыслителем в контексте его глобального проекта административно-политического переустройства страны, предполагавшего введение широкого самоуправления. В статье анализируются модели взаимодействия имперского центра и различных окраин, предлагаемые Шараповым, характеризуется его отношение к проводимой правительством национальной политике, выявляются идейно-философские основы его воззрений по данному вопросу. Делается вывод о том, что его программа в отношении национальных окраин сочетала в себе различные модели этноконфессиональной политики, представляя собой гибкую и ситуативную модель решения проблемы сохранения целостности Российской империи.

Ключевые слова:

С.Ф. Шарапов, Российская империя, национальные окраины, консерватизм, самоуправление, русификация.

Политика имперского центра в отношении национальных окраин к началу XX столетия становится чрезвычайно актуальной и острой проблемой, привлекающей внимание различных общественных сил и политических кругов России. Актуализация данного вопроса была связана с двумя разнонаправленными, но тесно взаимосвязанными процессами.

С одной стороны, это своеобразный "вызов национализма" на имперских окраинах, характерный для многих стран Европы XIX – начала XX вв., выразившийся в формировании национальных интеллектуальных элит, росте

интереса к своему историческому прошлому, стремлению к получению национального образования, развитию собственных литературных языков, усилению национального самосознания. С другой стороны, это стремление имперских властей к унификации всех частей империи в административном, правовом и социокультурном аспектах, к укреплению управленческих связей между центром и периферией, к предотвращению и подавлению зарождавшихся идей национальной самостоятельности, в которых усматривали сепаратистские настроения. Данная тенденция нашла свое воплощение в комплексе унифицирующих, а порой и дискриминационных

мер имперских властей, обозначаемых общим термином "политика русификации".

Ужесточение этой политики было обусловлено сложным комплексом объективных и субъективных причин, среди которых необходимо выделить характерное для российского самодержавия конца XIX – начала XX вв. стремление к реализации консервативно-охранительной концепции внутривнутриполитического развития, а также усиливающиеся интеграционные процессы в экономике, активизировавшиеся миграции населения, требовавшие единого правового и культурного пространства [5, с. 31]. Помимо этого, нельзя не согласиться с тезисом о разочаровании имперского правительства в возможностях мирной и либеральной ассимиляции окраин, способствовавшей автономизации окраин и влиянии этноконфессиональной политики европейских государств, значительно дальше России продвинувшихся в деле построения национальных государств [11, с. 243 – 244].

Русская общественная мысль и, особенно, её консервативное направление, пользовавшееся на рубеже XIX – XX вв. большой популярностью и влиянием в различных слоях российского общества, не могла не обратить свое внимание на данную проблему, которая становилось все более сложной и острой. Несмотря на то, что национализм и идея единого и неделимого Российского государства, в котором политическое господство принадлежало бы русскому народу, занимали важное место в концепции консерваторов, они крайне неоднозначно относились к жестким и прямолинейным мерам имперской власти в деле реализации политики русификации, подвергая резкой критике методы ее проведения и ставя вопрос о ее принципиальной целесообразности в отношении ряда окраин [См. подробнее: 23, р. 363 – 365].

Одним из ярких представителей русской консервативной мысли, имевшим особое видение проблемы национально-территориального устройства России и отстаивавшим свою точку зрения на характер взаимодействия окраин и центра был публицист, издатель и общественный деятель Сергей Фёдорович Шарапов.

Воззрения и общественная деятельность С.Ф. Шарапова лишь в недавнее время стали объектом серьезного научного изучения, хотя следует отметить, что полного освещения разносторонней деятельности и богатого интеллектуального наследия этого яркого и широко известного в конце XIX – начале XX вв. мыслителя в настоящий период еще нет. Зачастую многие публикации, посвященные данному деятелю, несут характер кратких биографических статей, включенных в различные сборники, где дается лишь самый общий обзор основных вех его жизни и творчества [7, с. 59–63; 12, с. 453–472]. Большое значение для изучения творчества Шарапова имеет публикация его избранных трудов в рамках проек-

та "Библиотека отечественной общественной мысли" с вступительной статьей крупного современного исследователя русской консервативной мысли А.В. Репникова [18]. Рассматривая творчество Шарапова, исследователи сосредотачиваются преимущественно либо на его социально-экономических воззрениях, оппозиционном курсу, проводимому министерством С.Ю. Витте [9; 3; 4], либо анализируют его проекты территориально-политического переустройства России [14]. Позиция мыслителя по национальному вопросу если и затрагивалась исследователями, то лишь в контексте решения иных, более общих задач [8, с. 143 – 144; 6, с. 99]. В связи с этим, рассмотрение воззрений Шарапова по проблеме взаимодействия национальных окраин и центра, занимавших немаловажное место в его идейном наследии, представляется весьма значимой исследовательской задачей.

Обращение Шарапова к проблеме управления национальными окраинами осуществлялось в рамках его главной политической идеи, отстаиваемой им на протяжении всей жизни, – установления в России государственно-земского строя, путем введения широкого самоуправления, встроеного в самодержавную политическую систему. По мнению мыслителя, данная концепция должна была стать альтернативой бюрократической системе управления и воплотить на практике исторический опыт допетровской Руси, отделив государственное управление от земских дел. Своей политический идеал Шарапов впервые в общих чертах обрисовал на страницах редактируемой им газеты "Русское дело" в 1888 г. [13], но в завершённом виде изложил в своем наиболее известном политическом сочинении "Самодержавие и самоуправление", впервые опубликованном в 1899 году в Берлине. Впоследствии работа неоднократно переиздавалась, рассылалась автором в губернские земства и дворянские собрания, пользуясь известностью в консервативных кругах русского общества. Ее основные идеи были отражены и в известных политико-фантастических сочинениях мыслителя "Диктатор" и "Через полвека", в которых он в утопической форме изображал практическую реализацию своих замыслов.

Опираясь на основные постулаты своей концепции, характеризовавшиеся им как "славянофильская программа государственного устройства", Шарапов подвергал критике либерально-конституционный путь развития страны, отстаиваемый оппозиционными силами накануне и во время революции 1905 – 1907 гг. В своем открытом письме к членам совещания земских деятелей в ноябре 1904 г. он указывал на то, что введение парламентского строя при ограничении самодержавной власти не только не ослабит, но, напротив, усилит бюрократический произвол, единственный способ обуздать который он видел в децентрализации государственного устройства [2].

Согласно предлагаемой Шараповым концепции, страна должна была разделяться на несколько крупных территориальных земских областей, обладающих широким самоуправлением, но подчиняющихся общеимперскому законодательству. Областное управление должно было обладать правом издавать местные законы, устанавливать налоги и сборы, избирать представителей в общеимперские совещательные органы; оно ведало вопросами охраны правопорядка, образования, социально-экономического развития области. При этом, по мнению мыслителя, губерния, как промежуточная и ненужная административная единица, должна быть ликвидирована, поскольку она "слишком мала и бедна для широкого самоуправления, с местным законодательством, местным судом и широким разветвленным местным хозяйством" [21, с. 39]. Многочисленные губернии должны быть "слиты" в "естественные" области, однородные по племенному составу жителей, по главному роду промышленных занятий, по характеру населения, по географическим условиям.

Предвидя обвинения со стороны правых сил, резко критически относившихся к любым формам децентрализации, в стремлении расчлнить Россию, установив в ней федеративное устройство, Шарапов указывал на то, что именно в предлагаемой им форме возможно осуществление принципа истинного Самодержавия во всей его полноте, свободного от бюрократической узурпации власти. Говоря о децентрализации, мыслитель опирался на сложившееся в российской юридической традиции понимание этого термина в смысле перераспределения власти между центральными и местными органами управления, которое было связано с идеей местного самоуправления, наличие которого никоим образом не подрывало единство государства. Понятие федерация находилось вне данного смыслового ряда, поскольку трактовалась не как следствие планируемой децентрализации, а как результат процесса объединения прежде независимых субъектов и промежуточный этап на пути их полного слияния [16, с. 118 – 119].

Согласно проекту Шарапова, предлагалось создать двенадцать "коренных русских" областей и шесть "иностранческих", которые должны были различаться и по своей форме, и по организации системы управления.

Примечательно, что в состав коренных русских областей, которые, по его выражению, "не допускают никаких сомнений относительно своего русского характера и вряд ли могут возбудить в ком-нибудь мысль о возможности нарушения государственного единства", Шарапов включал Юго-Западную область (Малороссию), Бессарабию, а также большую часть Северного Кавказа в составе Ставропольской и Черноморской губерний с казачьими землями Кубанской и Терской областей. Помимо этого, коренными русскими землями признавались все

сибирские губернии, а также киргиз-кайсацкие и северо-туркестанские степные районы [21, с. 40–41].

Таким образом, Шарапов фактически лишал целый ряд территорий их "окраинного статуса", относя их к коренным русским областям на основании преобладания в них "русского" населения, под которым он, очевидно, понимал тех, кто придерживавшееся православного вероисповедания. Национальный и географический факторы при этом в расчет не брались.

К инородческим областям, выделяемым "по преобладанию в них инородческого населения", относились Финляндия, Польша, Литовско-Белорусская, Прибалтийская, Средне-Азиатская и Закавказская области.

Шарапов неоднократно подчеркивал, что проведение единой политики по отношению к инородческим окраинам России, чрезвычайно разнообразным в этнографическом, социальном и культурном плане, принципиально невозможно, как невозможно и их единообразное управление, и устройство. Политика имперского центра по отношению к каждой из окраин, таким образом, должна была выстраиваться по особому сценарию.

Исходя из этого, Шарапов выступал против какой-либо русификации Финляндии и Польши, указывая, как на бесперспективность усилий в этом направлении, так и на прямую вред данной политики для русского населения, которое может подвергаться эксплуатации более развитых в культурном и экономическом отношении финнов или поляков [21, с. 46–47]. Он считал, что следует в большей степени заботиться об изоляции данных окраин от России, нежели создавать там "искусственных русских", что может превратить Финляндию во "вторую Польшу", а в самой Польше еще более усилить русофобские настроения среди местной элиты и интеллигенции. Пересмотр существующих особых политических прав Финляндии допускался им лишь в той степени, в которой он позволял равномерно распределить общегосударственные тяготы на оборону, избежать взаимной дискриминации подданных Империи на территории Княжества и финских жителей на территории остальной России, а также устранить "несправедливые экономические преимущества" Финляндии перед Империей и наоборот [21, с. 46–47]. Политический же строй Финляндии и ее автономное положение, по мнению Шарапова, должны были оставаться неприкосновенными, не взирая ни на какие устремления русских националистов, в первую очередь, исходя из необходимости обеспечения военной безопасности столицы, а также как "прообраз будущего Славянского союза", поскольку пример автономной Финляндии в составе империи в будущем может быть воспринят славянскими народами и другими сопредельными государствами, желающими благополучно развиваться под крылом Российской монархии [22].

В условиях стремительного нарастания германской угрозы и в целях стабилизации обстановки на западных окраинах империи, Шарапов считал жизненно важным нормализацию отношений с Польшей путем взаимных уступок и компромиссов. В качестве одной из мер достижения данной цели он предлагал восстановить таможенную черту между Польшей и Россией и передать Царству Польскому части Ковенской, Виленской и Гродненской губерний с преобладающим там польско-литовским населением, исповедующим католицизм. Продвижение польской этнографической границы вглубь империи, оправдывалось тем, что в данных районах польская ассимиляция была гораздо сильнее русской и литовцы добровольно тяготели к Польше, а также тем, что это позволило бы усилить русские культурные элементы в соседней Литовско-Белорусской области [21, с. 47].

Шарапов считал Польшу естественным барьером против германского культурного напора и возможной в ближайшей перспективе военной экспансии. В силу данных причин, ее искусственное ослабление или насильственно проводимая русификаторская политика была способна лишь оттолкнуть поляков от России, бросив ее "в объятия" Германии. В стремлении нивелировать польские земли с остальными частями империи Шарапов усматривал большой вред для последней, поскольку зараженные либерализмом и конституционализмом представители польской шляхты и интеллигенции, в большинстве своем русофобски настроенные, не находя выхода своим устремлениям на родине, "заполняют Русь" и способствуют усилению революционных настроений в стране [6, с. 99]. Этим и объяснялось стремление Шарапова восстановить органы польского самоуправления, основы которого должны быть выработаны созданным Областным Сеймом, вернуть польскому языку его место в управлении, образовании и суде, прекратить преследования католической церкви и всяческие попытки насильственной русификации поляков [21, с. 48].

Таким образом, Шарапов считал целесообразным проведение лишь "защитной русификации", направленной на противодействие ополячиванию русского населения. Усилия же по русификации народов, сформировавших свою национальную культуру, имеющих развитое национальное самосознание, язык и традиции, какими являлись финляндский и польский народы, он считал нецелесообразными и вредными.

Главную угрозу целостности России и естественному интеграционному движению славянских народов Шарапов видел в растущей агрессивности "германизма" в Европе, вооруженное столкновение с которым он считал неизбежным. Пангерманизм, который мог предъявить права на остзейские губернии, ставил под сомнение лояльность прибалтийских немцев, всегда подчеркивавших свою верность российскому престолу, но не государству.

Это обстоятельство превращало Прибалтику в так называемое "сложное пограничье", где сталкивались интересы ряда государств и народностей [10, с. 35]. Разрубить этот узел противоречий, по мнению Шарапова, было возможно путем уничтожения "архаичных привилегий" немецкого рыцарства и бюргерства в российской Прибалтике.

Для достижения этой цели Шарапов предлагал довольно решительные меры по "выкуриванию немецкого духа", состоящие в обязательном введении русского языка в делопроизводство, образование (за исключением начальных школ), и местное управление, участвовать в котором местное дворянство может только при условии знания русского языка и окончания русской школы [21, с. 51]. Главной опорой имперских властей в данном регионе не должен стать местный эстонский и латышский элемент, который предлагалось всесторонне поддерживать и развивать. Необходимо отметить, что Шарапов принадлежал к тем представителям русской консервативной мысли, которые считали необходимым подчинять интересы местных традиционных элит общегосударственным целям, в том числе и путем их ослабления, используя противоречия между местными этно-социальными группами. На западных и северо-западных окраинах империи, по мнению Шарапова, именно народные массы и представлявшие их демократические круги являлись наиболее надежной опорой центральной власти, в отличие от местной аристократии, отстаивавшей исключительно свои корпоративные интересы. Эстонско-латышского сепаратизма Шарапов совершенно не опасался, полагая, что в силу своей малочисленности и культурной бедности этим народам суждено либо "русеть, либо немециться" [21, с. 51].

В отношении Средней Азии и Кавказа Шарапов выступал фактически за колониальную модель управления, в которой русский элемент, как "культивирующий и управляющий" должен иметь "явное и полное преобладание". Это мотивировалось "малокультурностью" местных жителей, а также наличием острых противоречий между местными народностями. Если на Кавказе в местном областном самоуправлении русский элемент должен составлять, по мнению Шарапова, не менее одной трети, то в Средней Азии его часть увеличивалась до двух третей, а само земское собрание, управляющее областью, должно иметь лишь совещательный характер при военном губернаторе. Во избежание межэтнических споров и конфликтов в администрации, самоуправлении, суде и школе должен господствовать русский язык, что предотвратит возможность усиления одной народности за счет другой [21, с. 51–52].

Таким образом, предлагаемая Шараповым программа в отношении национальных окраин сочетала в себе различные модели этноконфессиональной политики при

сохранении ее внутренней цельности. Траектория взаимодействия центра и окраин зависела от уровня их социального, политического и культурного развития, а также от комплекса внутренних и внешнеполитических факторов.

Характерной чертой, выдающей в Шарапове консервативного мыслителя-идеалиста, было стремление привнести в политические отношения между центром и национальными окраинами принцип нравственности, чести и совести. В наибольшей степени эта черта его воззрений по данному вопросу проявилась в "Открытом письме гг. депутатам Финляндского Сейма". Оно было написано в связи с предложенным П.А. Столыпинным законопроектом о порядке издания законов общеимперского значения, затрагивающих Финляндию, согласно которому из сферы Финляндского сейма изымались вопросы суда, налогообложения и обороны, а общеимперские законы распространялись на княжество.

Выступая против данного законопроекта и поддерживая финляндцев в их "законных правах", Шарапов, в то же время, указывает на то, что в ужесточении имперской политики в отношении их страны, в усилении националистической антифинляндской агитации есть немалая доля вины самого финляндского общества, ее государственных и общественных деятелей. Мыслитель подчеркивал, что в русско-финском конфликте в юридическом смысле финляндцы, безусловно, правы, но "правда юридическая не всегда совпадает с правдой нравственной" [20, с. 436]. Финляндия создана и приобщена к России самодержавной волей, использовавшей не только оружие, но и любовь, свидетельством которой стали конституционные обязательства, возложенные на династию и свято соблюдавшиеся монархами. Но в ответ на это нравственное движение, финны, по мнению Шарапова, "замкнулись на своей конституционной теории, отмежевались самым тщательным образом от остальной империи, воспитывали в себе отчуждение и презрение к великому народу, с которым Вас соединила судьба" [20, с. 437]. Именно это "несправедливое" отношение и стало почвой для антифинляндской политики, нашедшее свое воплощение в ряде правительственных мероприятий, нарушавших конституцию княжества.

Чтобы избежать введения в жизнь "глубоко несправедливого и позорного" закона, который не только еще более ограничит права Финляндии и, тем самым, отдалит ее от России, но и ляжет позорным пятном на честь и достоинство последней, он предлагает депутатам Сейма "подняться выше политического раздражения", дать понять русскому народу, что ограничительные меры не только не правомочны, но даже "грешны", ибо в них нет никакой необходимости. Шарапов призывал не просто к смирению, но к "нежному братскому попечению и сочувствию" со стороны финляндцев к русскому народу, уни-

женному антинациональным бюрократическим режимом [20, с. 441]. Фактически, Шарапов обращается к финнам, как к более развитому, культурному народу, способному стать на нравственную высоту и тем самым, спасая себя, спасти честь и достоинство русского народа-богослова от нового "бесчеловечного" националистического акта, таящего в себе "непоправимые несчастья".

Таким образом, по мнению Шарапова, формально-юридическая сторона взаимодействий имперского центра и окраин должна подкрепляться нравственными, теплыми, братскими связями, строиться не на одной букве закона, но на взаимной любви, христианском взаимопрощении, движении народов друг к другу.

Стремление построить отношения между центром и окраинами не только и не столько по "сценарию подчинения", легитимизма и права, сколько по "сценарию любви" характерно не только для Шарапова. О необходимости "стоять на почве полнейшей нравственной законности" в отношении национальных окраин неоднократно писал один из крупнейших представителей славянофильской мысли И.С. Аксаков, которого Шарапов почитал как учителя и идейного вдохновителя. Аксаков считал, что только "мирное, братское обсуждение междуплеменных, взаимных прав и отношений; ясное сознание, добытое таким путем, просвещенное беспристрастным уважением к истине и согретое взаимной любовью и снисходительностью" может стать залогом мирных и гармонических отношений между окраинами и имперским центром [1, с. 10].

Подобный идеалистический подход прослеживается не только в славянофильской среде. Взгляды представителей данного направления в этом отношении совпадают в своем основополагающем принципе с воззрениями крупного русского либерально-консервативного мыслителя и общественного деятеля Б.Н. Чичерина, который также считал, что истинный патриотизм заключается, не в силе и порабощении, а в нравственной правде, которая одна способна "поднять Отечество на высшую ступень умственного и нравственного развития". Рассматривая крайне болезненный для всех его участников польский вопрос, Чичерин призывал руководствоваться при его решении "нравственным чувством", "братской любовью", что, по его мнению, будет гораздо более эффективно способствовать сближению и мирному взаимодействию народов, нежели наложение однообразного ярма, выдаваемого за выражение народного духа. Разница между мыслителями состояла лишь в том, что один обращался с призывом к имперским властям и русскому обществу, а другой – к населению окраины [17].

Безусловно, нельзя не согласиться с тем мнением, что воззрениям Шарапова по многим вопросам, поднимаемым в его публицистике, в том числе по проблеме национальных окраин, свойственен прием редукции, т.е. ради-

кального упрощения картины мира, возвращающего выстраиваемые им модели социально-политических отношений к архаике и патриархальности [15, с. 65]. В то же время, неверным было бы утверждать, что его позиция по вопросу взаимодействия имперского центра и окраин являлась беспочвенной и наивной утопией. Славянофильские иллюзии относительно всеобщего славянского единения под эгидой Российского самодержавия не должны заслонять собой того факта, что идеи и предложения мыслителя в целом оставались в рамках обсуждаемых в российской общественной мысли способов решения национального вопроса, представляя собой умеренную, гибкую и ситуативную модель имперско-окраинной политики, искусно вплетенную в общую концепцию самоуправления и децентрализации Российского государства.

Шарапов искренне считал, что русскому народу, "под могучими крылами Русского Орла приютившему стольких обиженных и угнетенных", для которого "всякий чужой народ – брат во Христе, если он во Христа верует, и добрый сосед или соотечественник, если он во Христа не верует и русскому народу зла не делает", абсолютно чужд "хищный западный национализм" [19, с. 24]. Предлагаемая им программа взаимодействия центра и окраин, основанная на идеях христианского братства и добрососедства, сочетавшая имперские унитаристские ценности с правами окраинных народов на самобытность и участие в местном самоуправлении, представляла собой яркий и оригинальный пример настойчивых поисков новых путей сохранения целостности многонациональной Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Польский вопрос и западно – русское дело. Еврейский вопрос. 1860 – 1886. М: Тип. М.Г. Волчанинова. 1886. 844 с.
2. ГАРФ, Ф. 1729, Оп. 1, Д. 142, л. 9–10
3. Дубянский А.Н. Программа реформирования денежного обращения в России С.Ф. Шарапова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 4. 2004. С. 74 – 82
4. Колягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX века: Дис. ...канд. ист. наук. М.: 1995.
5. Корелин А.П. "Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов...": о причинах заката Российской империи // Вестник РУДН. Сер. История России. 2011. № 2. С. 23–34.
6. Кудряшов В.Н. Консервативно-утопическая интерпретация русификаторской политики в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. № 296. С. 96 – 101
7. Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX вв.). СПб.: "Нестор-история". 2003. 80 с.
8. Лукьянов М.Н. "Россия для русских подданных!": консервативная оппозиция русскому шовинизму накануне Первой мировой войны. // Вестник Пермского университета. История. 2001. Вып.1, С. 142 – 151
9. Лукьянов М.Н. Консерватор и реформа: С.Ф. Шарапов о столыпинской России // Исследования по консерватизму. Вып. 5: Политика и культура в контексте истории. Пермь: 1998, С. 105 – 122
10. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 248 с.
11. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 640 с.
12. Репников А.В. Последний романтик славянофильства. // Воинство Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб.: Царское дело. 2006. 808 с.
13. Русское дело. 1888. № 49
14. Суслов М.Д. Политическая программа С.Ф. Шарапова. // Вестник Пермского университета. История. 2003. Вып. 4. С. 100 – 111
15. Суслов М.Д. Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова. // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4(9). С. 56–65
16. Хрипаченко Т.И. Понятия федерация, децентрализация и автономия в социалистическом и либеральном дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX века). // "Понятия о России". К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: НЛО, 2012. 496 с. С. 99 – 142
17. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытое письмо Н.К. Ренненкампа. // ОР РГБ. Ф. 126, оп. 1, к. 20, д. 7, л. 3–4
18. Шарапов С.Ф. Избранное. / Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
19. Шарапов С.Ф. Русские исторические начала и их современное приложение. М.: "Свидетель". 1908. 30 с.
20. Шарапов С.Ф. Открытое письмо гг. депутатам Финляндского Сейма // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
21. Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
22. Шарапов С.Ф. Что делать с Финляндией? // Свидетель. 1910. № 34.
23. Krot M. N., Dmitrieva N. V. Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century. // Bylye Gody. 2018 № 47 (1). Pp. 360 – 369.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ В РККА в 1920-30-е годы

Македонский Андрей Викторович
К.и.н., доцент,
Государственный университет
по землеустройству

FEATURES OF THE WORK ON THE ELIMINATION OF ILLITERACY IN THE RED ARMY IN 1920-30-ies

A. Makedonsky

Annotation

The article is devoted to the study of the peculiarities of the activity on the elimination of illiteracy and functional illiteracy, as well as the teaching of the Russian language to the soldiers of non-Russian nationality in the Workers 'and Peasants' Red Army in the 1920s–1930s. It is emphasized that without this task it was impossible to effectively solve such problems as the political and cultural development of Red Army soldiers and junior commanders, and the study of military affairs. The following features of this work were revealed during the interwar period: 1) elimination of illiteracy and functional illiteracy in territorial units; 2) elimination of illiteracy and functional illiteracy among servicemen of non-Russian nationality; and teaching them in the Russian language in personnel units and national formations. It is noted that in the late 1930s, in connection with the transition of the Armed Forces to a single personnel recruitment system, the problem of reinforcement in parts of general education work arose. In this regard, the specificity of this work was to eliminate illiteracy and functional illiteracy among servicemen, as well as in training non-Russian soldiers of the Russian language.

Keywords: The Workers 'and Peasants' Red Army, illiteracy, functional illiteracy, territorial units, national military formations, general education, personnel units.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей деятельности по ликвидации неграмотности и малограмотности, а также обучению русскому языку воинов нерусской национальности в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1920–30-е годы. Подчёркнуто, что без выполнения этой задачи нельзя было эффективно решать такие проблемы, как политическое и культурное развитие красноармейцев и младших командиров, изучение военного дела. Выявлены следующие особенности данной работы в межвоенный период: 1) ликвидация неграмотности и малограмотности в территориальных частях, 2) ликвидация неграмотности и малограмотности среди военнослужащих нерусской национальности и обучение их русскому языку в кадровых частях и национальных формированиях. Отмечено, что в конце 1930-х годов в связи с переходом Вооружённых сил на единую кадровую систему комплектования возникла проблема усиления в частях общеобразовательной работы. В связи с этим специфика этой работы состояла в ликвидации неграмотности и малограмотности среди военнослужащих, а также в обучении воинов нерусской национальности русскому языку.

Ключевые слова:

Рабоче-Крестьянская Красная Армия, неграмотность, малограмотность, территориальные части, национальные воинские формирования, общеобразовательная подготовка, кадровые части.

Ликвидация неграмотности и малограмотности среди военнослужащих была одной из главных задач культурно-просветительной работы в 1920–30-е годы. Без её выполнения нельзя было эффективно решать такие проблемы, как политическое и культурное развитие личного состава, изучение военного дела. До середины 1920-х количество неграмотных среди призывников доходило до 20%, малограмотных – до 60% [2, с. 252]. Активная деятельность политорганов, начальствующего состава, партийных и комсомольских организаций по повышению общеобразовательной подготовки военнослужащих давала ощутимые результаты. Об этом свидетельствуют такие данные: в 1920 году было обучено грамоте более 107 тыс. человек, а к десятилетию

Красной Армии – 515 тыс. [7, с. 102]. А уже к концу 1930-х годов Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) стала армией почти сплошной грамотности. Это было крупнейшим завоеванием Советского государства. К тому же среди призывников с каждым годом увеличивалось число тех, кто получал образование в гражданской общеобразовательной школе. Возросший образовательный уровень военнослужащих способствовал повышению эффективности боевой и политической подготовки, более успешному овладению личным составом армии сложной боевой техникой.

В наши дни эта сфера деятельности остаётся актуальной, т.к. немалое количество призывной молодёжи

оказывается фактически неграмотной. Поэтому, на наш взгляд, опыт 1920–30-х годов по ликвидации неграмотности и малограмотности может быть с успехом применён в современных условиях.

В работе по ликвидации неграмотности в РККА в 1920–30-е годы следует выделить ряд особенностей, которые определялись общими задачами военного строительства, стоящими перед государством.

Во-первых, приходилось учитывать специфику работы в территориальных воинских формированиях, создание которых было законодательно закреплено декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года "Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся"[8, л. 770 об – 772]. В территориальных частях проходила военную подготовку большая часть резерва Красной Армии. К концу 1928 года территориальные части по отношению к кадровым составляли: в стрелковых войсках – 71%, в кавалерии – 12%[10, с. 152]. Так как в них служила преимущественно крестьянская молодёжь, количество неграмотных в них было значительным. По данным 11 военных округов среди призывников 1903–1904 гг. рождения было 40% неграмотных[4, с. 326–327]. Поэтому в постановлении ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1924 года "О ликвидации неграмотности среди призывников и красноармейцев переменного состава терчастей" говорилось, в частности, о привлечении к обязательным школьным занятиям красноармейцев переменного состава территориальных частей в сроки, устанавливаемые Революционным военным советом СССР по соглашению с наркоматами просвещения народных республик[3, с. 26].

В территориальных частях занятия с неграмотными организовывались в период сборов в школах и кружках ликбеза. Пути и средства решения этой задачи были определены совместным постановлением Народного комиссариата просвещения и Реввоенсовета СССР, принятым в сентябре 1927 года "О работе по ликвидации неграмотности среди допризывников и переменного состава". Постановление устанавливало следующий порядок обучения грамоте переменного состава: а) организация работы на сборах новобранцев (ответственность за обучение возлагалась на командование и политорганы территориальных войск); б) организация учёбы между сборами переменного состава (ответственность за обучение возлагалась на органы народного просвещения при содействии войсковых частей)[3, с. 43].

На наш взгляд, данный порядок позволял, объединив усилия заинтересованных ведомств, улучшать обучение красноармейцев переменного состава. К примеру, за время учебных сборов и путём обучения грамоте в межсборовый период в территориальных частях Московско-

го военного округа в 1927 году удалось ликвидировать неграмотность переменников на 80–90%[4, с. 327]. В дальнейшем, так же, как и в кадровых частях, в территориальных формированиях на первый план вышла задача ликвидации малограмотности.

Во-вторых, в работе по ликвидации неграмотности и малограмотности в Красной Армии приходилось также принимать во внимание многонациональный состав красноармейцев. В кадровых частях находились большие группы военнослужащих многих национальностей. Большинство прибывших в армию из национальных республик были неграмотными или малограмотными, не знали или плохо знали русский язык. С учётом этого обстоятельства политорганы организовывали эффективную работу с этой категорией красноармейцев по ликвидации неграмотности и малограмотности, изучению русского языка.

В-третьих, в рамках военной реформы начали создаваться национальные воинские формирования. Строительство национальных частей и соединений осуществлялось на основе общих принципов советского военного строительства. При этом учитывались такие обстоятельства, как национальный состав военнослужащих и уровень их культурного развития, состояние межнациональных отношений в каждой республике, влияние церкви и зажиточных слоёв населения на призывную молодёжь, уровень советизации, быт и т.д.

В 1925–1926 гг. были сформированы национальные дивизии на Украине, в Белоруссии, Грузии, Узбекистане, Казахстане, Туркмении; стрелковые и кавалерийские полки в Бурят-Монголии, Башкирии, Татарии, Якутии и в других регионах. К весне 1925 года в национальных воинских формированиях служило 65 тыс. человек, что составляло десятую часть общей численности Красной Армии[1, с. 4]. В дальнейшем общее количество воинов нерусской национальности в национальных частях Красной Армии на всем протяжении их существования оставалось примерно таким же.

На этапе создания национальных воинских формирований в их составе было очень много неграмотных. Например, в Азербайджанской дивизии на момент её создания неграмотные составляли до 95% красноармейского состава[6, с. 107]. На всём протяжении существования национальных формирований, особенно в 1920-е годы, в работе по ликвидации неграмотности ощущались большие трудности. Главная из них – многонациональный состав частей и соединений. Так, в Горском национальном полку служили представители 64 наций и народностей. Обучение велось на 14 языках. В татаро-башкирских частях, например, все основные мероприятия (собрания, беседы, занятия) проводились на 3-х основных языках –

татарском, башкирском, русском. В Карельской егерской бригаде служили представители 6 национальностей, которые обучались русскому и финском языкам[5, с. 91].

В основном красноармейцы национальных воинских частей ликвидировали неграмотность в системе политической подготовки. Группы политзанятий формировались по национальному признаку. При этом неграмотные выделялись в отдельные группы и с ними ежедневно проводили 3 часа занятий по общеобразовательной подготовке. В начале 1920-х годов "школьная работа" в Красной Армии была частью политической подготовки. Но если в кадровых частях РККА с 1928 года общеобразовательная подготовка была выделена в самостоятельный вид воспитательной работы, то в национальных частях она оставалась частью политической подготовки, что не способствовало повышению образовательного уровня военнослужащих. Что касается обучения русскому языку, то оно предусматривалось программами общеобразовательной подготовки личного состава.

Существенную помощь национальным воинским частям оказывали местные власти. Например, советские органы Грузии и командование Краснознаменной Кавказской Армии совместно занимались вопросами повышения общеобразовательного уровня красноармейцев. Во время сборов в Грузинской дивизии работало 6 клубов, 27 ленинских комнат, было создано 34 инициативные группы, в которых тысячи человек обучались грамоте. В частях дивизии работало 8 стационарных и 33 передвижных библиотеки с книжным фондом 29.419 экземпляров и числом постоянных читателей 989 человек[4, с. 330].

Для воинов многих национальностей на их родном языке были изданы уставы, наставления, учебные пособия. Однако, создание учебной базы затруднялось слабым развитием письменности у многих народов. Там, где письменность была развитой, издавались пособия и газеты на национальных языках. Так, в армянской дивизии газета на национальном языке издавалась тиражом 8 тыс. экземпляров. Практически газета вручалась каждому красноармейцу[4, с. 330].

В конце 1930-х годов в связи с завершением перехода к единой кадровой системе строительства Красной Армии, в условиях многократного увеличения её численности вновь встала проблема усиления в частях общеобразовательной работы.

Во-первых, в войска стали приходить как малограмотные, так и совсем неграмотные призывники, особенно из сельской местности. Например, в одном из докладов говорилось, что "прибывшее пополнение, более 100 человек из Воскресенского района Горьковской области

является безграмотным, с низким культурным уровнем. Василий Морозов из деревни Шишкино за свою жизнь (до армии) не видел кино, в руках не держал ни газеты, ни журнала"[4, с. 341].

Во-вторых, постановлением ЦК ВКП(б) от 7 марта 1938 года "О национальных частях и формированиях РККА" все эти соединения, военные училища и школы переформировывались в общесоюзные с экстерриториальным принципом комплектования. Возникла также необходимость обучения русскому языку красноармейцев, призванных в кадровые части из национальных регионов, в том числе западных областей Украины и Белоруссии, новых земель, присоединённых к Молдавии, Прибалтийских республик. Многие из них не владели русским языком, имели низкую общеобразовательную подготовку или были неграмотными. Если в 1938 году среди призывников, не владеющих русским языком, насчитывалось 31785 человек, то к концу 1939 года их число увеличилось до 150 тыс. человек[4, с. 341].

В директиве Политического управления РККА "Об общеобразовательной подготовке и изучении русского языка в частях РККА" №5 от 3 января 1939 года отмечалось, что всю работу по ликвидации неграмотности и малограмотности впредь проводить лишь в вечернее время, в часы политико-массовой работы. В документе определялось, что с неграмотными красноармейцами занятия необходимо проводить ежедневно по 2 часа и ликвидировать их неграмотность к 1 мая 1939 года, после чего влить в группы малограмотных. С малограмотными красноармейцами 1 и 2 года службы и младшими командирами срочной службы, не имеющими образования за начальную школу – два раза в шестидневку вечером по 2 часа в течение учебного года с тем, чтобы перед увольнением из армии они имели знания за начальную школу. Что касается красноармейцев 1-го года службы нерусской национальности, совсем не знающих русского языка, то с ними намечалось проводить ежедневные занятия в период с января по март 1939 года в учебное время по 2 часа в день, а с 1 апреля – продолжать с этими бойцами занятия, как и с малограмотными, т.е. в вечернее время два раза в шестидневку[9, л. 45–45 об.].

В войсках работали тысячи педагогов гражданских школ. Десятки тысяч командиров и красноармейцев, имеющих высшее и среднее образование, проводили занятия с неграмотными и малограмотными красноармейцами, обучали русскому языку бойцов нерусской национальности.

Таким образом, работа по ликвидации неграмотности и малограмотности, а также изучению русского языка, не владеющими им бойцами нерусской национальности в 1920–30-е годы имела свои особенности: ликвидация

неграмотности и малограмотности в территориальных частях Красной Армии, ликвидация неграмотности и малограмотности среди военнослужащих нерусской национальности и обучение их русскому языку в кадровых и национальных частях РККА. В конце 1930-х годов можно выделить следующие две особенности: ликвидация неграмотности и малограмотности среди бойцов и младших

командиров, а также обучение русскому языку молодёжи из национальных регионов. Опыт 1920–30-х годов представляет определённый интерес при работе с неграмотными и малограмотными военнослужащими Российской армии. К примеру, было бы целесообразно организовывать для них занятия в комнатах информирования и досуга, клубах воинских частей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 2–6
2. История второй мировой войны, 1939–1945. Т.2. –М.: Воениздат, 1973. – 474с.
3. Калашников.Г. Ликвидация неграмотности среди допризывников: Сборник материалов. –М.–Л.: "Долой неграмотность", 1927 – 44с
4. Климович А.Т. Роль Красной Армии в трудовой, общественно-политической и культурной жизни страны, 1921 –1941 гг. Дис. докт. ист. наук. –М. 1995. – 443с
5. Клочкив А.Ф. Красная Армия –школа коммунистического воспитания советских воинов, 1918–1941 –М.: Наука, 1984. – 229с
6. Краснознамённый Закавказский: Очерки истории Краснознамённого Закавказского военного округа. М.: Воениздат,. 1969. – 448с
7. Лисенков М.М. Культурная революция в СССР и армия. –М.: Воениздат, 1977 – 220с
8. Российский государственный военный архив (РГВА), ф.4, оп.3, д.82.
9. РГВА, ф.9, оп.40, д.54.
10. Советские вооружённые силы: История строительства. –М.: Воениздат, 1978 – 515с

© А.В. Македонский, (mav210659@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЯПОНСКИЕ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

JAPANESE MILITARY BURIALS OF THE SECOND WORLD WAR ON THE TERRITORY OF KHABAROVSK REGION

I. Potapova

Annotation

After the Second world war on Soviet territory as prisoners of war were thousands of Japanese soldiers of the Kwantung army, which was sent to the rear of the camp of the NKVD. Khabarovsk Krai became one of the regions that accepted and placed former soldiers of the Japanese army. Not all Japanese waited back home during the repatriation 1945 – 1956. Many died on foreign land to them. The article notes the history of Japanese burials on the territory of Khabarovsk Krai after the Second world war, considers the problem of the implementation of the agreement between the government of the USSR and the government of Japan on persons in camps for prisoners of war. Focuses on the work on the survey of burial sites of Japanese citizens who fought against the Soviet Union in 1939–1945, exhumation of their remains and export to Japan. The article uses the materials of interviews and the personal archive Potapova G. N., engaged from the first day of signing of the above-mentioned Agreement on its implementation in the Khabarovsk territory. The study of the issue of Japanese military graves is important for understanding modern relations and strengthening friendly ties between the peoples of neighboring countries.

Keywords: Japanese war prisoners, world war II, Khabarovsk Region, a survey of military graves and the exhumation of the remains.

Потапова Ирина Владимировна
К.и.н., доцент,
независимый исследователь,
г. Хабаровск

Аннотация

После окончания Второй мировой войны на территории СССР в качестве военнопленных оказались тысячи японцев, военнослужащих Квантунской армии, которые были направлены в тыловые лагеря НКВД. Одним из регионов, принявших и разместивших бывших солдат японской армии, стал Хабаровский край. Не все японцы дождались возвращения домой во время репатриации 1945 – 1956 гг. Многие скончались на чужой им земле. В статье отмечается история появления японских захоронений на территории Хабаровского края после Второй мировой войны, рассматривается проблема реализации Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных. Основное внимание уделяется работе по обследованию мест захоронений японских граждан, воевавших против Советского Союза в 1939–1945 гг., эксгумации их останков и вывозу в Японию. В статье используются материалы интервью и личного архива Потаповой Г.Н., занимающейся с первого дня подписания вышеназванного Соглашения его реализацией на территории Хабаровского края. Изучение вопроса японских воинских захоронений важно для понимания современных отношений и укрепления дружественных связей между народами соседних государств.

Ключевые слова:

Японские военнопленные, Вторая мировая война, Хабаровский край, обследование воинских захоронений и эксгумация останков.

Вопросы поиска, восстановления, сохранения захоронений военнопленных времен Второй мировой войны и ухода за ними, перезахоронения останков умерших вдали от Родины и сегодня актуальны; они тесным образом связаны с изучением малоизвестных страниц истории, исторической памятью человечества и являются шагами к нормализации межнациональных отношений.

Уже более 20 лет, начиная с 1996 г., Правительство Японии ведет работы по обследованию погребений и эксгумации японских граждан на территории Хабаровского края.

После капитуляции Японии во Второй мировой войне, согласно Справке о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в

1945 г., которая была направлена 18 октября 1956 г., перед подписанием Советско-японской совместной декларации о восстановлении дипломатических и консульских отношений по запросу советского внешнеполитического ведомства, в адрес Н.С. Хрущёва, Н.А. Булганина и А.И. Микояна, 639 776 военнослужащих Квантунской армии были взяты в плен Красной армией в Корею, Маньчжурии, Южном Сахалине и высланы в лагерь [1. Л. 9–12].

Японские военнопленные были размещены в 30 регионах Советского Союза: на территории Приморского, Хабаровского, Красноярского и Алтайского краев, Амурской и Читинской областей, Бурятской АССР, часть – в Казахской и Узбекской ССР, небольшое количество – в Грузии, Туркмении, на Украине и других областях европейской части России. В СССР японские военнопленные работали на лесозаготовках, строительстве автодорог,

школ, жилых и промышленных зданий. По информации Докладной записки начальника управления НКВД по Хабаровскому краю И. Долгих от 10 августа 1946 г., в Хабаровском крае на август 1946 г. находилось в спецгоспиталях и лагерях 161 294 человека [2. Л. 1].

В 1945 г. в Хабаровском крае началась репатриация, тогда были отправлены на родину больные и ослабленные японцы. Последние японские военнопленные покинули Советский Союз в 1956 г. В Справке о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 г., говорилось, что за период с 1945 по 1956 гг. были освобождены из плена и репатрированы на родину 546 752 японца, умерло в плену – 61 855 человек.

Японское правительство считает, что останки всех военных, погибших и умерших в других странах, должны покоиться на Родине. Поэтому поиск захоронений ведётся во многих странах, в том числе и в России.

18 апреля 1991 г. Правительство СССР и Правительство Японии подписали Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных. Согласно Соглашению наше государство обязалось передать другой стороне списки умерших в СССР японцев и сведения о местах захоронений, прилагать усилия к поддержанию в надлежащем порядке этих мест и оказывать необходимое содействие осуществлению их посещений[6]. В свою очередь Япония обязалась содействовать передаче останков умерших русских во всех случаях, когда это представляется возможным, и прилагать усилия к содержанию в надлежащем порядке российских захоронений на территории своей страны. Согласно Соглашению (ст. 1, п. 3) расходы по эксгумации и передаче останков умерших японцев несет Правительство Японии. В этом же году Президент СССР Горбачев М.С. передал Японской стороне списки умерших в лагерях на территории СССР японских военнопленных, в том числе Хабаровского края.

Для обеспечения практической реализации заключенных соглашений в ноябре 1991 г. Министерство обороны СССР в Москве создало специальную структуру – ассоциацию международного военно-мемориального сотрудничества "Военные мемориалы". В 1995 г. Правительство Российской Федерации уполномочило Ассоциацию международного военно-мемориального сотрудничества "Военные мемориалы" "на выполнение задач, вытекающих для Российской Стороны из заключенных межправительственных соглашений о воинских захоронениях..." [5]. Ее задачами стали выявление в архивах сведений о судьбах иностранных военнопленных и мест захоронений, обследование могил, осуществление контроля за состоянием могил военнопленных и др.

С начала 1990-х гг. активные работы по выявлению архивных документов, установлению мест захоронений японских граждан, обеспечению их сохранности и последующего благоустройства стали проводиться и на территории Хабаровского края. Еще до создания в Москве ассоциации "Военные мемориалы" было принято Распоряжение Администрации Хабаровского края от 26 апреля 1993 г. № 268, по которому помощь в организации и проведении работ по обследованию мест захоронений японских граждан была возложена на Хабаровское краевое отделение Российского фонда мира (с 1 октября 1996 г. Хабаровский краевой общественный благотворительный фонд мира). С этого времени непосредственной организацией визитов японских делегаций, а также сопровождением их в поездках по краю занимается Потапова Г.Н., почетный председатель Хабаровского краевого общественного благотворительного фонда мира.

От японской стороны проблемой захоронений военнопленных, погибших в годы Второй мировой войны, занимается Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии. С 2017 г. создана специальная ассоциация по ускоренному осуществлению эксгумации и возвращению на родину останков павших, которая теперь занимается непосредственной координацией международных гуманитарных усилий.

Практическому решению данной проблемы способствовали и сохранившиеся в отечественных архивах документальные материалы. Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив, а ныне РГВА) и ГАХК (Государственный архив Хабаровского края) являются главными хранителями информации по проблеме нахождения в СССР японских военнопленных Второй мировой войны.

Впервые делегация в составе бывших японских солдат, переживших годы плена на Дальнем Востоке, родственников погибших посетила Хабаровск 21 сентября 1992 г. 120 человек из разных городов Японии приехали отдать свой долг и помолиться у могил людей, умерших после войны.

На территории края находится 86 захоронений японских граждан. Они, как правило, располагаются на месте бывших лагерей и спецгоспиталей. Всего в Хабаровском крае насчитывалось 5 лагерей и 10 спецгоспиталей, в которых находились японские военнопленные [3. С. 27–28]. Лагеря располагались в районах трассы Комсомольск – Советская Гавань, на станциях Тырма, Като, Монгохто, Эворон, Хурмули, п. Солнечный, Ванино, в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске и других районах.

Японские исследователи, беря за основу архивные данные, проверяют достоверность имеющейся инфор-

мации, определяют места и размеры захоронений. Представители Министерства здравоохранения Японии сначала обследуют лагерные погосты бывших лагерей, лагерьпунктов, через которые прошли японцы; после уточнения деталей и сличения их с архивными данными проводят раскопки бывших кладбищ для дальнейшей эксгумации останков. Для проведения необходимых работ на месте захоронения сначала разбивается временный лагерь, где устанавливаются палатки, контейнеры, столы, туалет. Для работ нанимаются местные жители. Как правило, нанятые рабочие копают, а когда доходят до останков (в большинстве случаев обнаруженные останки без гробов), первыми с ними начинают работать судмедэксперты Министерства здравоохранения Хабаровского края. И только после установления ими расовой принадлежности, продолжают работу члены японской делегации. С помощью различных кисточек останки очищаются и готовятся к кремации (сжиганию). Для этого строят специальные деревянные помосты с жестяным покрытием. Обнаруженные кости складываются в специальные холщовые мешочки, маркируемые японцами. По окончании эксгумационных работ и идентификации останков проводится их кремация, которая завершается церемонией поминовения. По японской традиции вывешивается государственный флаг, устанавливаются венки с белыми хризантемами, совершается молитва.

Перед отправлением праха на родину оформляются документы на вывоз, останки укладываются в коробки, которые предоставляются к обязательному досмотру в аэропорту. В Японии прах соотечественников, эксгуми-

рованных на территории других стран, привозится в Токио, где церемониально проходит панихида в специально возведенном для этих целей храме.

В период с 1996 г. по настоящее время в крае обследованы все известные захоронения, извлечены останки из 28 захоронений; прах около 3 000 человек вывезен в Японию. Только за последние годы на территории Хабаровского края удалось эксгумировать, идентифицировать, кремировать и отправить на родину останки 404 человек: в 2012 г. – 41 останков, 2013 г. – 36, 2014 г. – 76, 2015 г. – 39, 2016 – 146, 2017 г. – 66 останков военнослужащих японской армии [4].

Необходимо отметить, что большая часть захоронений не может быть подвергнута эксгумированию, так как по 23 захоронениям нет достаточных архивных данных; к 17 захоронениям затруднен физический доступ вследствие их расположения в глухой болотистой тайге и водной эрозии или по причине построения на месте погребений новых сооружений. На месте 12 кладбищ бывших зон похоронены не только японцы, но и русские, что тоже затрудняет идентификацию останков [4].

Однако работа по обследованию мест захоронений японских военнопленных, эксгумации их останков и вывозу в Японию продолжается. И проблема иностранных воинских захоронений периода Второй мировой войны на территории России получает перспективы дальнейшего глубокого и детального изучения в качестве научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 482.
2. ГАХК. Ф. П-35. Оп.3. Д.236.
3. Кузьмина М.А. Плен (Японские военнопленные в Хабаровском крае) – Комсомольск – на Амуре, 1996. – 155 с.
4. Личный архив Потаповой Г.Н.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1995 г. № 1026 об организации, уполномоченной Правительством Российской Федерации на реализацию межправительственных соглашений о воинских захоронениях. <http://base.garant.ru/1518703/> (дата обращения: 17.01.2018).
6. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных. Заключено в г. Токио 18.04.1991. <http://docs.cntd.ru/document/901731107> (дата обращения: 17.01.2018).

© И.В. Потапова, (ipotapova@yahoo.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО

ГУБЕРНСКИЙ КОМИССАР КАК ВЫСШЕЕ ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО В УПРАВЛЕНИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ ПЕРИОДА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

THE PROVINCIAL COMMISSAR AS
THE TOP EXECUTIVE IN RULING
THE NIZHNI NOVGOROD PROVINCE DURING
THE PROVISIONAL GOVERNMENT PERIOD

I. Subbotina

Annotation

This article views the issue of provincial commissars as a representative of the Provisional Government local authorities. The article analyzes the provincial commissioner's legal status in the government system in the Nizhny Novgorod province as an example. His rights and duties are distinguished and described. The author gives a general description of the provincial commissar position's legal status.

Keywords: Provisional Government, the province of Nizhny Novgorod, Provincial Commissioner, executive, legal status.

Субботина Ирина Александровна

*К.и.н., Арзамасский
политехнический институт (филиал)
Нижегородского государственного
технического университета*

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос местных органов власти Временного правительства в лице губернских комиссаров. В статье анализируется правовое положение губернского комиссара в системе управления на примере Нижегородской губернии. Выделяются и описываются его права и обязанности. Автор дает обобщенную характеристику правового статуса должности губернского комиссара.

Ключевые слова:

Временное правительство, Нижегородская губерния, Губернский комиссар, должностное лицо, правовой статус.

Победа Февральской революции означала не только кардинальный поворот в государственной власти и отказ от царизма. Период, наступивший с марта 1917 года, повлек перемены и в организации управления регионами. В последнее время тема власти Временного правительства в России все чаще становится предметом исследования ученых-историков [1, 6, 8, 10, 15], что подчеркивает ее актуализацию. Это связано с тем фактом, что практически до начала 90-х годов XX века этот вопрос находился в тени тематики, поддерживающей интерес к Советам как органам управления на местах, когда "многие историки просто забывали о главном носителе местной власти того времени – комиссарах Временного правительства... Тенденция к замалчиванию института комиссаров просматривается и в сборниках документов, посвященных революции 1917 года" [3, с.7].

Начало деятельности Временного правительства в России датируется вторым марта 1917 года. Официальным представителем его в регионах и высшим должностным лицом Нижегородской губернии, в частности, стал губернский комиссар (далее по тексту Гуком). Несмотря на сложность и напряженность обстановки, перемены были приняты позитивно. Практически с первых чисел марта в канцелярию Гукома на имя "губернатора", "главы губернии", "главы новой власти" [см., например, 11, л.19] начинают поступать приветственные адреса и телеграммы. Тем не менее законодательного подтверждения

должностных полномочий и инструкций вплоть до апреля не было, поскольку Временное правительство придерживалось "неспешного темпа законодательной деятельности" [9, с.149]. Это породило сомнения и недоверие населения. Именно поэтому 22–23 апреля 1917 года состоялся съезд Гукомов губерний центрального региона, задачей которого стояла разработка и принятие документа, регламентирующего деятельность местных органов власти. На нем присутствовали комиссары из 38 губерний; от Нижегородской губернии делегатом стал Гуком П.А. Демидов, ранее занимавший пост председателя губернской земской управы. Юридическую и политическую значимость съезду придавал представитель МВД Временного правительства, который обладал правом подписи его решений.

Основной целью съезда обозначили необходимость "срочной более общей реформы местного управления" [2, с.149], то есть принятие акта, регламентирующего деятельность местных органов власти Временного правительства. Логическим документальным завершением этого мероприятия стало "Временное положение о губернских и уездных комиссарах" с приложением в виде "Изменений, предположений ко внесению в проект Временного Положения о Губернских и Уездных Комиссарах" [14, л.95] (которые были внесены в результате многочисленных и долгих дебатов после состоявшейся процедуры голосования по основному положению). Единого доку-

мента в масштабах всей страны так и не было принято вплоть до момента свержения Временного правительства [4, с.201], следовательно, Положение являлось основным нормативно-правовым актом, регламентирующим работу Нижегородского Гукома.

Структура "Положения" представлена четырьмя главами ("Губернский комиссар", "Инспектор милиции", "Губернские и уездные учреждения", "Уездный комиссар"), разделенными на параграфы (всего 34 статьи, 62 пункта). Самой объемной стала первая из них, посвященная высшему должностному лицу губернии (она занимает около третьей части всего документа). Правовой статус Гукома определялся как "первый в губернии представитель Временного правительства, как Всероссийской государственной власти" с пометкой о возможности получения полномочий конкретным лицом через указ с сохранением документального делопроизводства на уровне региона. Несмотря на то, что "Временное правительство в силу известных исторических и политических условий, в отличие от любого традиционного буржуазного правительства, обладало одновременно и законодательными, и исполнительными полномочиями, обычно делимыми между парламентом и правительством" [5, с.120], юридически должностные комиссаров приписывались к ведомству МВД, а, следовательно, отчитывались перед этим органом. В области исполнительной власти комиссар выступал "стражем закона, а равно блюстителем общественного благосостояния, спокойствия и безопасности" [14, л.90об.]. В отношении законодательной власти Гукомам предоставили только право издавать постановления, обязательные к исполнению. Пункт 15 "Положения" ограничивает область общественных отношений таких документов кругом "благочиния, порядка и безопасности" [Там же], однако территориально они могли действовать как в пределах конкретного уезда, так и всей губернии (но не более того). Тем не менее спустя месяц после принятия "Положения" этот пункт был исключен; его заменил новый, дающий право решать вопросы органов местного самоуправления в случае необходимости.

Обобщенный анализ норм "Положения" позволяет определить место и роль должности губернского комиссара Временного правительства в системе органов власти: он являлся связующим звеном между столицей и населением региона. В его функции входила обязанность "принимать меры к ознакомлению...с законами, а также с обнародованием во всеобщее сведение и имеющими общее значение постановлениями и распоряжениями Временного правительства" [14, л.90об.]. Распоряжения от центральных органов власти Гуком получал лично. "Связь с местным аппаратом поддерживалась через комиссаров в уездах" [7, с.121] либо самостоятельными мерами: письмами на специальных бланках, листовками, обращениями. В июне 1917 года Гуком издал и переправил в уезды официальное объявление для трудоспособного населения: "Нижегородский порт переполнен рабочей силой, а поэтому в прибытии новых рабочих надобности не встречается" [11, л.138].

Координирующая функция Гукома как государственного наблюдателя сосредотачивалась на необходимости "надзора за деятельностью всех губернских правительственных установлений" [14, л.90об.]. Исключение из списка составляли вузы, предприятия государственного банка, учреждения судебной системы и контролирующие органы. Впоследствии полномочия комиссара в области контроля были уточнены и касались наблюдения за работой и делопроизводством земельных и продовольственных комитетов и иных организаций, имеющих государственные функции. Документ раскрывает довольно широкий круг возможных действий Гукома при обнаружении противозаконных обстоятельств, превышения полномочий либо бездействия [14, л.91]:

- ◆ замечание в устной форме с указанием недочетов и рекомендациями по исправлению;
- ◆ распоряжение об устранении недостатков по своему усмотрению;
- ◆ доклад Временному правительству и ожидание его распоряжений;
- ◆ привлечение виновных к дисциплинарной ответственности;
- ◆ возбуждение судебного административного процесса.

Мерами обеспечения этих процессов могли быть действия ревизионного характера или временное отстранение обвиняемых. Но "правительственные комиссары обладали функциями управления лишь в отношении правительственного аппарата" [7, с.121]. Органы местного самоуправления не входили в сферу подчинения Гукома, но "в отношении законности их действий" [14, л.91] он мог применять государственную власть вплоть до возбуждения административного судопроизводства (обвинительный приговор порождал необходимость контролировать исполнение его норм комиссаром). 6 мая 1917 года на основе "Положения" был издан (за подписью князя Львова) и адресован в губернии циркуляр, конкретизирующий отношения Гукомов и органов самоуправления. Признавая необходимость осуществлять "надзор Комиссара в отношении правительственных учреждений" [14, л.36об.], документ "решительно устраняет" возможность опеки и контроля "над самоуправлением" [Там же]. Для эффективной и плодотворной работы вплоть до "окончательного преобразования органов самоуправления" Гуком от имени Временного правительства мог использоваться лишь согласительные процедуры в отношении "объединенных общественных организаций" [14, л.36].

В области финансов "Положение" накладывало на Гукома обязанность составлять балансы и сметы "по губернскому и уездным управлениям, ему подведомственным, и предоставление таковых МВД" [14, л.91об.] с последующим утверждением Временным правительством. Материалы, содержащиеся в Центральном архиве Нижегородской области, свидетельствуют, что большинство подобных документов было утверждено центральной властью, однако были случаи рекомендаций сокращения расходов [см., например 11, л.22].

Разнообразие регулируемых общественных отношений и большой круг обязанностей Гукома требовало от личности на этом посту высокой работоспособности и широты кругозора, полярности взглядов. Практически исполнять такие полномочия единолично было почти невозможно. В связи с этим комиссару разрешалось привлекать узких специалистов для разработки документации, кадровый состав милиции и даже военные части, находившиеся на территории Нижегородской губернии для обеспечения безопасности и правопорядка [14, л.93].

Нужно отметить, что фактов использования в корыстных целях полномочий Гукома (в Нижегородской губернии Губернскими комиссарами Временного правительства были П.А.Демидов и М.И.Сумгин) не обнаружено. Напротив, имеются свидетельства письменного напоминания комиссара Демидова об ограниченности его возможностей: "Право закрывать торговые заведения в административном порядке Губернскому Комиссару не предоставлено" [13, л.85]. Это связано не только с личностными характеристиками носителей должности, но и с отчетностью перед Временным правительством. По требованию МВД в ограниченные сроки они обязывались направлять "письменные отчеты и сведения о своих действиях и состоянии губернии" [14, л.92], но не реже одного раза в год. Для быстроты и четкости ответов на запросы предлагалось иметь "точные и по возможности подробные статистические сведения о состоянии губернии во всех отношениях" [14, л.91 об.]. Архивные данные свидетельствуют о том, что до середины лета 1917 года замечаний по поводу скорости обратной связи не было. Однако в конце июля "МВД обратило внимание на имевшие

место случаи медленности доставленных ему Губернским Комиссаром [Нижегородской губернии] ответов на исходившие от Министра запросы... Медленность ответов будет рассматриваться как невыполнение обязанностей службы" [12, л.100]. Далее следовала приписка о возможности наложения дисциплинарных взысканий и напоминание об ответственности Гукома, зафиксированной в "Положении". "Временное положение о губернских и уездных комиссарах" помимо прав накладывало и обязанности, невыполнение которых влекло наступление "уголовной и гражданской ответственности в порядке, установленном законом для должностных лиц IV класса" [14, л.92] вплоть до лишения свободы.

Таким образом, правовой статус местных органов власти Временного правительства Нижегородской губернии в лице губернских комиссаров определялся на основе "Временного положения о губернских и уездных комиссарах", принятого на съезде представителей центральных регионов 22–23 апреля 1917 года. Основной функцией Гукомов было осуществление связи Временного правительства с населением губернии. Среди прав высшего должностного лица выделяются издание нормативно-правовых актов в пределах своей компетенции, запросы необходимой информации, применение различных санкций в случаях, предусмотренных законодательством. К обязанностям относились: охрана безопасности и правопорядка на вверенной территории, быстрые ответы на требования Временного правительства. Ненадлежащее исполнение обязанностей либо совершение правонарушений влекло привлечение к уголовной, либо гражданско-правовой ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова В.Р. Институт Комиссара Временного правительства на Кубани в государственно-правовой системе февральского режима //Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 5. С. 105–109.
2. Гайда Ф.А. Механизм власти Временного правительства (март–апрель 1917 г.) //Отечественная история. 2001. № 2. С. 141–153.
3. Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году //Отечественная история. 1997. № 1. С. 60–76.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. 518 с.
5. Лихачев М.Т. Структура центрального аппарата Временного правительства //Советское государство и право. 1985. №1. С. 119–123.
6. Миронова Е.В. Трансформация органов власти Казанской губернии после Февральской революции //Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 258–269.
7. Сенцов А.А. Децентрализация управления в России накануне Октябрьской революции //Советское государство и право. 1981. №7. С. 117–123.
8. Субботина И.А. Организация Исполнительных Комитетов Временного правительства (на примере Нижегородской губернии) //Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–1 (28). С. 7–21.
9. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. 256 с.
10. Усатов С.А. Становление и развитие высших органов государственной власти в России в феврале–октябре 1917 года. Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2017. 63 с.
11. Центральный Архив Нижегородской области (далее по тексту ГКУ ЦАНО). Ф.1882. Оп.1. Д.20.
12. ГКУ ЦАНО. Ф.1882. Оп.1. Д.22.
13. ГКУ ЦАНО. Ф.1882. Оп.1. Д.81.
14. ГКУ ЦАНО. Ф.1887. Оп.1. Д.3.
15. Щелков А.Б. Проблемы правового регламентирования формирования и деятельности местных органов власти в условиях революции в России в феврале – октябре 1917 г. (на примере Самарской губернии) //Память о прошлом – 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Самара: ООО "Научно-технический центр" 2017. С. 221–227.

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ИСТОРИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ГИМНАЗИИ) В САРАТОВЕ НА МАТЕРИАЛЕ "САРАТОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ" 1840-х годов

Терещенко Эльмира Булатовна
ФГБОУ ВПО

"Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского"

N.G. CHERNYSHEVSKY AND THE HISTORY
OF OPEN EDUCATIONAL INSTITUTIONS
(SEMINARY SCHOOL) IN SARATOV ON
THE "THE SARATOV PROVINCE GAZETTE"
IN 1840-ies

E. Tereschenko

Annotation

The article discusses the history of open schools in which studied and worked N. G. Chernyshevsky on the material of the newspaper "the Saratov province Gazette". The analyzed texts of publications represent a valuable historical, cultural and local history sources which contain many interesting parts and details, enriching the scientific interpretation of the writer's life.

Keywords: Saratov periodicals, provincial culture, N. G. Chernyshevsky, a Seminary, gymnasium, study of local lore.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы истории открытия учебных заведений, в которых учился и работал Н.Г. Чернышевский на материале газеты "Саратовские губернские ведомости". Исследуемые тексты публикаций представляют собой ценные историко-культурные и краеведческие источники, которые содержат множество интересных деталей и подробностей, обогащающих научную интерпретацию биографии писателя.

Ключевые слова:

Саратовская периодика, провинциальная культура, Н.Г. Чернышевский, духовная семинария, гимназия, краеведение.

"Саратовские губернские ведомости"

– первый печатный орган в губернии, который с первых дней своего существования заявлял о себе как об издании, ориентированном на всестороннее отражение общественной и культурной жизни губернии. Поэтому не случайно публикации именно этого издания дают обширный материал для изучения малоизвестных деталей биографии Н.Г. Чернышевского времени его пребывания в Саратове. В данной на материале газеты "Саратовские губернские ведомости" рассматриваются вопросы истории открытия учебных заведений, в которых учился и работал Н.Г. Чернышевский.

В центре изучения – газетный материал первого периода пребывания Н.Г. Чернышевского в Саратове – учебные годы (до 1846 г.).

Первой образовательной ступенью Н.Г. Чернышевского стало Саратовское духовное училище, куда он был записан 15 сентября 1836 года. В списках училища Чернышевский числился до 1842 года, переходя успешно из года в год в следующие классы с неизменной аттестацией: "способностей и успехов весьма хороших" или "очень хорошей"[1]. К 1842 году, завершив в домашней обстановке прохождение программы духовного

училища, 14-летний Н.Г. Чернышевский становится учеником саратовской семинарии.

При изучении публикаций "Саратовских губернских ведомостей" 1840-х годов был обнаружен материал, касающийся истории семинарии, в которой учился Н.Г. Чернышевский. В 1845 году в "Саратовских губернских ведомостях" была опубликована статья "Учреждение и открытие Духовной семинарии в Саратове"[3, С.145], в которой сообщается, что до 1828 года Саратовская и Пензенская губернии составляли одну Епархию, а в 1828 году была *"вновь открыта собственно Саратовская. Прислан Архиерей* [3 С.145].

В статье объясняются обстоятельства учреждения Саратовской семинарии: дети здешнего духовенства в то время еще обучались в Пензенской семинарии, и огромное расстояние многих селений от Пензы, простиравшихся до 700 верст, "затрудняло сообщение". И вследствие этого здешний первый Преосвященный Моисей Епископ Саратовский и Царицынский от 24 июня 1829 года представлял комиссии Духовных училищ доклад об открытии в Саратове Духовной семинарии "с покупкой для оной домов". Комиссия обратилось с докладом к правительству об учреждении и назначении штатов Саратовской семинарии.

По утверждению данного доклада Московское академическое Правление сделало следующее распоряжение:

1. Прежде открытия семинарии, утвердить правление оной, определить Ректором Бакалавра Санкт-Петербургской духовной академии Магистра, Архимандрита Никодима, Инспектором занимающего такую же должность в рязанской семинарии Магистра, Игумена Иоанна, а Экономом кого сам Преосвященный Епархиальный Епископ признает к тому же способным. Первому из них, т.е. Ректору, поручить класс богословия, а второму инспектору, Философии. На классы Словесности и Французского языка перемещен из Пензенской семинарии Профессор Константин Сокольский, на классы церковной Истории и Греческого языка из Пензенской семинарии Учитель Иван Синайский, на классы Математики и немецкого языка определен новопроизведенный Кандидат Яков Розанов, и на классы Гражданской истории и еврейского языка новопроизведенный же кандидат Гордий Саблуков.

2. Ученикам, обучающимся в Пензенской семинарии и по рождению своему принадлежащим к Саратовской епархии, явиться в новоучрежденное Семинарское правление в начале наступающего года...[3, С.443].

Кроме того, статья содержит множество интересных подробностей открытия Саратовской семинарии, которое произошло 26 октября 1830 года: *"Преосвященный Моисей с Соборным духовенством совершил в Троицкой церкви Божественную Литургию, во время которой все ученики семинарии стояли в церковной трапезы в порядке, и пред окончанием коей Инспектор семинарии Магистр Игумен Иоанн произнес приличное торжественному случаю слово"* [3, С.444].

Детально описывается и окончание Божественной Литургии:

"Его Преосвященство, по окончании Божественной Литургии вышел из Алтаря с Духовенством по чину. Впереди Духовенства, два Священника несли на престольный Крест на блюде и Св. Евангелие; пред ними Дьяконы несли запрестольный Крест и образ Богоматери; впереди дьяконов причетники в Стихарях несли Хоругви; певчие впереди все идя по два в ряд, пели: Днесь благодать Святого Духа нас на Собрании... Прежде, нежели выступил крестный ход из церкви, ученики семинарии вышли из церкви по два в ряд и стали на своих местах; в сие время ученики Уездного училища стояли по сторонам в равном один от другого расстоянии, от западных дверей церковных до Семинарского дома, а с ним к дому стояли ученики Семинарии низшего отделения, а среднего и высшего отделений находились в зале" [3, С.444].

В период обучения Н.Г. Чернышевского курс наук семинарии был шестилетний. Он разделялся на три двухгодичных отделения: риторики, философии и богословия. В низшем, или первом отделении, ученики обучались священному писанию, пасхалии, словесности, латинскому, греческому и татарскому языкам, всеобщей истории, историческому обозрению богослужебных книг, православному исповеданию, алгебре и геометрии; писали со-

чинения на русском и латинском языках. В среднем отделении ученики изучали философию, логику и психологию, библейскую историю, священное писание, толковательное богословие, математику. Высшее отделение, в котором Н.Г. Чернышевский не обучался, давало ученикам знание богословия, священного писания, патристики, церковных законов, канонического права, гомилетики, истории российской церкви и православного исповедания, сочинения на русском и латинском языках были обязательны [4, С. 58].

Среди преподавателей Н.Г. Чернышевского в семинарии были и те, кто упоминается в статье 1830 г. про открытие учебного заведения: Сокольский, И.Ф. Синайский и Г.С. Саблуков. Преподаватель К.М. Сокольский, обучавший семинаристов науке красноречия, особенной ученостью не отличался, литературных трудов не оставил. От уроков риторики у Н.Г. Чернышевского остались на всю жизнь юмористические воспоминания, нашедшее выражение в его публицистическом творчестве 1860-х годов. Так, например, в статье о речи профессора Н. Булича "Значение Пушкина в истории русской литературы", восстанавливая против вычурности и напыщенности его языка, Н.Г. Чернышевский сравнивает оратора с павлином и приводит отрывок с описанием этой птицы в стиле семинарской риторики [4, С.61].

Всеобщую историю и греческий язык вел И.Ф. Синайский, который увлекался филологическими тонкостями греческого языка. Как преподаватель истории он был слаб, скучен. Сохранились воспоминания его учеников о том, как он на уроках занимался болтовней о домашних делах и ругал новую русскую литературу [4, С.68].

Из преподавателей семинарии Чернышевский особо отличал Гордея Семеновича Саблукова [1, С. 107]. Саблуков оказал непосредственное влияние на интерес Н.Г. Чернышевского к занятиям татарским, арабским и древнееврейскими языками, а также пробудил желание изучать археологию. Заметив незаурядные способности семинариста Чернышевского, Г.С. Саблуков дал ему возможность заняться самостоятельной работой исследовательского характера – обзором топографических названий татарского происхождения в Саратовской губернии [4, С.68]. Н.Г. Чернышевский увлекся этой краеведческой работой, как и углубленным изучением татарского языка. Это была его первая научная работа. Г.С. Саблуков был первым, у кого Чернышевский прошел серьезную и основательную филологическую школу. Под его руководством приобретены навыки исследовательского труда, привит вкус к научным занятиям. В письме к Саблукову от 27 апреля 1848 года студент Чернышевский выразил искреннюю признательность бывшему учителю: "кого я из всех людей, которым я обязан чем-нибудь в Саратове, и уважаю более как ученого и наставника моего, и люблю более всех как человека" [1, С.115].

В финале статьи *"Учреждение и открытие Духовной семинарии в Саратове"* указывалось, что с открытия здесь семинарии "в продолжение 15 лет, окончил в ней 7 курсов и здешняя

церковь получила из ней очень много достойных священнослужителей. Это заведение, еще юное, время от времени улучшается. К возвышению его особенно содействует нынешний Саратовский Архипастырь, Преосвященный Иаков 13 лет управляющий нашею Церковью, человек ученый, трудолюбивый и благочестивый...".

В статье про Иакова также было сказано, что он строго следил за учениками, наблюдал за ходом и духом учения, часто посещал заведение, и жертвовал в пользу семинарии свою библиотеку.

В связи с персоной Архипастыря Иакова связан случай, непосредственно относящийся к биографии писателя: *"Однажды, будучи еще в риторическом классе, то есть в возрасте 14 - 15 лет, Николай Гаврилович удивил всю семинарию тем, что стал опровергать какую-то мысль, высказанную учеником при преосвященном Иакове, приехавшем в семинарию. "Смелость необычайная для того времени!"... Чернышевский, не испытывая ни малейшего страха и не обращая внимания на архиерея, начал поправлять своего товарища. Архиерей был поражен. Даже после того, как он властным окриком пытался три раза "осадить" Чернышевского, последний, встав с места, спокойно продолжал делать поправки. Наконец в притихшем классе раздался повелительный возглас разъяренного Вечеркова: "Садись!" [1, С.115]. Уже в этом возрасте Н.Г. Чернышевский проявлял большую смелость и самостоятельность взглядов.*

Однако Н.Г. Чернышевский не окончил полного курса обучения в духовной семинарии. Как отмечает Н.М. Чернышевская, уже на первом году обучения Чернышевский мечтал уйти из семинарии: *"Пример был подан его дальним родственником А.Ф. Раевым, который также не мог стерпеть каторжного режима духовной школы и в 1842 году подал прошение о переводе в медико-хирургическую академию. Преодолев большие препятствия, он осуществил свое желание: уехал в Петербург, не закончив семинарии, и был принят в академию" [4, С.73]. А.Ф. Раев переписывался с семьей Чернышевских. Г. И. Чернышевский интересовался у Раева возможностью поступления его сына из философского класса семинарии прямо в Петербургский университет. И 29 декабря 1845 года, сразу же по окончании декабрьских испытаний, Николай Чернышевский подал прошение об увольнении из семинарии, проучившись в ней три с половиной года [1, С.119].*

В контексте изучения публикаций саратовской печати 1840-х годов, связанных с именем Чернышевского, не-

обходимо упомянуть и статью 1844 г. "Об открытии в Саратове гимназии" [2, С. 1]. Публикация посвящена истории открытия учреждения, в котором работал Н.Г. Чернышевский после окончания Петербургского университета с 1851 по 1853 годы.

В 1786 году, через пять лет после открытия губернии при царствовании Екатерины Второй, в Саратове было открыто первое гражданское училище, под названием *"Народного" [2, С. 1]. "Ограничиваясь низшими или первоначальными науками, оно в этом виде существовало до 1820 года, и в продолжении 34 лет об нем можно сказать только то, что оно существовало"*, но в 1820 году высшим учебным начальством было предписано директору Саратовского училища открыть в Саратове губернскую гимназию и при ней пансион. Как описывается в статье, открытие произошло торжественно *"при многочисленном стечении граждан"*, почетным попечителем был избран губернатор Алексей Давыдович Панчулидзе, директором гимназии назначен Г. Шестаков.

В статье содержится и речь протоиерея Н.Г. Скопина к открытию учебного заведения, пронизанная метафоричностью и эмоциональностью: *"С призванием благословения от Вышнего полагается днесь начало предназначенной гимназии: вводятся юные дети в первоначальный круг обучения и приготовления к оной. Когда попечительный садовник желает, чтобы молодая лоза, посаженная им в землю, произросла в великое плодovitое дерево, то он печется о целостности ее, удобряет почву ее, отсекает излишние ветви и таким образом достигает своей цели. Что в вещественном вертограде молодые лозы, то в духовном или нравственном юные питомцы. В незрелом теле ум нем и бездействен, познания скрыты в семени, сердечные склонности и внутренние чувства дремлют. Надобно их пробудить и чрез постепенное излитие духовной влаги оживить и израстить, да принесут достойный плод. Как много на это требуется труда и попечения <...>" [2, С.2].*

Анализ материала газеты "Саратовских губернских ведомостей" позволил обнаружить ряд публикаций, которые непосредственно относятся к биографии Н.Г. Чернышевского ученического периода – до 1846 г. Тексты публикаций представляют собой ценные историко-культурные и краеведческие источники. Кроме того, они содержат множество интересных деталей и подробностей, дополняющих научную интерпретацию биографии писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография: В 4 т. Саратов, 1978 – 1994. Т.3. С. 66.
2. Саратовские губернские ведомости. 1844. № 1. С. 1.
3. Саратовские губернские ведомости. 1845. №46. С.145.
4. Чернышевская Н.М. Н.Г. Чернышевский и Саратов. Саратов, 1978. С. 58.

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

THE ROLE OF THE CONFESSIONAL FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA

*A. Fazliev
D. Igonin
I. Nafikov
F. Shakurov*

Annotation

The urgency of the problem under study is conditioned by the necessity of studying and spreading the positive national experience of interreligious relations in the conditions of increasing conflict situation in the world on the ethno-religious grounds. The purpose of the article is to reveal the potential of interreligious harmony in achieving sustainable development, as well as the stages of developing the traditions of peaceful ways of coexistence of peoples, taking into account their historical memory.

Keywords: History, politics, state, denominations, ethnic groups, intercultural dialogue.

Фазлиев Айваз Миннегосманович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Игонин Денис Иванович

Ст. преподаватель, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Нафиков Ильсур Закирзянович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Шакуров Фарит Наилович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения и распространения позитивного отечественного опыта межконфессиональных отношений в условиях возрастания на этнорелигиозной почве конфликтных ситуации в мире. Цель статьи заключается в раскрытии потенциала межрелигиозного согласия в достижении устойчивого развития, а также этапов складывания традиций мирных способов сосуществования народов с учетом их исторической памяти.

Ключевые слова:

История, политика, государство, конфессии, этносы, межкультурный диалог.

Формирование постсекулярного культурного и политического пространства, предоставляет широкие возможности для рецепции конфессиональных традиций в социальный этос национальных государств современности. Однако, качество морали масс отнюдь не улучшается, а конфессиональная толерантность не позволяет противодействовать радикальным религиозным движениям. В конечном итоге, реализация в дискурсе секуляризованной современности постсекулярного сценария оборачивается опознанием этой современности в качестве постхристианской цивилизации или посткультурного общества. Хотя дискурсивная формация подобных рационально-логических концептов, по сути дела – калька христианского эсхатологизма, против которого, они якобы ополчаются, полученные результаты даже в ироническом формате не могут быть истолкованы оптимистически.

Между тем, характеристика рубежа веков как кризиса гуманистического проекта светского общественного идеала, предложенного эпохой Просвещения, является очевидным свидетельством того, что главным итогом

Просвещения оказалось обнаружение субъекта, лишённого всякого сущностного содержания. Однако, иной онтологической модели, непосредственно не учитывающей субъективную деятельность Абсолюта, попросту не существует. Поэтому, отдавая должное отчаянной атаке разума на бастионы мироздания, приходится констатировать его некоторую усталость и даже – сомнение в своих силах (после борьбы с религией лучше, что мог сделать разум, это обратить внимание на себя и приступить к самоанализу. Разум, превратившись в результате самоанализа в простой интеллект, признал собственную ничтожность... Философия вновь превратила себя в служанку веры) [1]. Правда, после того как к нему на помощь приходит теология, в точке их взаимопроникновения обретается возможность рационального познания нового качества – постсекулярного [2].

Существенной гносеологической характеристикой постсекулярности оказывается то, что, в уплату за новую возможность рационального философствования, она аннулирует притязания разума на монополию в обладании истиной. Поэтому вне зависимости от того является

ли постсекулярность реакцией на тиранию рационализма, или её иноформой, можно констатировать, что именно кризис рационализма, выступил основной причиной утверждения постсекулярной онтологической модели в качестве культурного базиса глобальных структур повседневности, готовых принять домовых эльфов и орков в качестве объективной реальности.

Присутствие подобной тенденции в России очевидно, хотя наш постсекулярный порядок имеет некоторую специфику и существенные особенности. Одна из них – ведущая роль элит в отказе от проекта рационально-материалистического государственного строительства. При этом множество суждений относительно интенций и мотивов государственного поворота к мистицизму может быть стянуто к двум позициям. Первая: исчерпав контролируемыми ресурсами социума, государство в своём перманентном стремлении расширить зону контроля, добралось до конфессиональной периферии, которую и вознамерилось поглотить с целью интеграции людей и ресурсов для повышения их рентабельности [3].

Вторая версия: описанное Честертоном воплощение анархистского движения, ставящего целью разрушение всей тотальности цивилизованной жизни, под маской существующего правового государства [4], осознаваемое в качестве угрозы социального суицида, мобилизует элиту на рецепцию, конфессиональных ценностей в надежде, что эти реликвии помогут легитимации существующего режима. Представляется, что эти сценарии не противоречат, а дополняют друг друга, причём при таком подходе государство презентуется как "вещь в себе", существование которой уже является ценностью. Между тем подмеченная Шелли:

*"Другие Порчи, целый ряд,
Сошлись на страшный маскарад,
Наряжены, вплоть до очей,
В шпионов, пэров и судей."*

Описанная у Честертона посредством образов маскарада текущая дихотомия добра и зла, по мысли С. Жижек, исключает возможность существования современного правового государства в качестве цитадели справедливости: "наш закон и порядок – это постыдный маскарад" [5]. Рациональный порядок, оборачиваясь хаосом фактически "снимает" томистскую идею о представителе града небесного градом земным, в том смысле, что "тотальность самого рационального причинного порядка неконсистентна, иррациональна и составляет не-всё". Ссылки на истинность и объективность не могут уже считаться достаточным доказательством, поскольку состояние достоверного знания оказывается недостижимым. "Не является ли одним из уроков теории относительности и квантовой физики, – вопрошает С. Жижек, – то, что современная наука подрывает

наши элементарные представления об отношениях в природе и заставляет поверить (принять) в самые "бессмысленные" вещи" [5]?

Действующий в постметафизической современности человек, выступающий конечным вместилищем, в котором Дух достигает своей актуальности [5], не может полагаться на внешние индикаторы, Лишённый надёжного феноменологического укрытия и рациональной "тихой гавани", индивид, принуждается теперь к перманентному тестированию внешней среды, причём без всякой надежды на объективную легитимацию ограниченного индивидуального опыта (разум может работать лишь с объектами феноменального опыта, истинная реальность ему недоступна), чувственная составляющая которого и выступает ныне, единственным конечным результатом персонифицированного познания абсолюта. Страшный груз ответственности ложится на плечи современного человека – такова цена взыскуемой вне теологического контекста свободы воли.

Соответственно, в постсекулярном мире изменился и взгляд на государство, низведённое до уровня одного из "не-всё" (показательно, что в августианской теософии государство мыслилось как некое абсолютное зло, в то время как томизм – остающийся официальной доктриной католичества – относится к нему с глубокой симпатией, полагая "Град земной" единосущным "Граду небесному"), необоснованно претендующего на статус абсолюта. Поэтому обеспечение конфессионального согласия, трактуемое как одна из утилитарных задач государства, не может быть реализовано.

Можно указать ещё несколько причин, по которым идеал межконфессионального согласия не может быть достигнут посредством напряжения государственных институтов. Современное национальное государство – продукт Нового времени, в архитектуре которого воплощена идея зримого доказательства союза человека и Духа, где общность людей мыслится обусловленной сопричастностью трансцендентной идее, выступающей мотивом и оправданием человеческой деятельности. Когда была обоснована иллюзорность идей, носителями которых не является индивидуальное сознание, стали очевидны и пороки государственной конфессиональной политики как социального института.

Возникшая в специфическом интеллектуальном климате постмодерна постметафизическая философия, осознавая свои пределы, отказалась от критики религии и суждений об абсолюте. Вместо этого акцент делается на определение разумных пределов, разделяющих разум и веру. Историческим фоном для действия постметафизической философии в нашей стране становится коллапс советского атеистического режима и интенсивная

работа по легитимации новейшей российской государственности. В этих условиях государственная конфессиональная политика, сводившаяся к ускоренной рецепции в общественную жизнь традиционных конфессиональных форм, выступает одним из факторов мобилизации социальных ресурсов. Стратегическими результатами этой политики должны были стать – такой уровень межконфессиональной толерантности, который допускал бы легитимное присутствие разных религиозных общин в едином государственном пространстве; автономный прогресс науки вне обратной корреляцией с верой; использование в публичной полемике секулярных обоснований [6]. Предполагалось, что если все участники будут следовать взятым на себя обязательствам, обществу будет гарантирован социальный мир, а все конфликты будут разрешаться в ходе комплиментарных дискуссий, где каждая из сторон готова пойти на уступки. При этом на сугубо научной основе мы должны были бы понимать "чего ожидать друг от друга, если мы хотим обеспечить в наших прочных национальных государствах цивилизованное обращение граждан друг с другом, несмотря на беспрецедентное разнообразие культур и религиозных мировоззрений" [7].

Эта картина государственно-конфессиональной гармонии, нарисованная Ю. Хабермасом, и выступающая целью российской государственно-конфессиональной политики, имеет ряд существенных недостатков: самоограничение философии, её отказ от метафизики оборачивается торжеством самых иррациональных убеждений, расцветом фундаментализма и существенным затруднением межконфессионального диалога. Невозможность использовать в межконфессиональных дискуссиях псевдорациональную аргументацию, – по мнению К. Мейясу, делает межконфессиональный диалог бессодержательным, что с точки зрения постижения Абсолюта, конечно, не имеет значения, но, если рассматривать состояние диалога в качестве общественной ценности, выглядит серьёзным нарушением стабильности коммуникативной системы общества [8]. В итоге единственным путём к абсолюту оказывается слепая вера, что даёт ощутимые преференции фундаменталистам, которые, не признавая ценности диалога, получили возможность беспрепятственной агитации.

На это общее, так сказать затруднение, накладываётся ещё и сугубо отечественное: население, которому "было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств"; причём дважды менее чем за сто лет с самым глубоким подозрением наблюдает за деятельностью государства в конфессиональной сфере. Так называемые "простые люди", в общем-то, вполне резонно рассуждают, что правопреемники тех, кто лишил толпу "опиума религии", едва ли могут всерьёз тру-

диться над её воссозданием. В своей ставшей знаменитой речи, произнесённой 16 февраля 1924 года в Париже, И.А. Бунин помянул слова историка В.О. Ключевского: "Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры, – особо подчеркнув, что, – нельзя, преступно служить её тьме" [9]. Выполняя, – в историко-философской ретроспективе, – бунинский завет, россияне (на фоне интенсивного развития конфессиональной активности) не полагаются на административное православию новейшей элиты, фактически отвергая её притязания на духовное лидерство. С исламом или, например, буддизмом дело обстоит приблизительно также, но как свидетельствует исторический опыт, наиболее чувствительной к секулярной ревизии оказывается именно христианская цивилизация (Christendom).

Тем более, что в государственной конфессиональной политике делается ставка на рецепцию не только традиционных религиозных доктрин, но и – обрядности, а это делает "веру в её традиционном христианском понимании если и не невозможной, то, как минимум, крайне затруднительной – её принятие требует от человека огромных усилий", – по большей части избыточных. Пространство постсекулярного формируется не принудительным возвращением малопонятных ритуальных процедур, но утверждением новой социальной культуры, интегрирующей философию и теологию как "соотношение одной рациональности, одного разума с другим" [10]. И роль государства в утверждении новых параметров постсекулярного социального консенсуса не может быть решающей.

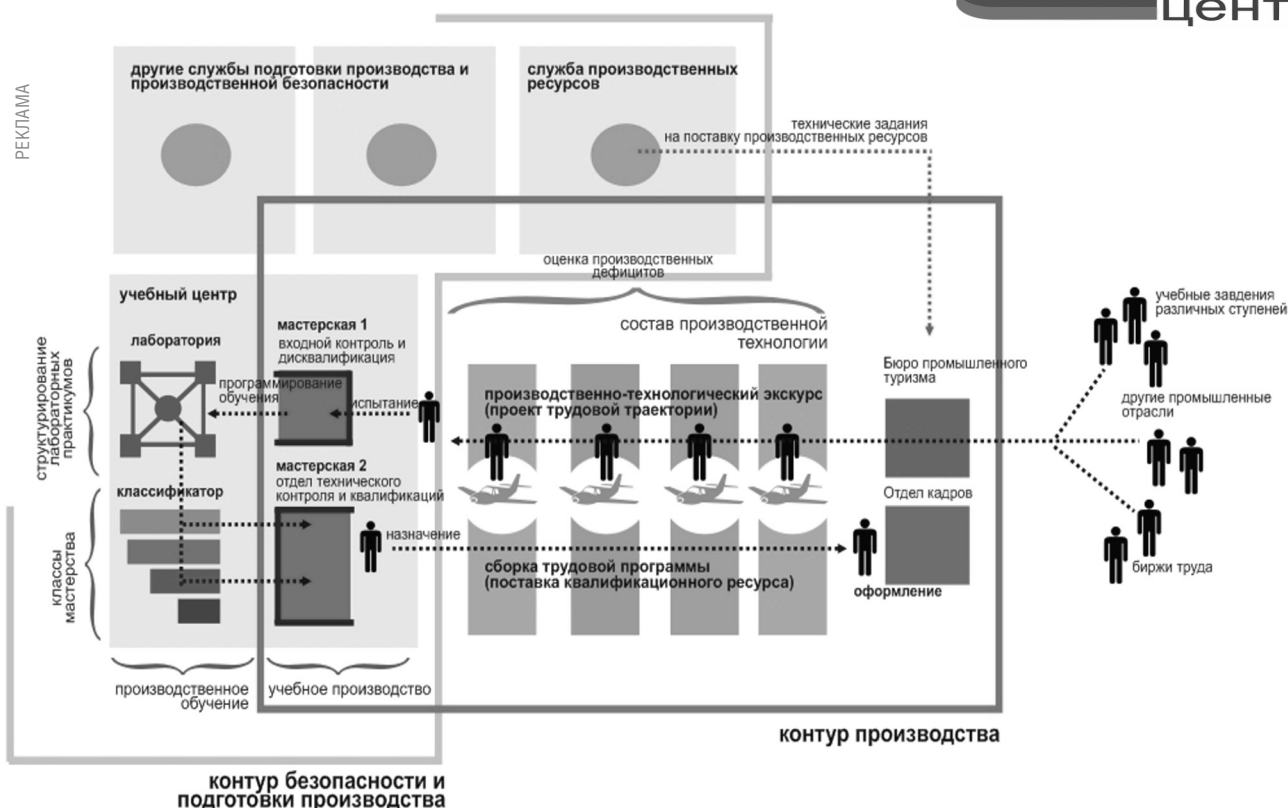
Поэтому, хотя государственная конфессиональная политика в современной России проводится, в целом, квалифицированно, она не может – точнее сказать: не должна – быть эффективна: утверждение межконфессиональной толерантности – задача социума, непосредственного отношения к госстроительству не имеющая. Яркой иллюстрацией этого положения может служить как история налаживания межконфессионального диалога в Среднем Поволжье, так и опыт реализации государственной конфессиональной политики в регионах Приволжского федерального округа и, в первую очередь, – Республике Татарстан.

В то же время, поиски новых форм государственно-конфессионального взаимодействия не должны исключать реализацию госконфессиональной политики, позволяющей отслеживать динамику постсекулярной культуры, генезис которой, опосредует инновационные трансформации политической системы, формы которых пока что мало изучены, а сущность – по большей части – не очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hegel, G.W.F. Faith and Knowledge. – Albany: State University of New York Press, 1977. P. 55–56.
2. Milbunk J. Reason & Imagination: the Study of Theology and Philosophy in the 21st Century // Milbunk J. Future of love: essays in political theology. – Eugene, Oregon: Cascade books, 2009. P. 320.
3. Подробнее о механизме государственной экспансии см.: Scott J.S. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland. – New Haven and London: Yale University Press, 2009; O'Connor R. Founder's Cults in Regional and Historical Perspective // Founder's Cults in Southeast Asia: Polity and Identity. – New Haven, 2003 P. 281 – 282 и др.
4. Честертон Г.К. Человек, который был Четвергом // Честертон Г.К. Собрание сочинений в 5 тт. – СПб.: Амфора, 2000. Т. 1. – С. 177–238.
5. Жижек С. От Иова к Христу: прочтение Честертон через апостола Павла // Логос. – 2011. – № 3. – С. 256.
6. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. – 2011. – № 3. – С. 3–5.
7. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Ч.1. // Российская философская газета. – 2008. – № 4. Апрель.
8. Meillassou. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. – L.: Continuum, 2007. P. 45–56.
9. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года). – Lib.ru / Классика. http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml
10. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. – 2011. – № 3. – С. 10–19.

© А.М. Фазлиев, Д.И. Игонин, И.З. Нафиков, Ф.Н. Шакуров, (aivazik@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ВЫСШЕМ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

INNOVATIVE PROCESSES IN THE MODERN MUSICAL PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION: THEORETICAL APPROACHES AND EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

*I. Aranovskaya
G. Dvoynina*

Annotation

Essential characteristics of innovative processes in the modern musical pedagogical higher education are examined. Interrelation between innovations and traditions is shown. Educative technologies, which provide the innovativeness of the modern musical pedagogical higher education, are presented. It is proved that the innovativeness as a quality of musical pedagogical activity is put principally in the sphere of instrumental performing preparation of the future music teacher.

Keywords: innovations, traditions, professional activity of the future music teacher, instrumental performing preparation of the future music teacher.

Арановская Ирина Владленовна

Д.п.н., профессор,

Волгоградский государственный

социально-педагогический университет

Двойнина Галина Борисовна

К.п.н., доцент,

Волгоградский государственный

социально-педагогический университет

Аннотация

Рассмотрены сущностные характеристики инновационных процессов в современном высшем музыкально-педагогическом образовании. Показана взаимосвязь инноваций с традициями. Представлены технологии обучения, обеспечивающие инновационность современного высшего музыкально-педагогического образования. Доказано, что инновационность как качество музыкально-педагогической деятельности заложена, прежде всего, в сфере инструментально-исполнительской подготовки будущего педагога-музыканта.

Ключевые слова:

Инновации, традиции, профессиональная деятельность будущего педагога-музыканта, инструментально-исполнительская подготовка будущего педагога-музыканта, научно-исследовательская работа будущего педагога-музыканта.

Модернизация современного высшего педагогического образования требует решения многих проблем, возникающих в связи с изменением условий его функционирования. Вступление России в Болонскую рейтинговую систему выявило ряд острых противоречий, среди которых несоответствие современных потребностей практики процессу подготовки специалиста, разрыв между требованиями, предъявляемыми к выпускнику педвуза со стороны общества и уровнем сформированности его знаний, умений и навыков. Постоянное увеличение потока информации, ускорение смены образовательных парадигм привели к необходимости пересмотра целей педагогического образования в сторону формирования у специалиста не количества знаний, а качества компетенций. В этой связи становится все более актуальным инновационный аспект подготовки специалиста, определяемый потребностью изменить устоявшиеся приемы и способы его будущей профессиональной педагогической деятельности.

Инновационные процессы в музыкально-педагогическом образовании как подсистеме высшего образо-

вания в целом, можно разделить на две большие группы: первая даёт представление об общих параметрах, свойственных в настоящее время данным процессам в любой области жизнедеятельности человека, вторая группа рассматривает вопросы, связанные с конкретной сферой, в частности, со сферой музыкально-педагогического образования.

Этимология термина "инновация" выявляет его происхождение от лат. *innovatio* – возобновление, обновление, перемена. Тему внедрения инноваций в практику образования можно найти в различных отраслях научного знания: педагогических, социологических, философских, культурологических и др. В трактовках термина "инновация" у зарубежных исследователей преобладает прагматический, утилитарный подход, инновация рассматривается как процесс извлечения выгоды из знания, генерирующей новые идеи и технологии, она повышает конкурентоспособность и эффективность деятельности бизнес-структур. Следует согласиться с мнением белорусского социолога С. В. Костюкевич в том, что "западные исследователи сконцентрировались на исследовании ин-

новации в контексте технологического развития, экономической выгоды (пользы) и исследовательской мощи" [7; 92]. Автор приводит убедительные сравнения подходов к инновациям в зарубежной и отечественной научной литературе и приходит к выводу о том, что если "определение инновации канадских исследователей стремится быть прагматическим и конкретным, то определения отечественных авторов стремятся к предельной абстрактности" [7; 94]. Инновации рассматриваются как "процесс реализации прогрессивного новшества" (В. Александров), "управленческое решение" (И. Бестужев-Лада), "результат внедрения новшества" (Т. Бурнышева), "как процесс создания новшества для удовлетворения потребностей и интересов людей" (Е. Кучко).

В педагогике под инновациями понимаются "нововведения – целенаправленные изменения, вносящие в образование новые элементы, и вызывающие его переход из одного состояния в другое" (А. В. Хуторской) [18; 2]. По мнению С. В. Костюкевич основным механизмом инноваций в образовании современные учёные признают "наращивание объема исследований в высших учебных заведениях, несмотря на признаваемую неготовность многих университетов проводить подобную деятельность" [7; 101].

Интересен подход к решению проблемы инноваций посредством внедрения новых педагогических технологий в исследованиях казахстанских учёных и педагогов. В частности, специалист в области музыкальной педагогики, А. А. Момбек пишет: "Для разработчиков образовательных программ экспертами были определены следующие приоритетные задачи: компетенции должны быть связаны с семью кластерами компетенций, предусмотренными Европейской образовательной программой; интеграция профессионального опыта должна соответствовать процессу обучения в школе и университете; партнерство между сотрудниками университета, учителями школы и студентами педагогических учебных заведений должно быть усилено" [8; 40]. Данные условия способствовали эффективности реализации в Казахстане таких образовательных программ, которые отвечали требованиям Болонского процесса: они имели значимость для студентов и работодателей, были совместимы на основе использования согласованных контрольных параметров, явились основой повышения качества образования, основой мобильности выпускников, а также, что особенно важно – способствовали повышению привлекательности и конкурентоспособности учебных заведений [8; 4].

Во многих исследованиях инноваций в разных областях знаний подчёркивается их взаимосвязь с традициями. По мнению Г.А. Прасловой инновации в музыкально-педагогическом образовании обусловлены радикальными изменениями структуры, содержания и формы

всей системы российского образования. В формулировках автора инновации – это новые системные подходы к осуществлению педагогической деятельности в новых условиях. Инновации – это, как считает Г.А. Праслова, закономерная реакция на изменения, она основывается на традициях, отменяя их и стремясь вновь преобразоваться в традиции [12, 13].

Взаимодействие инноваций и традиций, неразрывная причинно-следственная связь данных понятий указывается также в ряде работ ведущего специалиста в области педагогики музыкального образования Ю. Б. Алиева, который пишет: "опыт показывает, что инновации в сфере образования становятся достоянием культуры, лишь встраиваясь в существующие системы норм и традиций, т.е. стереотипизируясь и стандартизируясь. Всякий стереотип и стандарт генетически произведен от инноваций, имевших место в художественной культуре общества". [1; 2]. Эту позицию разделяет и М. С. Старчеус: "Непререкаемая ценность традиции в обучении музыкантов обуславливает тот факт, что новое не опровергает старое, не отменяет его, а сосуществует, модифицируется и, в некоторых случаях, как бы соревнуется с ним" [16; 65].

Таким образом, инновации в работах исследователей рассматриваются как деятельность в новых условиях, деятельность, требующая других, более адекватных изменившейся реальности способов, методов, приёмов как количественно, так и качественно.

Сегодня производство нового знания в музыкальной педагогике должно соответствовать требованию времени: преподавательская работа в вузе должна сочетаться с исследовательской. Следует согласиться с М.С. Старчеус, которая справедливо пишет о том, что инновации в музыкальном образовании необходимы в связи с изменениями "контекста профессиональной деятельности, структуры запросов музыкантов и к музыкантам" [16; 68].

В отличие от новаций, возникающих естественно и стихийно, инновации являются результатом осознанного поиска и проработки более продуктивного решения проблем обучения: "в понятийном поле музыкального образования "новация" тесно связывается с "традицией", а "инновация" – с "прогрессом" образовательных процессов и педагогических систем". [16; 68].

Анализ практической деятельности в области музыкальной педагогики и, в частности, инструментально-исполнительского образования, приводит М. С. Старчеус к выводу о том, что личность учителя – условие и главная характеристика инновационности как качества деятельности. При этом инновации и инновационность по определению заложены в процессе инструментально-исполнительской подготовки педагога-музыканта, так как по-

иск смыслов, моделирование художественного образа при исполнении музыкальных произведений выступают непременным условием музыкальной деятельности. В связи с этим основной задачей обучения автор считает подготовку специалиста с высоким личностным потенциалом, который нацелен на творческое овладение профессией [16].

Тем не менее, по отношению к музыкально-исполнительской деятельности, М. С. Старчеус настаивает на преувеличении значимости понятий "новаций" и "инноваций" в связи "с отсутствием аналитического аппарата анализа самих новшеств – их эффективности и влияния на устойчивость результатов обучения" [16; 70].

Из вышесказанного можно сделать вывод о необходимости поиска и разработки наиболее действенных методов включения студентов в инновационный научно-исследовательский процесс. В работах ученых отмечается, в частности: "научно-исследовательская работа студентов подразумевает использование учебного и научного потенциала всех кафедр факультета при наличии общей культурологической направленности этой работы, осуществляемой студенческим научным обществом факультета. Такая организация научной и учебной работы способствует более глубокому закреплению теоретических знаний, получаемых при изучении дисциплин учебного плана, развивает у студентов высокую требовательность к себе, аккуратность, точность в работе и научную объективность, расширяет возможность получения каждым студентом в стенах вуза навыков исследования. Кроме того, научно-исследовательская работа в вузе является эффективным методом развития познавательной активности студентов, развивающим их профессиональное художественное мышление; она является своеобразной лабораторией обучения будущего педагога основным творческим приемам, умениям и навыкам, помогающим связать теоретические знания с практической творческой работой" [9; 96].

Анализ тематики научных работ в области музыкальной педагогики как показатель количества и качества возможных инноваций позволяет сделать вывод о том, что основным направлением является постоянное изучение содержания профессиональной деятельности педагога-музыканта в современной реальности, форм и методов его работы в изменившихся условиях, поиска путей формирования у будущих специалистов ценностного отношения к профессии, потребности в постоянном личностном росте и развитии.

В качестве направлений исследовательской тематики, которые выступают показателем инновационных поисков, следует обозначить работы, в которых рассматриваются современные подходы к выбору технологий обучения, обосновывается необходимость пересмотреть

принципы организации учебного процесса в целом, а также внести изменения в содержание, формы и методы преподавания отдельных дисциплин и модулей [6; 44].

Многие исследователи сходятся во мнении о том, что в процессе инновационных поисков, "опираясь на академические проверенные временем учебники и учебно-методические пособия, педагог неизменно сталкивается с необходимостью обновления их содержания с точки зрения форм и методов подачи материала [6; 46]. Однако, сущность этих поисков часто сводится к традиционным понятиям, таким как уровень специальной подготовки, мотивация и интерес к постижению нового, развитие профессионального восприятия, памяти, мышления, постоянное самообразование и личностный рост.

Какого же рода исследования нужны для понимания сути инновационных процессов, происходящих в музыкально-педагогическом образовании сегодня? Прежде всего, эти исследования должны быть нацелены на производство современной, высококачественной, наукоёмкой, конкурентоспособной продукции. В контексте заявленной проблематики к такой продукции можно отнести эффективно действующие музыкально-педагогические технологии, которыми владеет выпускник педагогического вуза. Эти технологии предназначены для решения педагогических задач по устранению противоречий между содержанием музыкального образования, как вузовского, так и школьного, и содержанием музыкального искусства во всем многообразии его жанров, стилей и форм.

Отметим, что приоритетное значение инноваций утверждается в широкомасштабном национальном проекте "Образование", направленном на государственную поддержку деятельности образовательных учреждений разного уровня. Предложены различные концепции и подходы, в настоящее время стабильно работающие во многих областях педагогики высшей школы. Однако музыкально-педагогическое образование остаётся сферой, для которой не всегда применимы предлагаемые программы общеобразовательной направленности. И здесь необходимо выделить ряд отличий.

Специфика подготовки педагога-музыканта в вузе заключается не только в наличии в учебном плане индивидуальных занятий по исполнительским дисциплинам (музыкальному инструменту, вокалу, дирижёрско-хоровым дисциплинам), но также в том, что одной из основных целей музыкального образования выступает формирование у будущего учителя способности создать условия, обеспечивающие процесс общения учеников с музыкальным искусством. В этом процессе музыкальное производство становится полноправным участником коммуникативной деятельности, организованной педагогом.

Анализ практики подготовки педагога–музыканта в педагогическом вузе свидетельствует о том, что значительная часть студентов, обучающихся на музыкально–педагогических факультетах, демонстрирует пассивность, инертность в учебной деятельности. Отмечается не только низкая успеваемость по профильным дисциплинам, но также недостаточная инициативность студентов по отношению к музыкально–творческой работе, отсутствие потребности в общении с музыкальным искусством, непонимание его ценностно–смыслового значения и роли в современном социокультурном пространстве. Всё вышеизложенное свидетельствует об особой актуальности пересмотра качества профессиональной подготовки педагога–музыканта в вузе и необходимости включения ее содержания в инновационный процесс.

Следует подчеркнуть, что музыкально–педагогическое образование в современных социокультурных условиях – это не только формирование у специалиста потребности в общении с музыкальным искусством и в его эстетической оценке, это развитие и реализация художественно–творческих способностей личности, перенос их в другие сферы человеческой жизнедеятельности. Сама сущность обучения средствами музыки обозначает универсальную характеристику музыкально–педагогического образования, его онтологичность, которая исходит из непреходящей актуальности для человека идей, заложенных в произведениях искусства в виде художественных образов, – это, по мысли Л. С. Выготского, обуславливает понимание музыкального произведения в качестве модели построения жизни.

Отсюда расширяется понимание действия образа не только как исполнительского критерия для воспроизведения существующих музыкальных произведений, но как ведущей характеристики педагогических средств, приёмов и методов современного обучения и воспитания, а главное – как "онтологической основы культуры, в зеркале которой человек узнает себя" [11; 29].

Моделирование новой действительности, т.е. работа "по образцу", в качестве которого выступает произведение музыкального искусства и сосредоточенные в нём художественные образы, должно стать основной задачей музыкально–педагогического образования. Это не только сформирует у будущего педагога–музыканта умения рационально использовать приёмы и способы соответствующей деятельности, но и создаст "надёжный плацдарм для его дальнейшего самодвижения в рамках своей профессии" [5].

Однако, по мнению учёных В. И. Горлинского, В. Г. Ражникова, С. Л. Старобинского и др., гуманистические по своей направленности цели музыкального образования существуют на уровне декларации и находятся в отрыве от современной массовой практики, которая оста-

ётся ориентированной на узкоспециализированное воспроизводство учащимися и студентами определённого круга навыков. Последствиями такого отрыва являются ограничение музыкального образования только рамками своего предмета и отделение целей музыкального воспитания от целей воспитания человека. В результате становится закономерным несоответствие между требованиями жизни к организации художественного воспитания личности как органичной целостности и осуществлением обучения музыке, ограничиваемого механическим усвоением некоторого объёма знаний.

В русле исследуемой проблемы актуальными представляются работы В. И. Горлинского, который пишет не только о существенном отставании педагогики музыкального образования от реалий изменившейся жизни, но и о недостаточной разработанности методологических основ художественного обучения и воспитания. Сложившийся дефицит научно–практических исследований касается не их количества, а изучения тех областей знания, которые, как указывают Г. Г. Тенюкова и Н. Б. Наринская, невозможны без исследования "всех областей воспроизведения музыки и всего того, что делает ее сущностью и воспринимаемой" [Б. В. Асафьев] [17; 34].

Ряд научных исследований проблем инноваций в музыкально–педагогическом образовании посвящён созданию особых педагогических условий в процессе подготовки педагога–музыканта. Эти условия помогут сформировать у будущего специалиста не просто комплекс значимых умений и навыков, но и способностей к адаптации в различных, часто изменяющихся обстоятельствах современной жизни, способностей к смене по мере необходимости вектора своей профессиональной деятельности, к решению задач, с которыми ранее не приходилось сталкиваться. Следует согласиться с А. Н. Якуповым, который отмечает, что "школе сейчас необходимо не просто хороший учитель предмета "музыка", подготовленный по какой–либо "системе" (даже самой наилучшей), а разносторонне образованный умелый музыкант–специалист, способный вести музыкально–образовательную и воспитательную работу с детьми и подростками в самых различных формах" [20; 23]. Важным также является сохранение высоких требований к профессиональному мастерству, значительное расширение набора практических специализаций, позволяющих выпускнику вести просветительскую, менеджерскую, художественно–воспитательную деятельность.

Для выполнения указанных задач необходимо практически привлекать студентов к новым видам музыкально–творческой работы. Так, например, в последнее время создаётся большое количество общественных организаций, фондов творческой поддержки различных детских художественных коллективов. Деятельность многих

из них заключается в осуществлении творческой работы с подростками, молодёжью, их родителями. Такая работа отличается от обычной учебной деятельности педагога–музыканта в школе и предполагает особую коммуникативность, толерантность, психолого–педагогическую подготовку. Кроме того, выпускник педвуза должен обладать основными юридическими, экономическими знаниями, которые позволят вести продюсерскую и менеджёрскую деятельность. В данном ракурсе можно говорить о личностно–профессиональной мобильности как необходимом условии самореализации педагога–музыканта в современных условиях.

Как подчеркивает Ю.Б. Алиев: "Для сегодняшних дней актуальным является выявление тех изменений, которые обуславливают функционирование музыки в социуме и действенных путей приобщения современных школьников к её актуальным образцам" [2; 172]. Для решения этих задач необходимо обратиться к современной школьной практике, исследование которой показывает, что "из системы общего музыкального образования и широкой музыкальной досуговой практики ушли такие понятия как музицирование, музыкальная грамота, сочинение, импровизация" [19; 76]. В связи с этим, в контексте проблемы инноваций в музыкальном образовании, убедительно звучит мнение белорусского исследователя В. Л. Яконюк: "В современных условиях усиливающегося отчуждения музыки от человека изучение отдельных (изолированных) элементов музыки – бессмысленно и бесперспективно, ибо не даёт целостной и достоверной картины музыкального бытия" [19; 76]. По мнению В. Л. Яконюк, в педагогической науке в области музыкального образования необходимо направить усилия на исследование системы "человек – музыка".

Музыкальное искусство само по себе многозначно, воспроизведение музыкальных произведений по определению предполагает наличие интерпретации, индивидуального осмысления, моделирования, построения авторского текста в развитии. Это ставит инструменталь-

ное искусство в ранг нормы, идеала, эталонного образца, процесс осмысления произведения искусства при его исполнении содержит общие принципы участия в рождении замысла, формирования и развития художественного образа. Поэтому одним из показателей инноваций в музыкально–педагогическом образовании выступает "уникальный личный опыт решения профессиональных задач или предупреждения проблем, который становится достоянием широкого круга учеников разного уровня и таланта, и где практически достигается неповторимая гармония творческих новаций и здорового консерватизма" [16; 70]. Данный показатель является тем инструментом, с помощью которого новация трансформируется в инновацию.

Известно, что инструментально–исполнительская подготовка как часть профессиональной подготовки будущего педагога–музыканта опирается на устоявшиеся принципы работы с моделированием образа, поиском смысла, процессом реализации и адаптации новых форм. Следовательно, развитие различных форм инструментально–исполнительской деятельности будущего педагога–музыканта создаёт необходимые основы для понимания сути процесса и принципов внедрения инноваций в сферу музыкально–педагогического образования.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что потребности общества в переменах, механизмом обеспечения которых рассматриваются инновации, безусловны. Проводником инноваций в музыкально–педагогическую практику выступает, в конечном счёте, педагог–новатор, призванный укрепить традиции и трансформировать их в инновации. Становится очевидным факт формирования новой парадигмы образования XXI столетия, в котором необходимо разрешение противоречий между традиционной ролью музыкального искусства и образования в обществе и пониманием постоянно изменяющегося контекста профессиональной деятельности педагогов–музыкантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев, Ю. Б. Инновационные аспекты современной дидактической системы художественного образования школьников [Электронный ресурс]/ Ю. Б. Алиев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/innovatsionnye-aspekty-sovremennoy-didakticheskoy-sistemy-hudozhestvennogo-obrazovaniya-shkolnikov>.
2. Алиев, Ю. Б. Приобщение школьников к музыке с позиций дидактики (идеи предшественников и современный опыт) [Электронный ресурс]/ Ю. Б. Алиев. – История музыкального образования: новые исследования. /Материалы международного семинара пятой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. – Москва. 2016. С. 167–173. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27500012>
3. Бородин, Б. Б. К проблеме идентичности отечественной фортепианно–исполнительской школы [Электронный ресурс]/ Б. Б. Бородин. – История музыкального образования: новые исследования. /Материалы международного семинара пятой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. 2016. Москва. С. 48–61. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_27499991_68407113.pdf
4. Выготский, Л. С. Психология искусства [Текст]/Л. С. Выготский. – Ростов н/Д.: изд–во "Феникс", 1998. – 480 с.
5. Горлинский, В. В. О педагогическом консерватизме, узкой специализации и некоторых других проблемах современной музыкальной педагогики [Текст]/В.В. Горлинский // Искусство и образование. – 2005. – № 4. – С. 43–52.

6. Ильина, С. В. К вопросу об инновационных подходах к обновлению форм и методов преподавания курса истории музыки [текст]/С. В. Ильина// Музыкальное и художественное образование: опыт, традиции, инновации: сб. науч. ст. Вып. I / отв. ред. Г. Г. Тенюкова, Е. В. Бакшаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 147 с.
7. Костюкевич, С. В. Инновации: подход современных западных авторов [Электронный ресурс]/С. В. Костюкевич//Социологический альманах. Издательство: Институт социологии НАН Беларуси (Минск), 2011. № 2. С. 89–102. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_19042242_28388039.pdf
8. Момбек, А. А., Айтбаева, А. Б. Методология инновационного проектирования художественного образования в республике Казахстан [Текст]/А. А. Момбек, А. Б. Айтбаева// Художественное образование: опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. /отв. ред. А.И. Смоляр.– Самарский гос. соц.–пед. ун-т, 2016. – 198 с.
9. Наринская Н. Б. Система организации НИРС на факультете искусств [текст]/ Н. Б. Наринская// Музыкальное и художественное образование: опыт, традиции, инновации: сб. науч. ст. Вып. I / отв. ред. Г. Г. Тенюкова, Е. В. Бакшаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 147 с.
10. Олесина Е. П. Интеграция традиций и инноваций в художественном образовании [Текст]/Е. П. Олесина// Современное художественное образование: педагогические аспекты оптимизации: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции "Современное художественное образование: педагогические аспекты оптимизации" / Сост. Н.В. Курбатова, Е.П. Быкова – М.: Издательство Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки, 2015. – 211 с.
11. Петина, М. А. Философские размышления об образовании [текст] / М. А. Петина// Художественное образование: опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. /отв. ред. А.И. Смоляр.– Самарский гос. соц.–пед. ун-т, 2016. – 198 с.
12. Праслова, Г. А. Взаимосвязь традиций и инноваций в музыкально-педагогическом образовании [Электронный ресурс]/Г. А. Праслова.–Санкт–Петербург, 2006.– Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_12915391_49505135.pdf
13. Праслова Г. А. Взаимосвязь традиций и инноваций в эволюции музыкального образования в России. [Электронный ресурс]/Г. А. Праслова.–Санкт–Петербург, 2006. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_15629016_61202828.pdf
14. Савенкова, Л. Г. Гуманитаризация образования и интегрированное обучение: актуальные условия развития современной школы [Текст]/Л. Г. Савенкова//Музыкальное и художественное образование в современном мире: традиции и и новации: сборник матер. межд. науч.–практ. конф. Таганрогского ин-та им. А. П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО "Ростовский гос. эконом.ун-т (РИНХ)". Таганрог, 14. Апреля 2017 г./Науч. ред. Карнаухова Т. И. – Таганрог: Изд-во Таганрог. ин-та им. А. П. Чехова, 2017.– С. 126–140.
15. Старобинский, С.Л. Урок музыки – урок искусства [Текст]/С. Л. Старобинский// Музыка в школе. – 2003. – № 2. – С. 18–27.
16. Старчеус, М. С. О "новых" и "старых" методах обучения музыкантов [Электронный ресурс]/ М. С. Старчеус// Материалы международного семинара пятой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. Москва.–2016. С. 62–70. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_27499991_68407113.pdf
17. Тенюкова, Г. Г., Наринская Н. Б., К вопросу о развитии русской церковно-певческой культуры конца XV –середины XVII веков [текст]/ Г. Г. Тенюкова, Н. Б. Наринская // Музыкальное и художественное образование: опыт, традиции, инновации: сб. науч. ст. Вып. I / отв. ред. Г. Г. Тенюкова, Е. В. Бакшаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 147 с.
18. Хуторской, А. В. Педагогическая инноватика – рычаг образования [Электронный ресурс]/А. В. Хуторской.– Электрон. Текстовые дан.– Москва, 2011.– Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm>
19. Яконюк В. Л. Высшая музыкальная школа: к новой парадигме образования XXI столетия [электронный ресурс]/ В. Л. Яконюк.– Материалы международного семинара пятой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования.–Москва. 2016. С. 71– 79. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_27499991_68407113.pdf
20. Якупов, А. Н. Музыкальное воспитание – всем! Об опыте организации массового музыкального воспитания в Магнитогорске [Текст]/А. Н. Якупов//. М.: Сов. композитор, 1990. – 103 с.

© И.В. Арановская, Г.Б. Двойнина, (aalu@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИНТЕГРАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ТЕХНОЛОГИИ "ПОРТФОЛИО" КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА (на примере архитектурного портфолио)

INTEGRATION OF INNOVATIVE PROJECT-BASED TECHNOLOGIES AND "PORTFOLIO" TECHNOLOGY AS A FACTOR FOR FORMING PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF THE FUTURE SPECIALIST (based on architectural portfolio)

N. Bukhova

Annotation

The paper is concerned with the problem of integrating innovative educational technologies, including project-based technologies, critical thinking development technologies and portfolio technology, into the formation of foreign language professional competence among students of construction and architectural specialities. Basic aspects of profession-oriented foreign language training are determined while emphasizing the importance of discursive and strategic aspects for the implementation of professional communication. The pedagogical potential of business games in development of reading and comprehension skills in terms of business communication is revealed on the basis of specific articles and situations, initiated by profession-based problems resulting from the formation of professionally oriented language portfolio of students. The positive outcome of experimental research is demonstrated through application of business games in the process of integrating educational technologies.

Keywords: architectural portfolio, professional foreign language competence, innovative educational technologies, integration, business game, students of construction and architectural specialities.

Бухова Нина Владимировна

Ст. преподаватель,

*Московский архитектурный институт
(Государственная академия), Москва*

Аннотация

В статье актуализируются вопросы интеграции инновационных образовательных технологий (проектные технологии, технологии развития критического мышления, технология портфолио) в рамках формирования профессиональной иноязычной компетенции у студентов строительных и архитектурных специальностей. Выявлены и раскрыты аспекты формирования профессиональной иноязычной компетентности, подчеркнута важность дискурсивного и стратегического аспекта для осуществления профессионального общения. Рассмотрен педагогический потенциал деловых игр в формировании стратегии чтения, восприятия и обработки профессионально ориентированного текста в условиях делового общения, приближенных к профессиональным и являющихся результатом формирования профессионально ориентированного языкового портфолио студентов. Представлены результаты педагогического эксперимента по формированию профессиональной иноязычной компетенции с использованием в процессе интеграции образовательных технологий деловых игр.

Ключевые слова:

Архитектурное портфолио, профессиональная иноязычная компетенция, инновационные образовательные технологии, интеграция, деловая игра, студенты строительных и архитектурных специальностей.

Инновационность технологий, реализуемых в системе высшего образования (особенно технического), определяет не только положение вуза на отечественной и мировой арене, опосредованное результатами рейтинговых показателей, но и степень профессиональной готовности будущих специалистов к осуществлению профессиональной деятельности на высоком конкурентоспособном международном уровне. Современная инновационная технология призвана определять профессиональный успех и творческую реализацию всей совокупности профессионально ориентированных возможностей студента еще на этапе обучения в вузе. Определяющим фактором успешности такого образова-

тельного процесса является интеграция инноваций, основанная на совокупности концептуально-идеологического и фундаментально-методологического потенциала интегрируемых технологий.

Смена образовательной парадигмы и коэволюционные тенденции высшего технического образования определяют сегодня достижение высокого уровня профессиональной готовности будущего инженера (в нашем случае представителей строительных и архитектурных специальностей) посредством реализации в процессе профессиональной подготовки таких инноваций как проектные технологии и технологии портфолио.

Интеграция данных инновационных технологий, реализуемая в контексте изучения учебных дисциплин и образовательных модулей, создает предпосылки обеспечения высокой профессиональной конкурентоспособности будущего специалиста, основным критерием которой является уровень сформированности его профессиональных компетенций [1; 4; 8].

Необходимо отметить, что в условиях поликультурной образовательной среды и фактора эскалации роли межкультурной коммуникации на этапе профессиональной самореализации и профессионального становления, одним из определяющих аспектов подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности является формирование профессиональной иноязычной компетентности, складывающейся из таких профессионально-ориентированных аспектов как:

- ◆ лингвистический аспект, который предопределяет продуктивное усвоение на основе использования в образовательном процессе проектных методов лексических, морфологических, орфоэпических, лексико-грамматических, синтаксических норм изучаемого иностранного языка, процесс освоения которого ориентирован как на усвоение паттернов массового профессионального общения, так и на углубленное познание языка и подъязыка специальности, учитывающее осознание общей структуры лексем, способность к осуществлению глубокого этимологического анализа, а также последовательное наращивание скорости обработки и репрезентации профессиональной иноязычной информации в процессе коммуникативного взаимодействия, осуществляющегося впоследствии на основе развития ассоциативно-рефлексивных способностей;

- ◆ лингвострановедческий аспект, предполагающий знание и понимание будущими профессионалами речевых, вербальных и невербальных особенностей носителей языка, с которыми осуществляется профессиональное коммуникативное взаимодействие, а также владение знаниями культурных традиций, норм речевого и неречевого поведения в профессионально ориентированных ситуациях общения с собеседником;

- ◆ лингвопрагматический аспект коммуникативной компетенции, который позволяет студенту адекватно и правильно оценивать контекст речи, излагаемый на языке специальности, или текстового документа, а также правильно соотносить и не нарушать данный лингвистический контекст в процессе профессионально ориентированной иноязычной коммуникации;

- ◆ социокультурный аспект, формируемый условиями иноязычной образовательной среды вуза, который ориентирует будущих специалистов на продуктивное усвоение знаний и способов употребления правил речевого и неречевого общения, вербального и невербального иноязычного взаимодействия с учетом языка специальности, а также виртуального языкового поведенческого паттерна в ситуациях профессионального взаимо-

действия на основе использования информационных средств связи;

- ◆ дискурсивный аспект, отражающий сформированность языковой компетенции на таком уровне, который бы позволял будущим специалистам конструировать и выстраивать риторически грамотный профессионально-ориентированный текст в рамках профессионального общения;

- ◆ стратегический аспект, в рамках которого реализуются условия иноязычной образовательной среды и возможности студентов в интеграции, отборе, эффективном применении тех речевых технологий, которые на современном этапе развития высшего технического образования могут быть позиционированы как наиболее продуктивные с целью обеспечения рационального решения прогнозируемых коммуникативных задач в рамках профессионального дискурса в условиях международного взаимодействия [3].

На сегодняшний день именно стратегический и дискурсивный аспекты коммуникативной компетенции определяют успех востребованности специалиста на отечественном и международном рынках труда, что диктует необходимость интеграции инновационных образовательных технологий для достижения максимально высокого уровня профессиональной готовности в контексте формирования иноязычной компетентности. В этом плане совокупный потенциал проектных технологий и технологий профессионального языкового портфолио (в нашем случае архитектурного) является суммарным выражением эффективного методологического инструментария, представленного в формах, процессе организации, технологиях работы с продуктами познавательной деятельности студентов в области освоения навыков иноязычного общения, что позволяет удовлетворять образовательным директивам дискурсивного и стратегического компонентов формирования профессиональной иноязычной компетенции [2; 3].

В таком методологическом подходе проектные технологии удовлетворяют концепции развития критического мышления как эффективного способа развития познавательной активности студентов и самоактуализации в образовательной деятельности, а технологии портфолио – концепции профессионально акцентированной демонстрации результатов данной познавательной активности и учебной деятельности, представленных в виде конечных интеллектуальных языковых и проектных продуктов, предназначенных для репрезентации, демонстрации, аналитической и оценочной деятельности, а также для осознания студентами собственной субъектной позиции на начальном этапе профессиональной самореализации средствами иноязычной коммуникации, развития рефлексии и совершенствования потребности-мотивационной сферы, что помогает в дальнейшем более эффективно определить траекторию профессионального саморазвития [6; 8].

В качестве основного методологического инструментария реализации проектных технологий, интегрированных с технологией портфолио, в Московском архитектурном институте на занятиях со студентами 2 курса факультета общей подготовки нами были выбраны методики организации деловых (ролевых) игр, позволяющие целенаправленно учитывать в формировании иноязычной компетенции различные профессиональные сценарии и ситуации как, например,

"Взаимодействие архитектора, заказчика и подрядчика при обсуждении выбора материалов для проектирования и строительства высокоскоростной железной дороги".

Role-play.

Architect, customer and contractor...

Discussion on the choice of building materials for the design and construction of a high-speed railway.

Усвоенные ранее лексемы и конструкции (порядка 80–100 конструкций):

Customer, to be worth (discussing), to deliver, to employ, equipment, to compete, a wholesaler, to produce...etc.

В процессе деловой игры используются варианты заданий для анализа текстовых документов и карты-задания для составления делового разговора.

Пример карты для делового разговора:

- *Do you know anything about a ... to build a high-speed railway between -Moscow and St. Petersburg?*

- *Yes, certainly. This project ... discussing.*

- *What ... do you see in it?*

- *I suppose many countries are interested in this project. It is ...*

- *Well, soon you'll get to Moscow in 2 hours!*

-.....

Missing words: advantage, long-term, contract, to be worth, promising, materials for construction, project plan...etc.

Пример тестового задания в зависимости от аспекта темы обсуждения и роли участников переговоров, например, выбор строительного материала для изготовления бетона, фундамента, перекрытия или для отделочных работ:

Most types of granite are hard and dense enough to make a highly durable and desirable building material, which is not only impermeable but also weather resistant. The aesthetic qualities of granite essentially contribute to the overall appearance of surface finishing, produced by the process of grinding, carving, buffing pads, cutting saw blades, drilling and polishing. It can be cut into blocks or slabs of specific length, width and thickness. Polished granite is mostly characterized by its properties of high colour intensity and crystal reflectivity. Rough-cut and polished granite is widely used for monuments, bridges, paving slabs and tiles, sidewalk borders, pavements and many other exterior projects. Due to its hardworking property granite is suitable for high-traffic areas such as kitchen and bathroom. Besides, it offers a great variety of colours - pink, grey, buff, beige, black and white.

В ходе деловой игры студенты распределяют роли, знакомятся с текстовыми материалами, которые необходимо понять, осмыслить и передать в разговоре с целью консультации, рекламы, рекомендаций для отбора предложений на поставку товаров, услуг и т.п. Для выполнения задания определяется лимит времени, в течение которого необходимо осуществить каждый из этапов деловой игры. По окончании деловой игры каждому из студентов необходимо было сформировать деловой эссе по своей роли и тематике участия в переговорах, а также предоставить видеоматериал деловых переговоров или беседы, их которые впоследствии осуществлялось формирование профессионально ориентированного языкового портфолио.

Итоги проведения деловых игр подводились нами с учетом следующих показателей. В процессе работы с текстовыми документами нами оценивалась читательская компетенция студентов и способность к интерпретации специализированной информации, содержащейся в профессионально ориентированном тематическом тексте. Так, например, студенты, которые изложили в деловом эссе результаты восприятия текста в рамках субъективных суждений (31%) были отнесены к типу суггестивной парадигмы, опосредованной синтетической стратегией чтения. 43% студентов строительных и архитектурных специальностей вошли в группу, объединенную аналитической читательской стратегией, которая включает более глубокое понимание языка специальности и языковых норм, а также позволяет формировать гибридную проекцию специализированного иноязычного текста. 26% студентов составили группу, которая способна интерпретировать незнакомый профессионально ориентированный текст уже в рамках собственной ролевой позиции, сопроводив ее собственными мыслями и рассуждениями (высокоэффективная синтетическая стратегия восприятия) [5; 7].

Второй показатель складывался из анализа способности студентов воспринять профессиональный текст (на основе использования технологии развития критического мышления) и, опираясь на ранее усвоенные знания и профессиональные клише, принять участие в деловых переговорах в заданном лимите времени.

Так, для проектного эксперимента в деловой игре студентам был предложен незнакомый профессионально ориентированный текст, разделенный на 4 законченных логико-смысловых отрезка общим объемом, примерно, 0, 5 п. л. На каждую стадию (по технологии развития критического мышления: вызов, осмысление, рефлексия) было отведено около 20–25 мин.

При достигнутом в течение периода исследования уровне сформированности умения конструктивно работать с профессиональной иноязычной информацией в

процессе деловых игр и умения передавать суть информации в ситуации профессионального общения на основе использования таких способов интегрирования информации как кластерный подход, глоссирование, моделирование и составление тезаурусных полей для ситуации общения охватили более 50% информационного текстового содержания 55% студентов, что составило на 15% больше, чем в начале эксперимента. Остались и студенты, охватившие менее 50% содержания, однако их количество уменьшилось на 20%. Считаем важным также отметить, что существенно возросло количество студентов, охвативших более 75% текста в заданном лимите времени (n=25%).

Полученные результаты позволили нам убедиться в том, что интеграция образовательных инноваций является эффективным способом самореализации будущего специалиста в таких системах как "студент-студент", "студент-социум", "студент-профессиональное сообщество". Интеграция проектных технологий с технологией портфолио является достоверным результатом, опосредующим результативные доказательства системной рефлексии будущего специалиста на собственную проектную, исследовательскую, познавательную и другие виды профессионально ориентированной деятельности и репрезентативного представления ее результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глумова, Е. П. Технология профессионального портфолио при формировании межкультурной компетенции будущих учителей иностранного языка / Е. П. Глумова, А. С. Шимичев // Язык и культура. – 2017. – №39. – С. 167–179.
2. Казанцева, Е. М. Специфика формирования дискурсивной компетенции профессионала в области деловой межкультурной коммуникации / Е. М. Казанцева, Г. А. Проскурина // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2016. – №6. – С. 93–99.
3. Плужник, И. Л. Основные компоненты моделирования процесса формирования иноязычной межкультурной коммуникативной компетенции в вузовском гуманитарном образовании / И. Л. Плужник // Педагогическое образование в России. – 2016. – №12. – С.225–230.
4. Полат, Е. С. Метод проектов / Е. С. Полат // Метод проектов: на-уч.-метод. сб. / БГУ. Центр проблем развития образования (Современные технологии университетского образования. Вып. 2). – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – С. 39–47.
5. Серова, Т. С. Моделирование процесса речевой деятельности гибкого иноязычного чтения во взаимосвязи с письмом и говорением в интерактивных технологиях обучения / Т. С. Серова, Е. Л. Пипченко // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 2. – С. 89–97.
6. Фатеева, И. А. Метод "портфолио" как приоритетная инновационная технология в образовании: преемственность между средней школой и вузом / И А Фатеева, Т. Н. Канатникова // Молодой ученый. – 2012. – №12. – С. 526–528.
7. Яковенко, И. А. Формирование стратегий иноязычного смыслового чтения текстовой информации / И. А. Яковенко // Педагогика и психология образования. – 2017. – № 3. – С. 38–43.
8. Wonacott, M. E. Career passports, portfolios and certificates [Электронный ресурс] / М. Е. Wonacott // ERIC Digest. – 2002. – No. 238. – Режим доступа: <http://www.ericacve.org>.

© Н.В. Бухова, (nina_ing@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"
Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

РЕКЛАМА

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В РАМКАХ ПРЕДМЕТА "НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ" (для студентов младших курсов)

THE APPLICATION OF THE PROJECT
METHOD OF INSTRUCTION WITHIN
THE SUBJECT "DESCRIPTIVE GEOMETRY"
(for students of junior courses)

*G. Dmitrenko
Ju. Shepeleva
M. Speight*

Annotation

The article describes the results obtained when applying the project method within the framework of the discipline Descriptive Geometry. It is shown that this method can be actively used along with traditional teaching methods. The results obtained by us clearly show that the mastering of a complex material by students is easier and more accessible if the student builds the model not only on paper.

Keywords: project, project method, Descriptive geometry, mastering of material.

Дмитренко Галина Александровна

*К.т.н., доцент, Сибирский Государственный
Университет им. М.Ф. Решетнева*

Шепелева Юлия Сергеевна

*Ст. преподаватель, Сибирский
Федеральный Университет*

Шпейт Марина Юрьевна

*К.т.н., доцент, Сибирский Государственный
Университет им. М.Ф. Решетнева*

Аннотация

В статье описываются результаты, полученные при применении метода проектов в рамках дисциплины "Начертательная геометрия". Показано, что данный метод может активно применяться наряду с традиционными методами обучения. Полученные нами результаты наглядно показывают, что усвоение сложного материала студентами происходит легче и доступнее, если построение модели студентом происходит не только на бумаге.

Ключевые слова:

Проект, метод проектов, Начертательная геометрия, усвоение материала.

Проективный метод (метод проектов) – явление, возникшее в педагогике в начале XX века в американской школе, применялся данный метод также в отечественной дидактике (особенно в 20–30-е годы). Но, стоит отметить, что в настоящее время этот метод получил широкое распространение и находится под пристальным вниманием во многих странах мира. Первоначально его называли методом проблем, и связывался он с идеями гуманистического направления в философии и образовании, разработанными американским философом и педагогом Дж. Дьюи, а также его учеником В.Х. Кильпатриком. Дж. Дьюи призывал строить обучение на активной основе, через целесообразную деятельность ученика, сообразуясь с его личной заинтересованностью именно в этом знании [1].

Е.С. Полат предлагает такое определение методу проектов в современном понимании: "метод", предполагающий "определенную совокупность учебно-познавательных приемов, с помощью которых возможно получить решение той или иной проблемы в результате самостоятельных действий учащихся с обязательной презентацией этих результатов".

Проектный метод позволяет отойти от авторитарности в обучении, всегда ориентирован на самостоятельную работу учащихся. С помощью этого метода ученики не

только получают сумму тех или иных знаний, но и обучаются приобретать эти знания самостоятельно, пользоваться ими для решения познавательных и практических задач [2].

Метод проектов (проектный метод) направлен на развитие познавательного интереса, критического мышления, творческих способностей учащихся, их умений самостоятельно структурировать свои знания, ориентироваться в мировом информационном пространстве [3].

Данный метод ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся – индивидуальную работу, работу в парах, групповую деятельность, в рамках которой учащиеся выполняют задания определенного характера в течение заданного отрезка времени. Данный подход органично сочетается с традиционным методом обучения и применяется в сотрудничестве с ним.

Метод проектов всегда предполагает решение (раскрытие) какой-либо проблемы, задачи предусматривающей, с одной стороны, использование разнообразных методов, с другой – интегрирование знаний, умений, навыков из различных областей знаний, наук, техники, технологий, творчества. Получаемые учащимися результаты выполненных проектов должны быть, что называется, "осознаваемыми", "ощущаемыми" т.е. если перед человеком ставится теоретическая проблема, то результатом долж-

но быть ее конкретное решение, если же практическая – конкретный результат, готовый к внедрению.

Предмет "Начертательная геометрия" для первокурсников является одним из самых трудных из всех учебных дисциплин для понимания и усвоения. Это связано с целым рядом причин, таких как:

- ◆ низкая подготовка в рамках школьных предметов;
- ◆ новая система преподавания;
- ◆ необходимость работать самостоятельно и в динамике.

Многим первокурсникам тяжело дается переход от школьной системы преподавания к вузовской, так как в ВУЗе возникает необходимость больше времени уделять самостоятельной работе [4]. Также, для многих обучающихся, приехавших из других городов или сельской местности, к новой системе вузовского обучения добавляются еще и бытовые проблемы. К таким проблемам мы относим организацию проживания и адаптацию в условиях другого города.

Исходя из всего вышесказанного, для снижения сложности адаптационных моментов, в рамках дисциплины нами был разработан и воплощен в жизнь проект. В данном проекте участвовали студенты первого курса Сибирского государственного университета науки и технологий, обучающиеся по техническому направлению подготовки. Проект был направлен на изучение и освоение следующих, довольно сложных в понимании тем дисциплины: 1) построение трех проекций геометрических тел; 2) сечение геометрического тела проецирующей плоскостью и построение натуральной величины сечения; 3) построение развертки геометрического тела; 4) выполнение модели усеченного геометрического тела (по полученному чертежу).

Целью проекта стало: развитие пространственного воображения и объектного мышления в процессе обучения. В результате работы над проектом, обучающийся, осваивает вышеперечисленные темы и своими руками создает "шедевр", т.е. объемную модель усеченного геометрического тела из бумаги.

Если модель не склеивается, то необходимо найти и исправить ошибки, допущенные в процессе построения чертежа. Неверное построение третьей проекции, нахождение натуральной величины сечения, нахождение натуральной величины ребер гранных поверхностей, построение самой развертки, – вот спектр основных ошибок, допускаемых обучающимися во время выполнения модели.

По окончании проекта изготовленные модели вы-

ставлялись на стенд и оценивались: 1) студентами, на оценки: отлично, хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно; 2) преподавателем (после оценки, представленной студентами).

Основные критерии оценивания, предъявляемые к представленным моделям:

- ◆ соответствие размеров модели и чертежа;
- ◆ правильность нахождения натуральной величины сечения;
- ◆ правильность и соответствие построения развертки и модели.

Ожидаемый результат: в результате самостоятельной работы над проектом до 80% обучающихся усваивают предложенный материал.

Количество участников проекта: группа студентов первого курса в количестве 54 человека. Место проведения: кафедра "Инженерной графики" Сибирского государственного университета науки и технологий. Время проведения: третий модуль первого семестра, в соответствии с рейтинг-планом.

В проекте принимали участие студенты, обучающиеся по следующим направлениям: "Эксплуатация и ремонт садово-паркового и ландшафтного оборудования" в количестве 26 человек и "Эксплуатация и ремонт деревообрабатывающего оборудования" в количестве 28 человек. Это студенты, чьи модели были выставлены для оценки. Оценку работ проводили сами студенты.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы обратить внимание на то, что изучаемые темы усвоены студентами больше чем на 75%. Также стоит отметить, что в процессе работы над проектом, обучающиеся столкнулись с определенными трудностями: модель не склеивалась, модель получалась другой и не соответствовала чертежу, не правильно была найдена натуральная величина и т.д. Для того, чтобы модель получилась соответствующей чертежу, студенту необходимо было найти и исправить ошибки, допущенные в ходе работы над моделью. В результате получался геометрический объект, соответствующего размера, имеющий объемную форму.

Оценка работ своих товарищей не была легкой задачей, надо было оценивать друзей по определенным критериям, объективно без вмешательства субъективного фактора. И именно здесь обучающиеся столкнулись с определенными трудностями: надо было выбирать между объективной оценкой и субъективной симпатией к исполнителю. Оценивались работы по пятибалльной системе, оценки выставлялись студентами на чертеж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Педагогические технологии / М. В. Буланова-Топоркова, А.В. Духавнева, В.С. Кукушин, Г.В. Сучков М.: МарТ, 2006. – 320 с.
2. Кузнецов, С.А. Современный толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов М.: Норинт, 2007. – 960 с.
3. Агеев, В.Н. Электронные издания учебного назначения: концепции, создание, использование: Учебное пособие в помощь авт. и ред. / В.Н. Агеев, Ю.Г. Древе М.: МГУП, 2003. – 236 с.
4. Белкин, А.С. Педагогическая компетентность / А.С. Белкин, В.В. Нестеров. Екатеринбург, 2003.

ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE READINESS OF THE FUTURE LAWYERS TO THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY: A PHENOMENOLOGICAL AND CATEGORICAL ANALYSIS

D. Kardanova

Annotation

The article considers readiness as a scientific phenomenon. Functional and personal approach to this category is analyzed. Emphasis is placed on professional readiness for legal activities. Structural components of readiness of future lawyers for crime prevention are analyzed.

Keywords: prevention of offenses, teenager, lawyer, readiness, deviant behavior, pedagogical activity.

Карданова Диана Мухамедовна
Аспирант, Карачаево–Черкесский
государственный университет
им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск

Аннотация

В статье рассматривается готовность как научный феномен. Анализируется функциональный и личностный подход к данной категории. Делается акцент на профессиональной готовности к юридической деятельности. Анализируются структурные компоненты готовности будущих юристов к профилактике правонарушений.

Ключевые слова:

Профилактика правонарушений, подросток, юрист, готовность, девиантное поведение, педагогическая деятельность.

В настоящее время многие исследователи обращаются к проблемам формирования готовности к профессиональной деятельности. В 40–х гг. XX столетия разнообразие аспекты проблемы готовности к профессиональной деятельности изучались учеными ряда стран: США, Германии, Франции и Великобритании. Общие аспекты готовности человека, а в частности и профессиональные, являлись объектом многолетних исследований в Болгарии, Венгрии, ГДР и Чехословакии. В России только в 50–х гг. стало прослеживаться начало исследования данного вопроса.

В настоящее время, проблемы профессиональной подготовки будущих специалистов к работе с несовершеннолетними правонарушителями являются одними из наиболее актуальных в современном обществе.

Для решения поставленной задачи должна быть создана эффективная система государственной поддержки, основанная на восстановительной парадигме правосудия и применения ювенальных технологий в работе с несовершеннолетними. В связи с этим возникла потребность в наличии специалистов: педагогов и юристов, способных оказать качественную помощь и вывести несовершеннолетних из зоны действия криминализирующих общество процессов [16, с. 142].

Неопровержимым и очевидным в настоящее время является тот факт, что современному российскому обще-

ству необходимы высокообразованные и целеустремленные специалисты.

Современное общество нуждается в образованных, нравственных и предприимчивых людях, способных принимать самостоятельные ответственные решения, прогнозировать последствия выбора; характеризующиеся мобильностью, конструктивностью, динамичностью, а также, высоко развитым чувством ответственности за свою страну.

Обратимся к анализу понятия "готовность" так как оно выступает в качестве ключевого. В этой связи логика нашего исследования требует более детального рассмотрения данного феномена. До сих пор отсутствует единая трактовка этого понятия. В психологических и педагогических исследованиях можно обнаружить достаточно широкий диапазон определений готовности.

Анализируя психолого–педагогическую литературу, можно установить два подхода к содержательному определению понятия "готовность к деятельности". Одним из таких подходов является функциональный (Д.Н.Узнадзе, В.А.Ядов), второй подход – личностный (И.А.Зимняя, В.А. Крутецкий, В.А.Сластенин).

Функциональный подход рассматривает готовность к деятельности на основании психических функций, которые, в данном подходе, выступают обязательным услови-

ем для выполнения результативной профессиональной деятельности.

Определение готовности в данном подходе характеризуется как особое состояние, целостное проявление личности, которое занимает промежуточное положение между свойствами личности и психическими процессами. Другими словами, это "фон" для происходящих психических процессов. В границах функционального направления имеется подход к рассмотрению готовности во взаимосвязи с установкой (А.С.Прангвишвили, С.Л.Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе).

Рубинштейн С.Л. рассматривал установку личности как принятую позицию, заключающуюся в определенном отношении к поставленным целям и задачам; установка, направленная на достижение задач, выражается в селективной мобилизованности и готовности к деятельности [11, с.27].

В работах Д.Н. Узнадзе упоминается о значимости понимания установки, как готовности к деятельности. Установку, по мнению ученого, необходимо понимать как состояние целостного субъекта, а не как частичный психологический феномен. То есть, в данном ракурсе, установка активизирует психическую активность, возникающую посредством действия, объективных обстоятельств и является состоянием, отражающим вызывающие ее субъективные условия. Таким образом, утверждает автор, установка является переносом в субъект объективной ситуации, а не субъективным состоянием. Это объективное положение вещей, перешедшее в субъект [15, с.32 – 33].

Мясищев В.М. разделяет точку зрения Д.Н. Узнадзе, рассматривая установку как настройку на деятельность, и считает, что готовность не может возникнуть без установок. Однако, готовность содержит как разнообразное осознание и не осознание задач, модели поведения, определение оптимальных способов деятельности, так и оценку возможностей в соотношении с предстоящими трудностями и необходимостью достижения некоего результата. В связи с этим, иногда состояние готовности и установки совпадают. Готовность представляет собой более сложное структурное образование. Так, Г.Г.Голубев относит готовность к психическим и трудовым состояниям. Отображение готовности как психического состояния, которое обеспечивает большую дееспособность, он строит исходя из того, что профессия как вид деятельности предполагает специальную подготовку [9, с.18].

В личностном подходе подразумевается под готовностью устойчивую характеристику личности. Эта готовность, при заблаговременном формировании, становится предпосылкой для успешной деятельности. Сторонники данного подхода считают, что готовность выступает син-

тезом свойств личности, который определяет ее пригодность к деятельности и включает положительное и активное отношение, опыт, самоорганизацию труда, самостоятельную работу и видение перспектив развития.

В работах В.А.Крутецкого сказано, что готовность представляет собой синтез свойств личности, которые определяют пригодность к какой-либо деятельности. К таким свойствам он отнес: положительное и активное отношение к деятельности, склонность к занятию ею, способность перейти в страстную увлеченность; а также ряд характерологических черт и устойчивых интеллектуальных свойств; помимо этого, к свойствам он отнес также наличие благоприятных психических состояний для выполнения данной деятельности; фонд знаний, умений и навыков в области предполагаемой деятельности, некоторые психологические особенности сенсорной и умственной сфер, которые отвечают требованиям выбранной деятельности [5, с.33].

В трудах некоторых исследователей, можно встретить трактовку готовности как качества личности и технического состояния и "настроя" личности на выполнение деятельности. Например, М.И.Дьяченко и Л.А. Кандыбович указывают на то, что в ходе осуществления работником своих трудовых функций у него могут проявиться устойчивые личностные особенности (например, убеждения, взгляды либо черты характера), и ситуативные психические состояния, (бдительность, собранность, удовлетворенность). По мнению данных исследователей, состояние готовности представляет собой "настрой" и приспособление личностных возможностей для выполнения успешных в данный момент действий; это внутренний настрой личности на какое-либо конкретное поведение при осуществлении им своих трудовых функций, так называемая установка на "активные и целесообразные действия". Данный настрой на профессиональную деятельность обуславливается психическими особенностями, а также мотивами личности, в связи с этим готовность определяется как состояние, и как интегральное качество личности. Подводя итог, можно говорить о том, что процесс формирования готовности будущего педагога к общению с подростками характеризуется своей логикой и структурой. Определение принципов организации этого процесса имеет особую важность. Являясь целостным, данный процесс раскрывается равномерно и последовательно [3, с.17].

В понимании сущности "готовности к деятельности" моя позиция полностью совпадает с позицией А.И. Тимонина. Он характеризует данную категорию как некое личностное состояние, предполагающее наличие у человека некоего образа структуры действия, а также направленности сознания на достижение поставленной цели. Она включает разнообразные мотивы, которые направлены

на понимание задач, определение способов деятельности, построения модели вероятного поведения, оценку возможностей в соотношении их с возможными трудностями и необходимостью достижения некоего результата. "Готовность будущего учителя к педагогической деятельности" А.И. Тимонин видит, как состояние личности, которое подразумевает наличие у потенциального педагога мотивационно-ценностного отношения к осуществляемой им профессиональной и педагогической деятельности, а также знание действенных способов и средств, необходимых для решения педагогических задач. Им выделены такие структурные компоненты: деятельностный, когнитивный, процессуальный, эмоциональный, рассматривая их в совокупности с мотивационно-ценностным компонентом [12, с.18 – 19].

Мищенко А.И. дал, по нашему мнению, определение, наиболее точно отражающее профессиональную готовность юриста к деятельности. Он охарактеризовал готовность в качестве определенного целостного состояния личности, показывающего качественные характеристики сознания, а также стиль мышления, профессиональную и гражданскую позиции, гибкость мышления и мобильность ориентирования в сложных ситуациях. В готовности юриста составляющими частями выступают компетенция и опыт креативной деятельности [17, с.22].

В своих исследованиях М.Ж. Поликарпова готовность к юридической деятельности трактуется как конструирование необходимых отношений, установок, профессионализма, характерологических особенностей личности, определяющие возможность будущего юриста добросовестно и осознанно выполнять профессиональные задачи. Детерминирующим фактором в готовности будущего юриста к профессиональной деятельности выступает ее специфика и условия протекания. А значит, структура готовности к этому виду деятельности детерминируется особенностями юридической деятельности [10, с. 148 – 152].

Колосова Е.Ю. рассматривает готовность будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями как сложное интегративное образование, выраженное в виде определенного сочетания специальных и необходимых для профессии качеств, а также правовых, психолого-педагогических знаний, умений, навыков, ценностно-целевых установок, конкретных качеств и свойств.

Таким образом, исходя из всего выше сказанного, автор выделила следующие компоненты готовности будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями: мотивационно – установочный, когнитивный, содержательно – операциональный и оценочно-рефлексивный компоненты [4, с.146 – 149].

Из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что готовность будущего юриста к профилактике правонарушений среди подростков – это интегральная характеристика, включающая мотивационный, когнитивный, эмоционально-волевой и деятельностный компоненты.

Рассмотрим каждый компонент готовности.

Мотивационно-ценностный компонент готовности будущих юристов к профилактике правонарушений среди несовершеннолетних базируется на таких понятиях, как мотив и ценность.

Проблеме мотивов посвящены многочисленные исследования, все еще нет единого взгляда на определение мотива. Исследователи в научной литературе определяют мотив как:

- ◆ побуждение, порожденное системой потребностей человека (В. Водопьянов, А.А. Радугин и др.);
- ◆ субъективное отношение личности к деятельности, в основе которого лежит сознательно поставленная и определенным образом обоснованная цель (И.Ф. Харламов) [13, с. 165 – 167];

Некоторые исследователи, в частности, Л.И. Божович, также указывают на отсутствие в современной психологии и педагогике единого мнения относительно понимания сущности категории "мотив". Автор считает, что в качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания и словом, все то, в чем нашла воплощение потребность [2, с. 41 – 42].

Немаловажную роль в мотивационно-ценностном компоненте готовности будущих юристов к профилактике правонарушений играет и понятие "ценность".

На современном этапе развития науки существует достаточное количество определений понятия "ценность", как у зарубежных, так и российских ученых.

В словаре Е.М. Удовиченко ценность обозначается как стержневое аксиологическое понятие, раскрывающее их положительную или отрицательную потребность для субъекта, социальной группы или социума в целом. Ценности предстают как объект влечений, целей, в общем как – смысл бытия. Важным моментом является то, что ценность отталкивается не от самого предмета, а от отношения к нему с точки зрения субъекта. Ценности могут быть разделены на две группы – ценности материальные (утилитарные) и духовные (возвышенные). При этом разделение ценностей на группы относительно [14, с.19].

С.А. Лебедев определяет ценности как существенные универсальные цели и эталоны (нормы) [8, с.320].

По мнению Э.А. Арутюняна, в глобальном смысле есть ценности социальные и личностные. Процесс перехода социальных ценностей в личностные реализуется через включенность личности в социальные взаимодействия, а именно в "микросреду", представляющую собой социальную группу, проявляющую себя передатчиком ценностей общества [1, с. 49 – 61].

Ученые по-разному рассматривают трактуют содержание мотивационно-ценностного компонента готовности:

- ◆ совокупность мотивов, выражающих осознанное побуждение к деятельности (Т.А.Крюкова)[6, с.20];
- ◆ личностное отношение к деятельности, выражающееся в целевых установках, мотивах и интересах (Н.В.Зайцева);
- ◆ осознание смысла выбранной профессии (З.М. Рачкова);
- ◆ социальные установки и ценностные ориентации, потребности, интересы и мотивы профессиональной деятельности (С.А.Днепров);
- ◆ анализ осознанности целей деятельности человека и источников его активности (В.П.Гогueva);

Анализ данных определений дает возможность трактовать мотивационно-ценностный компонент готовности будущих юристов к работе с подростками, в виде совокупности устойчивых внутренних и внешних мотивов, дающих целенаправленный характер деятельности студентов по овладению профессией, детерминирующих направленность личности на творческую самореализацию [13, с.168].

Рассмотрим когнитивный компонент готовности будущих юристов к профилактике правонарушений среди подростков.

Данный компонент основан на наличии знаний. Будущему юристу необходимо обладать следующими правовыми и социально-педагогическими знаниями:

- ◆ вид, тип и мера ответственности;
- ◆ основания и порядок по принуждению, меры применения ответственности к несовершеннолетним и их родителям;
- ◆ специфика делопроизводства по отношению лицам, не достигшим 18 лет;
- ◆ причины, приводящие к возникновению социального сиротства;
- ◆ права и обязанности родителей;
- ◆ формы правового воздействия на родителей и правила их применения при нарушении родительских прав;
- ◆ основные задачи и направления деятельности органов и учреждений субъектов по профилактике безнадзорности и беспризорности.

Деятельностный компонент готовности будущих юристов к профилактике правонарушений среди несовершеннолетних включает опыт применения юридического инструментария, технологий консультативной, посреднической деятельности для решения задач профилактической работы, вербального воздействия и невербального поведения.

Для юриста важным является умение установить контакт с подростком и его родителями, слушать и слышать, принимать оптимальную позицию в контактах, находить выход из конфликтной ситуации, реагировать на поступки и высказывания несовершеннолетних в рамках профессиональной толерантности.

На основании того, что юридическая деятельность представляет собой сферу повышенной ответственности как для настоящего, так и для будущего, она содержит значительный профилактический потенциал. Юрист, работая с людьми, формирует новую правозащитную реальность и способствует созданию новых демократических, гуманно-правовых взаимоотношений и новой правовой культуры.

Эмоционально-волевой компонент предполагает сформированные в процессе профессиональной подготовки чувство ответственности за результат деятельности, навыки самоконтроля, умение управлять действиями в процессе деятельности, профессиональную честность и ответственность. способность к управлению собой, к мобилизации сил, сосредоточению на задаче, отвлечению от мешающих воздействий, воодушевление, высокий уровень самоконтроля над эмоциями и поведением, устойчивость к стрессам.

Данный компонент готовности будущего юриста к профилактике правонарушений среди несовершеннолетних определяется как способность к управлению собой, к мобилизации сил, сосредоточению на задаче, отвлечению от внешних воздействий, воодушевление, высокий уровень самоконтроля над эмоциями и поведением, устойчивость к стрессам. В результате происходит формирование профессиональных качеств личности юриста – гуманистическая направленность, честность, личная и социальная ответственность, принципиальность, справедливость, эмоциональная устойчивость, эмпатия и др.)

Курочкина М.И. отмечает, что работающему в социальной сфере юристу, нужно создать вокруг себя микроклимат духовности и правовой культуры. Юрист должен обладать широким кругозором и высоким уровнем гражданского ответственности. Постулатами юриста в профилактике правонарушений должны выступать: гуманное обращение, принципиальная помощь в решении соци-

альных, правовых, этических и духовно– нравственных, межличностных, семейных и других проблем личности, справедливое содействие в создании условий для достойной жизни человека в демократическом правовом обществе. Среди профессионально важных качеств юриста, необходимых в профессиональной деятельности по профилактике правонарушений, значимой, на наш взгляд, является эмпатия.

Таким образом, готовность – это одно из важнейших первичных и фундаментальных условий осуществления

профессиональной деятельности [7, С. 195–198]

При выполнении своей профессиональной деятельности по профилактике правонарушений среди лиц, достигших 18 лет, юрист должен владеть юридическими знаниями и практическими умениями, профессионально значимыми личностными качествами специалиста социальной сферы: честностью, принципиальностью, гуманистической направленностью, личной и социальной ответственностью, обостренным чувством добра и справедливости, эмоциональной устойчивостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян, Э.А. Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности / Э.А. Арутюнян // Образ жизни и ценностные ориентации личности. – Ереван: Изд–во АН Арм. ССР, 1979. –308 с.
2. Божович, Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка ... детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благоннадежиной; Науч.–исслед. ин–т общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Педагогика, 1972. –352 с.
3. Дьяченко, М.И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск: Изд–во БГУ, 1976. – 176 с.
4. Колосова, Е.Ю. Подготовка будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями / Е.Ю. Колосова // Сборник статей Теоретические и методологические проблемы современного образования: материалы XXIII Международной научно–практической конференции. – М.: Научно–информационный издательский центр "Институт стратегических исследований", 2015. – С.46 – 49.
5. Крутецкий, В.А. Основы педагогической психологии / В.А. Крутецкий. – М.: Просвещение, 1972. – 253 с.
6. Крюкова, Т.А. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя в процессе педагогической практики. Дис. ... канд. пед. Наук: 13.00.08/ Т.А. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 200 с.
7. Кugno, Э.Э. Содержание и структура готовности военнослужащего к деятельности в экспериментальных условиях / Э.Э. Кugno // Вектор науки ТГУ, Серия: Педагогика и психология. – 2012. – № 1(8). – С. 195–198.
8. Лебедев, С.А. Философия науки: Словарь основных терминов / С.А. Лебедев. – М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.
9. Питонов, К.К. Психология / К.К. Питонов, Г.Г. Голубев. – М.: Высш. Школа, 1973. – 256 с.
10. Поликарпова, М.Ж. Теоретические аспекты формирования готовности к профессиональной деятельности студентов и слушателей юридического вуза / М.Ж. Поликарпова // Международный научный журнал "Символ науки". – 2015. – №11. – С.148 – 152.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1946. – 543 с.
12. Смирнова, М.С. Теоретические подходы к пониманию сущности феномена "готовность" в современной науке / М.С. Смирнова // Образование и педагогические науки. – 2016. – №4. – С.18 – 19.
13. Суслowa, И.О. Мотивационный компонент в структуре профессионального становления будущих специалистов / И.О. Суслowa // Вестник. – 2005. – № 11. – С.165 – 167.
14. Удовиченко, Е.М. Философия: конспект лекций и словарь терминов (элементарный курс): Учебное пособие / Е.М. Удовиченко. – Магнитогорск: МГТУ, 2004. – 197 с.
15. Узнадзе, Д.Н. Учебник. Экспериментальные основы психологии установки / Д.Н. Узнадзе. – Тбилиси: Изд–во Акад. наук Груз. ССР, 1961. – 210 с.
16. Хрисанова, Е.Г. // Профессионально–педагогическая подготовка будущих юристов / Е.Г. Хрисанова, Я.В. Ермушова // Научный потенциал. – 2011. – № 3. – С. 142 – 148.
17. Шибанова, Н.М. Подготовка будущего учителя к гражданско–правовому воспитанию младших школьников. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Шибанова Н.М. – Чита, 2004. – 226 с.

© Д.М. Карданова, (dianka.kardanova.00@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Киндря Наталия Александровна
К.филол.н., доцент,
Финансовый университет
при Правительстве РФ

PRESENTATION OF SPECIAL LEXICO OF ECONOMIC PROFILE AT INITIAL STAGE OF TRAINING OF RCT

N. Kindrya

Annotation

This article is devoted to the problem of the formation of special lexical skills for students studying RCTs, using the example of the subject field "Economics"; the article reveals the basic concepts and principles of teaching Russian vocabulary for international students, and also generalizes and systematizes the experience in the formation of lexical knowledge among different categories of students; The article touches on the patterns of using visual lexical material in the process of forming special knowledge among students studying RCTs; The article deals with the problem of borrowings in the Russian language, which facilitate the assimilation of vocabulary; The article offers ways to optimize the teaching of RCTs and ways to improve lexical skills; the article offers the main ways to effectively present the vocabulary of the economic direction for the assimilation of relevant knowledge by foreign students who study RCTs.

Keywords: special vocabulary, initial stage, training of RCTs.

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме формирования специальных лексических навыков у студентов, изучающих РКИ, на примере предметной области "Экономика"; статья раскрывает основные понятия и принципы обучения русской лексике иностранных студентов, а также обобщает и систематизирует опыт по формированию лексических знаний у различных категорий обучающихся; статья затрагивает закономерности использования наглядного лексического материала в процессе формирования специальных знаний у студентов, изучающих РКИ; статья касается проблемы заимствований в русском языке, которые облегчают усвоение лексики; статья предлагает пути оптимизации обучения РКИ и способы усовершенствования лексических навыков; статья предлагает основные способы эффективной презентации лексики экономического направления для усвоения соответствующих знаний иностранными студентами, которые изучают РКИ.

Ключевые слова:

Специальная лексика, начальный этап, обучение РКИ.

Проблема преподавания лексического материала студентам, изучающим РКИ, является наиболее важной в методике преподавания РКИ, поскольку без овладения лексическим материалом невозможно овладение другими навыками (грамматическими, морфологическими, синтаксическими, пунктуационными) [2, с. 10]. Особенно важно формировать и развивать лексические навыки при профильном обучении РКИ [7, с. 77].

Лексический аспект в обучении РКИ заключается в формировании социокультурных компетенций обучающихся [4, с. 75]. В основе социокультурной компетенции лежит актуализация навыков практического применения РКИ в общении. Отрыв от коммуникации влечет за собой пассивное владение языком и формирует "лишние языковые знания и речевые умения". Например, если человек знает синонимии какой-нибудь лексики, то это еще не означает, что он сможет без труда использовать ее в коммуникации, то есть активно проявлять лексический навык. Пассивное знание не составляет основу социо-

культурного компонента коммуникации, не является соответствующим аспектом в изучении РКИ.

Овладение профильной лексикой РКИ является основной задачей для иностранного студента, обучающегося по соответствующей специальности. Данная задача облегчается, прежде всего, тем, что в русском языке довольно много заимствований из английского, французского и некоторых других распространенных языков [1, с. 25]. Некоторые лексемы носят международный характер, и это наилучшим образом проявляется в экономических дисциплинах. Сами понятия "экономика", "инвестиции", "менеджмент", "маркетинг" и некоторые другие имеют очень близкое фонетическое и даже орфографическое содержание. В результате заимствований в язык эквивалента проникают лексемы, которые составляют сформированные и органически связанные с лексическим строем языка эквивалента структуры. Однако в современном языке число заимствований не превышало число лексических замен, а в некотором смысле даже было меньше последних. Несмотря на это, еще часто встреча-

ется необоснованное заимствование уже существующих в русском языке терминов или реалий.

Вместе с тем профильная лексика характеризуется высокой терминованностью, что осложняет задачу ее адекватного восприятия иностранными студентами. Термины являются условными знаками науки [7, с. 68], используемые для создания специфического научного языка и формируемые особым стилем коммуникации. Термин – это сложное и неоднозначное понятие. С одной стороны, его можно интерпретировать как лексему со специфическим значением, имеющим научно-прикладной характер, а с другой, – как особый род лексем, которые могут быть дифференцированы в семантическом и функциональном планах.

Некоторые термины могут использоваться и в общедомном языке, при этом теряя специфическое значение и приобретая общеупотребительное. Некоторые термины, напротив, теряют общеупотребительное значение, становясь полноценными лексемами данного языка. Лингвист видит в терминах сконцентрированное, экономичное определение основной технической или научной идеи. Термины не расслаиваются семантически в пределах конкретной научной области – в этом заключается их главная особенность. Однако при определенных условиях перевод терминов с одного языка на другой осложняется именно этой особенностью, обусловленной еще и дифференциацией языковых лексико-семантических норм.

Еще одной проблемой в обучении лексике РКИ является проблема усвоения на начальном этапе символов и знаков [8, с. 69]. Однако эта проблема частично разрешается путем интеграции знаний из различных научных областей, которые имеют общие системы обозначений. Вообще символику науки изучать значительно легче, чем отдельные лексические единицы профильной структуры языка. Символы запоминаются и усваиваются в более короткие сроки, чем сами лексемы; но здесь приходится констатировать трудности в восприятии студентами некоторых символов, с которыми они никогда не сталкивались. Именно эта задача представляет собой основную проблему в обучении лексике РКИ.

Работу над лексическим материалом следует начинать с терминов, которые имеют графическое оформление. Такие термины в основной своей массе являются общенаучными, связывающими экономику с другими дисциплинами (например, "объем предложения", "масса", "цена товара" имеют соответствующие обозначения Q, m, P).

Следующим этапом презентации экономической лексики служит формирование знаний тех терминов, ко-

торые не имеют графического выражения [3, с. 85]. Такие термины целесообразно распределять по классам и категориям. Например, следует распределить термины по категориям "свойства" (энергоёмкость, экономичность, полезность) и "процессы" (предложение, спрос, сбыт, накопление, инвестирование).

Также следует презентовать терминологическую лексику посредством словообразовательных группировок: например, по корню (экономика, экономичный, экономный, экономить; производство, производственный, производить). Студенты также усваивают наиболее сложные аффиксальные терминологические образования, распространенные в международном плане префиксальные структуры. В связи с этим студентам следует предлагать классифицирующие и распределяющие задания для лучшего усвоения терминологической лексики.

Особую роль в презентации профильной лексики играет принцип наглядности в обучении [10, с. 52]. Данный принцип является универсальным и основополагающим дидактическим принципом, служащим весьма продуктивной опорой во всех аспектах образовательного процесса. Сочетание зрительных и словесных образов в сознании формирует довольно прочную систему знаний, облегчает процесс запоминания; но вместе с тем принцип наглядности не является условием для логического осмысления лексического материала [5, с. 144].

При формировании знаний лексического материала в обучении РКИ студентов следует применять наглядные опоры [9, с. 37]. Данные дидактические элементы могут представлять собой рисунки, фотографии, видеоряды, поясняющие значение терминов и символов, знаков и терминологических заимствований. Опоры обеспечивают лучшее запоминание студентами терминологии, однако преимущество использования наглядных опор заключается еще и в том, что студенты могут их применять при самостоятельной работе с лексическим материалом. Опоры служат не только наглядным материалом, но и вспомогательным, закрепляющим средством для усовершенствования лексических навыков. Поэтому важно составлять опоры ко всем занятиям, на которых презентуется лексический материал для периодического возвращения к последнему при актуализации.

Наглядный материал целесообразно использовать при объяснении значений слов и словосочетаний. Однако не к каждому слову или словосочетанию можно подобрать подходящий наглядный материал.

В некоторых случаях целесообразно использовать вспомогательные лексические карточки, например, с синонимами, с антонимами. Так, наглядный материал

может быть иллюстративным или словесным. При формировании навыка использования терминов следует обязательно вводить поясняющие карточки, которые приводятся в соответствие с карточкой, содержащей термин. Такие карточки должны быть в распоряжении как преподавателя, так и студентов.

Таким образом, презентация лексического материала может быть реализована различными путями, которые составляют основу методологии обучения РКИ. Вместе с тем, необходимо учитывать возрастные и психологические особенности обучающихся, уровень их языковой подготовки, специфику родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркадьева Э., Горбаневская Г., Кирсанова Н., Марчук И. Когда не помогают словари. Практикум по лексике современного русского языка. в 2-х частях (комплект) / Э. Аркадьева [и др.]. М.: Специальная литература, 2017.
2. Вишняков С.А. Русский язык как иностранный / С.А. Вишняков. М.: Специальная литература, 2017.
3. Гагарина Н.В. Презентация специальной лексики экономического профиля на начальном этапе обучения РКИ / Н.В. Гагарина // Вестник РУДН. Серия "Вопросы образования: языки и специальность". 2009. № 3. С. 84–87.
4. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку / И.А. Зимняя. М., 1989. 222 с.
5. Константинова Л.А. Лингводидактическая модель обучения студентов–нефилологов письменным формам научной коммуникации / Л.А. Константинова // Известия ТулГУ. Серия "Русский язык и литература в мировом сообществе". Выпуск 5. Актуальные проблемы описания русского языка и его преподавания в нефилологических вузах. Тула: Изд-во ТулГУ, 2003. С. 3–238.
6. Митрофанова О.Д. Профильность в обучении языку и культуре русской речи / О.Д. Митрофанова // Известия ТулГУ. Серия "Язык и литература в мировом сообществе". Выпуск 10. Методика преподавания русского языка и литературы. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. С. 72–82.
7. Митрофанова О.Д. Язык научно–технической литературы / О.Д. Митрофанова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973.
8. Присяжнюк Н.К. Формирование предметной компетенции при обучении РКИ / Н.К. Присяжнюк // Русский язык за рубежом. № 2. 1983. С. 67–71.
9. Розанова С.П. Преподавателям РКИ: Сто сорок семь полезных советов. Учебно–методическое пособие / С.П. Розанова. М.: Наука, Флинта, 2015. 240 с.
10. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. М.: Высшая школа, 2010. 334 с.

© Н.А. Киндря, (nkindrya@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Финансовый университет при правительстве РФ

ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ЧТЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ (экономический профиль)

PREPARATION OF FOREIGN STUDENTS TO THE INDEPENDENT READING OF LITERATURE ON SPECIALTY (economic profile)

N. Kindrya

Annotation

This article is devoted to the problem of preparing foreign students for independent reading on the economic profile; the article reveals the features of teaching independent reading, the methodological and substantive foundations of the process of teaching such reading in courses and in independent activity; the article examines all aspects of the methodology of teaching RCTs in terms of involving students in independent reading by profession; The article also analyzes the most important concepts of the educational process related to teaching independent reading on the economic profile; the article reveals the methodological aspects of the active preparation of students for independent study of profile literature, while the article focuses on productive methods of organizing independent profile reading, which is the main condition for the formation of reading and translation skills; the article studies various approaches to the organization of independent reading of Russian specialized literature, analyzes the possibility of using these approaches in the practice of teaching RCTs at all stages.

Keywords: independent reading, economic profile, training of RCT.

Киндря Наталия Александровна

*К.филол.н., доцент,
Финансовый университет
при Правительстве РФ*

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме подготовки иностранных учащихся к самостоятельному чтению по экономическому профилю; статья раскрывает особенности обучения самостоятельному чтению, методические и содержательные основы процесса обучения такому чтению на курсах и в самостоятельной деятельности; статья рассматривает все аспекты методологии обучения РКИ в плане приобщения учащихся к самостоятельному чтению по специальности; статья также анализирует важнейшие понятия образовательного процесса, связанные с обучением самостоятельному чтению по экономическому профилю; статья раскрывает методические аспекты активной подготовки студентов к самостоятельному изучению профильной литературы, при этом статья акцентирует внимание на продуктивных методах организации самостоятельного профильного чтения, что является основным условием для формирования читательских и переводческих навыков; статья изучает различные подходы к организации самостоятельного чтения русской профильной литературы, анализирует возможность использования данных подходов в практике обучения РКИ на всех этапах.

Ключевые слова:

Самостоятельное чтение, экономический профиль, обучение РКИ.

Одной из важнейших проблем в преподавании РКИ является обучение студентов чтению русскоязычной литературы. Данная проблема разрешается на методологическом уровне путем приобщения к самостоятельному чтению. Самостоятельное чтение относится к процессам самостоятельного обучения, то есть осуществления учебно-познавательной деятельности вне аудиторных занятий и курсов [7, с. 98].

Специфика самостоятельной работы с профильными текстами заключается в том, что учащиеся анализируют профессиональный дискурс [4, с. 25]. Существуют общие методики подготовки к организованному самостоятельному чтению, связанные с материалом художественного или публицистического циклов, однако есть немало методик, направленных на формирование компетенций, которые связаны именно с освоением и анализом профес-

сионального дискурса. Профессиональный дискурс отличается от художественного, прежде всего, лексически: наличие научных знаков, терминов, языка специальности – все это делает профессиональный дискурс специфическим, экстралингвистическим материалом [6, с. 24]. И здесь возникают определенные сложности в подготовке иностранных учащихся к самостоятельному чтению.

Совершенствование навыков самостоятельного чтения экономической литературы у иностранных учащихся требует формирования определенной стратегии восприятия, анализа и интерпретации текста [2, с. 77]. Существует несколько моделей организации данных процессов, однако наиболее актуальной в плане подготовки учащихся к самостоятельному осмыслению текста служит практически значимая, трехэтапная стратегическая модель.

Модель подразумевает три этапа в работе над текстом:

1. аудиторный установочный,
2. внеаудиторный,
3. аудиторный контролирующий [5, с. 228].

Аудиторный установочный этап делится на четыре стадии, на которых происходит формирование умения самостоятельного анализа профессионального дискурса, представленного в тексте:

1. ориентировочная,
2. предметно-смысловая,
3. культурологическая,
4. интерпретационная.

Ориентировочная стадия учит воспринимать и распознавать текст, формирует навыки целеполагания читательской деятельности, определения типа текста, анализа заголовков, прогноза контента. На ориентировочной стадии подготовки к самостоятельному чтению формируется дискурсивная компетенция [8, с. 34].

На предметно-смысловой стадии учащиеся приобщаются к процессу понимания генерального фактического текстового контента. Важным элементом данной стадии служит формирование навыка понимания языкового материала. Этот процесс подразумевает развитие языковых компетенций у учащихся [10, с. 144]. Языковая компетенция служит основой для формирования речевых и коммуникационных умений, а также обеспечивает точность и полноту понимания текста [1, с. 16]. Вместе с тем языковая компетенция способствует пониманию смыслового контента. В связи с этим на стадии формируются предметно-языковые компетенции.

На культурологической стадии учащиеся приобщаются к пониманию научного текста в той культурной среде, которая транслируется изучаемым неродным языком. Культурологическая стадия предполагает актуализацию национальной научной традиции, хотя сама по себе наука всегда имеет межкультурный статус [9, с. 13]. В плане изучения экономики различий на культурном уровне достаточно, поэтому культурологическая стадия при организации самостоятельного чтения экономической литературы действительно актуальна.

На интерпретационной стадии осуществляется понимание текста на уровне активного диалога. Высшей степенью осмысления прочитанного является навык критического анализа, однако формирование данного навыка происходит только в рамках речевой компетенции.

Аудиторный установочный этап подготовки иностранных учащихся к освоению материала для профильного чтения предполагает субъектный подход к учащемуся. Владея стратегией полноценной интерпретации

научного текста, учащийся обеспечивает себе интеллектуальное развитие, повышает у себя внутреннюю мотивацию к чтению.

Подготовка к чтению на аудиторном этапе имеет целью ввести учащегося в систему рациональных методов осуществления самостоятельной работы с текстом. Текст предназначен не для механического чтения, а для полноценной интерпретации [3, с. 52]. Интерпретационная стратегия, в рамках которой эффективно формируется навык самостоятельного чтения, повышает уровень компетентности учащихся как в языковом, так и в речевом аспектах.

На аудиторном установочном этапе целесообразно продемонстрировать учащимся приемы продуктивной текстовой работы. В качестве демонстрации приемов такой работы могут быть использованы: анализ текста, составление инструкций, работа с лексикой. Весьма многозначительную пользу могут принести инструкции-памятки. В этих инструкциях закладываются типовые модели текстового анализа. Инструкции-памятки содержат указания (но не директивы) по поводу использования определенных стратегий интерпретационного анализа профессионального (научного) дискурса.

Предлагаемые в инструкциях-памятках пошаговые акты должны быть отработаны на аудиторных занятиях вместе с преподавателем, затем инструкция объявляется интерпретационной моделью, на которую учащийся должен опираться при самостоятельной работе с текстом. Описав стратегию, преподаватель обязательно моделирует ситуации, в которых осуществляется практическое применение стратегии через решение интерпретационной задачи. В дальнейшем учащиеся могут сами выбирать те стратегии, которые кажутся им наиболее приемлемыми в зависимости от уровня подготовки и от психологических факторов. Однако основой всякого выбора должна служить возможность перехода от простых операций чтения, лексического разбора и понимания до сложных процедур интерпретации и осмысления прочитанного [5, с. 230].

Далее учащийся переходит к внеаудиторному чтению. На данном этапе учащийся работает самостоятельно, что подразумевает автономное формирование читательских навыков. На этапе внеаудиторного чтения происходит освоение учащимися алгоритма, по которому происходит смысловое восприятие профессионального текста. Здесь проявляется синтезирующая стадия совершенствования интерпретационных умений и развития навыков самостоятельной работы с текстом. Во внеаудиторном чтении формируются навыки осуществления всех self-процессов (саморазвитие, самоконтроль, самоактуализация, самооценка и др.).

Внеаудиторное чтение подразумевает формирование интерпретационной текстовой компетенции, что служит основой для развития, например, переводческих навыков. Также во внеаудиторном чтении формируется межкультурная профессиональная компетенция, подразумевающая наличие навыков продуктивной коммуникации по поводу прочитанного. Учащийся в полной мере готовится к анализу контента текстового материала с целью обсуждения и коллективной интерпретации.

На стадии внеаудиторного чтения учащиеся апробируют следующие приемы работы с текстом: прием вдумчивого чтения, прием словарной работы, прием технического повторения, прием зарисовок. Все эти приемы учащийся осваивает по мере того, как осуществляет учебную деятельность.

Для последующего контролирующего этапа, имеющего целью определить уровень самостоятельности при внеаудиторной работе с текстовым материалом, целесообразно посоветовать учащимся пересказать текст, выявить в нем главное и передать его с помощью тех лексических и грамматических средств, которыми учащийся располагает на данном этапе или которые приобрел на этапе самостоятельной работы.

Обязательным компонентом самостоятельной внеаудиторной работы с текстом служит подбор лексического материала, его анализ и активизация. Лексика текста заранее должна быть выписана учащимися еще на аудиторном этапе. При этом учащиеся могут подготовить спе-

циальные карточки, которые содержали бы соответствующие лексемы (термины, понятия) и их эквиваленты или интерпретации. Карточки с лексическим материалом из текста могут служить теми опорами, которыми должен пользоваться учащийся на внеаудиторном занятии по тексту.

Уровень понимания текста проверяется на аудиторном контрольном этапе, когда учащийся уже провел самостоятельную работу с текстом. На данной стадии выявляются также трудности, с которыми столкнулись учащиеся во внеаудиторной работе. Эти трудности необходимо устранить, чтобы создать основу для дальнейшего совершенствования навыков самостоятельного чтения [5, с. 230].

Процесс подготовки иностранных учащихся к чтению научного текста осложняется спецификой самого текста, а также разноуровневым содержанием знаний и компетенций самих учащихся. Поэтому данный процесс подразумевает индивидуально-дифференцированный подход, в рамках которого преподаватель обращает внимание на все аспекты организации чтения экономической литературы конкретным учащимся.

Таким образом, процесс подготовки иностранных учащихся к чтению экономической литературы относится к категории сложнейших методологических учебных процессов, но этот процесс необходим для формирования всех видов компетенций иностранных учащихся при получении специальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбаневская Г.В. Обучение чтению иностранных студентов как методическая проблема / Г.В. Горбаневская // Русский язык за рубежом. 2015. № 3(25). С. 14–17.
2. Игнатова И.Б. Методика обучения чтению в практическом курсе русского языка для иностранцев / И.Б. Игнатова. СПб., 2016. 250 с.
3. Курлова И.В. Приключения иностранцев в России: рассказы для чтения и обсуждения / И.В. Курлова. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 136 с.
4. Мощинская Н.В. Чтение профессиональной литературы на русском языке: пособие для преподавателей РКИ / Н.В. Мощинская. М.: Флинта, 2016. 207 с.
5. Романова Н.Ю. Подготовка иностранных учащихся к самостоятельному чтению литературы по специальности / Н.Ю. Романова // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Русский язык как иностранный. Выпуск 21. 2009. С. 225–230.
6. Скороходов Л.Ю. Учить иностранца работать с русскоязычным материалом: чтение и перевод / Л.Ю. Скороходов // Русский язык за рубежом. 2014. № 2(52). С. 23–25.
7. Сурыгин А.И. Специфика обучения иностранцев чтению: методика РКИ / А.И. Сурыгин. СПб. Златоуст, 2014. 195 с.
8. Хавронина С.А. Особенности обучения русскоязычной литературе на курсах РКИ / С.А. Хавронина // Русский язык за рубежом. 2016. № 1(77). С. 33–36.
9. Хромов С.С. Русскоязычное информационное пространство для иностранных студентов как языковая среда / С.С. Хромов // Русский язык за рубежом. 2017. № 1(45). С. 12–15.
10. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. М.: Высшая школа, 2010. 334 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАДРОВ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

SOCIAL FACTORS OF OPTIMIZATION OF ENGINEERING AND ECONOMIC PERSONNEL TRAINING: COMPETENCE APPROACH

I. Levitskaya

Annotation

Currently, the professional system of training of engineering and economic personnel of Russia is in the process of modernization and reform. Optimization processes should be considered from the standpoint of interaction between higher education institutions and industry, which in the future will allow to achieve leading positions in the world markets, to form a high competitiveness potential of engineering and economic personnel, to ensure long-term needs of innovative development of the national economy in highly qualified specialists.

Keywords: professional status, professional, professionalization, competitiveness of a specialist, professional standard.

Левицкая Ирина Александровна
К.п.н., Кузбасский
государственный технический
университет им. Т.Ф. Горбачева
(филиал в г.Междуреченске)

Аннотация

В настоящее время профессиональная система подготовки инженерно-экономических кадров находится в процессе модернизации и реформирования. Осуществляется обновление национальной системы квалификаций работников и формирование системы профессиональных стандартов, введение общероссийского классификатора специальностей высшей научной квалификации и поэтапная замена профессиональными стандартами квалификационных справочников. Процессы оптимизации необходимо рассматривать с позиций взаимодействия высших учебных заведений и индустрии, что в перспективе позволит достичь лидирующих позиций на мировых рынках, сформировать высокий потенциал конкурентоспособности инженерно-экономических кадров, обеспечить долгосрочные потребности инновационного развития национальной экономики страны в высококвалифицированных специалистах.

Ключевые слова:

Профессиональный статус, специалист, профессионализация, конкурентоспособность специалиста, профессиональный стандарт.

Серьезные изменения в организации и содержании управления профессиональным образованием инженерно-экономических кадров вызваны социально-экономическими изменениями национальной экономики: ликвидацией централизованного управления производством, демонаполизацией экономики, спадом производства, сокращением числа рабочих мест и др. Отсюда и разрушение жестко централизованной системы управления профессиональным образованием, в основе которой лежало вертикально-нисходящее делегирование полномочий и ответственности. Кроме того, темпы подготовки инженерно-экономических кадров в технических вузах в прошлые годы были резко снижены [11].

В связи с этим одной из актуальных проблем развития высшей школы становится проблема повышения эффективности и реализации ее интеллектуального, научного потенциалов для обеспечения инновационной модернизации национальной экономики, которая может

быть решена, в частности путем активизации интеграционных процессов между университетами и реальным сектором экономики. В условиях перехода к рыночной экономике, реальной и скрытой безработицы существенным образом повышаются требования к профессиональной подготовке инженерно-технических специалистов: необходим более высокий уровень квалификации и компетенции работника, обеспечивающий конкурентоспособность продукции. Вся система кадровой службы предприятия должна быть сориентирована на осуществление этой задачи. Поэтому задача повышения качества подготовки инженерно-экономических кадров является первоочередной как для хозяйствующих субъектов, так и для организаций профессионального и дополнительного образования. Эти факторы в своей сущности являются специальными и нуждаются в конкретном исследовании в экономическом, социологическом и педагогическом аспектах и включают изучение критериев влияния подготовки кадров на качество трудовой жизни, национальную экономику и повышения качества профессионального

обучения. Последнее, в свою очередь, выступает и как социально-образовательная новация, что находит отражение в многоуровневости профессиональной подготовки кадров в современных условиях.

Многоуровневость возникла в связи с созданием новых типов профессиональных учебных заведений с интеграцией, дифференциацией и интенсификацией подготовки молодых специалистов. Это дает возможность получить различный уровень образования, овладеть специальностью и квалификацией в структуре высшего образования, пройти все его стадии. На решение этой задачи нацелена деятельность образовательных учреждений по подготовке инженерно-экономических кадров для индустрии, в частности для топливно-энергетического комплекса.

Современные реалии таковы, что социально-экономические преобразования оказывают значительное влияние на систему профессионального образования. Основная задача профессионального образования направлена на формирование профессионально-личностных компетенций и развитие интеллектуальной творческой личности, способной адекватно оценивать динамические изменения содержания профессионального труда и адаптироваться к социально-экономическим условиям. Образование нельзя рассматривать исключительно как процесс трансляции знаний, формирования умений и навыков, становления профессионально значимых качеств инженерно-экономических кадров. Будущий специалист должен обладать не только определенными профессиональными и личностными. Очень важна потенциальная готовность брать на себя ответственность, решать профессиональные задачи в сложных ситуациях, принимать и наиболее эффективным образом реализовывать управленческие и технологические решения, способность специалиста обладать критическим мышлением, применять наиболее оптимальные в конкретных условиях методы. [8]

В современном мире возрастает ценность и значимость таких показателей конкурентоспособной подготовки современного специалиста, как высокий профессионализм, нравственная и социальная зрелость, мобильность, готовность к инновационной деятельности. Реализация данного подхода в практике высшего профессионального образования требует междисциплинарного интегративного подхода. Это обеспечит целостность общепрофессиональной подготовки современных специалистов. После окончания вуза дипломированный специалист сталкивается с проблемой жесткой рыночной конкуренции. Будучи зависимым от изменений на рынке труда, специалист должен суметь реализовать свои потенциальные способности к труду, то есть, оказаться конкурентоспособным на рынке труда. Наибольшую важность имеет интегративная характеристика личности, обеспечивающая более высокий профессиональный

статус, устойчиво высокий спрос на профессиональные услуги, более высокую рейтинговую позицию на рынке труда, т.е. конкурентоспособность [6].

Анализ трудового потенциала как совокупности характеристик, относящихся к способности (готовности) будущих специалистов решать текущие и перспективные задачи профессиональной деятельности применительно к выпускникам университетов позволяет провести многостороннюю оценку подготовки инженерно-экономических кадров и разработать систему мер, направленных на снижение социальных рисков, обусловленных качеством трудовых ресурсов. Таким образом, оптимизация подготовки инженерно-экономических кадров соответствует задачам динамичного развития региона, тем не менее система профессионального образования содержит в себе потенциально высокие риски для заинтересованных сторон. [7]

Проведенный анализ выявил примерный перечень профессиональных и личностных качеств, отмеченных работодателями и рекрутинговыми службами как наиболее значимые. Это адаптивность, обучаемость, коммуникативность, конфликтоустойчивость; умение работать в команде, осуществлять корпоративную поддержку, нацеленность на результат и процесс; высокий уровень культуры профессионального общения; позитивное воздействие личным примером; уметь гармонизировать межличностные отношения, стрессоустойчивость; целеустремленность, мотивация к действию, умение критически оценивать свои достижения; проявлять предприимчивость в расширении сферы деятельности.

Современные исследования, посвященные анализу в области профессиональной деятельности субъектов социально-экономических отношений, обусловлены актуальными условиями рынка труда. Успешность профессиональной деятельности становится показателем социальной зрелости самодостаточной, гуманитарно-направленной и гармонично развитой личности. Контекст современности придает определяющее значение в процессе профессионального становления субъективным особенностям личности и профессионально значимым качествам, а не социально-экономическим факторам и объективным условиям рынка труда.

Качественная подготовка инженерно-экономических кадров в высшей профессиональной школе долгое время осложнялась отсутствием общепринятых определений основных понятий, в первую очередь "компетентность" и "компетенция". В ФГОС ВПО третьего поколения разработчики остановились на понятии "компетенция" и определяют требования к результатам освоения основных образовательных программ (ООП) подготовки специалистов, опираясь на следующие трактовки термина:

- ◆ понятие компетенций включает теоретическое

знание академической области, знание как действовать (т.е. практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (т.е. ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте) [проект TUNING] [3, 13];

- ◆ компетенция включает в себя не только когнитивную и операционно–технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную, ценностную, поведенческую стороны [В.И. Байденко] [1];

- ◆ компетенции суть самое общее и широкое определение адекватного проявления социальной жизни человека в современном обществе [И.А. Зимняя] [4];

- ◆ компетенции обусловлены личностно–деятельностным подходом к образованию, поскольку относятся исключительно к личности обучающегося и проявляются, а также проверяются только в процессе выполнения им определенным образом составленного комплекса действий; компетентный в определенной области человек обладает соответствующими знаниями и способностями, позволяющими ему обоснованно судить об этой области и эффективно действовать в ней [А.В. Хуторской] [9].

Таким образом, компетенция, во–первых, включает личностный, социальный и профессиональный содержательный компонент и, во–вторых, проявляется в умениях, действиях, деятельности. Федеральные государственные образовательные стандарты "третьего поколения" являются модернизированными образовательными стандартами, которые характеризуются ориентацией на компетенции в трактовке способность применять знания и умения в определенной области и компетентностный подход как умение работать с информацией и готовность к реальным жизненным ситуациям.

Ядро модели выпускника в результате освоения образовательных программ ВО составляют общекультурные компетенции, которые, во–первых, не являются профессионально обусловленными, т.к. ими должны обладать все специалисты независимо от сферы их деятельности и, во–вторых, именно они образуют базу для профессиональных компетенций и позволяют им более полно реализовываться [А.В. Хуторской] [9]. Общекультурная компетенция как интегративная способность личности обусловлена опытом освоения социокультурного пространства, ориентированную на использование культурных эталонов как критериев оценки при решении проблем познавательного, мировоззренческого, жизненного, профессионального характера.

Общекультурные и профессиональные компетенции (по классификации ФГОС ВПО), дополняя друг друга, проявляются в процессе решения жизненно важных задач разного уровня сложности, с использованием определенного образовательного пространства. Общекуль–

турные компетенции, формируемые средствами дисциплин социально–гуманитарного цикла, способствуют выработке мышления, способности к обобщению, анализу, восприятию информации, выработки цели и выбора её реализации. Способность решать проблемы, социально и личностно значимые задачи носит интегративный характер и формируется как в процессе образовательной деятельности, так и любой другой деятельности, в том числе и профессиональной. Субъект, приобщаясь к культуре, меняет не только свой внутренний мир, но и окружающее его пространство, образовательную и профессиональную среду. Субъект меняет способы и методы общения с людьми, отношения с культурой, и тем самым оказывается способным к решению все более сложных профессиональных и жизненных задач.

Опираясь на культурологическую концепцию личностно–ориентированного образования Е.В. Бондаревской и др. [2], определены факторы моделирования профессионально–личностной позиции будущего специалиста, ориентирующие профессиональное образование на формирование "человека культуры", способного работать со знаниями, с разными типами мышления, с идеями различных культур.

Моделирование профессионально–личностной позиции будущего специалиста с точки зрения социокультурного подхода [12], опираясь на учение о ценностях (аксиологию), обусловлено объективной связью человека с культурой как системой ценностей. Это предполагает необходимость формирования ценностного и ответственного отношения человека к окружающему миру как основы для "вхождения" в культуру; организацию образовательного процесса и создание образовательной среды, в которой формирование личности протекает в контексте общечеловеческой культуры с учетом конкретных культурных условий жизнедеятельности человека. Это означает ориентацию моделирования профессионально–личностной позиции будущего специалиста на общечеловеческие социокультурные ценности, мировую и национальную духовную культуру. Данное обстоятельство позволяет использовать компетентностный и социокультурный подходы как методологическую основу моделирования профессионально–личностной позиции будущего специалиста.

Цели и ориентация отечественного образования на формирование "человека культуры" обуславливают необходимость принципиально иного подхода к подготовке специалиста, а именно: раскрывать ее не только в понятиях "знание" и "умение", а в понятиях культуры ("нравственная культура", "гуманитарная культура", "профессиональная культура" и т.п.). При таком подходе "знания" и "умения" переходят из ранга стратегических понятий в ранг тактических. Кроме того, прежнее разграничение образования на содержательную и процессуальную

компоненты теряет смысл, ибо в структуру содержания включается и учебная деятельность, которая также становится содержательной основой образования [10].

И.А. Зимняя в социально-профессиональной компетентности выделяет следующие уровни: базовый, социальный и профессиональный. Базовый уровень обеспечивает основные мыслительные операции и личностный (интеллектуально-обеспечивающий). Собственно компетентностные уровни – социальный уровень определяет адекватность взаимодействия с другими людьми, группой, коллективом, социумом; профессиональный уровень обеспечивает осуществление профессиональной деятельности [4].

В соответствии с данной структурой выпускник должен уметь решать профессиональные задачи по специальности, предназначению. Эти задачи могут быть инвариантными в области деятельности и специальными, например, производственно-технические, расчетно-проектные, научно-производственные, экспериментально-исследовательские, эксплуатационные. Таким образом, компетентностная модель выпускника опирается на концепцию гуманизации профессионального образования и гуманитаризацию образовательных программ высшего образования.

Подготовка будущего специалиста к решению профессионально-творческих задач обусловлена социальным заказом общества соответствовать современным требованиям рынка труда. Это достигается в первую очередь максимальным учетом положений профессиональных стандартов при формировании федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования [6].

Оптимизация подготовки инженерно-экономических кадров является необходимым фактором обновления единой системы квалификаций работников и формирования национальных профессиональных стандартов. Введение общероссийского классификатора специальностей высшей научной квалификации и поэтапная замена профессиональными стандартами квалификационных справочников является достаточным основанием для проектирования новых образовательных программ профессионального образования, соответствующих быстро меняющимся реалиям рынка труда, что позволяет субъектам системы профессионального образования быстро реагировать и разрабатывать инновационные образовательные программы. В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования (ФГОС ВО) при разработке основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) все общекультурные (ОК) и общепрофессиональные (ОПК), а также профессиональные компетенции (ПК), отнесенные к тем видам профессио-

нальной деятельности, на которые ориентирована ОПОП, включаются в набор требуемых результатов освоения программы. Таким образом, профессиональные стандарты позволяют систематизировать требования работодателей к работникам, а также проводить оценку соответствия компетенций сотрудников требованиям конкретного работодателя. Кроме того, к планируемым результатам освоения ОПОП относятся компетенции выпускников, установленные ФГОС ВО, и компетенции выпускников, установленные организацией профессионального образования (в случае установления таких компетенций). Это означает, что, наряду с профстандартами используются различные инструменты для определения ПК (долгосрочное прогнозирование рынка труда, опрос экспертов, консультации с ведущими работодателями, перспективный анализ профессий и т.д.).

Введение профстандартов в набор требуемых результатов освоения программы является основой оптимизация подготовки инженерно-экономических кадров для установления более конкретных требований при выполнении трудовой функции работника с учетом специфики деятельности организации. Логично, что организации профессионального и дополнительного образования разрабатывают ОПОП с позиций взаимодействия высших учебных заведений и индустрии, что является необходимым фактором преодоления масштабной ситуации дефицита квалифицированных работников на рынке труда, а также безработицы как социально-экономического явления. [5]

Система государственной стандартизации программ высшего образования не имеет показателей жесткого нормирования содержания образования в виде заданного набора дисциплин с фиксированной трудоемкостью, как ГОС ВПО первого и второго поколений, являясь в настоящее время рамочной регламентацией структуры образовательных программ, условий их реализации и результатов освоения, заложенных в ФГОС ВПО (ФГОС-З), ФГОС ВО (ФГОС-З+), ФГОС-З++.

Оптимизация подготовки инженерно-экономических кадров в условиях формирования системы профессиональных стандартов должна отражать требование соответствия квалификации, вида профессиональной деятельности и трудовых функций работника. Формирование требований федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования к результатам освоения основных образовательных программ профессионального образования в части профессиональной компетенции осуществляется на основе соответствующих профессиональных стандартов. Поэтому одной из задач перехода на ФГОС З++ является сопряжение профессиональных стандартов и федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования.

Тем не менее, поэтапное введение профессиональных стандартов в части требований к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, актуализирует в настоящее время взаимодействие образовательных организаций и иных субъектов образовательного процесса, а также промышленности и субъектов рынка труда в целях оптимизации профессиональной подготовки инженерно-экономических кадров.

Вследствие этого российские образовательные учреждения высшего образования получают все большую свободу в формировании основных профессиональных образовательных программ, что максимально увеличивает их возможности оптимально реагировать на запросы рынка труда, конкурировать на российском и международных рынках образовательных услуг, одновременно значительно повышая ответственность самих образовательных организаций за качество предлагаемых образовательных программ. Поэтому важным является оценка качества основных профессиональных образовательных программ.

Во-первых, образовательные организации устанавливают и разрабатывают систему оценки качества программы самостоятельно через внутреннюю оценку ка-

чества основных профессиональных образовательных программ. Кроме того, на соответствие содержания и качества подготовки ФГОС ВО проводится государственная аккредитация. Наряду с государственной аккредитацией предусмотрена также профессионально-общественная и международная аккредитация.

Профессионально-общественная аккредитационная экспертиза ОПОП проводит, во-первых, оценку уровня усвоения компетенций как демонстрации выполнения действий в соответствии со шкалами оценки. Во-вторых, анализу подлежит и качество образовательного процесса, выявляемое через анкетирование субъектов образовательного процесса, взаимодействие с работодателями, опрос заинтересованных сторон и т.д.

Таким образом, настоящее время показывает изменение стратегических целей, методических подходов и социальных факторов подготовки инженерно-экономических кадров. Необходимость развития новых компетенций и профессиональных качеств выпускников инженерно-экономических направлений актуализирует новые подходы и технологии организации образовательного процесса в условиях реформирования приоритетных отраслей национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
2. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированный подход как технология модернизации образования // Методист №2 2003. С.2-6.
3. Горылев А.И., Пономарева Е.А., Русаков А.В. Методология TUNING: компетентностный подход при определении содержания образовательных программ. Нижний Новгород. 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.unn.ru/cie/GorylevPonomarevaRusakov.pdf>
4. Зимняя И.А. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 14-19.
5. Левицкая И.А. Моделирование профессионально-личностной позиции будущего специалиста в условиях формирования системы профессиональных стандартов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 134-138.
6. Левицкая И.А. Совершенствование подготовки инженерно-технических кадров для угольной промышленности // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири. СИБРЕСУРС 2016. Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции. 2016. С. 60.
7. Урбан О.А. Социологический анализ кадрового потенциала региона // Высшее образование сегодня. 2009. №8. С 43-45
8. Урбан О.А. О развитии системы дополнительного образования (для предпринимательской деятельности) // Философия образования. 2010. №2. С. 184-191.
9. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. №2. С.58-64.
10. Competence-based learning . A proposal for assessment of generic competences / Ed. A.V. Sanchez & M.P. Ruiz. -Bilbao: university of Deusto, 2008. 334 p.
11. Levitskaya I., Pastukhova N., Dubrovskaya O. Problems and prospects of sustainable development of mining regions // E3S Web of Conferences.
12. Ushatikova I.I., Klyuchnikov D.A., Saenko N.R., Levitskaya I.A., Pristupa E.N., Lebedeva N.V. Psychological and economical aspects of the competency approach the paradigm of higher education // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. С. 218-223.
13. TUNING Educational Structures in Europe <http://www.unideusto.org/tuningeu/home.html>

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ) В РАМКАХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Лю Сюцзюань

Ст. преподаватель,
Суйхуаский университет,
Суйхуа КНР

TO THE QUESTION OF THE ACTUALIZATION OF THE STUDY OF THE RUSSIAN LAN- GUAGE AS FOREIGN IN THE FRAMEWORK OF THE RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

Liu Xiujuan

Annotation

The article actualizes the problems of teaching the Russian language as foreign students of foreign countries studying in Russia. The aspect of updating the teaching of Russian as a foreign language is considered by the author through the spectrum of international cooperation between China and Russia. The author analyzes trends in the development of Russian-Chinese cooperation and identifies aspects of interaction within the framework of educational relations. The article highlights the importance of studying Russian as a foreign language in the context of developing economic relations and political integration that anticipate the elimination of language barriers in the development of further international relations by means of Russian as a foreign language. The author highlights the peculiarities of China's national educational system, which determine the methodological and sociocultural foundations of teaching the discipline "Russian as a foreign language". Also, the article presents the peculiarities of the organization of the language environment of educational institutions that train foreign students in the framework of studying Russian as a foreign language, and outlines ways to achieve the effectiveness of learning this discipline.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, Russian as a foreign language, university students, the relevance of teaching Russian as a foreign language, aspects of the organization of the language environment of the university, methodological grounds.

Аннотация

В статье актуализируются проблемы обучения русскому языку как иностранному студентов зарубежных стран, обучающихся в России. Аспект актуализации обучения русскому языку как иностранного рассмотрен автором через спектр международного сотрудничества Китая и России. Автором проанализированы тенденции развития российско-китайского сотрудничества и выявлены аспекты взаимодействия в рамках образовательных отношений. В статье показана высокая значимость изучения русского языка как иностранного в контексте развивающихся отношений экономического характера и политической интеграции, предвосхищающих устранение языковых барьеров в ходе развития дальнейших международных отношений средствами русского языка как иностранного. Автор выделяет особенности национальной образовательной системы Китая, определяющих методологические и социокультурные основания преподавания дисциплины "русский язык как иностранный". Также в статье представлены особенности организации языковой среды образовательных учреждений, ведущих подготовку иностранных студентов в рамках изучения русского языка как иностранного, и определены пути достижения эффективности усвоения данной учебной дисциплины.

Ключевые слова:

Российско-китайское сотрудничество, русский язык как иностранный, студенты вузов, актуальность обучения русскому языку как иностранному, аспекты организации языковой среды вуза, методологические основания.

Возросшее внимание к изучению русского языка как иностранного (далее РКИ) на сегодняшний день переживает новый этап развития, связанный с отношениями международного сотрудничества стран. В этой связи потенциал РКИ реализуется в рамках устранения границ, препятствующих осуществлению коммуникационного взаимодействия в профессиональной, образовательной и других сферах международной деятельности.

Отмечая прогрессивные тенденции развития системы образования в Китае, необходимо отметить, что высокий интерес к овладению иностранными языками (среди которых русский язык признан как один из наиболее рас-

пространенных) является фактором, обуславливающим уровень профессионализма и успеха в дальнейшей карьерной деятельности.

В настоящее время в Китае реализуется достаточно большое количество разнообразных перспективных проектов, отражающих международное сотрудничество в сфере функционирования различных областей. К таким областям относят и образовательную деятельность, инновационный концепт которой реализуется в ходе взаимодействия вузов-партнеров содружествующих стран. Это, прежде всего, образовательные проекты, которые касаются развития образовательных отношений стран-партнеров и финансирования высших учебных заведений.

В качестве примера подобных проектов относят создание технико-экономического развития. Данные виды проектов предусматривают привлечение новейших технологий из других стран, состоящих в отношении партнерства. С этой целью ведутся совместные разработки с участием иностранных специалистов. Зоны технико-экономического развития играют достаточно значимую и порой определяющую роль в осуществлении стимулирования обмена с зарубежными странами и, в большинстве, по направлениям образования [6].

В результате такой деятельности в Китае возникло очень большое количество дочерних проектов по обмену и обучению студентов содружествующих вузов. Одновременно стали развиваться проекты повышения квалификации административно-кадрового состава взаимодействующих университетов.

Такая образовательная политика определила и новый ракурс взаимодействия России и Китая, что на основе определенных особенностей сходства систем образования данных стран позволило расширить масштабы сотрудничества и обеспечило возможность гражданам этих стран получать образовательные услуги по обмену вузов. Это, в свою очередь, актуализировало ряд проблем, касающихся вопросов разработки поиска эффективных путей обучения иностранных граждан русскому языку как иностранному в ходе обучения в высших учебных заведениях.

Необходимо отметить, что Россия и Китай являются странами-партнерами на протяжении достаточно долгого количества времени, что говорит о многолетних традициях сотрудничества данных стран. Тем не менее, изучение РКИ остается для китайских студентов достаточно серьезной проблемой, которая обосновывается особенностями национальной образовательной системы, среди которых:

- ◆ высокий авторитет личности педагога, который подкрепляется и религиозно-философской концепцией отрицания какой бы то ни было дискуссии на основе приоритетного права уровня образованности педагога;
- ◆ "знаниевая" образовательная парадигма, диктующая соответствующие формы и методы обучения, направленные на заучивание, повторение и пр. [2].

Данные особенности предопределяют психолого-лингвистические трудности, возникающие при обучении китайских студентов РКИ. Это объясняется тем, что в современной концепции формирования языковой и коммуникативной иноязычной компетенции одна из ведущих функций принадлежит дискурсивному и стратегическому компонентам обучения РКИ [3; 8].

Важнейшей целью в этой связи становится подготовка иностранных студентов к межкультурному коммуникативному взаимодействию, а также формированию языковой коммуникативной компетенции и усвоению культурно-ориентированных норм русского языка.

Актуализация проблем, связанных с обучением иностранных студентов РКИ, требует и разработки методоло-

гических оснований, отвечающих требованиям современных инноваций, предписываемых международным сотрудничеством вузов. Являясь необходимым условием интернационализации эффективное обучение иностранных граждан РКИ обеспечивает необходимый фундамент социально-экономических отношений, складывающихся в рамках взаимодействия России и Китая. Расширение такой возможности дополняется рядом важнейших акцентов образовательной интернационализации: формирование уважения к многоаспектности проявления особенностей различных культур в процессе социокультурной, образовательной и политической интеграции; формирование способности понимать сущностные концепции различных культур; языковой плюрализм и т.д. Все это актуализирует педагогический потенциал дисциплины "русский язык как иностранный", основанный на целевых показателях образовательной, научно-исследовательской, культурно-просветительской деятельности высших учебных заведений.

Исходя из этого, при разработке методологических оснований и логике обучения РКИ становится руководящими принципы целостного, системного, культурологического, деятельностного, личностно-ориентированного и компетентностного подходов. Это обосновывает положение того, что изучение иностранными студентами РКИ должно предполагать стройное видение всего процесса обучения, а также процесса овладения языковыми знаниями, умениями, навыками и компетенциями каждого отдельного студента, учитывая при этом промежуточные и этапные результаты его языкового развития, в связи с чем становится достаточно важной еще одна проблема – проблема содержательного и методологического аспектов обучения РКИ [2; 5; 7].

В этой связи уместно говорить об организации иноязычной образовательной среды учебного заведения, в рамках которой происходит формирование иноязычной компетенции иностранных студентов.

Организация образовательной среды делает актуальными такие аспекты изучения РКИ для развития среды именно как языковой, которые могут рассмотрены с позиций компонентов социокультурной направленности, имеющей прямое отношение к различным сторонам языковой подготовки студентов, а также реализации новейших форм инсталляций систем совершенствования языковой компетенции.

Как мы уже говорили выше, явления культурного сотрудничества и международного взаимодействия стран-партнеров заостряют внимание руководства учреждений высшего образования на проблемах, возникающих в образовательных пространствах вузов, связанных с преодолением языковых барьеров в обучении иностранных граждан, в связи с чем предопределяют направление психолого-педагогических и психолого-лингвистических усилий на поиск оптимальных путей достижения образовательных целей и задач в рамках инновационного типа обучения, имеющего личностную и компетентностно-ориентированную направленность.

Устранение языковых барьеров иностранных студентов, изучающих РКИ и углубленное овладение языком среды вуза-партнера структурируется, исходя из следующих составляющих:

- ◆ коммуникативно-обучающая, сущность которой заключается в формировании способностей обучающихся в овладении знаниями коммуникативного, речевого, языкового содержания;
- ◆ информационно-трансляционная, позволяющая овладеть умениями и навыками правильного восприятия, отбора, трансформации и трансляции информации;
- ◆ мотивационно-потребностная, которая подразумевает формирование оптимальных стимулов для эффективного освоения языка и формирования познавательной активности обучающихся граждан;
- ◆ инструментально-адаптационная, аккумулирующая способности продуктивного использования предлагаемых средств обучения;
- ◆ реализационно-развивающая, раскрывающая сущность новой образовательной парадигмы, заключающейся в саморазвитии и самореализации обучающегося через собственный опыт, способности к опытно-экспериментальной, научно-исследовательской творческой деятельности [1; 4].

Конструктивно-компетентностная и личностно-ориентированная парадигма современного образования предусматривает свой особый спектр формирования профессиональных умений и навыков в контексте преодоления языковых барьеров, среди которых:

- ◆ диагностические умения, раскрывающие способность оценить уровень коммуникативно-языковых способностей, а также возможность анализа индивидуальных предрасположенностей к усвоению среднего языка как иностранного и когнитивной обработки получаемой информации;
- ◆ проектировочные умения, позволяющие сделать управляемой самостоятельную работу иностранных сту-

дентов в плане формирования способности над повторением, обобщением, закреплением и систематизацией приобретаемых языковых знаний;

- ◆ конструктивные умения, подразумевающие эффективное владение средствами и приемами изучения среднего языка как иностранного, включая и продуктивное использование информационных технологий;
- ◆ организационные умения, регулирующие активность познавательной деятельности, совершенствование потребностно-мотивационной сферы, обеспечивающей поддержание интереса при изучении РКИ;
- ◆ коммуникативные умения, в достаточной мере удовлетворяющие продуктивности и эффективности владения межличностным общением, а также техникой и навыками директивного взаимодействия и способностей конструктивного видения контекста, структуры сценария общения, которые в свою очередь, могли бы полностью обеспечить координацию и согласование личностных позиций в языковом взаимодействии [1; 7].

В этой связи образовательная среда вуза диктует определенную специфику преподавания РКИ иностранным студентам, основанную на решении специфических задач:

- ◆ задачи обучения коммуникативной деятельности;
- ◆ информационно-трансляционные задачи;
- ◆ мотивационно-стимулирующие задачи;
- ◆ гносеологические задачи;
- ◆ конструктивно-проектировочные задачи;
- ◆ артикуляционные задачи;
- ◆ задачи грамматической грамотности и т.д. [2]

Через спектр решения данных задач формируется система занятий обучения русскому языку как иностранному, в процессе которых происходит осознание иностранными студентами целостной системы языка и на фоне этого, успешное усвоение средств коммуникативного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Ю. А. Методические приемы преподавания русского языка как иностранного / Ю. А. Антонова // Лингвокультурология. – 2010. – № 4. – С. 5–14.
2. Ван Гоух. О некоторых особенностях системы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / Ван Гоух // Российско-китайское сотрудничество. – 2016. – Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/4932/1/povr-2016-12-04.pdf>
3. Вяткина, И. В. "Русский язык и культура речи" средство формирования коммуникативной компетентности / И. В. Вяткина // Труды Международного симпозиума "Надежность и качество". – 2008. – № 1. – С. 160–161.
4. Дейкина, А. Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка / А. Д. Дейкина. – М.–Оренбург: Агентство, Пресса, 2009. – 308 с.
5. Подберезская, Ю. А. Лексические нормы в методике преподавания культуры русской речи студентам-иностранцам / Ю. А. Подберезская // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 4 (37). – С. 157–162.
6. Савин, К. С. Проблемы и пути решения вопросов преподавания русского языка как иностранного в процессе изучения экономических дисциплин / К. С. Савин // Балтийский Гуманитарный журнал. – 2017. – Том 6. – № 2 (19). – С. 179–180.
7. Смолякова, Н. С. Специфика обучения языку специальности на начальном этапе преподавания русского языка как иностранного в рамках совместной образовательной программы "2+2" / Н. С. Смолякова // Молодой ученый. – 2011. – № 11. – Т.1. – С.197–200.
8. Хохлова, Г. А. Проблемы обучения дисциплины "Русский язык специальности" иностранных студентов экономического профиля / Г. А. Хохлова, С. В. Пискунова // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 12 (058). – С. 188–192.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО КАК ОСНОВНАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

PEDAGOGICAL SKILLS AS THE MAIN PARADIGM OF THE MODERN EDUCATION IN A HIGHER SCHOOL

T. Moiseeva

Annotation

Nowadays, one of the most important problems of training techniques in higher educational institutions is intensive search of new effective methods to improve the training process. The teacher's role as a qualified professional is difficult to overestimate. Information competence of the teacher ranks the first, which assumes the ability to expand his own cognitive activity and to develop creative activities of students. Educational process in higher schools is influenced by such factors as accelerated rates of sustainable development of the society and promptly changing situation in the labor market. Conditions for development of modern training techniques have been created, and the teacher's pedagogical skills open new opportunities of improvement of the whole educational process.

Keywords: pedagogical skills; information literacy; professional enrichment; information space; on-line training; uberization.

Моисеева Татьяна Васильевна

*Финансовый университет
при Правительстве РФ, г. Москва*

Аннотация

В настоящее время одной из важных проблем в методике обучения в высших учебных заведениях является интенсивный поиск новых эффективных методов совершенствования процесса обучения. Роль преподавателя – профессионала трудно переоценить. На первый план выступает информационная компетентность педагога, которая предполагает способность расширять свою познавательную деятельность и развивать творческую активность студентов. На образовательный процесс в вузе влияют такие факторы, как ускоренные темпы устойчивого развития общества и стремительно меняющаяся ситуация на рынке труда. Созданы условия для освоения новых методов обучения, и педагогическое мастерство преподавателя открывает новые возможности для совершенствования всего учебного процесса.

Ключевые слова:

Педагогическое мастерство; информационная грамотность; профессиональное обогащение; информационное пространство; on-line обучение; uberизация.

Проблема педагогического мастерства является главной в исследованиях отечественных и зарубежных педагогов. Несмотря на огромное количество статей по этой теме, она всегда будет предметом дискуссии, так как критерии эффективности деятельности преподавателя постоянно совершенствуются. Наша жизнь меняется с сумасшедшей скоростью и характеризуется ярко выраженным многообразием, это не позволяет педагогу следовать по одной и той же схеме, усвоенной раз и навсегда, творчество педагога также совершенствуется в соответствии с требованиями и реалиями нашей жизни. Сейчас мы сталкиваемся с развитием многоуровневой системы образования, внутригосударственной и международной аккредитацией высших учебных заведений, расширяется рынок молодых специалистов, поэтому к педагогам и их мастерству предъявляются всё более серьёзные требования.

Под педагогическим мастерством подразумевается не только высокий уровень владения педагогическими технологиями, но в то же время личность педагога в целом, его опыт, гражданская позиция и моральные качества. Педагог = это прежде всего организатор индивидуальной и коллективной деятельности студентов, человек,

который несёт ответственность за передачу своего опыта и знаний и владеет педагогической техникой, т.е. "совокупностью способов и приёмов, повышающими эффективность применяемых принципов, средств и методов воспитания и обучения" [1, с.62].

Профессиональные педагогические знания вместе с личностными качествами позволяют педагогу успешно решать учебные и воспитательные задачи.

Преподаватель всегда был и остаётся главным звеном любой педагогической системы, без этого звена нельзя ожидать совершенствования учебного процесса, где успех зависит прежде всего от педагогического мастерства преподавателя. Чтобы не остаться в стороне и быть востребованным, ему надо постоянно повышать свою квалификацию. При обучении on-line никто не учитывает индивидуальных и возрастных особенностей студентов, так как все интерактивные программы рассчитаны на "среднего студента". Много литературы посвящено коммуникативным качествам преподавателя, которые играют не последнюю роль в образовательном процессе. Это и приятный голос, и доброжелательность по отношению к студентам, и общительность, и чувство

юмора, и умение преподавателя создавать эмоционально-непринуждённую обстановку на практическом занятии, а главное – индивидуальный подход к каждому студенту. Преподаватель играет роль участника совместной учебной деятельности, и большое значение здесь имеют его авторитет, профессионализм, жизненный опыт, организаторские способности, увлеченность своей профессией и даже возраст.

Сейчас поток информации в нашей жизни увеличивается с каждым днём. Умение работать с этим потоком просто необходимо для современного преподавателя. Компьютерная грамотность и информационная грамотность не одно и то же. Первая – это просто умение работать с компьютером, тогда как вторая – одна из компетенций, развитие которой предполагают современные образовательные стандарты, это умение работать с информацией, эффективно её искать, анализировать и использовать в научных исследованиях или в своей рабочей деятельности. Она формируется в процессе всего обучения и является наиболее важной для преподавателя. Именно информационная грамотность не позволит преподавателю выпасть из системы образования и оказаться тем посредническим звеном, без которого можно спокойно обойтись. Развитие информационной компетентности позволит преподавателю быть в курсе всех новейших методологических технологий, а главное – успешно включать их на своих практических занятиях.

Известно, что при любом взаимодействии люди оказывают влияние друг на друга – осознанно и бессознательно, вербально и невербально. Педагогический процесс является частным случаем такого взаимодействия. "Влияние педагога складывается из проявления его профессиональных качеств как человека, хорошо знающего свой предмет, и воздействия его личности, духовности, эмоциональности. В ответ преподаватель получает от учащихся соответствующий отклик, связанный с их индивидуально-личностными особенностями и эмоциональным состоянием в каждый конкретный момент" [5, с.56].

Всё самое передовое, едва возникнув в одном месте, берётся на вооружение другими, что ведёт к взаимному профессиональному обогащению. Благодаря движению происходит прямой перенос в профессию самых передовых практик и педагогических технологий. Интерес к новому проявляют сами студенты. Серьёзные опасения вызывает тенденция к роботизации и автоматизации всех отраслей деятельности в обществе, которая затронет все сферы экономики, а на долю человека останется только создавать, оценивать, анализировать, наблюдать. По последним оценкам социологов уже к 2025 году от человека к роботам перейдут до 50% всех профессий, так что конкурировать с машинами смогут лишь

специалисты, владеющие новыми технологиями и имеющие развитые когнитивные навыки. Найти себя в таком будущем будет сложно. Пока студенты и преподаватели к этому не готовы. Быстрый рост информационного пространства требует от преподавателя перестройки всей своей профессиональной деятельности. На наших глазах коренным образом меняется вся образовательная система. Никого не оставляют равнодушными открытые дискуссии по проблемам *on-line* обучения. Педагогов всех уровней волнуют три аспекта: будет ли эта форма обучения перспективной, как она изменит структуру отечественного образования и сколько средств она потребует от студентов и государства. На эти вопросы пока нет ответа. Более того, возникают не менее важные второстепенные вопросы, которые требуют тщательного исследования эффективности *on-line* обучения. Неизвестно, принесёт ли эта форма преимущества или окажется рискованным образовательным трендом для преподавателей, не окажутся ли они вне образовательного процесса на правах посредников или просто сторонних наблюдателей, а главное, как будет развиваться рынок образовательных услуг и как оставаться конкурентоспособным в новых социальных условиях. Очевидно только одно: невозможно ответить на все эти вопросы без участия преподавателей высших учебных заведений с огромным опытом творческой работы, владеющих инновационными информационными компетенциями. Успех может быть гарантирован только в том случае, если преподаватели проявят высокий уровень профессионализма в сфере *on-line* технологий.

"Информационные технологии являются мощным инструментом совершенствования профессионального образования, но при этом они должны быть грамотно встроены в учебный процесс. Очевидно, что наступает новая эпоха *Smart education*, или "умного образования", когда образовательная среда находится в свободном доступе, требования к преподавателю растут, знания получили статус широкой доступности. Образование полностью или частично переносится в электронную среду" [2, с.151].

Наши отечественные эксперты-экономисты прогнозируют победу двух очередных экономических трендов на основе технологических достижений к 2030 году. Во-первых, ожидается быстрый рост количества структур, которые будут работать с клиентом напрямую, т.е. без посредников. В среде экономистов-теоретиков ведутся серьёзные дебаты по разработке наиболее оптимальных схем ведения бизнеса.

Во-первых, со стороны деловых отношений следует ожидать рост количества структур, работающих напрямую с клиентом, т.е. без посредников. Пока идёт процесс обсуждения этих схем, мы видим, как появляются и

растут быстрыми темпами новые, сверхэффективные деловые структуры, которые привлекают всё больше и больше клиентов, минуя посредников. Во-вторых, совершенно очевидно, что быстрыми темпами будет развиваться аппаратное обеспечение всех компьютерных систем во всех отраслях. Сфера информационных технологий в ближайшие 5 лет будет определять во многом темпы развития, ведения деловых отношений и востребованности услуг во всём мире. В последние годы в экономике и финансах возник новый термин – "уберизация", т.е. ведение бизнеса напрямую, без посредников. тренд выглядит очень привлекательно, так как устраняет посредническое звено в бизнесе и увеличивает число клиентов за счёт уменьшения издержек на содержание управляющего отдела. В немецком языке "uber" значит "над" или "сверху" и используется в качестве приставки для обозначения повышенного уровня или превосходной степени. У Ницше читаем "ubermensch" – сверхчеловек. Эту идею Uber моментально подхватили в других видах коммерческой деятельности. В настоящее время Uber Technologies Inc., международная компания из Сан-Франциско, создала одноимённое мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты поездок на такси. С помощью этого приложения Uber-заказчик может заказать машину с водителем на нужное ему время и произвести оплату по банковской карте. Сейчас такой сервис существует в 66 странах мира и 507 городах. Единственным необходимым условием является использование новейших информационных и телекоммуникационных технологий на основе взаимной выгоды. Уберизация набирает обороты, и по оценкам специалистов, это – только начало. В настоящее время вся мировая финансовая индустрия озабочена появлением новой электронной платёжной системы на основе криптовалюты под названием "Биткоин". Разработчик программы, японский программист Сатоши Накомото, предложил систему оплаты, основанную на математических вычислениях. Идея состоит в том, чтобы вести обмен денег без централизованного контроля, мгновенно, с наименьшими издержками, без привлечения банков. Этот вид валюты не принадлежит Центральному банку и не работает по его правилам. Сейчас трудно сказать, как это новшество отразится на финансовых рынках или это окажется очередным "мыльным пузырьком". Но в принципе идея понятна: исключить посредников из валютных операций.

Система образования не осталась в стороне, возникли многочисленные концепции и методики дистанционного обучения, объектом которых являются образовательные программы, которые осуществляются с помощью современных технологий дистанционного образования. Его цель заключается в предоставлении всем желающим, непосредственно по месту жительства, возможности обучения по основным профессиональным программам. Интернет – технологии позволяют прово-

дить лекции в виде презентаций, в процессе обучения используются виртуальные учебники, электронные справочники, обучающие программы, деловые игры, вебинары, круглые столы. Возникли так называемые MOOC – массовые открытые on-line курсы, рассчитанные на массового потребителя. Основу этих курсов составляют инновационные проекты по всему миру. В настоящее время они представляют собой механизм получения знаний в какой-либо сфере. Такой подход позволяет вузам полностью удовлетворять потребности студентов, расширяя их профессиональные компетенции. [4, с.133].

MOOC технологии представляют собой глобальную тенденцию развития открытого образовательного пространства, другими словами, инновацию в сфере образования, и как всякая инновация она сталкивается с разным отношением к ней. Это – и критические замечания, и дебаты, и размышления в преподавательской среде. Любому желающему по своему усмотрению, без участия преподавателя, может выбрать курс, основанный на уравнительном подходе к содержанию образовательного материала, это – как средняя температура по больнице. MOOC не имеют индивидуальной педагогической поддержки, не учитывают уникальных личностных потребностей, навыков, опыта и уровня подготовки студентов. Они не мотивируют их к усвоению учебного материала, не способствуют развитию познавательной, коммуникативной и личностной активности современных студентов. Только преподаватель может учитывать индивидуальные особенности мышления и интересы каждого студента при высоких темпах расширения информационных ресурсов. На нём лежит ответственность за воспитание самобытности, неповторимости и раскрытие личностных качеств студентов. Возникает вопрос: "Готов ли преподаватель к таким существенным инновациям в сфере образования?"

В педагогической среде появилось новое понятие – "готовность преподавателя к инновациям", которое охватывает несколько самых главных факторов: "особенности личности педагога (открытость к новому, креативность, инициативность, ориентация на успех, когнитивные способности (образованность, стиль решения проблем, стремление применять знания на практике для решения проблем), а также благоприятная профессиональная среда" [3, с.58]. Совершенно очевидно, что одним из условий профессионального и личного роста педагогов является социально-психологический климат в коллективе. В основе развития инновационного потенциала всего педагогического коллектива как раз и лежит инновационная готовность каждого педагога, она включает понимание целей инновационной деятельности, оценку и уверенность в положительных результатах, а также высокую мотивацию своего труда. Осознанная

деятельность порождается именно мотивом, так как он является главным звеном, которое объединяет основные качества педагога – профессионала. От того, как педагог развивает свою педагогическую готовность и зависит его педагогическое мастерство. На фоне информационной компетентности должна присутствовать внутренняя готовность к постоянному стремлению к оценке своей деятельности, саморазвитию, самосовершенствованию. Современное российское образование характеризуется непрерывной системой обучения и значительным расширением информационного пространства, что требует навыков управления своей познавательной деятельностью.

С уверенностью можно сделать вывод, что система нашего отечественного образования устанавливает приоритет педагогики над технологическим обеспечением. Преподавателю не грозит участь посредника, если его взаимоотношения со студентами строятся на основе взаимоуважения, справедливости, оптимизма, внимания к каждому студенту, устремлённости в будущее, любви к своему предмету, готовности к переменам, всего, из чего состоит понятие творческой педагогической дея-

тельности. Раньше в основе образования стояла передача знаний, сейчас – ориентир на будущую профессиональную активность студентов. Чтобы не остаться на обочине, преподаватель должен постоянно совершенствовать свои умения и навыки, следить за новыми идеями и тенденциями в образовании и воспитании, постоянно поддерживать мотивацию студентов к обучению на протяжении всей жизни, развивать их творческие способности к самостоятельной работе.

Есть такое слово "подвижник", в нём сочетаются два очень важных понятия: "движение" и "подвиг", которые выражают самую суть труда педагога, человека, ведущего нас сквозь годы детства, отрочества, юности и совершающего каждый день незаметный на первый взгляд подвиг. Наше время постоянно бросает нам вызов и заставляет пересматривать понятия, которые складывались десятилетиями. Пройдут года, неузнаваемой станет наша жизнь, исчезнут многие сегодняшние профессии, но пока существует человечество, сохранится на земле это высокое звание педагога, благодаря его творческому мастерству, высоким нравственным принципам, ответственности и открытости к переменам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрович П.И., Педагогическое мастерство преподавателя вуза. БГТУ; "История, философия, филология", 2013, №5, с.61–63.
2. Загвоздкина М.В., E-learning, новые задачи для преподавателя вуза// Высшее образование в России, 2015, № 7, с. 151.
3. Педагогика и психологи, наука и образование: теоретико-методологические подходы и практические результаты исследований// Монография. Изд. Офорт, Самара, 2017, 453 с.
4. Стародубцев В.А., Персонализированные MOOK в смешанном обучении// Высшее образование в России, 2015, № 10, с.133.
5. Ткачёва Т.М., Роль личности преподавателя в обеспечении качества профессиональной подготовки выпускника вуза// Учебное пособие, М., МАДИ, 2015, с.30.

© Т.В. Моисеева, (moiseewa.tv@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Трудоустройство студентов и выпускников

Работа необходима для здоровья
Гиппократ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО МБА

SEVERAL POINTS ABOUT THE STYLE OF MBA GRADUATE QUALIFICATION WORKS

G. Nurgaleeva

Annotation

This article presents linguistic and stylistic changes in the text of MBA graduation works. The principal attention is given to the functioning of terms from economy and management, created based on metaphORIZATION. Most of economy and management terms in the Russian language are calques and borrowings from English and American professional literature. MetaphORIZATION is a highly productive method of creating terms used in economy and, especially, in management. Most of specialized management terms are words that are close to specialized terms in meaning but are at the same time emotional, image-bearing, and are made up of professionalisms, colloquial vocabulary and jargonisms. It is a characteristic feature of management terms to include such words. The style of MBA graduate qualification works reflects the trends of development of the professional style of economy and management, making it close to the popular scientific and conversational narrative styles.

Keywords: borrowing, calquing, management, metaphORIZATION, professional communication, term.

Нургалеева Гузель Муслимовна
К.филол.н., доцент, Национальный
исследовательский Московский
государственный Строительный
университет, НИУ МГСУ

Аннотация

Статья рассматривает языковые и стилистические изменения в тексте дипломной работы по МБА. Основное внимание уделяется функционированию терминов сферы экономики и менеджмента, образованных на основе метафоризации. Большинство терминов экономики и менеджмента в русском языке представляют собой кальки и заимствования из английской и американской специальной литературы. Продуктивным способом образования терминов экономики и особенно менеджмента является метафоризация. Большую часть специальных обозначений менеджмента составляют наименования, которые приближены к терминам по значению, но при этом содержат эмоциональность, образность, в их составе есть профессионализмы, бытовая лексика, жаргонизмы. Наличие таких наименований в терминологии менеджмента является характерной чертой. Стиль выпускных квалификационных работ по МБА отражает тенденции развития профессионального стиля речи экономики и менеджмента, сближающие его с научно-популярным и разговорным стилями изложения.

Ключевые слова:

Заимствование, калькирование, менеджмент, метафоризация, профессиональное общение, термин.

Преподавание научного стиля для учащихся высших учебных заведений, получающих разные специальности, по-видимому, требует дифференцированного подхода для конкретных профессиональных языков. В частности, это касается сферы экономики и менеджмента, активно развивающихся в настоящее время, что вызывает также развитие языка данной профессиональной сферы.

Анализ текста одной из выпускных квалификационных работ по МБА (Master of Business Administration), выполненной на кафедре менеджмента и инноваций в Московском государственном строительном университете, позволяет отметить некоторые особенности. Работа посвящена вопросам организации системы управления конкурентоспособностью одной из строительных компаний. Данное дипломное сочинение, сохраняя основные структурные и стилистические характеристики жанра, в то же время демонстрирует определенные изменения в языковом и стилистическом плане.

Квалификационная работа имеет традиционную композицию, структура играет ведущую роль в определении жанра данного квалификационного сочинения. Изложение текста работы представляет собой сочетание научного и официально-делового стилей речи.

Фрагменты официально-делового стиля в общей ткани дипломного сочинения будущих управленцев естественны, поскольку администрирование требует владения языком деловой коммуникации. В работе эти фрагменты представлены перечислениями, списками предлагаемых действий по улучшению управления конкретной организации в форме планов и в целом соответствуют требованиям, предъявляемым к деловому стилю речи.

Во фрагментах работы, описывающих ход исследования изучаемого вопроса, отмечается тенденция к упрощению собственно научного стиля речи, что проявляется в употреблении слов, грамматических конструкций и предложений разговорного стиля, метафор.

Приведем ряд примеров из рассмотренной квалификационной работы: "В таких трудных экономических условиях особенно необходимо поддерживать конкурентоспособность компании, выискивать конкурентные преимущества, отличные от конкурентов"; "...зачастую концентрация компании на уменьшении издержек приводит к неспособности своевременного распознавания изменения конъюнктуры рынка"; "Живучесть брендов является результатом проведения поддерживающих мероприятий"; "Тогда у компании получается сократить ресурсы путем узкой специализации"; "Не осталось серьезных активов, на базе которых могли быть созданы крупные национальные игроки в сфере промышленного проектирования и строительства". В тексте рассмотренной дипломной работы наблюдается использование слов и лексических сочетаний в функции терминов, которые, строго говоря, являются профессионализмами, образованными на основе метафоризации, например: "звезда", "проблемные дети", "дойные коровы", "собаки".

Как отмечают экономисты и специалисты по менеджменту, подавляющее большинство современных теорий менеджмента базируется на американском опыте ведения бизнеса и опирается на англо-саксонскую модель поведения, на сегодняшний день лидирующие позиции в мировом MBA рейтинге занимают американские бизнес-школы [9, с.15].

Лингвисты отмечают, что большинство терминов экономики и менеджмента в русском языке представляют собой заимствования и кальки из англо-американских источников. [8, с.12; 6, с.16], объясняют это глобализацией американско-английской терминологии и интенсификацией процесса заимствования англо-американских экономических терминов [4, с.9–10; 1, с.8].

Многие исследователи также отмечают, что продуктивным способом образования терминов экономики и особенно менеджмента является метафоризация [2, с.7; 6, с.14]. Этот способ словообразования является продуктивным не только в русском языке, но и в современном терминотворчестве в целом, термины-метафоры встречаются в различных областях науки: медицине, физике, информационных технологиях, строительстве и др. [См., например, 7].

Современные исследователи терминологии менеджмента отмечают, что большую часть специальных обозначений составляют наименования, приближенные по значению к терминам, но при этом характеризующиеся не свойственными терминам экспрессивностью, образностью, свойственным бытовой лексике, жаргону [1, с.15].

Такие профессиональные слова называют профессионально терминованными наименованиями [5], или

профессионализмами, включая жаргонизмы (сленгизмы), или терминами метафорического происхождения разговорного стиля [3], отмечая, что их наличие в терминологии менеджмента является характерной чертой, например: "неповоротливые бегемоты", "гончие псы" и пр. Эти слова стремятся занять "смысловую нишу" в терминологии менеджмента и приобрести статус термина. [6, с.16]

Исследователи отмечают, что важную роль в образовании терминов менеджмента играет калькирование. Кальками являются не только собственно термины, но и профессионально терминованные наименования. Это преимущественно англо-язычные заимствования, среди которых значительное число фразеологических оборотов, образованных на основе метафорического переосмысления: принцип горячей плиты, теневая экономика, гордые львы [6, с.17]; баран-вожак с колокольчиком, большие уроды, борьба с молью, жирные коты, дохлые собаки, охотники за головами, надевание шапки и др. [1, с.8].

Большинство подобных номинаций заимствуется в русский язык через калькирование со значениями языка-источника, их трудно признать терминами с точки зрения традиционного определения термина в научном стиле.

Однако исследователи терминологии менеджмента отмечают, что подобные номинации выполняют функции термина, активно используются в сфере менеджмента не только в устном общении, но и в различного рода учебных и научно-публицистических текстах, а также в справочной литературе (специальных словарях). [6, с.17]. Использование терминов подобного рода соответствует нормам современного профессионального общения в сфере менеджмента. [2, с.7].

При процессе терминологизации (семантический способ образования), когда терминами становятся слова-нетермины (кружок, звезда, дом, колесо, шум, слухи и т.п.), по мнению Моряхиной [6, с.14], большое значение приобретает их мотивированность, которая позволяет им достаточно свободно устанавливать ассоциативные связи с другими терминами и с именуемыми явлениями, и позволяет легче запомнить такие термины. Студентам такие термины-метафоры представляются более понятными, а потому предпочтительными. Приведем пример из выпускной работы, демонстрирующий выбор не сугубо научной терминологии, а более понятной, метафорической:

"Базовые стратегии, разработанные русским ученым Л.Г. Раменским в 1935 г., включают следующие типы конкурентных стратегий: виоленты, пациенты, коммутанты и эксплеренты. Через 40 лет швейцарский эксперт Х. Фризевинкель предложил подобную, но легко запомина-

ющую классификацию (курсив наш – Г.Н.) стратегий развития предприятий: 1) "гордые львы", "могучие слоны" и "неповоротливые бегемоты"; 2) "хитрые лисы"; 3) "серые мыши"; 4) "первые ласточки". Далее автор диплома соотносит два ряда терминов: "...виолентная (силовая) стратегия (стратегия "львов", "слонов" и "бегемотов"); пациентная (нишевая) стратегия (стратегия "хитрых лис"); эксплерентная (пионерская) стратегия (стратегия "первых ласточек"); коммутантная (приспособительная) стратегия (стратегия "серых мышей)".

Можно констатировать, что авторы выпускных работ по МБА в дипломных сочинениях предпочитают более простой стиль изложения. Не являясь филологами, лингвистами, они не всегда осознают необходимость строгого соблюдения правил научного изложения текста. Формально они придерживаются общепринятой схемы оформления данного жанра научного исследования, но при этом не всегда осознают разговорный, метафоричный характер слов.

По нашему мнению, язык и стиль выпускных квалификационных работ по МБА отражает тенденции разви-

тия профессионального стиля речи экономики и менеджмента, имеющий в наше время характерные черты, отличающие его от собственно-научного стиля, и сближающие его с научно-учебным, научно-популярным подстилями и разговорным стилем.

Активное развитие сферы экономики и менеджмента в настоящее время вызывает и развитие языка профессиональной коммуникации между специалистами этих сфер. Это приводит к тому, что язык и стиль профессионального общения меняется, различные стили взаимодействуют между собой и создают новые разновидности, используемые в определенных ситуациях общения.

Осознание того, что язык меняется с изменением ситуации общения, вызывает необходимость изменять содержание обучения в зависимости от мотивации и потребностей обучаемых. Отсюда возникает необходимость учитывать в процессе преподавания стилистики русского языка и культуры речи особенности современного профессионального языка экономики и менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борщевская, Татьяна Станиславовна. Термины и терминоиды в лексико-семантическом поле "Менеджмент": автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Санкт-Петербург, 2012. – 22 с.
2. Горбунова Н. Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Пятигорск, 2014. – 29 с.
3. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем: (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учеб.-метод. пособие 2003. – 303 с.
4. Калашникова, Юлия Михайловна. Экстра- и интралингвистические предпосылки проникновения английских экономических терминов в немецкий язык: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ом. гос. техн. ун-т. – Омск, 2005. – 23 с.
5. Карлпухина Н. М. Лексико-семантические процессы в русской терминологии товарно-денежного обращения: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 2007. – 45 с.
6. Моряхина Н.В. Формирование и функционирование терминологии менеджмента в русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: Казань, 2008. – 23 с.
7. Нургалева Г.М., Фролова О.В. Метафорика терминосистемы текстов строительного дискурса в фокусе дисциплины русского языка как иностранного в строительном вузе // Педагогический журнал. 2016. № 5. С. 403–412.
8. Папазян А.А. Структурно-семантическое описание терминов менеджмента: на материале экономической лексики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: Краснодар, 2007. – 21 с.
9. Филонович С.Р., д. ф.-м.н., проф., декан Высшей школы менеджмента ГУ – Высшая школа экономики. Предисловие научного редактора // Адизес И.К. Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из этого следует. – М., 2014.

© Г.М. Нургалева, (nurgale@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

FORMATION OF VALUES AND RELATIONS OF STUDENTS IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

*E. Holopova
S. Koricheva
I. Skopina
N. Konoplin
H. Evstratov*

Annotation

The relevance of this article is justified by the fact that modern conditions of formation of society impose new requirements to a person. All qualities, properties of the personality, interests and desires, abilities are shown in Affairs, in different types of personal activity. The article presents the concept of value education of students, which contributes to the formation of students' concept of life as the highest moral value. Discusses his core values of education. The conclusion is made about the necessity of individual and creative development as a strategic direction of professional training of students in High school.

Keywords: value relations, personality-developing learning, self-determination.

*Холопова Екатерина Юрьевна
К.п.н., ФКОУ ВО Академия
права и управления ФСИИ России
Корышева Светлана Евгеньевна
К.п.н., ст. преподаватель,
ФКОУ ВО Академия права
и управления ФСИИ России
Скопина Ирина Евгеньевна
К.п.н., ст. преподаватель,
ФКОУ ВО Академия права
и управления ФСИИ России
Коноплин Николай Юрьевич
Преподаватель,
ФКОУ ВО Академия права
и управления ФСИИ России
Евстратов Герман Константинович
Психолог, ФКУ ИК-5 УФСИН России
по Тульской области*

Аннотация

Актуальность данной статьи обоснована тем, что современные условия формирования общества предъявляют к человеку новые требования. Все качества, свойства личности, интересы и желания, способности проявляются в делах, в разных видах личностной деятельности. В статье дается понятие ценностного воспитания обучающихся, которое способствует формированию у обучающихся понятия жизни как высшей нравственной ценности. Рассматриваются его основные ценностного воспитания. Делается вывод о необходимости индивидуально-творческого развития как стратегического направления профессиональной подготовки обучающихся в ВУЗ-е.

Ключевые слова:

Ценностные отношения, личностно-развивающееся обучение, самоопределение.

Современные условия развития общества, которые создают почву для существования в социуме различных ценностей, требуют воспитания личности, способной в постоянно изменяющихся условиях свободно принимать такие решения, которые были бы результатом ценностного ответственного ее самоопределения.

И говорить о том, что ориентация профессионального образования на личность учащегося, его индивидуально-творческое развитие может рассматриваться не просто как важное средство совершенствования профессиональной подготовки кадров, но как стратегическое направление профессиональной подготовки молодого поколения вообще.

Введение категории "личностное", анализ ее значения позволяют раскрыть суть подхода, в рамках которого и проводилось настоящее исследование.

Личностный подход к человеку – это подход к нему как к целостной личности с учетом всей ее сложности, всех ее индивидуальных особенностей. В соответствии с личностным подходом ни одно психическое явление – будь то процесс, состояние или свойство личности, проявляющееся в деятельности, – не могут быть правильно поняты без учета личностной их обусловленности. Раскрывая особенности той или иной личности в их целостном виде, естественном проявлении, этот подход позволяет преодолеть ту ограниченность, которая обязательно присутствует при выделении отдельных свойств личности.

Подготовку будущего специалиста следует рассматривать комплексно. С позиций научности он должен выступать как специалист высокой квалификации по своему профилю. С точки зрения гармоничности и разносторонности он человек, деятельность которого не ограничивается только решением сугубо профессиональных задач, он должен обладать широтой кругозора, многогранностью интересов и умений, понимать социальную значимость различных видов профессиональной деятельности.

Воспитание такой личности предполагает расширение свободы выбора – необходимого условия самовыражения и самоопределения личности. Но поскольку свобода выбора подразумевает еще и ответственность человека перед обществом, то для этого в сознании обучающегося молодого человека должна сформироваться такая система ценностей, которая, с одной стороны, не противоречила бы общественным нормам, а с другой – максимально помогала бы ему выражать и развивать себя.

Социальная напряженность в обществе во многом связана с утратой идеалов, апатией и глобальным нигилизмом молодежи. Молодежь и даже дети оказались втянутыми в бесчеловечные межнациональные конфликты, неуклонно растет детская преступность, катастрофически деградирует духовная сфера подрастающего поколения.

В современной ситуации возникает ряд противоречий [4, с. 94]:

- ◆ на уровне науки – между теоретической разработанностью оснований ценностного подхода в воспитательном процессе и недостаточной разработанностью оснований отбора для условий формирования ценностных отношений в условиях рыночной экономики и информационного общества;
- ◆ на уровне социума – нестабильность ценностных норм между отдельными социальными группами и их возможностями;
- ◆ на уровне педагогической практики – рассогласованность между целеполаганием в процессе личностно-развивающего обучения, с одной стороны, и между акцентированием личности по отношению к коллективу и обществу в целом, с другой;
- ◆ на уровне системы образования в целом – рассогласованность между высокими требованиями к личностному и профессиональному самоопределению и отсутствием разработанных методик и программ системного формирования ценностных отношений.

Возможности, которыми обладает вузовская система образования, проявляются как потенциальные. Их эффективная реализация происходит лишь при определенных педагогических условиях, что позволяет преобразовывать традиционные формы взаимодействия преподавателя и студента в наиболее значимые для профессионального самоопределения будущего выпускника.

Всё это обуславливает необходимость разработки и апробации программ ценностных отношений, что может внести заметный вклад в совершенствование педагогического процесса и обогатить общепедагогическое знание.

Долгосрочная политика развития отечественно образования должна быть личностно-ориентированной, позволяющей наиболее полно удовлетворять естественное и неотъемлемое право каждого человека – право на получение образования с учетом своих индивидуальных особенностей, интересов и способностей. В связи с тем, что личность проходит в своем развитии ряд последовательных стадий (этапов). В образовательной деятельности эта последовательность реализуется на определенных взаимосвязанных образовательных ступенях.

Главная задача личностно-образовательной педагогики – подготовить компетентных специалистов разного уровня и профиля, способных реализовать свой потенциал в той или иной сфере трудовой деятельности [3, с. 35].

В профессиональном образовании обучающихся речь должна идти о непрерывном развитии личностных мировоззренческих качеств, их дополнении определенными знаниями и возможностями приобретаемой специальности. В ранг приоритетной ценности возводятся личностные образовательные потребности, индивидуальные предпочтения обучающихся, их познавательные интересы, их дифференцированные способности. С этим связана свобода выбора индивидуальной образовательной траектории вариантно и дифференцированном образовательном пространстве.

Программа концепции личностно-развивающего обучения и воспитания должна включать в себя, как представляется, по меньшей мере, следующие вопросы [4, с.94]:

1. Развитие личности как высший приоритет образовательной деятельности на всех ступенях образования.
2. Личность как объект системного исследования.
3. Проблемы диагностики способностей.
4. Психодиагностические методы ориентации и профориентации.
5. Междисциплинарные проблемы индивидуализации образования.
6. Психолого-физиологические особенности обучающихся разных возрастных категорий и проблемы адаптации к ним педагогических технологий.
7. Обучающийся как субъект педагогического процесса.
8. Образование и здоровье обучающихся.
9. Личностные аспекты профессиональной ориентации, профессионального самоопределения, профессионального отбора и профессиональной адаптации.

10. Междисциплинарные проблемы семейного воспитания.

11. Проблемы коррекционной педагогики.

12. Педагогические технологии работы с одаренными обучающимися.

13. Технологические аспекты гуманизации и гуманизации образовательных систем.

14. Эмоциональная сфера межличностных отношений в образовании.

Специфика теории ценностей заключается в том, что ценности представляют собой такую форму отражения в сознании человека предметов и явлений, которая раскрывает их возможности для удовлетворения потребностей и интересов человека, а следовательно, лежит в основе активности и направленности личности. [2 с.13]

В процессе жизнедеятельности человек выходит за рамки социальных программ, выступая как "самонаводящаяся" система, способная сама выработать себе цель и способы деятельности, модель мира и поведения.

Обучающиеся ВУЗов– это мобильная социальная группа, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве. Поэтому главной формой производства является обучающе-образовательная деятельность.

Для результативности осмысления уровня самопознания необходимо внедрение специальных программ, реализующих идею через:

а) изучение учащимися основ психологических знаний о внутреннем мире человека (высшие психические процессы и психические свойства, сознание, самосознание, мотивы поведения человека);

б) диагностику личностных характеристик мыслительной деятельности учащихся и акцентуации их характеров;

в) психологическое консультирование в диалогах: психолог –ученик, психолог – учитель, психолог – родители, основанное на результатах психологической диагностики;

г) психологический тренинг корректирующего и конструктивного назначения.

Модель формирования ценностных отношений обучающегося и учебно-воспитательный процесс [5]

Использование программ, дает возможность решить ряд задач:

- ◆ формирование у учащихся адекватных представлений о собственной личности как о самоорганизующейся системе, ее уникальности;
- ◆ осознание учащимися собственной "Я – концепции";
- ◆ формирование установки учащихся на развитие психической саморегуляции личности и личностный рост, осуществляемый через самопознание, самоадаптацию и самореализацию.

В результате будет получен следующий результат:

- ◆ выход учащихся за пределы индивидуального психологического опыта;
- ◆ аутентичность и открытость новому как практика патогенного состояния личности;
- ◆ уверенность в своих силах, основанная на адекватной их оценке;
- ◆ расширение самосознания, критичность и высокая степень рефлексии;
- ◆ стремление к самоактуализации и самореализации.

Обучающийся на определенном этапе своего пребывания в ВУЗе сталкивается с такой задачей – встать на осознанный положительный путь. И для этого у него в сознании появляется индивидуальная модель поведения, соответствующая системе общества.

Способы и уровни самоопределения человека зависят от сформированности его реального модуля.

Под ценностным самоопределением мы понимаем процесс, акт и результат выбора человеком собственной позиции, целей и средств самоосуществления и саморазвития в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком внутренней свободы, осуществляемый на основе ценностных ориен-

таций как результат сложного динамического новообразования личности в ценностной системе общества.

Понятие "ценностное самоопределение" связывается, таким образом, с деятельностью природой осмысления, опредмечивания и распрепредмечивания программ социального опыта. Поскольку же прогресс связан с постоянной специализацией и дифференциацией нормативно-ценностных систем на основе специализации непосредственной практической деятельности, то и ценностное самоопределение как интегральный фактор осмысления ценностных отношений посредует все более сложными переплетениями различных способов осмысления действительности.

Если отказаться от формирования ценностных отношений совсем, то это может привести к такому смещению "горизонтальных" связей на нижних уровнях мыслительной деятельности обучающегося в процессе его воспитания, что "вертикальные" связи не будут проследиваться вниз до конца. В этом случае человек "теряет устойчивость", поскольку мировоззренческие принципы и установки оказываются не соответствующими реальности, а сама реальность "непонятной" и лишенной смысла.

Особую роль в обеспечении устойчивости этих связей, единства осмысления в различных сферах деятельности играет педагогический процесс в ВУЗ-е.

Формирование ценностных отношений можно определить как осознанное желание обучающегося выбрать определенную жизненную позицию, при этом оставить цели и установки не входящие в противовес обществу и все это регулируется педагогическими и социальными факторами.

Обучающийся становится носителем своей нормативно-ценностной системы. Он самоопределился и может влиять на нее через самовоспитание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексюк Р. А. Основные принципы моделирования процесса формирования ценностно-смыслового отношения к военной службе у курсантов военных вузов // Молодой ученый. – 2014. – №5. – С. 463–466.
2. Барабанова В.В. Представление студентов о будущем, как аспект их личностного и профессионального самоопределения. // Психологическая наука образование – 2002, –№2, –С. 28–41.
3. Викторов О.Н. Ценностные ориентации студенческой молодежи: Опыт работы. Чебоксары: ЧТУ 2002.
4. Холопова Е.Ю. Формирование ценностных установок и ориентиров у обучающихся в ведомственных вузах // Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Академия ФСИН России. 2017. С. 94–98.

ПРАВОСЛАВИЕ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ: РАЗНООБРАЗИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО КОНТЕНТА

Аглей Елена Андреевна
Соискатель,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет

ORTHODOXY ON RUSSIAN TV: TELEVISION CONTENT'S DIVERSITY

E. Aglei

Annotation

The article examines the diversity of Russian television content about Orthodox topics. The author has studied the history of the formation of the Orthodox TV channel "Spas" and "Souz" and their programs.

Keywords: TV, religion, orthodoxy TV, religious TV, secular TV, orthodox documentary film.

Аннотация

В статье рассматривается разнообразие российского телевизионного контента при освещении православной тематики. Автором была изучена история становления православных телеканалов "Спас" и "Союз", а также проведена большая работа по исследованию сетки вещания православных и светских телеканалов; и если православная тематика на религиозных телеканалах представлена в передачах различной направленности, то на светских телеканалах (помимо отражения в новостных выпусках) – в большей степени документальных фильмах, которые также имеют свое жанровое своеобразие.

Ключевые слова:

Телевидение, религия, православное телевидение, религиозное телевидение, светское телевидение, православный документальный фильм.

В современной России, где провозглашены свобода совести и вероисповеданий, тема религии занимает неотъемлемое место в средствах массовой информации. Телевидение же, обладая большей наглядностью и образностью, чем радио, печатные издания или интернет-порталы, представляет вниманию зрителя религиозную жизнь в различных жанрах. Хотя опубликовано уже достаточно много материалов о религии в средствах массовой информации в целом, телевизионный контент с религиозной тематикой далеко не однороден: последняя представлена и на светских телеканалах, и на телеканалах, специализированных под определенную религию, или религиозных, что обуславливает необходимость настоящего исследования.

В данной статье разнообразие контента религиозных телеканалов будет изучаться в рамках отражения православной тематики в связи с тем, что на российском телевидении имеются православные телеканалы, чего нет у иных конфессий, например, у ислама или католицизма. В качестве эмпирической базы нами будут анализироваться, прежде всего, религиозные телеканалы "Спас" и "Союз". Следует отметить, что их контент пополняется благодаря епархиальному контенту, а также материалам Патриархата. Оба телеканала находятся в ведомстве Русской Православной церкви. В 2015 году телеканалы отметили юбилей – 10 лет. Также при классификации православных документальных фильмов мы опирались на фильмы,

показанные по "Первому каналу" (как наиболее популярному у среднестатистического жителя России) в разные годы. Но если история становления "Первого канала" известна многим, даже не сведущим в журналистике, то на истории "Спаса" и "Союза" следует акцентировать внимание для дальнейшего исследования.

Изначально ни "Спас", ни "Союз" не были личными телеканалами Русской Православной церкви.

Например, "Союз" был светским, но в итоге его подарили РПЦ в 2005 году. Вещание его началось 31 января 2005 года. Эфир "Союза" включает себя программы как собственного производства, так и присылаемые из епархиальных студий в других регионах, среди которых есть работы не только из России, но и из Украины и Белоруссии.

Телеканал "Спас" начал свое вещание в московском регионе 28 июля 2005 года, но он был частным бизнес-проектом [5]. Он также входил в базовый пакет "НТВ+". Но после смерти одного из владельцев было решено предложить выкупить РПЦ этот канал. Канал направлен на продвижение информационного, образовательного и катехизаторского контента среди жителей России. В основном, это освещение деятельности Русской Православной церкви, патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

В качестве основы разнообразия контента мы условно выделим следующие направления в сетке вещания телеканалов, а при жанровом делении православных документальных фильмов будем использовать классификацию В.Л. Цвика [3]:

1. Религиозные программы. На религиозных телеканалах, как оказалось, далеко не все передачи религиозные и освещают достаточно широкий круг социальных, политических и экономических проблем. Но, на наш взгляд, есть такие передачи, "религиозность" которых очевидна. \на телеканале "Спас" это "Ответ священника", позиционирующий возможность близости со священником, не выходя из дома; на телеканале "Союз" подобных передач намного больше, что обуславливается их производством в разных городах: "Вопросы веры", "Читаем Апостол", "Читаем Евангелие вместе с Церковью", "Церковный календарь", "Читаем Псалтирь", "Первосвященитель", "Читаем Добротолюбие", "Нравственное богословие", "Уроки православия", "Беседы с владыкой Павлом", "Беседы с батюшкой", "Архипастырь" и многие другие.

2. Информационные программы. Жанры информационной публицистики: заметка (видеосюжет), отчет, выступление, интервью, репортаж – на телеканале "Спас" не имеют четких граней и представлены всего одной официальной информационной программой "День Патриарха", где безоценочно показываются зрителю важные моменты деятельности Патриарха Кирилла; на телеканале "Союз" прослойка информационных передач намного больше и представлена следующими программами: "События недели", "Вестник православия", "Мир Православия", "Седмица", "Кузбасский ковчег", "Дон православный", "Благовест", "Свет миру", "Митрополия", "Сила веры", "Символ веры", "Благовест", "Православный календарь", "Свет Православия", "Телевизионное епархиальное обозрение", "Благовест", "Из жизни епархии", "Дорога к храму" – но следует отметить, что все эти проекты производятся в разных городах и транслируются периодически.

3. Публицистические программы. На телеканале "Спас" к жанру беседы условно можно отнести следующие проекты: авторская программа политического философа и общественного деятеля Александра Щипкова "Щипков"; "Святые дня", посвященная тематическим беседам о различных святых; "С божией помощью" – достаточно необычный проект для религиозного телеканала, гостями передачи становятся известные личности: актеры, певцы, отношение к религии которых в светском обществе просто не вызывает вопросов, а в рамках данной передачи они раскрываются зрителю с новой стороны. Дискуссия представлена на телеканале "Спас" в рамках премьеры нового проекта, также необычного для религиозного телеканала: "Не верю! Разговор священника с атеистом": создатели телепередачи активно призывают зрителей участвовать в разговоре, делиться мнением в социальных сетях и задавать вопросы. На телеканале

"Союз" публицистические программы также разнообразнее: Лекции профессора А.И.Осипова, "Церковь и мир" с митрополитом Иларионом, "Дорога к храму", "Душевная вечеря", "Плод веры", "Церковь и общество", "Слово", "Выбор жизни", "Родное слово", "Актуальный комментарий", "Православный на всю голову!" (авторская рубрика Дениса Ахалашвили).

4. Программы социальной направленности. На телеканале "Спас" представлены еженедельным телевизионным циклом "Вечность и время" – актуальные события, факты и реалии современной жизни российского общества обсуждаются с гостями в студии; на телеканале "Союз" также проектов больше: "Учимся растить любовью", "Точка опоры", "Скорая социальная помощь".

5. Культурно-просветительские программы. Ток-шоу на телеканале "Спас" занимает достаточно большой пласт в сетке вещания и представлено следующими проектами: "Новый день. Информационно-просветительское ток-шоу" с ведущей Аленой Горенко, где затрагиваются актуальные темы современной российской действительности; авторская программа Аркадия Мамонтова "Следы Империи" – проект, анализирующий крушение Российской Империи, позиционируется как эксклюзивная информация и познавательные фильмы с православным взглядом на историю; "Диалог под часами" с ведущим протоиереем Дмитрием Смирновым, который приглашает в студию известных и авторитетных экспертов (политиков, деятелей культуры, чья деятельность не связана со сферой религии) для того чтобы обсудить с ними вопросы, интересные для любого современного человека.

6. Развлекательные программы. На религиозных телеканалах представлен и развлекательный контент – программа "Монастырская кухня", где в студии происходит приготовление "монастырской" трапезы и показ советских мультфильмов на телеканале "Спас" и детские и молодежные программы: "В гостях у Дуняши", "Купелька", "Мульткалендарь" – на телеканале "Союз".

7. Документальные фильмы, которые занимают достаточно обширную нишу при освещении темы религии на телевидении. Документальные фильмы на канале "Спас" занимают много времени в сетке вещания. Помимо периодических односерийных фильмов на канале представлены и многосерийные: "Национальное достояние" (тематические циклы документальных фильмов, посвященные различным моментам становления российской истории, в данный момент идет "Лето в усадьбе", где говорится о музеях, центрах искусства и архитектурных памятниках в старинных подмосковных имениях); "Новый храм" (цикл документальных фильмов об открытии новых храмов или об истории уже существующих, приуроченной к какому-либо празднованию). На телеканале "Союз" также имеются документальные фильмы: "История Екатеринбургской епархии", "О Святых Царственных Стратотерпах", "Собор Екатеринбургских Святых", "Человек перед Богом" (цикл фильмов Митрополита Илариона).

На светских телеканалах, помимо упоминания в новостных выпусках, зритель может познакомиться с православной тематикой через документальные фильмы. Что интересно, православное документальное кино практически не изучено. Если смотреть с научной стороны, то можно сказать, что это фильмы, отражающие жизнь православной церкви или ее взглядов. Но если обратиться глубже, то можно понять, что не только это освещается в фильмах. Чаще всего во внимание берутся проблемы аборт, взаимопонимания родителей и детей, семейное счастье, воспитание духовности в детском, подростковом и юношеском возрасте. Поэтому, православные фильмы – это журналистские материалы, рассказывающие в рамках заповедей и канонов Русской православной Церкви простым для восприятия языком о нормах морали, духовном воспитании, образовании семьи и брака в условиях современного общества, жизни Церкви и ее "детях".

Исходя из этого, можно сказать, что документальное кино содержит основные факты события без каких-либо искажений. Тут не допускается выдумка. Ни один из видов докуправды не ставится над другим. Каждый имеет равную значимость.

Сегодня в научном понимании нет жанрового деления православных документальных фильмов, но условно их можно классифицировать следующим образом.

Православный портрет (биография) – в этом виде документального кино говорится как раз о том, каким должен быть православный христианин, какие ценности стоят на первом месте у таких людей, в фильме православной тематики за основу берутся как обычные люди, так и священники или те, кто внес большой вклад в становление Церкви. Но подобный портрет, скорее всего, будет неинтересен зрителям светских телеканалов, которые с удовольствием посмотрят фильм о жизни какой-нибудь звезды: певца, актера, телеведущего или спортсмена. Для поддержания интереса к православному портрету на светских телеканалах можно использовать жизнь тех людей, которые интересны не только с религиозной точки зрения, яркий пример этому – фигура Николая II. Если анализировать православный портрет, представленный на специализированных телеканалах, то к нему условно можно отнести: "О Святых Царственных Страстотерпцах", "Собор Екатеринбургских Святых", где героем становится человек, совершивший вклад, оцененный причислением к лику святых; на сайте "Первого канала" в архиве также можно встретить православный портрет: "Николай Чудотворец", "Святой Лука Крымский. Целитель Луки", "Сергий Радонежский. Заступник Руси", "Святые XX века". Проанализировав фильмы, мы можем сделать вывод, что тема святости очень актуальна в современном мире, что объясняется массовой канонизацией конца XX – начала XXI вв., когда в истории Церкви появилось не звучавшее ранее понятие "новомученик". Русская Православная церковь, причислив к лику святых более тысячи человек, пострадавших не только в период "гонений советской власти", а также уже исторических личностей,

подходящих по критериям святости, но не канонизированных современниками по различным причинам.

Православное исследовательское кино – узконаправленный документальный фильм, который показывает какие-то процессы, происходящие в кругах РПЦ. Например, таким может являться какое-то исследование старых устоев православных христиан, статистика, мониторинг или анализ какого-то события. В тексте присутствуют термины, связанные с православной верой. К сожалению, исследовательское кино не так интересно современному зрителю, как развлекательный контент, а исследовательское кино православной тематики и вовсе не востребовано на российском телевидении. На православных телеканалах православное исследовательское кино представлено следующими проектами: "Национальное достояние", "История Екатеринбургской епархии"; на светском телеканале: "Вифлеем. Город Иисуса", "Русалим. В гости к Богу", "Храм Гроба Господня".

Фильм-размышление или фильм-эссе – это фильм, который предполагает мысли не официальных источников, а авторскую интерпретацию того или иного события. Нами был выделен только один фильм, подходящий под описание – документальный фильм, показанный на "Первом канале", "Мы все равны перед Богом", посвященный 70-летию Патриарха Кирилла, который и является "ведущим" фильма.

Православный экранный дневник – это фильмы, которые рассказывают о различных событиях и интересных проектах православных приходов, монастырей, событиях как глобального масштаба, так и местного. Благодаря четкому следованию дневниковой записи, зритель понимает ответы на три главных вопроса: "Что? Где? Когда?". "Новый храм" на телеканале "Спас" является ярким примером – помимо сугубо исторических аспектов затрагивается, например, особенности расположения храма и мнение местного населения.

Паломнический очерк или паломнические заметка – в данном жанре православного документального кино отражается картина жизни христианина, соблюдающего Божьи заповеди, показывается паломничество по святым местам, рассказывается история храмов, монастырей, древних обителей. В сетке вещания православных телеканалов на данный момент нам также не удалось выделить паломнический очерк, но на "Первом канале" – это "Оптина пустынь".

Обобщая все вышесказанное, следует охарактеризовать специализированные телеканалы в целом. Телеканал "Спас" показывает отношение Церкви к различным событиям в политической, экономической, культурной сферах. Помогает воспитывать духовно-нравственное и религиозное население, в частности среди подрастающего поколения. Руководство телеканала поощряет социальные сети, предлагает хэштеги, что также является инструментом привлечения более молодого зрителя. Гостями в программах телеканала становятся не только религиозные деятели, но и популярные актеры и певцы, на-

пример, в передаче "С Божией помощью" гостями были Дмитрий Певцов, Михаил Пореченков, Дарья Донцова. Как уже говорилось выше, канал сочетает в себе не только духовные направляющие, но и политические: большое внимание уделяется "украинскому вопросу", который обсуждается и в рамках одноименной передачи, так и проводится акция помощи украинским беженцам. Ток-шоу и дискуссии, транслируемые на телеканале, будут интересны многим, но, к сожалению, у большинства населения все же сильны стереотипы, что на православном телеканале все только о религии.

На телеканале "Союз" преобладает контент формата "говорящая голова". Это дискуссионные программы со священнослужителями, видеозаписи лекций и проповедей. Эфирная сетка имеет однотонность несмотря на то, что программ на канале довольно-таки много. Большое внимание уделяется документальным фильмам о традициях церкви, богослужениях, праздниках. Телевизионные программы "Союза" чаще всего снимаются на одном и том же фоне. Пример тому известные зрителю программы "Беседы с батюшкой" и "Архипастырь". Обычный человек может перепутать эфиры, так как отличие тут только одно: в первую приглашаются обычные священники, а во вторую – архиереи.

Но, как говорят владельцы канала, "Союз" является православным по духу, но не чисто религиозным по содержанию СМИ. Это "позитивное, семейное, домашнее телевидение, основанное на традиционных нравственных ценностях и традициях отечественной истории и культуры" [4]. Что касается изображения, то оно очень неподвижно, большинство кадров – статичные. Закадровый голос монотонный, неспешный. Качество изображения на низком уровне, сравнимом с региональным или муниципальным СМИ. Но благодаря телеканалу "Союз" у многих есть возможность изучать историю, не выходя из дома, обучаться нравственности и нормам морали, получать знания в рамках религии и не только. Поэтому Пат-

риарх Московский и всея Руси Кирилл назвал телеканал очень востребованным духовным продуктом для всего нашего народа.

Таким образом, изучив "православный" контент на российском телевидении мы пришли к следующим выводам:

1. контент, представленный на религиозных телеканалах, далеко не весь носит религиозный характер и представлен различными направлениями: социальное, развлекательное, культурно-просветительское и другие;

2. на телеканале "Союз" представлено больше телепроектов во всех направлениях, чем на телеканале "Спас", что объясняется широтой географии их производства: на официальном сайте телеканала даже можно увидеть в каком городе произведен фильм или передача;

3. в то же время качество изображения, звука и монтажа на телеканале "Спас" намного выше, что также объясняется меньшим профессионализмом местных студий телеканала "Союз";

4. на телеканале "Спас" представлено далеко не так много специализированных религиозных проектов, как кажется на первый взгляд: мы выявили только один проект конкретно религиозного содержания; в то же время на телеканале "Союз" их намного больше (как и передач других направлений пропорционально);

5. на светских телеканалах, помимо сообщений в новостях, зритель может узнать о православии из документальных фильмов (но, как показало их изучение, большим спросом они не пользуются, так как зрители таких телеканалов больше являются приверженцами развлекательного контента);

6. православные документальные фильмы, представленные и на светском телеканале, и на телеканалах специализированных неоднородны по своему содержанию, в связи с чем нами было предложено их условное жанровое деление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатов В. Православное телевидение: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://kavkazgeoclub.ru/content/pravoslavnoe-televidenie-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 24.03.2018).
2. Костенко Б. Авторитет Русской Православной церкви держится на том, что она не уклоняется от вызовов // Интервью порталу "Православие.ru" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/94620.html> (дата обращения: 24.03.2018).
3. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/23.htm> (дата обращения: 24.03.2018).
4. Официальный сайт телеканала "Союз" [Электронный ресурс]. URL: <http://tv-soyuz.ru/> (дата обращения: 24.03.2018).
5. Официальный сайт телеканала "Спас" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spastv.ru/> (дата обращения: 24.03.2018).

КОЛЛАБОРАТИВНЫЙ ПЕРЕВОД

COLLABORATIVE TRANSLATION

*L. Alekseeva
S. Mishlanova*

Annotation

The article deals with the research of the collaborative translation as one of the innovative methods of modern translation lingua-didactics. The authors present theoretical foundation of the collaborative translation, and also summarize the results of the net-project on translation of the scientific text. They suggest that during the process of the collaborative translation a new social-cognitive formation is self-organized. The main result of the research is the prove of the advantages of the collaborative translation as a method of translation acquisition at higher institutions; during this process a new collaborative translation competence is developed.

Keywords: collaborative translation, translation lingua-didactics, innovation, net-project, collaborative translation competence.

*Алексеева Лариса Михайловна
Д.филол.н., профессор, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет
Мишланова Светлана Леонидовна
Д.филол.н., профессор, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация

Статья посвящена изучению коллаборативного перевода как одного из инновационных методов в современной переводческой лингводидактике. Авторы представляют теоретическое обоснование коллаборативного перевода, а также обобщают результаты проведения сетевого проекта по переводу научной статьи. В статье казывают, что в процессе коллаборативного перевода самообразуется новая социо-когнитивная формация, обладающая особым информативным пространством. Главным итогом исследования является доказательство преимуществ коллаборативного перевода как метода обучения переводу в вузе, в ходе которого происходит формирование новой коллаборативной переводческой компетенции.

Ключевые слова:

Коллаборативный перевод, переводческая лингводидактика, инновация, сетевой проект, коллаборативная переводческая компетенция, краудсорсинг.

Коллаборативный перевод (англ. синонимические термины: crowd-sourcing, user-generated translation, community translation и др.), формирующий содержание одного из новых направлений современного переводоведения, попал в центр исследовательских интересов совсем недавно [18; 19; 20; 23; 24; 25]. В силу этого данное понятие, а также его методология и методика находятся в стадии становления. Общее понятие коллаборативного перевода (КП) в современной науке соотносится с разновидностью коллаборативного обучения в рамках социо-когнитивного аспекта переводческой деятельности по созданию продукта перевода как результата совместного усилия его участников. Социальный взгляд на КП предполагает его трактовку как процесса, в рамках которого знание представляется социальным конструктом. Когнитивный аспект процесса КП выстроен на основе механизма выведения знания [1; 2; 3; 4; 17]. Все это дает нам основание установить определенную аналогию между КП и интерактивным коллективным мышлением, направленным на разработку совместных переводческих действий.

Рассмотрение КП можно начать с соотнесения данного вида деятельности с парадигмами научного знания,

формирующими соответствующие образовательные модели: классическую, предполагающую трансляцию "готового" знания по типу конвейера, неоклассическую, готовящую учеников к профессиональной деятельности в рамках профильного обучения, и постнеклассическую, обладающую сетевыми свойствами и нацеленную на организацию и саморазвитие [7; 9; 15]. Очевидно, что понятие сетевых структур играет роль доминирующего принципа современной образовательной модели и выступает как определенная альтернатива закрытым, детерминированным, иерархическим структурам. По мнению исследователей современной парадигмы знания, "сеть есть структура, где отсутствует единый центр (лидер, доминант), так что ее поведение является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых могут быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему" [15, с. 74].

В гуманитарных науках также обнаруживается тенденция к сетевому признаку организации. Современные гуманитарные науки за счет усложнения и спецификации информационных потоков превращаются в совокупность дискурсивных практик, характеризующихся новым виртуальным состоянием как следствием функционирова-

ния, т. е. включенности в единое сетевое пространство, формируемое путем постоянного обмена информацией. В результате этого по-новому осознается цель коммуникации, направленной не столько на создание продукта, принадлежащего конкретному человеку, сколько на "взаимную деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба они изменяются". В этом проявляется адаптация науки к социальным изменениям. В итоге создается новая модель науки, учитывающая "нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностей и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия" [12, с. 46]. При этом образовательный процесс приобретает коллаборативный и сетевой характер, поскольку происходит в обучающихся сообществах, профессиональных сетях через группы обмена опытом и обучения действием [14]. Таким образом, в современной науке все большую роль играет самоорганизация, инициатива снизу, возникновение неформальных структур и сетевых сообществ. Соответственно, в науке и методологии растет роль теории самоорганизации и синергетики.

Исследование КП связано с рядом перспектив изучения, первая из которых предполагает обоснование данного вида перевода современной ориентацией науки на интеграцию и трансдисциплинарность, предполагающих разработку новых социально-когнитивных практик и закладывающих основу современной профессиональной деятельности. Помимо этого, исследование КП связано с возможностью формирования нового направления переводческой лингводидактики как дисциплины инновационного университета XXI в., развивающегося на основе "треугольника знаний" (образование – наука – инновация) [4; 9; 21; 26]. Еще одна перспектива исследования КП открывает возможности совершенствования учебной деятельности в области подготовки профессионала-переводчика, владеющего усовершенствованным видом компетенции – коллаборативно-переводческой компетенцией. Это значит, что студент как субъект познания становится активной личностью, встраивающейся в динамику окружающей среды и преобразующий ее в соответствии с собственными потребностями. В этой деятельности обучаемый формируется во взаимодействии с другими индивидами, посредством них и через них в ходе осуществления совместной проектной деятельности [11, с. 65].

Отметим, что уникальность переводоведения заключается в том, что данная наука принадлежит одной из наиболее подвижных областей знания, склонных к быстрым модификациям, в которой происходит реальное со-конструирование знания в сетевом сообществе. Это выражается в том, что в настоящее время в переводческом процессе задействованы многочисленные сетевые пользователи, не являющиеся профессиональными перевод-

чиками, т. е. не обладающие экспертным профессиональным знанием. Особую важность приобретает социальный аспект исследования КП. Как указывает известный теоретик перевода М. Кронин, интернет создал образ нового потребителя перевода, который стал активным и креативным продюсером процесса перевода. С целью обозначения такого потребителя перевода М. Кронин вводит термин *prosumer*, полученный в результате слияния двух английских слов *pro(ducer)* "режиссер" и *(con)sumer* "пользователь" [19]. Термин *prosumer*, совмещающая в своей семантике два понятия, характеризует модель современного переводчика, определяющего способ дальнейшего потребления продукта перевода. М. Кронин рассматривает переводчика не столько деятелем, создающим определенную модель перевода, сколько человеком, позиционирующим себя в качестве переводчика, обслуживающего целевую аудиторию, выступающую своеобразным режиссером собственных переводческих действий [19, с. 4].

Как мы уже отмечали, традиционное представление о переводе, основанное преимущественно на лингвистических теориях, базировалось на двух главных суждениях: перевод – это закрытый вид деятельности, находящий выражение преимущественно в печатном продукте; и перевод – это деятельность, осуществляемая отдельной личностью, владеющей несколькими языками [1; 2]. В традиционных теориях перевод рассматривался как нечто, что дается человеку непосредственно с овладением языком. При этом в традиционной дидактике перевода мыслительные ресурсы принимались во внимание не в полной мере, а лица, обучающиеся переводу, опирались в основном на уже имеющееся знание, заложенное в двух языках.

Поэтому переводческие технологии, основанные на теориях эквивалентности, семантического сдвига, предполагающих в основном собственно языковую деятельность, в методическом плане оказались затратными, поскольку соотносились только с многочисленными часто повторяющимися репродуцированными языковыми действиями, а также с возможностями языкового сопоставления двух языков – исходного и переводного. Данные теории в полной мере коррелировались с устойчивой образовательной моделью конвейера [9], в которой главную роль играл принцип расширения, или потока знания (в данном случае за счет все более внимательного отношения к межъязыковым соответствиям), а также контроль над выполнением правил соответствия исходного и переводного языков.

Кроме того, в традиционном переводоведении использовалась *one-to-many model* (модель один-ко-многим), опиравшаяся на традиционную коммуникативную модель учитель – ученики. Привычная методика обучения переводу в аудитории характеризовалась как непрерыв-

ная и последовательная, обладавшая признаками линейного перехода от одного этапа деятельности к другому. По нашему мнению, результатом подобной методики явилось своеобразное клонирование текста, поскольку предполагалась определенная унификация и единство всех предлагаемых в классе вариантов перевода. При этом мышление студентов характеризовалось как "замкнутое", поскольку активизировалось в основном в сознании студента, работающего "на прием". Как правило, преподаватель использовал главным образом метод проб и ошибок, а также методику WTNS ("The 'who'll take the next sentence"), характеризующуюся линейностью и поступательностью.

В противоположность этой методике в рамках КП используется *many-to-many model* (модель многие-ко-многим), обладающая сетевой структурой. В результате применения данной модели конечным продуктом является продуцирование переводного текста, предполагающего коллективную ответственность за данный продукт. При этом участники проекта "думают вслух", что фиксируется при помощи метода TAP (*thin-aloud-protocol*) или с помощью обзора меню переписки участников проекта. Главным в проведении проекта является то, что студенты учатся позиционировать себя в новой коммуникативной ситуации, а также формировать представления об изменившихся роли и задачах собственных действий. Все это способствует их саморазвитию.

Современное переводоведение во многом изменилось в сравнении с его лингвистической ориентацией в 1960-х гг. и культурной направленностью в 1970-х гг. По мнению М. Крониной, даже краткий анализ современного переводоведения позволяет выявить его центральный концепт – всеобщую компьютеризацию, а также главные решаемые вопросы, связанные с тем, как следует обращаться с содержанием исходного текста, каким будет перевод в следующих поколениях, какова судьба теория перевода [19]. В современном обществе, определяемом как цифровое и постиндустриальное, возрастает авторитет перевода как социального заказа. В этой ситуации заказчиками перевода выступают пользователи социальных сетей, владельцы разнообразных гаджетов, для которых главным требованием к переводу является скорость получения и необязательный экспертный уровень качества переводного текста. Очевидно, что характеристики современного заказчика перевода изменились: пользователь обрел свойства коллективного пользователя, ориентированного не на получение экспертного перевода. Феномен групповой рефлексивности исследуется в работе А.Л.Журавлева и Т.А.Нестика [10].

В переводоведении суть инноваций заключается в разработке новых концепций перевода, позволяющих создавать множественные модели переводческого процесса. Суть инноваций в переводе обусловлена необхо-

димостью смены стратегии перевода, основанной на затратных методах, на развивающихся технологиях, использующих тот же языковой потенциал, но с применением более совершенных мыслительных технологий, способствующих за счет саморазвития переводящей личности получать высокое (экспертное) качество перевода [16]. Одним из видов инноваций в переводе является коллаборативный перевод (*collaborative translation*), в самом общем виде понимаемый как такой вид перевода, который осуществляется параллельно несколькими людьми за счет локализации в сети, или как практика "crowd-sourcing" [19; 21; 23; 26].

Исторические предпосылки развития КП усматриваются нами еще в работе У. М. Уилера (*William Morton Wheeler*), предложившего термины "сообщество" и "суперорганизм" для описания совместного функционирования коллаборативных структур [27]. Источником понятия КП служит концепция В. И. Вернадского о ноосфере, учитывающая большую роль человека в организации совместной интеллектуальной деятельности, выражающейся в создании "пленок живой материи" или коллективным вовлечении людей в научную деятельность, продемонстрировавшей способ превращения человечества в геологический фактор [5]. В содержании работ Н. Винера, занимавшегося проблемами кибернетики, управления и связи, также можно найти суждения о коллективном сознании [6]. Наше представление о КП обусловлено тремя трактовками. Во-первых, мы рассматриваем данное понятие в соотнесенности с понятием трансдисциплинарности, смысл которого связан с обнаружением скрытых связей между разными дисциплинами. Во-вторых, мы трактуем КП с учетом понятия коллаборативно-переводческой компетенции как важного результата совместной деятельности студентов. В-третьих, представление о КП напрямую обусловлено современным социальным запросом на данный вид практики, выражающимся в том, что в настоящее время в переводческих процессах заняты многочисленные сетевые пользователи, включающие как экспертов, так и не экспертов, т. е. не обладающие профессиональным знанием.

Помимо этого, понятие коллаборативно-переводческой компетенции рассматривается с учетом психологического понятия "зоны ближайшего развития", разработанного в трудах Л. С. Выготского [8]. У студентов-бакалавров зоны ближайшего развития оказываются во многом соразмерными, по этой причине они формируют гомогенный рефлексивный слой, способствуя тем самым переходу от самостоятельно сформированных у студентов индивидуальных переводческих навыков к коллаборативным. Это соотносится с центральной проблемой формирования речевого высказывания – переходом от субъективного, еще словесно не оформленного и понятного лишь самому субъекту смысла к словесно оформленной и понятной любому слушателю системе значений,

которая формулируется в речевом высказывании [13, с. 110]. Таким образом, в ходе КП происходит совместное развитие студентов за счет обмена знаниями и профессиональным опытом.

Итогом наших наблюдений над изменениями в методике обучения переводу явилось следующее сопоставление (см. табл. 1).

Как мы хотели подчеркнуть, инновационная методология предполагает возможность участников сетевых структур самообучаться, т. е. корректировать свои действия в зависимости от результатов предыдущих действий, активно встраиваться в социально-интеллектуальную среду, приспосабливаться к ней, изменяя ее в ходе своей коллективной деятельности. Наш собственный опыт исследования КП позволил разработать новые виды переводческих практик: деловые игры, мониторинг уровня овладения переводческой компетенцией, пет-проект по переводу научного текста и др. [1; 2; 3; 4; 17]. Наш вклад в исследование КП выразился в проведении и обобщении результатов переводческого проекта КП по типу краудсорсинга. Целью данного проекта явилось выявление его основных свойств и характеристик, отражающих современное представление о переводческой деятельности. С методологической точки зрения, КП является более глубоким и осознанным, в сравнении с индивидуальным видом перевода, ориентированным на коллективную профессиональную деятельность. Результатом проведения КП является протокол, фиксирующий коллективную дискуссию по предмету перевода, рефлексивные карты участников КП, отражающие их собственные впечатления о проекте, и переводческий web-продукт в виде коллективно переведенного текста.

Отметим, что методика ведения протокола, известная как think-aloud-protocol study (TAP) "ведения протокола мыслей вслух", разработана известным теоретиком перевода Дональдом Кирали (Donald Kiraly) в работе "Pathways to Translation" [22]. В данной работе Д. Кирали

подчеркнул важность данной методики, поскольку она способствует формированию новой коллаборативно-переводческой компетенции студентов. Применяемая нами методика строилась с учетом принципа самоорганизации за счет стигмергии (автор термина Pierre-Paul Grasse), т. е. коллективного взаимодействия, являющегося основой социального профессионального взаимодействия. Данный процесс в on-line коммуникации заключается в том, что участники проекта выражают намерения передать свои мысли коллеге по проекту, получить от него отклик или оказать на него определенное влияние с целью склонить его к определенному решению переводческой трудности.

Проведение проекта КП предусматривало входной и итоговый мониторинг средств перевода, действий переводчика, а также сопоставление качества индивидуального и коллаборативного видов перевода. К средствам перевода мы отнесли печатные переводные словари, печатные толковые словари, электронные словари, Google Translator, сайты, корпуса и краудсорсинг. Сопоставление результатов входного и итогового мониторинга показало, что после проведения двух проектов КП студенты стали отдавать предпочтение электронным средствам перевода, таким как сайты, корпуса и краудсорсинг. Процент использования печатных словарей снизился. Мониторинг действий переводчика имел вид деловой игры, в ходе которой студентам предлагалось выстроить последовательность переводческих действий с учетом четырех этапов – мотивационно-побуждающего, ориентировочно-исследовательского, включающего усвоение знака и формирование концепта, реализующего, предполагающего выводное специальное знание и создание текста перевода, и этап контроля, т. е. закрепление полезного результата. Как показали результаты сопоставления двух мониторингов знания действий переводчика, после проведения КП у студентов полностью ликвидировался так называемый "когнитивный провал" в их действиях, отражавший достаточно низкий уровень знания действий переводчика на втором этапе.

Таблица 1.

Сопоставление традиционного инновационного видов методик обучения переводу.

Переводческая деятельность Вчера	Переводческая деятельность Сегодня
Перевод осуществлялся отдельной личностью, владевшей несколькими языками	У перевода появился коллективный автор, сотрудничество многих личностей
Применялась модель перевода в виде: one-to-many odel (модель один-ко-многим)	Используется модель many-to-many (модель многие-ко-многим), свойственная эпохе интернета
Принципы: - четкая делимитация роли переводчика, - профессиональные (экспертные) требования к личности переводчика, - высокий уровень качества перевода - четкие стандарты перевода	Принципы: - перевод приобрел открытый, коллаборативный характер, - переводчик - просьюмер (producer +consumer) [19]

Сопоставление качества индивидуального и коллаборативного видов перевода проводилось с учетом анализа трех видов ошибок: языковых, коммуникативных и когнитивных. Наше исследование показало, что более пятидесяти процентов всех допущенных ошибок в индивидуальном переводе пришлось на коммуникативные ошибки. Результаты проведенного нами КП оказались зеркально противоположными качеству индивидуального перевода, т.е. студенты смогли почти ликвидировать коммуникативный вид ошибок. Этот факт объясняется большим преимуществом методики КП, заключающейся в создании особого критического пространства, в рамках которого студенты имели возможность осуществлять взаимную коррекцию выстраиваемого смысла переводимого текста и добиваться тем самым взаимного понимания.

В проведенном нами проекте студенты использовали

следующие инструменты и программы осуществления КП: Wordfast Anywhere (семейство программ, выполняющих автоматизированный перевод, поддерживающих память переводов), корпус-менеджер AntConc, Bing Microsoft, Translator Terminology Management, Wordlists и др. Нами проведено сопоставительное исследование индивидуального и коллаборативного видов перевода, результаты которого представлены в табл. 2.

Таким образом, главным преимуществом коллаборативного перевода является то, что в ходе данного процесса происходит развитие когнитивных компетенций участников проекта, или стимуляция их собственных знаний, за счет перехода от низших форм мышления (прототипическое знание – понимание) к высшим формам (анализ – критическое мышление – креативное моделирование).

Таблица 2..

Сопоставление индивидуального и коллаборативного видов перевода.

Индивидуальный перевод	Коллаборативный перевод
Формируются индивидуальные переводческие компетенции	Формируются коллаборативно-переводческие компетенции
Является результатом единичного мыслительного действия переводчика	Является направленным результатом множественных когнитивных действий переводчиков
Преимущественно пассивный вид когнитивной работы	Интерактивная когнитивная деятельность всех участников проекта
Работают изолированно от других переводчиков	Работают по принципу самоорганизации за счет стигмергии, т. е. коллективного взаимодействия, являющегося основой социального профессионального взаимодействия
Высокий уровень переводческих рисков	Низкий уровень переводческих рисков (когнитивные риски, коммуникативные риски, риски доверия и др.)
Используются внутренние личностные когнитивные ресурсы	Используются внутренние личностные, а также межличностные (коллаборативные) когнитивные ресурсы
Мыслительный процесс обучаемого характеризуется низким уровнем критического мышления	Обеспечивает развитие мышления на более высоком уровне, формирует и развивает критическое мышление
Личная ответственность за трансфер знания в переводе	Личная и групповая ответственность за трансфер знания в переводе
"Внутреннее говорение" (tacit thinking)	Говорение вслух, формирование когнитивно-коммуникативных компетенций
Мышление "про себя"	Мышление "вслух", TAP (think-aloud-protocol) метод
Нет нацеленности на конечный продукт, ввиду последующего критического анализа проделанной индивидуальной работы в классе	Возможность наблюдать за процессом создания продукта, социализация продукта
Отсутствие полной уверенности в собственных действиях	Укрепляющаяся уверенность в собственных действиях
Рефлексивная практика дистантно удалена от процесса перевода	Рефлексивная практика как непосредственный этап коллаборативного перевода
Выбор переводческой стратегии и тактики делается перед процессом перевода	Возможность он-лайн коррекции собственной переводческой стратегии и тактики
Возникновение определенного антагонизма мнений между преподавателями/критиками и студентами/исполнителями перевода	Доверие между участниками проекта

Нами выявлено, что участники проекта КП проявляют разный уровень коллаборативной идентичности.

Основные выводы:

- ◆ перевод соотносится не только с когнитивной деятельностью, но и с открытой коммуникативной системой, включающей кооперацию, коммуникацию, переговоры, компромисс, аргументацию и консенсус;
- ◆ методика коллаборативного перевода предполагает моделирование действий переводчика в виде гипер-

деятельности, осуществляемой в социальных сетях;

- ◆ в процессе коллаборативного перевода самостоятельно образуется новая социо-когнитивная формация, обладающая особым информативным пространством, в рамках которого реализуется общая коммуникативная цель;
- ◆ главным преимуществом коллаборативного перевода является то, что в ходе данного процесса происходит формирование новой коллаборативной переводческой компетенции, соотносимой с высокой эффективностью освоения коммуникативной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Формирование переводческой компетенции в обучении профессиональной коммуникации // Индустрия перевода. Материалы VII Международной научной конференции (Пермь, 1–3 июня 2015 г.). Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2015. С. 126–130.
2. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Переводческая компетенция (семиотический аспект) // Индустрия перевода. Материалы VIII Международной научной конференции (Пермь, 6–8 июня 2016 г.). Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2016. С. 163–169.
3. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Понятие транссемиотических компетенций // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 83–88.
4. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Инновационное обучение переводу // Индустрия перевода. Материалы IX Международной научной конференции (Пермь, 5–7 июня 2017 г.). Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. С. 176–182.
5. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
6. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. 344 с.
7. Войцехович В.Э. Эволюция науки: от знания к пониманию, от классического знания к постнеклассическому пониманию реальности URL: <http://spkurdyu-tov.ru/philosophy/evolyuciya-nauki-ot-znaniya-k-ponimaniyu> (Дата обращения 05.04.2018)
8. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 326 с.
9. Грудзинский А.О., Бедный А.Б. Трансфер знания – функция инновационного университета // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 66–71.
10. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Проблемы педагогики и психологии. 2011. № 3. С. 212–221.
11. Князева Е.Н. Инновационная сложность: методология организации сложных адаптивных и сетевых структур // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 50–69.
12. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 107 с.
13. Лурья А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
14. Нестик Т.А. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу // Образовательная политика. 2010. № 9–10(47). С. 47–58.
15. Олескин А.В., Курдюмов В.С. Сетевые структуры: опции в мире живого и человеческом социуме. О сетевом социализме // Экономические стратегии. 2015. № 7. С. 73–84.
16. Сулимов В.А. Когнитивная политика и современные образовательные практики // Вестник Герценовского университета. 2013. Вып. 1. С. 22–26.
17. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Knowledge Transfer in the Process of Translation of Scientific Texts // International multidisciplinary scientific conferences on Social science and Arts, SGEM 2014: conference proceedings 1–10 September, 2014, Albena, Bulgaria. B. 3. Vol. 1. Sofia: Publ. by STEF92 Technology Ltd., 2014. P. 115–122.
18. Cheong Ch. Et al Designing a Mobile-app-based Collaborative Learning System // Journal of Information Technology Education: Innovations in Practice. 2012. Vol. 11. P. 97–119.
19. Cronin M. The Translation Crowd // Tradumatica. 2010. No. 8. P. 1–7.
20. Garcia I. Cloud marketplaces: Procurement of translators in the age of social media // The Journal of Specialised Translation. 2015. No. 23. P. 18–38.
21. Jimenez-Crespo M.A. Crowdsourcing and Online Collaborative Translations. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Library, 2017. 304 p.
22. Kiraly D. Pathways to Translation. Kent: Kent State University Press, 1995. 175 p.
23. Kiraly D. Growing a project-based translation pedagogy: A fractal perspective // Meta. 2012. No. 57(1). P. 82–95.
24. O'Brien Sh. Collaborative translation // Handbook of Translation Studies / ed. by Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2013. Vol. 2. P. 17–20.
25. Perrino S. User-generated Translation: The future of translation in a Web 2.0 environment // The Journal of Specialised Translation. 2009. No.12. P. 55–78.
26. Pym A. Translation Skill-Sets in a Machine-Translation Age // Meta. 2013. No. 583. P. 487–503.
27. Wheeler W.M. The social insects: their origin and evolution. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co Ltd, 1928. 378 p.

СВЯЗЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ КУЛЬТУРЫ И СТЕРЖНЕВЫХ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

RELATES THE KEY WORDS CULTURE AND CORE COMPONENTS OF A PHRASEOLOGICAL UNIT

D. Alramadan

Annotation

This article reveals the change of scientific priorities in linguistics: to replace the structural and systemic paradigm, which studies the typology of linguistic units and the relationship between them, came the anthropocentric paradigm, the supporters of which will confine to comprehend the role of man as a native speaker in the process of communication. Scientists understand more clearly that language knowledge alone is not enough to fully understand the interlocutor and communicate with him, because a native speaker is a native of a particular culture.

Keywords: phraseological units, culture, key words, core component, phenomenon.

Алрамаднех Дина Саид

Аспирант,

*Московский Педагогический
Государственный Университет*

Аннотация

В данной статье раскрыто изменение научных приоритетов в лингвистике: на смену структурно-системной парадигме, которая изучает типологию языковых единиц и отношения между ними, пришла антропоцентрическая парадигма, сторонники которой стремятся осмыслить роль человека как носителя языка в процессе коммуникации. Все отчетливее ученые понимают, что одного лишь знания языка не достаточно для исчерпывающего понимания собеседника и полноценного общения с ним, ведь носитель языка – это носитель конкретной культуры.

Ключевые слова:

Фразеологизмы, культура, ключевые слова, стержневой компонент, феномен.

Средством решения этой проблемы лингвисты считают изучение ключевых слов культуры, под которыми понимаются языковые единицы различных уровней (чаще лексемы), которые могут послужить ключом к пониманию каких-либо важных особенностей культуры народа, говорящего на этом языке [11, С. 312]. По наблюдениям исследователей, к числу ключевых слов русской культуры, свидетельствующих об эмоциональности и духовности ее носителей, принадлежат лексемы сердце и душа. В качестве материала своих дальнейших наблюдений над методами изучения ключевых слов культуры мы используем фразеологизмы, стержневыми словами которых они являются.

Выбор объекта исследований обусловлен тем, что важной задачей современной лингвистики, а точнее лингвокультурологии, изучающей ключевые слова культуры, является разработка методов их анализа.

Одной из на эту проблему обратила внимание А. Вежбицкая, которая охарактеризовала признаки, указывающих на статус лексем такого рода. Среди них она назвала:

1. словарную разработанность – то есть фиксацию ключевого слова толковым словарем, в котором представлена детальная семантизация рассматриваемой единицы. Так, ключевые слова культуры "сердце" и "душа"

в Большом универсальном словаре русского языка В.В.Морковкина, Г.Ф.Богачевой и Н.М.Луцкой [7, С. 8 – 9] представлены шестью и семью значениями соответственно;

2. принадлежность ключевого слова к общеупотребительной, а не периферийной части словаря. Рассматриваемые лексемы функционируют в сфере литературной речи, о чем свидетельствует отсутствие стилистических помет в большинстве лексико-семантических вариантов рассматриваемых слов. Лишь два ЛСВ слова "сердце" сопровождаются пометой "перен.", и два ЛСВ лексемы "душа" — пометой "разг.";

3. высокая частотность слова в текстах определенной тематики (семантической сферы), обслуживаемых лексикой конкретного семантического поля. Например, лексема душа в прямом значении, по мнению составителей Большого универсального словаря русского языка, закреплена за религиозной сферой, а пятое распространено в текстах исторического содержания. Понятие "перен." в пятом и шестом значениях слова сердце свидетельствует о его принадлежности к поэтической сфере;

4. нахождение слова "в центре целого фразеологического семейства, подобного семейству выражений с русским словом" [12]: на душе, в душе, по душе, душа в душу, излить душу, отвести душу, открыть душу, душа нараспашку, разговаривать по душам и т. д. Аналогичная ситуация характерна и для слова сердце: в сердцах, от

всего сердца, от чистого сердца, сердце болит, сердце не лежит, сорвать сердце, с сердцем, сердце не на месте и т.д.

5. распространенность предполагаемого "ключевого слова" в прецедентных выражениях (пословицах, поговорках, изречениях, популярных песнях, в названиях книг и т. д.) [2, С.263–305].

Учение о ключевых словах культуры было создано А.Вежицкой в рамках антропоцентрической лингвистической парадигмы, однако оно не противоречит методам наблюдения, используемым в структурно-системной парадигме. Нам представляется, что их объединение послужит углублению информации о неявной семантике рассматриваемых феноменов. Наибольшим исследовательским потенциалом с этой точки зрения, по нашему мнению, служит концепция стержневых компонентов фразеологизмов.8

Это объясняется тем, что устойчивые выражения, имеющие "самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов", свойственны "определённому языку и потому дословно не переводимый на другие языки" [Электронный ресурс]: <http://www.efremova.info/word/frazeologizm.html#.VxA DBTCLTIU>) что объясняется наличием у них неявных компонентов смысла, которые с трудом поддаются вербализации. Их наличие становится возможным в силу кумулятивной функции фразеологизмов: сохраняясь в языке и аккумулируя важные для лингвокультурного сообщества смыслы, они в свернутом виде содержат сведения о "наивной картине мира", поскольку, "согласно общепринятому мнению (не только лингвистов, но и специалистов в области культуры этноса или нации), фразеологизмы ... в подавляющем своём большинстве, сохраняют в языковой их памяти "вещные" или исторические реалии, количественно или качественно приметные факты, а также события и явления, социально и духовно значимые для народа – носителя языка, который, заметим, является одновременно и носителем культуры" [9, С. 6].

Эти сведения могут быть реконструированы путем анализа семантики и коннотации словесных комплексов-прототипов, легших в основу фразеологических образцов. С этой целью в первую очередь необходимо сосредоточить внимание на анализе стержневых компонентов фразеологизмов, представленных словами знаменательных частей речи, которые регулярно повторяются в составе разнотипных устойчивых выражений, формируя таким образом единое фразеологическое гнездо, где раскрываются неявные компоненты смысла центрального элемента [4, С. 89 – 91]. Стержневые компоненты устойчивых выражений, в число которых входят фразеологизмы (сращения, единства, сочетания), паремии (пословицы и поговорки), а также прецедентные феномены, наименования которых характеризуются раз-

дельнооформленностью, характеризующиеся общеупотребительностью, закрепленные за определенной семантической сферой и обладающие высокой степенью частотности, являются не чем иным, как ключевыми словами культуры. Так, в состав фразеологического гнезда со стержневым (ключевым) словом сердце входят такие устойчивые выражения как: сращения "скрепя сердце" – с большой неохотой, вопреки желанию; единстве "дама сердца" – высок. или шутол. то же, что возлюбленная; сочетание "схватиться за сердце"; пословице "сердцу не прикажешь", поговорке "сердце кровью обливаётся"; прецедентном высказывании "Сердце красавицы склонно к измене" (песенка герцога из оперы Дж. Верди "Риголетто" в переводе П.И.Калашникова).

Фразеологические гнезда структурируют семантику формирующих их устойчивых выражений в рамках когнитивной парадигмы, соотносящей, по мнению В.Н.Телия, значение языкового знака не непосредственно с миром, но через фреймы – особым образом организованные блоки знаний об обозначаемом. "Фрейм представляет собой особую организацию знания, необходимого для понимания тесно связанных между собой слов" [Ч. Филлмор, 1988]. Он "объединяется с другим фреймом или другими фреймами ситуацией, "кусочком" действительности или другими связанными схематизациями опыта" [10, С. 54; 6, С. 289] и "содержит несколько видов информации: об его использовании, о том, что следует ожидать и что делать, если ожидания не подтвердятся" [5, С. 188]. Фрейм позволяет понять складывающуюся в рамках рассматриваемой ситуации логику отношений между субъектом и объектом, охарактеризовать их локальную, темпоральную, причинно-следственную связь.

Знание, структурированное во фрейме, отражает не только существенные признаки объекта исследования, но и все знания об обозначаемом, которые существуют в данном лингвокультурном коллективе [8, С. 96, 215]. Чем больше значений имеет ключевое слово культуры, тем выше количество фреймов, в которых они раскрываются. Так, неявные смыслы лексемы сердце проявляются во фреймах "Болезнь" ("сердце бьётся, стучит, колотится" и т.п.; Сердце больного билось глухо, с перебоями. Его биение напоминало робкий стук в дверь. Дягилев, "порок сердца" – болезнь сердечных клапанов. – Я человек большой, у меня порок сердца. Куприн); "Душевные страдания" ("надрывать сердце" – то же, что надрывать душу, и это означает "вызывать сильные душевные страдания", "сердце кровью обливаётся" – кто-либо испытывает острое чувство душевной боли, жалости, сострадания, "как (будто) ножом по сердцу" – об ощущении внезапной душевной боли (от какой-л. неприятности, беды и т.п.). – Теодор, не прогоняй меня! – сказала она по-французски, и голос её как ножом резанул его по сердцу. Тургенев); "Позитивная/негативная эмоция" ("кошки на сердце скребу" –разг. беспокойно, тревожно, тоскливо, груст-

но, "сердце замерло" -- кого-либо охватывает сильное волнение, тревога, страх, "камень с сердца свалился" -- о чувстве душевного облегчения, избавления от тягостных ощущений, гнетущих переживаний, "отлегло от сердца" -- стало легче, "сердце ушло в пятки" -- кто-либо испытывает сильный испуг, страх, неожиданную слабость, "брать за сердце" -- волновать, производить сильное впечатление, "как маслом по сердцу" -- очень приятно, доставляет большое удовольствие, наслаждение, "сердце не на месте" -- кто-либо обеспокоен чем-либо, опасается чего-либо, "сердце сжимается" -- у кого-либо становится очень тяжело, горько, грустно на душе и т.д.), "Любовь" "Большое сердце" -- о том, кто способен на сильное и искреннее чувство, "Хватающая (за душу) за сердце" -- находящая у слушателя эмоциональный отклик, вызывающая сильные эмоциональные переживания, "избранник сердца" -- возлюбленный, "покорить сердце" -- чье-либо добиться чьей-либо любви, привязанности, овладеть чьим-либо доверием.

В.Н.Телия указывает на концептуальный статус второящихся элементов устойчивых выражений, поскольку "концепту онтологически предшествует категоризация, создающая типовой образ и формирующая прототип, или гештальт-структуру. Образная гештальт-структура -- это редуцированный образ, соотносимый не с самим обозначаемым, а с неким его подобием, обладающим яркой эмоциональной окраской и оценочностью. В идиомах в роли гештальт-структуры выступает их ассоциативно-образное основание" [8, С.199]. На наш взгляд, ключевые слова могут обладать не только статусом концепта, но и статусом лингвокультуры, которая понимается как "комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет). Будучи единицей более глубокого уровня, чем слово, Л. аккумулирует в себе как собственно языковое представление ("форма мысли"), так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду" [1, С. 127]. Обладая более конкретной семантикой, чем концепт, лингвокультура не менее значима в лингвокультурном аспекте. И с этой точки зрения нам представляется, что ключевое слово культуры душа -- это концепт, а сердце -- лингвокультура.

Углубить представления об их неявной семантике помогает метод сравнительного анализа, который использовали для исследования ключевых слов культуры А.Вежбицкая и А.Д.Шмелев. Российский ученый в про-

цессе сравнения переводческих эквивалентов, именуемых соотносимые ключевые слова сопоставляемых лингвокультур, уделил внимание нормативности/аномальности их синтагматики. С учетом всего сказанного ранее целесообразным представляется кластерный анализ, при котором объектом наблюдений становятся не пары единиц, а пары гнезд и формирующих их фреймов. Такой метод описания позволяет установить метафорические и метонимические модели, используемые в различных лингвокультурах для представления лингвоконцептов и лингвокультурем, представленных стержневыми компонентами фразеологизмов. Так, в русской языковой картине мира фрейм, реализующий концепт "Искренность (открытость)" представлен фразеологизмами со стержневым компонентом душа: вывернуть душу наизнанку (Быть предельно откровенным с кем-либо, рассказывая о себе всё без утайки), душа нараспашку (о человеке откровенном, не умеющем ничего скрывать), изливать душу (Рассчитывая на сочувствие, откровенно рассказывать кому либо о том, что волнует, беспокоит, наболело), открыть душу (рассказывать о своих переживаниях, чувствах, мыслях), с открытой душой (Искренне, доверчиво; откровенно без предубеждения), в которых душа уподобляется одежде (вывернуть наизнанку, нараспашку); вода (изливать); закрытая емкость (открыть). В арабском языке также есть фразеологизмы про искренность, но стержневым компонентом в них выступает лексема сердце:

الصدق والأخلاق عملان قلوبان من أعظم أعمال القلوب
искренность и преданность -- два из великих дел сердца,

الصدق أن لا يكذب اللسان ، والصدقية أن لا يكذب القلب
искренность -- это когда язык не врет, и искренность веры -- это когда сердце не врет,

الصدق ربيع القلب
искренность -- это весна сердца,

للصدق رائحة لا تشم بالأنوف ولكن تحس بالقلوب
у искренности есть запах, ощущаемый сердцами. Как можно заметить, стержневое слово арабских фразеологизмов более конкретно, сердце в арабском языке приобретает способность говорить, осязать; расцветать, подобно растению.

Таким образом, объединение методов исследования стержневых компонентов устойчивых выражений и способов исследования лингвоконцептов (лингвокультурем) позволяет существенно углубить представления о ключевых словах культуры за счет многоаспектной характеристики данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н., Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). -- М.: Издательство ИКАР. Э.Г. Азимов, А. Н. Шукин. 2009.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. -- М.: Языки русской культуры, 1999. -- С.263-305

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково- словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000, [Электронный ресурс] Т.Ф. Ефремова, URL: <http://www.efremova.info/word/frazeologizm.html#.VxADBTCltIU> (дата обращения: 13.04.2016)
4. Каменская В.М. Особенности стержневых компонентов зооморфных фразеологизмов в испанском и русском языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация . 2007. №2–2
5. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов, Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1988, с. 289
7. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М., Большой универсальный словарь русского языка / Гос. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под редакцией В.В. Марковкина. – М: Словари XXI века, АСТ–ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с. – (Фундаментальные словари)
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура), С. 96, 199, 215
9. Телия В.Н. (отв. Ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ–ПРЕСС, 2008 (ниже – БФС) С.6
10. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания: [Пер. с англ.] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. – М.: Прогресс, 1988. – С . 52–92.
11. Шмелев А.Д. "Языковая картина мира" и "картина мира текста": точки взаимодействия // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. С. 312.
12. Wierzbicka Anna 1992b. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – Oxford: Oxford University Press.

© Д.С. Апрамаднех, (dee-said@live.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

5-8 июня 2018
Новокузнецк / Россия

РЕКЛАМА

XXV Международная специализированная выставка
технологий горных разработок

УГОЛЬ и МАЙНИНГ РОССИИ

IX Международная специализированная выставка
**ОХРАНА, БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА
И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

IV Международная специализированная выставка
НЕДРА РОССИИ

Организаторы

уголь

руды

промышленные минералы

охрана и безопасность труда

МНОГОЧЛЕННЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

MULTI-COMPONENT COMPLEX SENTENCES AS ASYNTACTIC UNIT

K. Ahmadova

Annotation

This article deals with the aspects of the study of multi-component complex sentences in the syntactic theory. The article's author, underlining a distinct interaction of language and thought, writes that a sentence has two top goals – to be a unit of speech communication and to be a form of existence of thought. Sentence–model, sentence–expression, sentence–realization are created in implementation of these objectives as a result of a contact of the language with thought in all its forms. Ultimately, the sentence takes a structural form that may be used in the speech. The author also notes that the formation of multi-component complex sentences in the language must be understood as a result of a complex interaction of many parameters of the language–thought system. The article also includes examples from the works of eminent philologists and excerpts from the works of famous Azerbaijani writers.

Keywords: polynomial complex sentences, syntactic unit, speech communication, thought, structural form.

Ахмедова Кямаля Шамиль Кызы
К.филол.н., доцент,
Бакинский Государственной
Университет

Аннотация

Эта статья рассказывает об аспектах изучения многочленных сложных предложений в синтаксической теории. В статье автор, отмечая неоспоримое взаимодействие языка и мышления, пишет, что предложение имеет две высшие цели – быть единицей речевой коммуникации и быть формой существования мысли. При реализации этих целей создается предложение–модель, предложение–выражение, предложение–реализация в результате контакта языка с мышлением во всех своих формах. В конечном счете, предложение принимает структурную форму, которая может быть использована в речи. Автор также отмечает, что формирование многокомпонентных сложных предложений в языке должно быть понято как результат сложного взаимодействия многих параметров системы языка–мышления. В статье также в целях исследования приведены примеры из трудов выдающихся филологов и отрывки из произведений известных Азербайджанских писателей.

Ключевые слова:

Многочленные сложные предложения, синтаксическая единица, речевая коммуникация, мысль, структурная форма.

Многочленные сложные предложения (МЧСП) изучаются в синтаксической теории в различных аспектах. В некоторых исследованиях изучается форма этих единиц (количество компонентов и их структура), в некоторых – их внутреннее содержание (с точки зрения выражения "полной сложной мысли"), а в третьих – их особенность создавать тексты, и т.д.

Эти параметры главным образом занимают место в системе конститутивных показателей, а точнее они включаются в эту систему, для доказательства того, что МЧСП – это особое синтаксическое явление. Но эта система параметров, остается так называемым внутриязыковым квалификационным показателем, и должна быть принята как попытка осмысления МЧСП исключительно в рамках лингвистических признаков и свойств.

Исключительно лингвистический анализ во многих случаях, естественно не дает возможность представить себе МЧСП отдельно от системы ММС. Поэтому возможность доведения МЧСП до с информативной точки зрения осмысливаемого предела ММС, (с учетом "срубления периферических" компонентов) отмечается как серьезный факт, и МЧСП представляют как соединение слож-

ных предложений с минимальным составом в той или иной форме [1].

В этом смысле даже сложносочинённые предложения (конструкции с минимальным составом) иногда считаются не сложными предложениями, а совокупностью независимых предложений [2]. Такие подходы основываются на том, что они рассматривают разрешение проблемы исключительно с лингвистической точки зрения, но, несмотря на это они обходят требование подчинения научного определения сложных предложений исключительно лингвистическими параметрами, и при формировании этого определения они также не упускают из виду роль законов мышления в формировании языковых структур. Можно представить в качестве примера определение сложному предложению данное К.М.Абдуллаевым:

"Сложное предложение – более обширное и всестороннее выражение определенного фрагмента реальной действительности – фрагмента, который требуется разместить в коммуникативном фокусе". [2].

Невозможно не говорить о взаимодействии языка и

мышления в плоскости выражения "реальной действительности". Предложение (простое, сложное и т.д.) имеет две высшие цели – быть единицей речевой коммуникации и быть формой существования мысли (3), и при реализации этих целей создается предложение–модель, предложение–выражение, предложение–реализация в результате кипения или контакта языка с мышлением во всех своих формах, и принимает структурную форму, которая может быть использована в речи.

А.Д.Наседкин отмечает, что язык является средством формирования мысли (идеи) и пишет: "Язык является необходимым условием существования мысли, и в этом, прежде всего, проявляется роль языка, как средства формирования мысли" (4).

Какой–либо говорящий субъект (субъект речи) формирует свои мысли, используя свойственный ему арсенал языковых структур. Будет неправильно искать многокомпонентные структуры в речи 5–6 летнего ребенка: ребенок может знать все нормы родного языка на уровне простых предложений, но он использует их только механически, "он использует их, не понимая". Для того, чтобы разговаривать "понимая", нужно "овладеть способностью регулировать" абстрактно – мыслительный процесс, потому что речь по своей структуре вовсе не является отражением мысли: "Речь не служит выражением готовой мысли... Мысль не выражается, но совершается в слове" (5).

Если мы будем основываться на том, что мысль "совершается" в предложении, то должны отметить что, формирование или "совершение" многокомпонентных сложных предложений в речи–языке должно быть понято как результат сложного взаимодействия многих параметров системы языка–мышления. На наш взгляд внутриязыковая трактовка этих конструкций никак не может быть адекватной. Потому что, если допустить возможность стилистической замены всех сложных предложений простыми распространенными предложениями, и на этом примере, возможность заменить все МЧСП ММС, тогда и впрямь надо считать, что все конструкции, которые стали сложными в синтаксической системе, кроме простого предложения, входят в арсенал периферических–вспомогательных средств языка и все они выполняющих стилистические функции.

Такой подход подразумевает отказ от проблемы МЧСП. А отказ от проблемы не может быть аргументом не существования этой проблемы: МЧСП являются особой реальностью в системе языка–речи, они объекты со свойственной семантической структурой, синтаксические средства, питающиеся от истоков языка–мышления.

Творческая речь говорящих (пишущих) субъектов с нормальным мышлением не может состоять только из простых, или только из сложных предложений, или же только из МЧСП. Нет примера такого норматива письма в художественных произведениях. Текст является высшей формой речи. Будет правильно сказать, что нет такого текста, состоящего только из простых предложений,

или только из какой ни будь модели сложного предложения.

И это в первую очередь значить, что все указанные объекты предложения имеют "гражданский паспорт" в речи (нормальной, грамматически правильной речи).

А.С. Мельничук комментируя влияние абстрактных мыслительных категорий на структуру языка, структуризацию языковых единиц выдвигает следующее мнение: Основным стимулом общего развития языка, его семантических – предикативных единиц является то, что люди с высоким уровнем мышления не пытаются описать жизненные реалии во всех цветах, всесторонне и всегда реализуют свои желания, выражая эти факты в едином не делимом словесном комплексе.

В качестве примера автор приводит возникновение форм сложного существительного, и того, что не все эти языковые единицы создаются по одной модели: в некоторых случаях эти существительные создаются путем соединения слов, отдельно употребляющихся в языке и употребляются в абсолютно других значениях, а иногда создаются путем соединения не существующих в языке "лексемов".

А.С. Мельничук, характеризуя образование сложных предложений в структуре языка как факт, выявляющийся в процессе контакта языка–мышления, отмечает что, не стоит искать причины возникновения характерных для всех языков вопросительных, утвердительных и повелительных предложений в системе мышления, и этот факт является только результатом того, что язык выступает в качестве средства коммуникации.

Также не возможно доказать одностороннюю зависимость членности речевого потока на предложения от процесса мышления на суждения (заключения): "...возможность образования сложной мысли, заключающих в себе ряд несамостоятельных простых суждений и выражаемых в длинных периодах, состоящих из ряда несамостоятельных простых предложений, свидетельствует о том, что в самой природе мышления не заложена обязательная членность мысли на отдельные суждения, что в принципе любой целостный мыслительный процесс, независимо от его объема, мог бы осуществиться в виде единой сложной мысли, не распадающейся на самостоятельные суждения, если бы структура языка позволяла строить соответствующие распространенные предложения или периоды на 200–300 страниц (наше деление – К. Я.). Отсюда следует вывод, что членение речевого ряда на предложения обусловлено не членением мыслительного процесса на суждения, а тем фактом, что формальная схема автономного и относительно небольшого по объему предложения была сформирована и закреплена в качестве единственно возможной речевой конструкции в период становления языка, когда сложные мысли появлялись в голове человека еще слишком редко, чтобы вызвать формирование более сложных синтаксических конструкций..." (6).

Как видно, появление или формирование МЧСП в си–

стеме языка–речи не всегда связано с членением мыслительной единицы в речевом ряде, его объем (синтагматический рост) регулируется законами мышления.

Но наряду с этим, сложная целостность, неделимость мыслительного акта реализующегося в слове (предложении) является самым главным функциональным моментом закрепляющим "территориальную неделимость" семантической структуры этих полипредикативных конструкций.

Другими словами, принципы структуры МЧСП и его объем зависят от внутриязыковых закономерностей и ограничений, введенных языком.

Их семантическая структура главным образом реализуется на основе законов мышления. Сложно или вообще невозможно определить границу между языком и мышлением на уровне обобщенной семантики.

Это правда, что при представлении семантического описания МКСП, наряду со всеми другими его приметам нужно всегда учитывать его компонентное содержание и постоянные приметы семантического–синтаксического образа этих компонентов.

Здесь одной из главных моментов является то что, определение только компонентов конкретной конструкции (изолированной от контекста), определение функций этих компонентов и т.д. не являются задачами в процессе анализа МКСП. Здесь главной задачей является систематизация характеристик механизма формирования полипредикативной конструкции, правила "объединения в одно целое" значений, и оттенки значения компонентов на основе разного синтаксического охвата.

Следует отметить еще один вопрос. Не смотря на то с какой точки зрения мы характеризуем наш объект внимания, самым главным моментом является проблема определения его синтаксического образа (статуса). Другими словами, на наш взгляд следует ответить на следующие вопросы:

- ◆ В чем заключается языковая–речевая реальность МЧСП;
- ◆ Чем обусловлен тот факт, что они не являются механически–количественным вариантом ММС;
- ◆ Какова причина их невхождения в систему стилистических–текстовых фигур или категорий.

Какие аргументы должны быть считаться важными при определении синтаксической структуры МЧСП (как особая синтаксическая единица)?

Изолирование МКСП от общей системы ММС, на наш взгляд будет методологической ошибкой. Предикативные конструкции, которые являются объектом нашего исследования, пользуются стержнем ММС. Сложно представить язык с синтаксической системой, непосредственно переходящей от простого предложения в МКСП (без системы ММС).

Знаменитый тюрколог М.З.Закиев представляет синтаксическую систему как объект, состоящий из 11 этажей, и помещает ММС на седьмом слое (этаже). Он также размещает полипредикативные придаточные предложения на 8–9 этажах, и отдает десятый этаж конструкциям, соединяющимся с сочинительной интонацией и сочинительными союзами. На самом деле М.З.Закиев анализирует предикативные предложения с точки зрения ММС, и представляет их с точки зрения характеристик целостности ММС (7). Несмотря на это, автор делит МЧСП ("многочленные сложные предложения") на три группы, он пишет: "Наша точка зрения такова: многочисленные сложные предложения с точки зрения их структуры должны быть разделены на три основные разновидности–многочленное сложносочиненное предложение, многочленное сложноподчиненное предложение и многочленное смешанное сложное предложение" (8). Автор также представляет структурные модели конструкций входящих в эти группы. Но вопрос состоит не в классификации этих конструкций, а в представлении их в образе свободной синтаксической единицы. М.З.Закиев сопоставляет МЧСП со сложными синтаксическими полными, и таким образом определяет МЧСП как "сложные предложения, состоящие из трех или более компонентов".

В общем, логичность сопоставления МЧСП с ММС и определения спецификации первых вызывает вопрос. Потому что как мы уже отмечали, ММС обычно представляются как "соединение двух или более простых предложений". Сопоставление конструкций "с двумя или более компонентами" с конструкциями "с тремя или более компонентами" немного (мягко говоря) не к месту.

Так что, выступая с этой логики, ММС должны быть определены как единицы, состоящие из соединения только "двух простых предложений" (двух компонентов). Реальность языка–речи подтверждает это с материальной точки зрения: в нашем языке есть достаточное количество двух компонентных – сочинительных, подчинительных, бессоюзных – сложных предложений. И их сила в система языка–речи такая большая что, обычно процедура "снижения" компонентного состава МЧСП до уровня ММС с точки зрения количества и качества (семантики) фактически узаконивается.

Считается что, в большинстве МЧСП возможно "урезать" их периферические (с точки зрения понятности информации) компоненты, и эта процедура сокращения не наносит вреда общему семантическому содержанию предложения. На самом деле это не простое явление. "Сокращение" речи говорящего или пишущего, подвержение его трансформатическим изменениям может считаться возможным только как процедура структурного исследования, с точки зрения получения искусственных аргументов. Конструкция, используемая в тексте или речи, должна быть квалифицирована на основе реальной формы.

Упомянутый прием анализа может быть к месту в том случае, когда все или множество МЧСП могут быть сокращены и доведены до уровня ММС. То есть, в случае

появления одного критерия в процессе определения их конститутивной силы в системе самосоставляющих периферических компонентов – критерия, который мог бы играть дифференциальную роль в строении ММС в МЧСП и наоборот.

Давайте рассмотрим такой пример:

– Вдруг он захотел, не обращая внимания ни на что, отправиться в далекое село, как выпускник семинарии для мальчиков, работать учителем в начальной школе, ухаживать за своей мамой Лалой, и отвечать её мукам с достоинством подобающим сыну, и больше не оставлять женщину одной под черной крышей, стоящей на четырех столбах (С.Рагимов. Ана абидеси. Часть первая, глава третья).

Не смотря на возможность доведения этого предложения до состояния "компрессии" тем и или иным путем (можно "сократить" одну из четырех однородно-параллельных придаточных предложений), и не смотря на возможность доведения его до уровня ММС, исследователь не должен злоупотреблять этим приемом, не должен разрушать структуру (в первую очередь) языка-речи в замен иллюстрирования теоретических принципов выдвигаемых им.

Это предложение, как МЧСП, должно быть проанализировано как конструкция, имеющая одно главное предложение и цепь придаточных предложений, параллельно соединяющихся в определенном множестве, в первую очередь, хотя бы, потому что это предложение является творением выдающегося словесного мастера, и этот выдающийся литератор "знает место каждому слову", и он в ответе за каждое свое выражение.

Наш выдающийся писатель словно пытается на "одном дыхании", одним предложением отобразить коллизионные веревки, потрясения героя, и объединить весь спектр в одном фокусе – в МЧСП. И будто им приведенный пример недостаточен, он употребляет еще одну конструкцию, согласовывающуюся с другим МЧСП, другой конструкцией с помощью внутренних значений и групп лексико-грамматических элементов (отметим):

– Он [Фархад] не должен позволить Лале остаться одной под черной крышей, не должен оставлять ее [Лалу] уставившейся на возвышающийся деревянный дымоход, светящимися глазами в темноте ночи, "Посмотрим, когда небесное лико осветится, посмотрим, когда утро разомкнет очи" – пусть скажет" (там же).

Фактически это предложение является продолжением предыдущего и звучит как последние аккорды нравственной драмы, отражающейся в предыдущем предложении (Фархада отправляют учиться в художественную академию – он живет в отдаленном селе с его больной матерью). Ни один из внимательных читателей этого романа, по нашему мнению, не может сказать, что возможно урезать какой-нибудь компонент этих предложений.

На самом деле, если возможно думать так, сложное предложение которое является подлежащим придаточного предложения со сказуемым "пусть скажет" в МЧСП (Посмотрим, когда небесное лико осветится, посмотрим, когда утро разомкнет очи) мог бы выступить с одной частью: "Посмотрим, когда небесное лико осветится – пусть скажет". Но эти два компонента ("Посмотрим когда...", посмотрим когда...") не обязательно являются синонимами, писатель хорошо знает последовательность "компонентов" этого явления природы и описывает его в естественной последовательности. В этот момент, вспомнил слова известного русского филолога А.А.Потебня: "...Сложное художественное произведение наряду с тем, что является развитием единого главного образа, сложное предложение тоже является развитием единого чувственного образа" (9). Объясняя эту мысль А.А.Потебня пишет: "Способ постановки одной фигуры в поэтическом произведении заставляет фантазию не только присоединить к ней многие другие, но именно столько, сколько нужно для того, чтобы вместе с первой образовать замкнутый круг" (там же).

Коротко говоря, несмотря на то, что МЧСП, как языковая единица с позиции художественного стиля и внутреннего значения, являются насыщенными с точки зрения качества-количества "инновациями" ММС, они имеют особые роли и места в системе синтаксических единиц, и вовсе не всегда возможно их сократить и довести до объема ММС. Вышеуказанные примеры "используются" гипотетически в искусственной системе "стрежня-периферии". Но другая группа МЧСП делает такую операцию невозможной: все компоненты этих конструкций характеризуются как стержне-составляющие элементы, играющие конструктивную роль:

– [Шамама ханум] Правда в том, что, если его сестры меня уколят иголкой, я их проколю шампуром (Н.Вазиров. Позднее раскаяние плодов не дает. Третья сцена).

Конструкции МЧСП такого рода, функционально дают значение двухкомпонентного сложного предложения. Потому что смысловая структура главного предложения (в особенности "в том что" элемент сказуемого "требовательность") именно может оплодотворяться "единогласным" сосуществованием двух компонентов полипредикативного предложения последующих после главного предложения; главное предложение, не входя ни в какую смысловую связь с компонентом последующего за ним сложного предложения с условно-результативной связью, пополняется значением, порождающимся их обоюдным столкновением. Иначе говоря, конструктивная особенность приведенного примера заключается в его неспособности превращаться в минимальную конструкцию, невозможность сокращения какого-либо компонента. Так что, искусственный характер поиска "конструкции стержня", не существование практического результата этой процедуры явны.

"Срубление" МЧСП для определения ММС, нецелесообразность объявления периферическими тех или иных

компонентов, явно в структурном и смысловом единстве, в семантическом единстве паремических–афористических единиц.

Эти конструктивные единицы – не независимо от количества компонентов – не входят в вышеуказанный процесс анализа, и ни один исследователь не принимает их воздействия:

- Qalalı atıdır - həm axurdan yeyər, həm torbadan (10).

- Yaxsılıq elə, at dəryaya - balıq bilməsə, xalıq bilər (10).

Как мы видим, определение минимальной конструкции паремических–афористических единиц, является не чем иным как исследовательским волюнтаризмом. Они должны быть исследованы в том объеме, в каком они используются. Неоспоримо что, паремистические–афористические единицы подвергаются "самосокращению", редукции, контаминации и другим процессам в результате исторической эволюции, но этот вопрос не имеет прямых связей с нашей работой. (Сравнит: Dad yağımsıq əlindən=Anlayana da can qurban, anlamaza da - dad yağımsıq əlindən (10)).

На этой фазе нашей работы мы только говорим о неадекватности и теоретической неэффективности поиска минимального компонентного состава или минимальной структуры в МЧСП. По нашему мнению, если поиски минимального стержня оправдывали бы себя и если бы имели достаточных аргументов во всех случаях (для всех типов предложения, с точки зрения семантики и структуры), то, несомненно, никак не было бы нелогично определить все МЧСП как контекстуальные расширенные варианты минимальных (состоящих из двух частей) сложных предложений.

Некоторые устные МЧСП подтверждают сказанное нами, и раскрывают свойственную внутреннюю эволюцию этих конструкций, и таким образом раскрывают особый их характер – и в некоторых случаях то, что они получили устойчивую стабильность.

Наши писатели с мастерством выражают на уровне речи персонажей законченность внутреннего логического значения конструкций, достигнув такого уровня компонентной стабильности, и диалектическую зависимость этого значения: они не используют знаки препинания между компонентами многочленного предложения (выражения) и таким образом представляют МЧСП в виде минимальных сложных или простых распространенных предложений.

Сравним:

1. [Видишь эту сукину дочь] Не говорил ли я тебе/если еще немного задержится здесь/сядет на нашу голову? (И.Шыхлы. Буйная Кура. Часть первая, глава первая);

2. Не знал / пойти ли на поминки / как пойти ли/как не пойти. (С.Рагимов. Гошгар кызы. Глава 13–я).

3. Огонь, пламя: поставишь на землю/сожжет землю, поставишь на небо/сожжет небо. Б.Байрамов. Неписанная книгаю Глава 18я).

Как видно, в абсолютных главных предложениях после таких как "Не говорил ли я тебе", "Не знал", отсутствие союза (что) и запятой, а также отсутствие знаков препинания после других компонентов (вертикальные линии), говорит не только о содержании словесной, разговорной речи и экспрессивных выражений в этих конструкциях, а также о приобретении ими характеристик стабильных синтаксических конструкций. А это в первую очередь значит что, существование МЧСП как отдельные, изолированные синтаксические единицы, должны быть измерены не с точки зрения их трансформационных перспектив, а с точки зрения гармонии их внутреннего значения и формальных параметров, должно быть измерено тем фактом, что они приобретают особую структурно–семантическую стабильность. А для этого нужно принять во внимание величественную разноцветность фактического материала языка, и его конструктивную гетерогенность (разнородность).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967, 58с.
2. Abdullayev K.M. Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri. Bakı: Maarif, 1998, 128–129 s.
3. Адмони В.Г. Содержательные и композиционные аспекты предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, 6 с.
4. Наседкин А.Д. Язык как средство формирования мысли // Язык и мышление. М.: Наука, 1967, с. 70.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С.Выготский. Собр. Сочинений в 2–х томах. Т.2, с.307.
6. Мельничук А.С. О роли мышления в формировании структуры языка // Язык и мышление. М.: Наука, 1967, с.80–81.
7. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань: Изд. КазГУ, 1963, 330–337 с.
8. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань: Изд. КазГУ, 1963, 413 с.
9. Потенция А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976, 188с.
10. Э.Н. Atalar sozu. Bakı: Yazıçı, 1985, 175 s.

КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

QURANIC MOTIVES IN THE WORK OF RUSSIAN ROMANTIC POETS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

S. Bagirova

Annotation

The article examines the artistic features of the embodiment of the Quranic motifs in the work of Russian Romantic poets of the first half of the 19th century. The connection of this current with the processes occurring in the literature, the poetic originality and the functional role of the Quranic motifs in Russian Romanticism are considered. The criteria for the study of oriental motifs in Russian romantic literature are generalized.

Keywords: Russian literature, spiritual culture, Romanticism, Eastern poetry, oriental form, the Koran, Islam.

Багирова Севиндж Агадин гызы
Соискатель,
Бакинский славянский
университет

Аннотация

В статье изучены художественные особенности воплощения коранических мотивов в творчестве русских поэтов-романтиков первой половины XIX века. Рассмотрена связь этого течения с процессами, происходящими в литературе, поэтическое своеобразие и функциональная роль коранических мотивов в русском романтизме. Обобщены критерии исследования ориентальных мотивов в русской романтической литературе.

Ключевые слова:

Русская литература, духовная культура, романтизм, восточная поэзия, ориентальная форма, Коран, ислам.

По классической терминологии, иноязычный для русской литературы и культуры, коранический текст – это единство сакральных смыслов, наличествующих в структуре его лексико-семантических элементов. Для рядовых читателей, которые хотели бы глубже познать ряд житейских "секретов", сокрытых в этой Священной книге мусульман, Коран является уникальным образцом огромного количества моральных заповедей. Но для современных исследователей разных профилей – это аксиома, принимаемая без комментариев. Учёные – филологи, историки, философы-религиоведы и другие анализируют коранический текст целиком как системообразующее явление мусульманской культуры. Для узкого круга специалистов, Коран – своего рода настольный материал, исполненный "относительных истин". Большинство из них справедливо рассматривает Коран как целостный текст, в структурном отношении являющий собой упорядоченную систему сакральных знаков. Некоторые из них до сих пор не расшифрованы или оставляют сомнения в точности и верности их трактовок. Исследователи не без основания считают, что в Коране изложен базовый комплекс религиозно-духовных и социально-политических взглядов, правовых и этических норм, являющихся ценностными ориентирами для мусульманского мира до наших дней.

Для русских поэтов-романтиков указанной поры – это прежде всего свод правил благочестивого поведения ве-

рующих, а также наглядное представление "сильных поэтических фраз". Среди известных поэтов-романтиков первой половины XIX века с Кораном, как доказывают многие учёные, в большей или меньшей степени были знакомы А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, В. Иванов, Н. Гумилев, А. Майков, П. Гнедич, В. Соловьев, И. Северянин, Э. Багрицкий и некоторые другие. Любопытная деталь: среди перечисленных есть и такие, которые избрали себе литературный псевдоним Хафиз. Он, как считают учёные-богословы, держал в памяти каждое слово Корана. В свою очередь коранические связи в русской романтической литературе достаточно ясно прослеживаются на протяжении всего XIX столетия. Но начальным звеном огромной по длительности и глубокой по содержанию жанрово-тематической цепочки, по праву считается стихотворный памятник "Подражания Корану" Пушкина. Однако он хорошо известен не только в широких кругах любителей словесности, но и основательно разработан в критике. Поэтому мы оставим его в стороне от нашего рассмотрения и целью настоящей статьи сделаем краткий обзор менее известных сочинений на коранические темы. В центре нашего внимания будут избранные стихотворения П.Я Полонского, П. Манессеина и П. Катенина.

Итак, обратимся к наиболее характерным, на наш взгляд, примерам. В 1844 году Я.П. Полонский написал стихотворение "Магомет перед омовением", которое непосредственно связано с текстом священной книги.

Основной упор русским поэтом–романтиком сделан на кораническое положение о "временности земли", суеты и бренности человеческого существования, то есть и того, что ранее казалось прочным. Всё в руках Аллаха! – утверждает автор. Однако такое суждение, по всей видимости, не имело бы особого значения для исследователей и рядовых читателей, если бы в нём мы не обнаружили скрытых структур. И потому знаменательно, что Полонский следует той романтической традиции, основы которой были заложены ещё В.А. Жуковским и ранним Пушкиным. То есть, в подтексте стихотворения есть символический знак, посредством которого читатель, входя в сюжетную ткань мусульманского текста, смог бы проникнуться самим "духом восточным".

Таким ключевым символом, имеющим к тому же определённое эстетическое воздействие, становится гора. А внутри структуры этого символа заложена идея "одухотворенности" высочайшей точки пространства, приближенной к небу, значит, к обители Аллаха. Горы, по Корану, – это ровесники сотворения мира, его "высокое" проявление и средоточие. Вот почему этот ключевой символ, сопровождающий образ молящегося, характеризует как паломника, так и свидетельствует о вневременности всего происходящего на Земле. Парадокс, неразрешимый логикой поэта или писателя–реалиста, но вполне укладывающийся в пределы романтического мышления Полонского.

Что же это за символический знак? Автор пишет:

"Земля сгорит и лопнет камень,

И упадут

На рубежах поставленные горы.

Лишь ты одна

Кипящими зальешь волнами Развалины

Пылающего мира, и густой,

Горячий дым"

Прокатится, гонимый ветром, из края в край (6, с. 135).

В вышеприведенном отрывке, производящем, на наш взгляд, наиболее сильное эстетическое воздействие – это гора. Заметим: структура этого символа в мусульманской культуре значительно отличается от своего европейского эквивалента. Так, в языческих культурах горы часто считались обителью богов земли, поскольку несли доминантную семантику незыблемости, прочности, древности. Но подобная мысль в культуре ислама претерпевает существенную трансформацию. Коран констатирует, что горы, хотя и твердо стоят на земле, чтобы сделать ее устойчивой, структурно подобны облакам: "И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, – вот они идут, как идет облако по повелению Аллаха, который выполнил в совершенстве все. Поистине, Он сведущ о том, что вы творите!" (1, с. 88). Отталкиваясь от значений крепости и устойчивости, ислам добавляет к ним в струк-

туре символа знак "минус": по всей видимости для того, чтобы ярче подчеркнуть бренность мира (это один из наиболее ярких лейтмотивов Корана).

Вряд ли Я. Полонский в этом стихотворении не учитывал символических знаков, связанных с молитвой или с символикой гор в Коране. Так, в День Страшного Суда, согласно кораническому положению, горы, падая, будут подобны "расчесанной шерсти": "Терпи же терпением хо-рошим – ведь они видят это далеким, а Мы видим это близким, в тот день, когда небо будет, как медь расплавленная, и будут горы, как шерсть, и не спросит друг о друге – будут они им показаны воочию" (1, с. 4–11).

Итак, не зря, по мысли Полонского, во время омовения "упадут на рубежах поставленные горы". Это в исламе нечто иное, как знаки вечного присутствия Бога. Именно поэтому в Коране Аллах клянется ими, когда призывает человека к вере. То, что Джалаладдин Руми называл "экстатическим танцем горы" есть факт проявления могущества Бога, с одной стороны, и признания этого Вселенной, с другой. Горы, как и все, сотворенное Богом, признают своего Творца: "Неужели ты не видишь, что перед Аллахом падают ниц те, кто на небесах и на земле, солнце, луна, звезды, горы, деревья, животные и многие люди. А многие из них заслуживают мучений." (1, с. 18).

Высокие горы выступают пороговой областью между сотворенной Вселенной и бесконечным Богом: "Клянусь горой [Синай]! Клянусь Писанием, начертанным на развернутой нежной коже! Клянусь домом наполненным [храмом на седьмом небе]! Клянусь кровлей возведенной! Клянусь морем разожженным (или переполненным; или опустевшим; или перемешанным)! Наказание твоего Господа непременно наступит, и ничто не отвратит его. В тот день небо содрогнется от колебаний, а горы придут в движение" (1, с. 1–10). Ближневосточная мифологема "Синая" формирует представление о горе, которая окружает всю Землю.

Конечно, не стоит преувеличивать значения приведенного стихотворного отрывка. Трудно в точности сказать, в какой степени автор проник в структуру значений указанного символа. Не следует забывать и о том, что Полонский был поэтом–романтиком, потому, видимо, и писал о низвержении гор на землю. Многие азербайджанские учёные уже основательно доказали, что в Коране символ имеет приземлённый характер, то есть носит реалистический оттенок. Однако текстовая данность стихотворения не оставляет сомнений в его мусульманском происхождении. Более того, в данном случае необходимо рассматривать это сочинение как развернутую символическую структуру, обращенную в сторону мусульманской модели смыслопорождения.

Стихотворение Полонского, на наш взгляд, тематически перекликается со стихотворением (точнее, "малой поэмой") Петра Манассеина "Ад и рай Магометов", созданной примерно в те же годы. В основу этого стихотворения (названного самим автором "малой поэмой") тоже положена молитва, но переданная в другой форме и с помощью иных лексико-семантических средств. Сохранена центральная идея – обращение к Аллаху, но восхваление его дел нерукотворных дано в виде клятвы:

*"Клянуся ночи темнотой,
Клянуся солнцева восхода"
Невыразимой красотой* [6, с. 141].

Есть некоторая разница и в сюжетном отношении. Если Полонский всю силу вдохновения вложил в копи "чёрных гор", то Пётр Манассеин расширяет до бесконечности пространственно-временную протяженность чудесных творений Аллаха буквально во всём. Его не только призывают в роли великого судии над людскими пороками ("Молитва" Полонского), но и живописуют как творца мироздания. Восхищение поэта передано в природе, которую Он создал ("Воскреснем мы и вся природа!"), в силах небесных ("Воззри, как землю зной палит // В расщелине бесплодной, горной // Но дождь пролился благотворный // И землю вновь боготворит"), в естественных физических потребностях, необходимых человеку для жизни ("Не зришь ли, полон изумленья // Там плод для вкуса, цвет для зренья?...") и т.п.

Но всё, что создано Всевышним для духовных запросов личности и материальных благ, направлено на разумное воздержание и веротерпимость. Конечно, тот факт, что всякий смертный в свой час предстанет перед судом Божиим, в литературе использовался неоднократно. Причём, вполне обычная деталь отражалась и ранее в творчестве русских поэтов и писателей, не придерживавшихся метода романтизма. Однако какой необычный сюжетный поворот найден автором, и свежее содержание вложено в старое, казалось бы, давно избитую форму. П. Манассеин пишет о том, что в единый миг – совершенно неожиданный, смертными никак не запланированный ("человек предполагает, а Бог располагает"), всё может измениться на Земле. И тот, кто создал мир в благость людям, может обрушить на него и все несчастья. Тогда и наступит "непреложный суд" для грешных. И пред судилищем предстанут люди, ведущие легковёрный образ жизни, не привечавшие бедных и сирых, бросавших или предававших друзей, "стоустной клеветой поражавших жён непорочных" и т.п. Но Аллах согреет теплом своим души не заблудших. И словно в дантовском загробном мире, разделённом на рай, чистилище и ад, П. Манассеином разведены по обе стороны грешники и праведники. В этом смысле вышеуказанное стихотворение Я. Полонского следует рассматривать, как знамение Аллаха, выраженное в форме обязательного для мусульманина намаза, а

"малую поэму" П. Манассеина, как предупреждение. Но оба поэта, как нам видится, не выходят за границы романтического умонастроения, так как главные их помыслы неизменно устремлены ввысь, а души страждущих или облагороженных свыше показаны как характеры идеализированные, во многом даже исключительные.

Привлекает внимание и следующий нюанс: язык и стиль "малой поэмы" Петра Манассеина, как выясняется, очень близок пушкинскому пророку. Здесь тот же глас вопиющего в пустыне, несколько амбициозная манера автора брать на себя роль пророка, если его уста "разверзнутся" и будут вещать словами Аллаха. Наконец, в этом сочинении очень много церковнославянизмов, стилистических оборотов, присущих не столько литературному языку поэтов пушкинской поры, сколько Г.Р. Державину, М.В. Ломоносову и другим. Это: "уверуешь", "уста", "очи", "Отлёта жаждущие крыла", "мощная десница", "денница", "всеведцу явен", "вотще поищите следов" и многие другие. Этим словесным оборотом мы не встречаем в стихотворении Я.П. Полонского "Молитва".

Мы привели два характерных примера, связанных с пророком и его молитвой. Но молитва или клятва, в отличие от образов самого Мухаммеда, в приведённых сочинениях русских поэтов-романтиков, здесь имеет прямой смысл. В них не следует искать религиозной опоры, так как в этом сама суть жизни мусульман. В русском романтизме указанной поры поступки героев, которые непосредственно проецируются на ислам, то есть непосредственно отражают коранические мотивы, зачастую напрямую или опосредованно формируют религиозный образ. Иными словами, действия человека, мотивации, психологические побуждения, как бы проходя сквозь религиозную оболочку, находят себе романтизированное объяснение. Здесь, как правило, мистика удивительным образом переплетается с мечтой романтиков об идеальном мироустройстве, в которое восточные заповеди вносят элемент мудрости и умеренности против несколько импульсивных действий русских людей.

Следует подчеркнуть, что создание "восточной атмосферы" для русских романтиков-ориенталистов первой половины XIX века было делом очень важным, можно сказать, первостепенным. С этой целью писателями активно использовались специфические для древней и средневековой мусульманской поэзии идейно-художественные и композиционные приёмы. Примечательно, что диапазон таких приёмов был широким – от употребления соответствующих архаизмов, историзмов, диалектизмов, слов и выражений, имеющих восточные корни, – до разных лексических вариантов, стихотворных размеров синтаксиса. Последний включал в себя принятие элементов восточного стиля и композиционное членение поэтического текста.

Ярким примером, по нашему мнению, может служить заявленное в нашей статье стихотворение Павла Катенина "Гнездо голубки". Что представляет собой автор? Несмотря на малую изученность его небольшого творческого наследия, П. Катенин, по признанию некоторых критиков, был литературным наставником самого Пушкина. Блестящий знаток всемирной истории, в том числе истории Исламского Востока, он слыл в русской романтической поэзии талантливым реформатором идей, экспериментатором в области формы и содержания.

В двух предыдущих случаях мы отыскивали для иллюстративных примеров образы пророка и вершителей человеческих судеб на Востоке. В "Гнезде голубки" нарисован образ сурового и непреклонного аравийского вождя Амру из свиты достопочтенного Халифа Омара. Правоверность – главная черта его характера, сущность всех убеждений, опора власти и мера воздействия на неверных. Огнём и мечом пройдясь по африканским водам Нила, вторгнувшись в долины Египта, отвоевав земли упорных гяуров, восточный правитель "сеял зёрна вечного Корана". Ради победы над теми, кто не признавал Ислам, он готов бы потопить в крови целые города и сёла, сжечь богопротивные, по его убеждению, книги, казнить "жён, старцев, сосущих младенцев". Однако эта жестокость в некоторой степени оправдана идейными соображениями, ибо центральный герой стихотворения Катенина – "человек идеи", и поступает он по известному маккиавелевскому принципу: "цель оправдывает средства".

Но неожиданно в строй жестоких помыслов врывается мысль о защите "сизой голубки", малой птахи, невинного божьего создания, никогда и никому не причинившего вреда ("Ангел Божий сам беседу с Пророком // Вёл через голубку"). По мнению полководца, голубка – птица вещая и святая, помощница в делах ратных, "носительница вестей по воздуху". Убивать её или разорять гнёзда птенцов не только по мусульманским, но и общечеловеческим законам – дурная примета и преступление. И потому "грех не дать птенцов ей выкормить к жизни".

Видно, что Павлом Катениным выведен совершенно неординарный тип восточного владыки, который на чашу весов ставит жизнь вражеских городов, подлежащих уничтожению, сожжению и разорению, с одной стороны, и защиту священной по Корану птицы – с другой. Воинский долг истинного мусульманина и элементарная человеческая жалость в такой степени разнятся между собой, что полностью исключают одномерность в толковании поведения личности.

Указанное не случайно. Так, небезынтересно заметить, что во многих произведениях поэтов и писателей-романтиков первой трети XIX столетия чаще всего одномерные оценки отсутствуют. Более того, порою авторы

намеренно камуфлируют основную идею, истинный смысл которой, как правило, раскрывается по ходу сюжета. Например, портрет мусульманина может быть нарисован таким образом, что в нём выделен исключительно позитив, либо его буйный нрав скрыт за благообразными чертами лица. Но в дальнейшем выясняется, что эта личность обрисована саркастически или писатель показывает его с отрицательной стороны, с мягкой иронией. Напротив, за отрицательными качествами может впоследствии угадываться положительная или, по крайней мере, рефлектирующая личность.

Оказывается, Катенин придерживался аналогичных принципов. Так, финальная сцена анализируемого стихотворения словно предопределила знаменитую сцену из повести Пушкина "Дубровский", в которой слуга, подвергнув сожжению господский дом с его ненавистными обитателями, спасает кошку ("божью тварь").

Мы не случайно привели это сравнение. У Пушкина-реалиста выделена сильная этико-социальная сторона. А именно: полуграмотный крестьянин из морально-этических соображений спасает невинное животное. Действия Дубровского социально мотивированы, то есть продиктованы, как известно, стихийным бунтом. Никакого символического подтекста в повести нет. Стихотворение поэта-романтика Павла Катенина имеет иную подоплеку. Если прочесть его полностью, то станет ясным: автор применил синтез разнородных стилевых элементов, что характерно для древней восточной поэзии и мусульманского текста, в котором священная птица неприкосновенна. На её жизнь наложено табу.

Настоящим сравнением мы хотели показать расширение системы внутренних инвариантных отношений, присущих структуре мусульманского текста в русской романтической литературе интересующего нас периода. Существо дела заключается в том, что статусом значимого элемента в любом мусульманском тексте наделяется не просто отдельное художественное произведение и его содержательные элементы, но и вся совокупность символических знаков. Здесь роль такого "расширителя" играет не злая воля восточного правителя, который превзошёл все мыслимые границы человечности, но прежде всего священная птица (Недаром же, наверно, в основу этого сочинения положены не воинские заслуги правителя, а отношение к священной птице). Жалеют её и все воины, хотя с жестокостью главного действующего лица вполне солидарны.

Можно подвести итоги. Во всех трёх стихотворениях, анализ которых был целью нашей статьи, с разных позиций использованы коранические мотивы. Для Полонского они вложены в молитву Всевышнему, который творит суд над всем миром и каждому воздаёт должное. Та же

тема варьируется у П. Манассеина в форме клятвы. И, наконец, П. Катенин показал нам образ восточного правителя с нетрадиционной для реализма, но приемлемого для почерка поэта-романтика точки зрения. А именно: в герое-владыке переплетено как положительное, так и отрицательное начало. Таким его воспринимают и окружающие. Несопоставимые для реалиста понятия – жестокость, тирания жалость к "божьей твари", священной по Корану, вполне уживаются в одном человеке, не вызывая удивления или нареканий.

Но есть и общее начало у трёх сочинений. Можно констатировать идею идентификации иноязычного для

русских романтиков текста, в котором с помощью символа произошло сочетание стилей, присущих кавказским легендам, поверьям, преданность сакраментальному тексту, которым переполнен Коран. Более того, мировоззрение названных в статье поэтов-романтиков легко укладывается в систему онтологических оппозиций "жизнь-смерть", "мечта-реальность", "своё-чужое". Именно эти оппозиции в романтическом ориентализме со смысловым центром "мусульманский Восток" при критическом взгляде обнаруживают скрытые текстовые структуры. Преимущественно на них и была основана литература, в которой коранические мотивы играли очень важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коран. М.: Художественная литература, 1981.
2. Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820 – 1830-х годов". Автореф.: канд. ... филол. наук. Томск, 2006.
3. Березкина С.В. "Пророк" Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература, 1999, №2.
4. Гаджиев Агиль. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1982, 159 с.
5. Hacıllı A. Qurani Kərim rus ədəbiyyatında. Bakı, Kitab aləmi, 2009.
6. Незримое благословение. Исламский Восток в русской поэзии. Нижний Новгород: Нижегородский исламский институт имени Хусаина Фаизханова. М.: Наталис, 2008.

© С.А. Багирова, (bitkovskayay@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

672003, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Трактовая, 35а
т. +7 (3022) 36-80-38, 36-76-20, e-mail: chita.office@alsglobal.com

www.als-russia.ru

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ЗАКАЗЧИКАМ ВЫБОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

- золота, платины и палладия
- многоэлементный (до 35 элементов) анализ (почти полное разложение)
- следовых содержаний (литогеохимия, вторичные изменения)
- золота и серебра с использованием гравиметрического окончания
- общего, органического и карбонатного углерода
- общей, сульфатной и сульфидной серы
- объемной плотности зерновых и бороздовых проб
- железа магнетита и массовой доли оксида железа (II)

КОНСТРУКЦИИ, СОДЕРЖАЩИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР С СИНТАКСИЧЕСКИМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ, В ИДИОСТИЛЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

CONSTRUCTIONS CONTAINING LEXICAL REPETITION WITH SYNTACTIC DISTRIBUTION IN IDIOSTYLE B.L. PASTERNAK

I. Gubar

Annotation

The article presents the analysis of constructions containing lexical repetition with syntactic distribution made on the material of texts by B.L. Pasternak of various types. Such constructions are considered as one of the main means of expressive syntax.

Keywords: linguistic personality, speech portrait, idiostyle, expressiveness, constructions of expressive syntax, lexical repetition with syntactic distribution.

Губарь Ирина Алексеевна

*Аспирант, Ростовский
государственный экономический
университет, РИНХ*

Аннотация

В статье представлен анализ конструкций, содержащих лексический повтор с синтаксическим распространением, выполненный на материале текстов Б.Л. Пастернака различных типов. Такие конструкции рассматриваются как одно из основных средств экспрессивного синтаксиса.

Ключевые слова:

Языковая личность, речевой портрет, идиостиль, экспрессивность, конструкции экспрессивного синтаксиса, лексический повтор с синтаксическим распространением.

В данной работе вслед за В.В. Виноградовым, Г.И. Богиным, Ю.Н. Карауловым, К.Ф. Седовым и другими учеными языковая личность понимается как личность, реконструированная в своих основных чертах языковыми средствами через текст. В настоящее время языковая личность как сложный объект исследования изучается учеными с разных сторон (пол, возраст, профессия, тип речевой культуры и др.), на разнообразном материале и различными методами.

Одним из наиболее популярных в современной лингвистике является метод речевого портретирования, основы которого были заложены еще М.В. Пановым, создавшим ряд речевых портретов ученых, писателей, деятелей культуры, политиков по фонетическим характеристикам. На сегодняшний день сформирована уже целая галерея речевых портретов политиков, врачей, переводчиков, студентов, школьников, но особое место занимают речевые портреты писателей, потому что языковая личность мастера слова представляет собой определенный эталон владения языком. Ряд речевых портретов писателей создан на основе анализа синтаксического строя языка (работы И.В. Голубевой, А.Е. Фатеева, М.В. Ляпон, К.А. Лыкова и других исследователей), поскольку, как известно, синтаксический уровень языка более других связан с процессами мышления и коммуникации и в на-

ибольшей степени отвечает задачам речевого портретирования и изучения специфики идиостиля того или иного мастера слова.

Данная статья выполнена на материале анализа синтаксиса текстов Бориса Пастернака (1890–1960) различных типов. Языковая личность Бориса Пастернака может быть охарактеризована как нестандартная, реализующая тип носителя элитарной речевой культуры. Синтаксический строй речи Бориса Пастернака всеми исследователями характеризуется как усложненный. И.В. Голубева, О.Л. Левоненко справедливо отмечают: "Языковой личности Б.Л. Пастернака на синтаксическом уровне присущи сложность, многоплановость, ярко выраженное субъективное начало, внимание к конкретным деталям, расчлененность, что свидетельствует о ее принадлежности к типу элитарной речевой культуры" [2, 418].

В современном русском языке продолжается усиление аналитической тенденции, что на синтаксическом уровне проявляется в расчлененности высказывания. Это мотивировано несколькими факторами, одним из которых является влияние разговорного синтаксиса на письменную речь. Аналитизм речи проявляется, прежде всего, в экспрессивных конструкциях. Работы В.В. Вино-

градова о субъектных формах синтаксиса, датируемые 60–ми годами XX века, и положили начало активному исследованию экспрессивных средств в отечественном языкознании.

В настоящее время нет единой классификации экспрессивных синтаксических конструкций.

Наиболее распространенной является классификация, предложенная Г.Н. Акимовой, которая считает, что экспрессивные построения не образуют закрытого ряда, и подчеркивает, что классификация находится в процессе становления [1, 89]. Г.Н. Акимова предлагает выделить:

1. парцеллированные конструкции;
2. сегментированные конструкции;
3. лексический повтор с синтаксическим распространением;
4. вопросо–ответные конструкции в монологической речи;
5. цепочки номинативных предложений;
6. вставные конструкции;
7. экспрессивно–стилистическое словорасположение.

Возможности экспрессивных конструкций в тексте стали активно изучаться во второй половине XX века. Интерес к ним не ослабевает и в настоящее время.

Одним из ведущих приемов повышения экспрессивности высказывания является лексический повтор. Изучение разнообразных повторов и принятая в литературоведении "стилистическая теория повтора" уходит своими корнями в античные риторические работы И.В. Арнольд, В.В. Одинцова, Ю.А. Бельчикова, В.П. Москвина и других ученых рассматриваются различные виды повторов и их функции, в том числе и лексический повтор с синтаксическим распространением. Н.Ю. Шведова считает такие конструкции "вынесениями, строящимися на повторении слова, с последующим противопоставлением или присоединением, а также с обрастанием повторяемого слова такими определениями, которые несут в себе новое сообщение" [4, 149]. Повторы передают дополнительную информацию, создают эмоциональность и экспрессивность и часто служат важным средством связи между частями предложения и между предложениями.

Для выяснения специфики представленности конструкций, содержащих лексический повтор с синтаксическим распространением, в идиостиле Бориса Пастернака мы провели качественно–количественный анализ на материале 5 выборок (по 100 предикативных единиц каждая) из текстов различных типов: художественных (поэзия и проза), автобиографических, эпистолярных, а также текстов, представляющих собой стенограммы устных публичных выступлений Б.Л. Пастернака.

Приведем примеры из текстов разных типов:

*Сутки,
Круглые сутки
Работают
Поршни улыбки...* ("Москва в декабре");

Весь день, весь томительно беззакатный, надолго увязавший день, по всем углам и серед комнат, по прислоненным к стенке стеклам и в зеркалах, в рюмках с водой и на синем садовом воздухе, ненасытно и неутолимо, шурясь и охорашиваясь, смеялась и неистовствовала черемуха... ("Детство Люверс");

Эти черты проникают существо Блока, Блока основного и преобладающего, Блока второго тома алконостовского издания, Блока "Страшного мира", "Последнего дня", "Обмана", "Повести", "Легенды", "Митинга", "Незнакомки"... ("Люди и положения");

Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина! (Письмо М. Цветаевой, 25.03.1926);

У меня бывали случаи, когда на меня готовы были налететь за обмолвку или еще за что-нибудь такое, но только вмешательство, прикосновение партии, то отдаленнейшее прикосновение, которое формирует нашу жизнь, дает лицо эпохе, составляет мою жизнь, кровь и судьбу – только это вмешательство отворачивало это (Выступление на дискуссии о формализме, 16.03.1926).

В качестве повторяющихся элементов у Б.Л. Пастернака выступают слова различных частей речи, но наиболее часто – имена существительные и глаголы. Анализ семантического наполнения повторяющихся элементов позволяет говорить о том, что повторы обычно тесно связаны с выражением основной мысли микротекста и текста в целом, например, в автобиографическом очерке "Люди и положения" в качестве повторов нередко выступают собственные имена существительные (Толстой, Блок), являющиеся "символами" эпохи, о которой пишет автор, или существительные, характеризующие творческую манеру того или иного мастера слова (*естественность, страсти, душа*).

Надо отметить, что в идиостиле Б.Л. Пастернака среди конструкций экспрессивного синтаксиса конструкции, содержащие лексический повтор с синтаксическим распространением, занимают сравнительно небольшое место (6,6% от всех использованных конструкций экспрессивного синтаксиса). Данные о представленности конструкций, содержащих лексический повтор с синтаксическим распространением, обобщим в табл. 1.

Обращает на себя внимание, что в текстах стенограмм выступлений и в ориентированных на разговор с читателем "о времени и о себе" автобиографических текстах частота употребления конструкций, содержащих

Таблица 1.

Характеристика выборки	Тексты художественной литературы		Тексты автобиогра- фических произведений	Эпистолярные тексты	Тексты устных публичных выступлений
	поэзия	проза			
1	1	0	0	0	1
2	0	0	0	0	1
3	0	0	3	1	2
4	0	0	1	0	1
5	0	1	0	0	0
<i>Сумма</i>	1	1	4	1	5

лексический повтор с синтаксическим распространением, возрастает по сравнению с другими типами текстов. Известно, что все конструкции экспрессивного синтаксиса имеют так называемый "разговорный субстрат". У конструкций, содержащих лексический повтор с синтаксическим распространением, в качестве такого субстрата выступают разнообразные повторы, свойственные устной речи. Кроме того, в текстах художественной литературы конструкции, содержащие лексический повтор с синтаксическим распространением, употребляются наряду с традиционными для поэзии и художественной прозы другими типами повторов (анафора, эпифора, анадиплосис и др.), как, например, в знаменитом пастернаковском стихотворении "Определение поэзии".

Экспрессивные конструкции часто выступают в тексте совместно, усиливая эффект и создавая гиперэкспрессию. В проанализированных нами выборках явление

гиперэкспрессии также наблюдалось. Конструкции, содержащие лексический повтор с синтаксическим распространением, чаще всего взаимодействовали со вставками и парцелляцией, например: *...и тогда хочется отсчитывать этот такт спокойного, нетрагического (почти вызывающего радость принадлежности чему-то) фатума. Отсчитывать в признаниях о наступлениях в природе и в себе* (Письмо О. Фрейденберг 23.07.1910).

Таким образом, синтаксический уровень в полной мере располагает возможностями усиливать выразительность речи. В текстах Б.Л. Пастернака различных типов присутствуют конструкции, содержащие лексический повтор с синтаксическим распространением, которые помогают углубить содержание высказывания, привлечь внимание читателя. Они способствуют усилению информативной значимости и выразительности речи, воздействуя на эмоционально-волевую сферу человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Голубева И.В., Левоненко О.А. Фрагмент речевого портрета Б.Л. Пастернака (на материале общей характеристики синтаксического строя речи) // Концепт и культура: материалы III международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – С. 413–418.
3. Пастернак Б.Л. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2011. – 720 с.
4. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. – М.: Просвещение, 1996. – 155 с.

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОММЕНТАРИЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

LINGUISTIC PERSONOLOGICAL DESCRIPTION OF COMMENTARY TO POLITICAL ARTICLES IN THE VIRTUAL SPACE

*S. Yergaliyeva
N. Melnik*

Annotation

The subject of the study is the variational strategies of text generation, presented in the texts of Russian and Kazakhstani Internet commentaries to political articles and considered in the linvopersonological aspect. The object of the research is the texts of Russian and Kazakhstani Internet commentaries to political articles. The author considers such aspects of the topic as: Internet communication, text-derivatology, linguistic-personology. In this study, special attention is paid to the virtual linguistic persona, reconstructed on the basis of their political Internet comments which manifest the linguistic abilities in the mental and psychological aspect. Methods of comparative-contrastive, descriptive methods and the method of quantitative estimation were applied in order to study this subject, and the research is based on the text-derivative analysis of derived texts, which are considered in the formal, content and functional plans. The main findings of the study are that while generating the Russian Internet comments, the factor of personality conditioned by the parameters of the subjectivity of the linguistic persona predominates whilst the textual factors predominate in the Kazakhstani Internet comments. A special contribution of the author to the research of the topic is the analysis of the correlation of strategies and tactics of text generation, realized in secondary texts and reflecting the ordinary language consciousness. The novelty of the study lies in the fact that identified the linguistic-personological parameters of the personal and textual text generation.

Keywords: political, Internet commentary, virtual linguistic identity, linguistic-personology, text-derivatology, linguistic persona, textual, personal, parameters, text generation, secondary text.

*Ергалиева Самал Жанаткызы
Аспирант,*

*Кемеровский государственный
университет*

Мельник Наталья Владимировна

*Д.филол.н., профессор,
Кемеровский государственный
университет*

Аннотация

Предметом исследования являются вариативные стратегии текстопо-
рождения, представленные в текстах российских и казахстанских ин-
тернет-комментариев к политическим статьям и рассматриваемые в
лингвоперсонологическом аспекте. Объект исследования – тексты
российских и казахстанских интернет-комментариев к политическим
статьям. Автор рассматривает такие аспекты темы как: интернет-ком-
муникация, текстодериватология, лингвоперсонология. В нашем
исследовании особое внимание уделяется языковой личности, рекон-
струируемая на основе произведенных ею интернет-комментариев к
политическим статьям, в которых проявляются ее языковые особен-
ности в ментально-психологическом плане. При их изучении исполь-
зуются сравнительно-сопоставительные, дискурсивные методы, ме-
тод контекстуального анализа и интроспекции, метод количественно-
го подсчета, также исследование базируется на модели текстодерива-
тологического анализа производных текстов, которые рассматрива-
ются в формальном, содержательном и функциональном планах. Ос-
новными выводами проведенного исследования являются, что при
порождении российских интернет-комментариев доминирует фактор
персонности, обусловленный параметрами субъективности языковой
личности, а в казахстанских преобладают текстовые факторы. Особым
вкладом автора в исследование темы является анализ соотношения
стратегий и тактик текстопоорождения, реализующихся во вторичных
текстах и отражающих обыденное языковое сознание. Новизна иссле-
дования заключается в том, что были выявлены лингвоперсонологи-
ческие параметры текстового и персонного текстопоорождения интер-
нет-комментариев к политическим статьям.

Ключевые слова:

Политический, интернет-комментарий, лингвоперсонология, тексто-
дериватология, языковая личность, текстовый, персонный, парамет-
ры, текстопоорождение, вторичный текст.

На современном этапе развития социума невоз-
можно представить жизнь без информационных
технологий, особенно без интернет-сети. Ин-
тернет интенсивно охватывает все сферы человеческой
деятельности. Он не только дает возможность получить
необходимую информацию, но и помогает проводить бы-

струю и эффективную коммуникацию. В Интернет-про-
странстве как человек, так и целое общество осуществ-
ляет свои коммуникативные потребности через взаимо-
действие устно-письменных форм общения. Для реали-
зации такого речевого взаимодействия существуют ча-
ты, форумы, блоги, социальные сети и т.д.

Мир Интернета создается посредством информационных технологий, порождающих виртуальную жизнь людей, где языковая личность может самопрезентовать себя через коммуникативные стратегии. Например, И. Г. Сидорова, рассматривая интернет-дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, обращает внимание на человека (языковая личность, интернет-личность), участвующего в процессе коммуникации, опосредованной Интернетом" [1, с. 30]. Любое общение в интернет-сети, реализуемое человеком, осуществляется в коммуникативных жанрах Интернета, которые имеют свои особенности.

Е. И. Горошко и Е. А. Жигалина утверждают, что существуют собственно интернет-жанры и гипержанры. К гипержанрам интернет-коммуникации относятся сайты, блоги, социальные сети, электронные библиотеки. Собственно интернет-жанрами являются электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, виртуальная конференция, пост или заметка автора, комментарий [2, с. 110–124]. Последний из указанных стал объектом нашего научного интереса.

Один из современных словарей – "Большой энциклопедический словарь онлайн" – предлагает следующее толкование: "Комментарий (от лат. *commentarius* – заметки – толкование) – 1) книжный комментарий (примечания) – пояснения к тексту, часть научно-справочного аппарата книги; 2) в системе средств массовой информации – разновидность оперативного аналитического материала, разъясняющего смысл актуального общественно-политические события, документа и т. п." [3].

Исследователь Е. В. Холодковская считает, что интернет-комментарий – это высказывания, имеющие целью оценить мотивирующий объект, они отличаются динамизмом, лаконичностью, экспрессивностью [4, с. 80]. В. А. Каменева придерживается мнения, что "интернет-комментарии очень экспрессивны и содержат оценочную лексику, позволяющую четко понять отношение автора комментария к содержанию статьи-стимула" [5, с. 16].

Данные признаки интернет-комментариев присущи и комментариям политических статей. Они объединены по тематическому признаку, определяемому журналистом – автором комментируемой статьи. Согласно мнению И. В. Савельевой, "интернет-комментарий вписывается в область изучения обыденной лингвополитологии, поскольку характеризуется политической тематикой и одновременно отражает обыденное политическое сознание носителей языка, их идеологию, мировоззрение" [6, с. 44].

Многие люди часто посещают новостные порталы, оставляя свои комментарии для дискуссии по поводу заявленной проблемы. Согласно А. П. Чудинову, "каждый

человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации" [7, с. 6]. Он отмечает, что политическая коммуникация не только информирует, но и воздействует на своего адресата эмоционально, тем самым способствуя преобразованию политической картины мира в человеческом сознании.

По мнению Е. И. Шейгал, "многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями" [8, с. 18], которые осуществляются в политической коммуникации.

Политический дискурс является одним из значимых видов институционального дискурса [9], в котором коммуниканты имеют определенный социальный статус. Целью политического дискурса является, в первую очередь, борьба за власть [8; 10; 11; 7; 12; 13], на пути которой осуществляются следующие действия: внедрение идей, эмоциональное воздействие на сознание граждан, побуждение к политическим движениям, установление социально-политических решений и т.д.

Все это позволяет рассматривать интернет-комментарий как значимый источник для дальнейшего лингвистического анализа. Прежде всего, следует признать, что комментарий, содержащий информацию определенного события, не существует сам по себе, он зависит от исходного текста, и его анализ не может осуществляться в отрыве от первичного текста.

Интернет-комментарии, являясь вторичными текстами, реализуют деривационный потенциал исходного текста. Это доказывается тем, что именно интернет-комментарии содержат мутационные инновации, которые указывают на изменение внутренней формы текста, его функциональной направленности. При таком подходе термин "вторичный текст" используется в самом широком понимании как "текст, созданный на основе другого текста, начиная с заглавия и заканчивая разного рода переводами и переложениями текста. В этом же ряду, но уже без выполнения условия тождества (с сохранением отношений детерминации), находятся различные определенно-реакции на текст (комментарий, критическая статья и т. д.)" [14, с. 70]. При анализе деривационно-мотивационного развития текста акцент ставится на базовый, исходный текст, который целиком или покомпонентно воспроизводится. При этом "любой вторичный текст содержит в себе элемент инновационности, хотя теоретически ее степень может быть и нулевой" [15, с. 149].

Однако текст мы не можем рассматривать только в деривационном аспекте, так как за любым текстом стоит свой автор, своя языковая личность. Ю. Н. Караулов считает, что "нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю,

пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности" [16, с. 7]. В результате деривационно-мотивационных процессов сообщение проходит через внутреннюю речь, производясь заново, приобретая новую форму и содержание. В таком процессе ключевые слова варьируются, сохраняя содержание первичного текста, их выбор обусловлен в том числе качеством языковой способности человека. Можно предположить, что российские комментарии создаются под влиянием факторов преимущественно персонного характера, а казахстанские комментарии, написанные и на русском, и на казахском языках, возникают под доминирующим влиянием текстовых факторов.

В нашем исследовании языковая личность реконструируется на основе произведенных ею интернет-комментариев к политическим статьям, в которых проявляются ее языковые способности в ментально-психологическом плане. В ходе изучения материала, во-первых, использовался сравнительно-сопоставительный метод, с помощью которого сравнивали российские и казахстанские интернет-комментарии к политическим статьям на русском и казахском языках. Во-вторых, для доказательства гипотезы исследования применялся количественный метод, который дал возможность определить точное процентное соотношение показателей текстового (объективного) и персонного (субъективного) характера российских и казахстанских комментариев к политическим статьям на русском и казахском языках.

Исследование проводилось в русле текстодедуктивного анализа производных текстов, предполагающего изучение вторичных текстов в формальном, содержательном, функциональном планах [17]. Разработанная методика дала возможность выявить персонные и текстовые факторы текстопорождения российских и казахстанских интернет-комментариев к политическим статьям.

В ходе изучения нами был определен ряд параметров персонного и текстового текстопорождения:

- ◆ основными параметрами персонности речевого продуцирования являются ассоциативность, ироничность, агрессивность, домысливание, поэтичность;
- ◆ параметрами текстовости – ключевые слова, копияльность содержания, копияльность формы, цитирование.

Разработанные параметры текстопорождения интернет-комментариев помогли определить лингвоперсоналогический потенциал интернет-комментариев к политическим статьям, источником которых послужили российские (gazeta.ru, politrussia.com) и казахстанские (nur.kz, today.kz) интернет-ресурсы. На данных порталах размещаются свежие общественно-политические новости и публицистические материалы. Комментаторы таких пор-

талов являются не пассивными читателями материалов, они становятся участниками коммуникации, отражающими в комментариях свое обыденное политическое сознание.

Определим параметры персонного и текстового текстопорождения интернет-комментариев.

Параметры персонности речевого продуцирования:

◆ **параметр ассоциативности.** Данная тактика связана, в первую очередь, с ментально-когнитивным мышлением субъекта, так как на этой основе выбираются языковые средства для передачи эмоции или выражения интенции. Представленный комментарий отражает субъективное отношение к представленной проблеме тем, что автор использует ассоциативную тактику для описания ключевого слова.

Представим комментарий к статье "Сирия на грани нервного срыва" российского портала Gazeta.ru. Комментарий отражает субъективное отношение к заявленной проблеме тем, что автор использует ассоциативную тактику для описания ключевого слова. Например, в комментарии: *Эко бомбит американцев ... песня Бомбалеило весь день у них играет*)), можно сказать, что название песни *Бомбалеило* ассоциируется со словом *бомбит*, это проявление субъективного ассоциативного начала автора комментария, которое показывает его отношение к ситуации.

Далее приведем анализ казахстанского комментария к статье "Назарбаев, Есимов, Головкин и Нуртас вошли в список кандидатов от "Нур Отана" новостного портала Dixinews: *Уже шутят в Сети: Кайрат Нуртас как исполнитель песни "ауырмайды журек" будет курировать вопросы медицины. Дашь Сайлаубека в Министерство иностранных дел!*

Интерпретируя первичный текст, комментатор выделяет певца – исполнителя песни *"Ауырмайды журек"* (в переводе *сердце не болит*) Кайрата Нуртаса – и пишет, что ему лучше пойти в медицину. Текст-комментарий создается с помощью ассоциативной тактики текстопорождения, которая является персонной.

Представленный комментарий оставлен к тексту о выборах в депутаты, в названии которого перечисляются фамилии кандидатов. Комментатора интересует один из перечисленных людей – Кайрат Нуртас, являющийся певцом и исполнителем песни *"Ауырмайды журек"*, в переводе *"Сердце не болит"*. Поэтому комментатор домысливает и ассоциирует название его песни с тем, что ему лучше пойти в медицину. Текст-комментарий порожден с применением ассоциативной тактики, в нём отражается авторское осмысление описанной проблемы.

◆ **параметр ироничности.** Данная тактика часто встречается в политическом дискурсе. Автор с насмеш-

кой показывает отношение к заявленной проблеме или кому-либо, например: *Да, что вы говорите...слезы навернулись на челе? Прямо изоляции-изоляция.* Как видим, в этом комментарии автор с иронией обращается к одному из комментаторов, побуждая его к агрессии. В следующем высказывании также ярко проявляется данная тактика: *Как обидно, шо мнение такого умного хлопца никого не интересует* [там же, к статье "Сирия на грани нервного срыва" российского портала Gazeta.ru].

Приведем пример из казахстанских комментариев к статье "Южнокорейские владельцы фабрики "Рахат" обвиняются в хищении и взятках" с портала zakon.kz: *С кем поведёшься, от того и забеременеешь)); передается воздушно-капельным путем...; хахаха быстро адаптировались)))))))); способные ученики, легко обучаемые.* Как видим, во всех этих комментариях содержится насмешка, ирония. Тактика иронизирования относится к негативно-оценочной стратегии, свидетельствующей о доминировании субъективного фактора порождения текста.

◆ **параметр агрессивности.** Агрессия – как и тактика ироничности, часто встречающаяся тактика политической коммуникации, проявляющаяся особенно в интернет-комментариях, потому как комментатор действует анонимно и может свободно говорить то, что думает, поэтому данная тактика выступает как проявление субъективности с негативно-оценочным оттенком, например: *Уговорить нас не удалось, подкупить тоже, теперь вот угрозы. А что такое их угрозы??? ... Брежут только и бздят* [там же, к статье "Сирия на грани нервного срыва" российского портала Gazeta.ru].

Рассмотрим казахстанский комментарий с портала Nur.kz на тему "Министр обороны РК обозначил основные направления подготовки войск": *А вся правда в том, что все вы, кто пишет про технику и всякий бред не дружите с головой! Сначала покажи, что ты уверен в своих словах, потом говори, а не так...просто сидеть и голословить...*

В представленном комментарии автор проявляет свою эмоциональность, агрессивность по отношению к предыдущим комментаторам. В комментарии агрессия проявляется в грубых, оскорбительных выражениях, нецензурных ругательствах, насмешливых интонациях и т. д. Речевая агрессия проявляется в оппозиции "свой – чужой", которая демонстрирует разногласие во мнениях. По этому поводу Т. И. Стексова пишет, что "те, чье мнение совпадает с мнением комментатора, признаются "своими", тот же, чье мнение отлично от мнения комментатора, однозначно воспринимается как "чужой" и вызывает речевую агрессию" [18, с. 78]. Таким образом, агрессия отражает субъективность автора при комментировании.

◆ **параметр домысливания.** Параметр домысливания объясняется тем, что комментатор интерпретирует исходную статью, сочиняя свой текст на основе собственного опыта и полученной информации, тем самым

разворачивая тему исходного текста по субъективно заданному пути.

Продемонстрируем действие тактики домысливание в следующем российском комментарии к статье "Крушение без имен" новостного портала Gazeta.ru: *Читая вот такой бред вспоминаю Ж., он всегда держал и вываливал в нужный момент неопровержимые доказательства, видать время не пришло...* Здесь ярко проявляется субъективное домысливание проблемы, автор уходит за пределы первичного текста, усложняя его содержание. Он порождает свой текст, первичный текст становится для него лишь стимулом, на который следует экспрессивно-эмоциональная реакция, поэтому данный комментарий возникает при доминирующем влиянии субъективных факторов.

Подобное наблюдаем и на казахстанских порталах, например в комментарии к статье "Жителей Казахстана зовут прийти на выборы": *Не знаю куда мы придем, надо страну поднимать! Молодежь опасно ставить на новые места ...им нужна практика; хотя что я говорю, как страдал простой народ, так и страдает, нефть последнюю выкачают и будут сидеть у разбитого корыта, посмотрите к Примеру на ЗК, реки ушли под землю, озёра пересохли, Урал обмелел на нет...*

Комментатор переживает за будущее страны, представляет свое видение проблемы, начиная с вопроса выборов и заканчивая проблемами мирового масштаба, в итоге он уходит от содержания статьи как формально, так и содержательно, исходный текст выполняет лишь роль стимула.

◆ **параметр поэтичности.** Этот параметр отличается эмоциональностью, поэтичностью, креативностью языковой личности при продуцировании вторичного текста. Представим комментарий к исходному тексту "Казахстанцы шантажируют ЦИК, угрожая не прийти на выборы" новостного портала Dixinews: *Учитель жизни просто и не сложно, до самой, самой учит и крепись. Тому, чему научит очень важно, учиться только в жизни не ленись!...*

Как видим, автор продуцирует комментарий в стихотворной форме, выражая свое оценочное отношение через креативное, эмоциональное видение политического мира.

Параметрами текстовости текстопорождения являются:

◆ **параметр ключевых слов.** Заявленная тактика тяготеет к объективным факторам, так как автор использует ключевые слова из исходного текста, интерпретируя, домысливая его по-своему, но не уходя от темы мотивирующего текста, например: *Этим террористам и их поступкам нет оправдания. Поэтому будем всегда помнить подвиги полицейских и военных; Очень жаль погибших парней, которые погибли от рук террористов.* Как видим, в комментарии к статье "Как военные и жители героически отражали ата-

ку террористов 5 июня в Актобе" новостного портала today.kz, автор использует ключевые слова *военный, погибший, террористы*, которые указывают на объективный характер интернет-комментариев как в позитивно-оценочном, так и в негативно-оценочном плане.

◆ **параметр копиальности содержания.** Параметр копиальности содержания осуществляется передачей интернет-коментаторами содержания исходного текста с помощью косвенного развертывания или свертывания мыслей, заменой ключевых слов синонимами или другими языковыми (вариативными) средствами, которые выбирает виртуальная языковая личность во время комментирования политической проблемы. Рассмотрим комментарий к статье "Крушение без имен" новостного портала Gazeta.ru: *Ага, поднесли на блюдечке. С какой стати? В информационной войне главное - первым обвинить. А доказательства предоставлять не будут (неважно, есть они или их нет). Слишком много чести для тех, кому компостируют мозги.* В данном комментарии доминирует текстовый фактор, характеризующийся содержательной связью с исходным текстом. Присутствуют и субъективные высказывания: *Ага, поднесли на блюдечке*, способствующие выражению негативных и эмоциональных оценок ситуации.

Приведем примеры из казахстанских интернет-комментариев к статье "Нурсултан Назарбаев назвал события в Алматы терактом" новостного портала DixiNews: *Даже не верить что в нашей стране такое происходит. Верните нам наш мир и спокойствие.* В целом комментарий отражает текстовый характер детерминации, связь с первичным текстом. Автор, интерпретируя текст, выбирает косвенные средства для выражения своего отношения к проблеме представленной статьи. Текст не содержит ключевых слов или других элементов, которые комментатор мог бы использовать для создания своего текста, что и подтверждает применение тактики копиальности содержания.

◆ **параметр копиальности формы.** Под параметром копиальности формы подразумевается копирование фрагмента или целого первичного текста в неизменной форме и использование его в продуцировании вторичного текста. Приведем ряд примеров как с российских, так и казахстанских интернет-комментариев к политическим статьям.

Финны может и проводят какой-то эксперимент, а некий безграмотный ТЕРПЛОУОЗ 1 еще и 6-го класса не закончил, а тоже рвется свои 5 копеек в общую копилку сунуть.

а некий безграмотный John George еще и 3-го класса не закончил, а тоже рвется свои 5 копейки в общую копилку сунуть.

Приведем два комментария из статьи "Крушение без имен" новостного портала gazeta.ru. Данные комментарии можно рассматривать как по отношению к исходному тексту, так и по отношению друг к другу. Если анализировать с позиции исходного текста, то в нем отсутствует

общая связь с первичной внутренней и внешней формой. Если рассматривать по отношению друг к другу, то видна текстовая связь, так как второй комментатор дублирует фрагмент и на его основе продуцирует свой текст, однако он производит небольшое изменение, меняя цифры, что позволяет говорить о копиальности формы.

В представленных комментариях к статье "Казахстанцы шантажируют ЦИК, угрожая не прийти на выборы" портала DixiNews, автор второго текста дублирует текст-комментарий предыдущего коммуниканта. Он полностью без изменения и без какого-либо дополнения переносит его текст к себе.

Елена Убрать вообще всех депутатов и оставит президента и правительство, которое он назначает и контролирует.

Гость Убрать вообще всех депутатов и оставит президента и правительство, которое он назначает и контролирует. Такое действие комментатора может предполагать, что он полностью согласен с ним и поддерживает его позицию.

◆ **параметр цитирования.** Данный параметр осуществляется с помощью тактики цитирования по исходному тексту (макротексту или микротексту). При цитировании автор без изменения копирует фрагмент исходного текста или же текста собеседника и использует для проявления своей мысли, интенции в качестве дополнительной вставки.

Рассмотрим еще один пример из статьи "Сирия на грани нервного срыва", где автор поэтапно цитирует фрагмент доклада.

"Россия и США перешли от сирийского перемирия к угрозам разорвать сотрудничество" - нет, Россия, наоборот, за сотрудничество, а угрозы посыпались от США.

"Россия и США 29 сентября обменялись рядом жестких заявлений по поводу сирийского урегулирования" - нет, Россия вообще ничего жесткого не говорила даже в ответ на угрозы от США.

Данный комментарий продуцирован на основе текстовых факторов, так как состоит из цитат, извлеченных из статьи. Комментатор приводит несколько фрагмента из исходного текста без изменения, то есть цитирует, а затем также комментирует, как он видит данную проблему. Его интерпретация носит текстовый характер, потому что в ней использованы ключевые слова из приведенных цитат первичного текста. Таким образом, данный комментарий имеет текстовую основу.

Попытаемся определить уровень параметров персонного текстопорождения в российских и казахстанских интернет-комментариях к политическим статьям с помощью количественного подсчета интернет-комментариев. Результаты исследования отразим в следующих таблицах.

Таблица 1.

Количественный показатель параметров персонного текстопорождения в российских политических интернет-комментариях.

№	Параметры	Количество	Процентный показатель
1	Ассоциативность	11	3,6%
2	Ироничность	72	24%
3	Агрессивность	59	19,6%
4	Позитичность	-	-
5	Домысливание	38	12,6%
	<i>Всего</i>	180	59,8%

Таблица 2.

Количественный показатель параметров текстового текстопорождения в российских политических интернет-комментариях.

№	Параметры	Количество	Процентный показатель
1	Ключевые слова	45	15%
2	Копиальность содержания	69	23%
3	Копиальность формы	1	0,33
4	Цитирование	5	1,6%
	<i>Всего</i>	120	39,93%
	<i>Итого</i>	300	99,73

Таблица 3.

Количественный показатель параметров персонного текстопорождения в казахстанских политических интернет-комментариях.

№	Параметры	Количество	Процентный показатель
1	Ассоциативность	1	0,33%
2	Ироничность	7	2,3%
3	Агрессивность	4	1,3%
4	Позитичность	1	0,33%
5	Домысливание	45	15%
	<i>Всего</i>	58	19,26%

По уровню количественного показателя казахстанских политических интернет-комментариев 17,76% составляют тексты порожденные на персонных факторах, 80,5% – на текстовых.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что казахстанские интернет-комментарии обладают текстовым (объективным) характером, а рос-

сийские – персонным (субъективным), напрямую связанным с разным качеством языковой способности носителей языка. Приняв за основу для классификации параметры содержания, формы и функции вторичного текста, мы выделили параметры текстопорождения внутри субъективной и объективной стратегий текстопорождения. Показатель субъективности проявляется через следующие параметры: ассоциативность, иронич-

Таблица 4.

Количественный показатель параметров текстового текстопорождения
в казахстанских политических интернет-комментариях.

№	Параметры	Количество	Процентный показатель
1	Ключевые слова	104	34,6%
2	Копиальность содержания	127	42,3%
3	Копиальность формы	8	2,6%
4	Цитирование	3	1%
	Всего	242	80,5
	<i>Итого</i>	300	99,76

ность, агрессивность, домысливание, поэтичность, а показатели объективности через ключевые слова, копиальность содержания, копиальность формы, цитирование.

Таким образом, данные тактики как текстового, так и персонного характера действуют и в российских, и казахстанских интернет-комментариях к политическим статьям, но в количественное соотношение их различно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сидорова Ирина Геннадьевна; [Место защиты: Волгоградский государственный социально-педагогический университет]. – Волгоград, 2014. – 249 с.
2. Горошко, Е. И. Виртуальное Жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. "Филология. Социальные коммуникации". 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 105 – 124.
3. Большой энциклопедический словарь онлайн, 2000. <http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/k/kommentarij.html>
4. Холодковская Е. В. Особенности синтаксиса англоязычного интернет-комментария социальной сети Facebook // Вестник ВолГУ. 2014. № 1. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sintaksisa-angloyazychnogo-internet-kommentariya-sotsialnoy-seti-facebook> (дата обращения: 24.01.2017), С. 79 – 83.
5. Каменева В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели // Политическая лингвистика. 2016. №1 (55). С. 15 – 19.
6. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстосприятия и текстопорождения: лингвоперсоналогический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): дис. ... канд. филол. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2013. 251 с.
7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст]: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2004. – 326 с.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
10. Баранов, А. Н., Михайлова, О. В., Сатаров, Г. А., Шипова, Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики [Текст] / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
11. Михалева, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия [Текст]: монография / О. Л. Михалева. – Иркутск: Иркут. Ун-т, 2005. – 320 с.
12. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст]: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
13. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.
14. Мельник Н. В. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов // Вестник ЧелГУ. 2012. №13 (267). С. 69 – 73.
15. Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсоналогическая интерпретация вторичного текста // Вестник КемГУ. 2010. №4. С. 148–153.
16. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 263 с.
17. Мельник Н. В. Деривация русского текста: Лингвистические и персоналогические аспекты. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 280 с.
18. Стексова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. №3. С. 77–81.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСОВ И КОНКОРДАНСЕРА ANTCONC ДЛЯ ОТБОРА И СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ ЯПОНСКИХ АРТОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

CORPORA AND ANTCONC
CONCORDANCER IN SELECTION
AND COMPILING THE DICTIONARY
OF JAPANESE ARTONYMS IN ENGLISH
LANGUAGE

E. Ivanova

Annotation

This paper is dedicated to modern methods of studying foreign words in English language in the sphere of Japanese art (artonyms). It also describes ways of selecting lexical items for creating a dictionary of Japanese words in English and gives some already generated dictionary entry examples.

Keywords: interlinguoculturology, concordance, corpus, japanisms, dictionaries of foreign words.

Иванова Екатерина Юрьевна

Ст. преподаватель,

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

Аннотация

Данная работа посвящена современным методам изучения пласта иноязычной лексики в английском языке в применении к сфере искусства Японии (артонимов). Также описываются способы отбора лексических единиц для создания словаря японизмов в английском языке и приводятся примеры словарных статей разрабатываемого словаря.

Ключевые слова:

Интерлингвокультурология, конкордансер, корпус, японизмы, словари иноязычной лексики.

Компьютерный прогресс значительно помог минимизировать временные затраты на анализ данных во всех сферах науки, поэтому неудивительно, что многие лингвистические исследования также используют достижения корпусной лингвистики для проведения анализа и апобации их результатов.

Наши исследования проводятся в русле нового направления – интерлингвокультурологии, лингвистической дисциплины, занимающейся изучением проблем вторичной культурной ориентации языка в область иноязычной (внешней) культуры [Кабакчи, 2007]. Данная же работа посвящена современным методам изучения пласта иноязычной лексики в английском языке в применении к сфере искусства Японии (артонимов).

В начале работы для отбора материала использовались традиционные способы исследования, то есть работа с текстами и привлечение словарей разного объема. В Большом Оксфордском словаре 587 словарных статей имеют в составе заглавного слова японизмы, 471 из них представляют собой чистые японские заимствования. Стоит отметить, что еще 354 японизма встречаются в словаре, хотя и не в качестве заглавного слова, при этом больше четверти заглавных слов являются артонимами (129 словарных статей).

Естественно, лексикографическая регистрация – это долгий процесс, в котором составители проводят обширные исследования перед внесением того или иного слова. Именно поэтому становится актуальным создание специальных словарей иноязычной лексики. В рамках Japanese-Culture-Oriented English (JCOE) существует три наиболее известных англоязычных словаря, направленных именно на японскую культуру, и количество в них ксенонимов впечатляет: Garland Cannon "The Japanese Contributions to the English Language" – 1200 словарных статей, Setsuko Kojima, Gene A. Crane "Japanese-English dictionary of Japanese culture" – 2300, Isamu Hayakawa "A Historical Dictionary of Japanese Words Used in English" – 2500.

Словари иноязычной лексики имеют свои недостатки. Прежде всего, в них нет единообразия. Достаточно отметить, что даже вариант написания заглавного слова отличается друг от друга (ср.: ukiyo-e и ukiyoe). Еще большую проблему представляет собой отбор слов для таких словарей, поэтому огромную роль играет фактор субъективности составителей. Например, слово kodan имеет словарную статью лишь в словаре Крэйна.

В ходе исследования японских артонимов была выявлена недостаточная представленность японизмов данной

тематической группы в словарях. Это делает чтение культурно маркированных текстов трудным для неподготовленного читателя. Поэтому было решено составить словарь, который бы объединил наиболее распространенные японские артонимы. Актуальность составления подобного словаря определяется растущим интересом к японской культуре в целом и к сфере искусства в частности, межкультурно-языковыми контактами вообще, процессами глобализации, в том числе и увеличением контактов Японии с зарубежным миром, в первую очередь – посредством английского языка.

Основная задача разрабатываемого словаря – это историко-культурное комментирование (толкование) японизмов, а также приведение при необходимости и наличии возможности лингвистического комментария. Цель его – помочь специалистам и поклонникам японского искусства в чтении аутентичных англоязычных текстов.

В рамках интерлингвокультурологии принято использовать аутентичные тексты, многие из которых благодаря цифровым технологиям доступны и в электронном виде. В ходе отбора материала для дальнейшего лингвистического анализа и составления специализированного словаря были замечены некоторые орфографические универсалии, например, определённые буквосочетания, отличающие японизмы от базового лексического состава английского языка. В связи с этим в качестве лингвистического эксперимента было решено привлечь к обработке данных корпусы текстов: Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC) и Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA).

Первый охватывает британский английский конца XX в., то есть является синхроническим корпусом, в котором представлен широкий выбор жанров и создан как модель типичного письменного и разговорного британского английского языка того времени. Корпус был полезен для проверки данных словарей и сравнения разных вариантов японизмов, но так как охватывает лишь определенный и довольно короткий промежуток времени, не мог дать результатов о развитии и становлении японских заимствований.

COCA был создан на основе текстов журнала Time, написанных с 1923 по 2011 год. Это наибольший (450 млн слов) корпус текстов американского варианта английского языка и единственный свободно доступный корпус на этом языке, включающий большое разнообразие текстов различных жанров. В нем, в отличие от BNC, можно проследить диахронические изменения. Однако из-за ограничения публицистическим стилем за его пределами остается слишком большое количество лексических единиц.

Именно поэтому в ходе исследования был создан собственный корпус текстов, направленных на японскую культуру, в который вошло 25 произведений художественной литературы, 5 путеводителей, 9 специализированных работ по культуре и искусству Японии и тексты из Интернет-ресурсов, посвященных Японии. Для работы с корпусом потребовался конкордансер.

Обычно под конкордансом (concordance, KWIC (key word in context)) принято понимать "список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник" [Sinclair, 1991: p. 8]; "указатель (reference book), содержащий все слова, использованные в определенном тексте или в работах отдельных авторов за исключением артиклей и предлогов" [O'Keefe, McCarthy, 2010: p.7]; "список всех случаев употребления определенного поискового термина (search term) в корпусе, представленных в контекстном окружении" [Захаров, Богданова, 2011: 43]; "совокупность всех входящих словоформы с контекстами (textual environment)" [Baker, Hardie, 2006: 32]. В русскоязычной традиции обычно говорят об "(универсальном) корпусном менеджере" – специализированной поисковой системе, включающей программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме [Sinclair, 1991: 57, 58]; "конкордансер", "конкорданс отдельных слов" [Sinclair, 1991: 72].

Под конкордансером обычно понимают инструментальное программное обеспечение, выполняющее операцию поиска в корпусе каждого случая употребления словоформы, словосочетания или другого элемента и их контекстного окружения с целью создания конкорданса [Захаров, Богданова, 2011: 44]. Конкордансеры позволяют получать частоту той или иной языковой единицы по произвольному корпусу текстов, список контекстов, в которых данная единица встретилась, и др. Конкордансеры используются для решения следующих лингвистических задач: сравнение различных использований одного слова, анализ ключевых слов, анализ частотности слов и словосочетаний, поиск и исследование фраз и идиом, поиск перевода, например, терминологии, создание списков слов.

В нашем исследовании был использован корпус-менеджер AntConc, разработанный профессором Лоуренсом Антони (Laurence Anthony), директором Центра обучения английскому языку в науке и технике Школы науки и техники университета Васеда (Япония) [AntConc [Electronic resource] / L. Antony http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/antconc_index.html]. Таким образом, в программу были загружены имеющиеся электронные варианты англоязычных художественных произведений, специализированных работ по японскому искусству и путеводителей о Японии. В стоп-лист были внесены артикли, предлоги, местоимения. Далее были выявлены основные несвой-

ственные английскому языку буквосочетания, которые по нашей гипотезе могли бы служить маркерами японизмов в тексте: ka, ya, za, kya, shi, ji, tsu, zu, shu, ku, yu. Данные буквосочетания соответствуют принятым системам латинизации японских слогов.

Буквосочетания tsu, ji, zu и ku стали наиболее надежным показателем японского происхождения слова. Все выделенные лексемы можно отнести к японизмам, большинство являются ономастической лексикой или частью целых фразам на японском языке, включенных в произведение с помощью транслитерации.

Несомненным достоинством использования AntConc стала оптимизация процедуры сплошной выборки и статистической обработки полученных результатов. Тем не менее, стоит отметить, что этот метод может являться лишь дополнением к традиционному методу сплошной выборки и использованию словарей, так как имеет ряд недостатков:

- ◆ невозможность задать поиск именно по интересующей категории иноязычных слов – артонимам, что делает необходимым дополнительную проверку отобранных единиц на соответствие;
- ◆ возможность погрешности, связанной с неучетностью некоторых выбранных маркеров только для японоязычных заимствований (при использовании буквосочетания shi в стоп-лист пришлось вносить такие общепотребительные слова, как ship, fishing, cushion, wishing и т.д.);
- ◆ ограничение поиска только транслитератами, невозможность выделения калек и иных способов образования заимствований, которые довольно распространены среди японизмов;
- ◆ результаты анализа могут быть субъективными и зависеть лишь от наблюдений и интуиции автора исследования.

В целом наши наблюдения были полезны при составлении статистических результатов и, на наш взгляд, могут быть полезны для дальнейшего исследования в рамках компьютерной лингвистики.

Все словари создаются на базе картотеки, то есть систематизированного собрания текстовых карточек. Картотека нашего тематического словаря содержит:

1. перечень англоязычных ксенонимов–японизмов;
2. дефиниции, взятые из различных словарей, в том числе электронных;
3. материалы вспомогательного характера, в том числе этимология слова, лингвистическая справка. Для экономии места в печатную версию словаря не были включены примеры употребления, взятые из текстов и корпусов.

На основе извлечений из текстов и работы со словарями устанавливаются орфография японизма и ее воз-

можная вариативность, а также значение слова и его экспликация.

Критерием отбора японских артонимов служило выделение японоязычной лексики в тексте, которое может быть двух видов: лексическое и графическое. Среди средств лексического выделения японизмов обычно встречаются вводные лексические обороты типа called, so-called, known as, what they/ we call, what is called и другие. Например: He wrote for kabuki as well as the traditional Japanese puppet dramas called bunraku [БЭС].

Наиболее распространенным средством выделения ксенонимов являются различные графические способы. В практике английского языка межкультурного общения в применении к японской культуре встречаются следующие варианты:

1. курсив (наиболее часто используемый): In Japanese bonsai can be translated as 'tray planting' and for the Japanese it represents a fusion of ancient beliefs with eastern philosophies of harmony [БЭС].
2. кавычки: These three lines from the backbone of every "seikwa" Arrangement, whether it be of three or more lines [Koehn, 1933: 10].
3. прописная буква (используется для тех японизмов, которые попадают в разряд слов, подлежащих выделению согласно правилам современного английского языка): The Kojiki is one of the two primary sources for Shinto, the Japanese national religion [www.sacred-texts.com/shi/kj/index.htm].
4. скобки: They are seen strolling around the Gion district in Kyoto, wearing an elaborate traditional coiffure, and a colorful kimono with a long sash (obi) hanging from the back. They are trained in dancing, singing, playing shamisen (a string instrument) and manners for entertaining guests, in an effort to become accomplished geisha. [Japanese-English dictionary of Japanese culture, 1990: 73]. В круглые скобки обычно заключают краткое пояснение специального или окказионального иноязычного слова при его первичном введении в текст.

После составления словника, в который входят все варианты, встретившиеся нам в ходе отбора материала, происходит выбор заглавного слова. Лексическая вариативность в целом не очень частотна среди японизмов–артонимов. Тем не менее, все варианты входят в словарную статью. В случае, когда два варианта употребляются равнозначно, создается две словарные статьи с перекрестной ссылкой (например, ikebana/ flower arrangement).

Графическая вариативность ксенонимов вызвана разными системами транслитерации, до сих пор существующих в японском языке, а также в некоторых случаях непрямым заимствованием через язык–посредник.

Итак, типичные словарные статьи выглядят следующим образом:

1. *chiyogami*, n. 千代宗氏 Paper [Lit., a thousand-generations paper < chi- + yo + comb. form of kami paper] lit. paper of thousand generations, patterned paper; Japanese paper with brightly colored patterns originated in the Edo period (1603-1868). With the development of multicolored woodblock prints in the mid-18th century, ukiyoe artists also assigned patterned paper in bright colors. These patterns were at first auspicious symbols, such as pine, bamboo, crane, tortoises, etc., and then came in a wide variety, covering a range of subjects seen in those days. This paper was popular among women who then wore strictly regulated clothing, and was used for decorating boxes, covering books, wrapping gifts, and making dolls. *Chiyogami* crafts became part of their life. Thus, *chiyogami* reflects, in part, the essence of the Edo period. → EDO-JIDAI, UKIYOE

2. *Kiyomizu porcelain*, n. (EB 1911) *Pottery* [Transl. of *Kiyomizu-YAKI* < *Kiyomizu*, the name of a Kyoto area where kilns

produced famous porcelain beginning in the late Edo period, distinguishing it as a modern ware from the earlier KYOTO WARE] An overglaze ceramic, long associated with elegance, refinement, and high proficiency.

Стоит оговориться, что данный словарь создан с прагматической целью для удобства использования при чтении специализированных текстов, посвященных японскому искусству. При необходимости он может быть дополнен более исчерпывающими лингвистическими данными.

Таким образом, привлечение корпусов текстов и использование конкорданса на данном этапе позволяет ускорить процесс отбора материала исследования, а также верифицировать данные словарей, но без усовершенствования технологии поиска невозможно без использования других методов лингвистики в целом и интерлингвокультурологии в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика : учеб. для студентов гуманитарных вузов. Иркутск: ИГЛУ, 2011. с. 161
2. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат//Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. науч. тр. СПб.:СПбГУЭФ, 2007. С.51–70.
3. Anthony, L. AntConc (Version 3.5.5) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University [сайт].URL: <http://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения: 15.02.2018).
4. Baker P., Hardie A., Mcenery T. A Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2006., 192 p.
5. Historical Dictionary of Japanese Words Used in English (Revised and corrected edition), A / Compiled by Prof. Dr. Isamu Hayakawa. – Texnai Inc., 2014.
6. Japanese Contributions to the English Language: an historical dictionary, The/ Garland Cannon. Nicholas Warren, assoc. ed. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1996.
7. Japanese–English dictionary of Japanese culture/ Setsuko Kojima, Gene A. Crane. – Heian International; 1st edition, 1990.
8. Koehn A. The Art of Japanese flower arrangement (ikebana). Kobe: J.L.Thompson&Co, 1933. 304 p.
9. O’Keeffe A., McCarthy M. The Routledge Handbook of Corpus Linguistics (Routledge Handbooks in Applied Linguistics). Abingdon: Routledge, 2010. 712 p.
10. Oxford English Dictionary: [сайт].URL:<http://www.oed.com/> (дата обращения: 15.06.2017).
11. Oxford English Dictionary, (1st ed. – 1928; 2nd edition – 1989).
12. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford : Oxford Univ. Pr., 1991. 179 p
13. The British National Corpus (BNC) : [сайт].URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.05.17).
14. The Corpus of Contemporary American English (COCA): [сайт].URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 15.06.2017).

© Е.Ю. Иванова, [trinitifix@mail.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

13-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОДНЫЙ ФОРУМ «ВОДА: ЭКОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ»

ЭКВАТЭК 2018 **ЕСWATECH 2018**

25-27 СЕНТЯБРЯ 2018
МОСКВА, КРОКУС ЭКСПО

РЕКЛАМА

ВСЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ И ЭКСПЕРТЫ ВОДНОЙ ОТРАСЛИ В ОДНО ВРЕМЯ И НА ОДНОЙ ПЛОЩАДКЕ!

ВАРИАНТЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМБИНАТОРИКИ ЛЕКСЕМЫ RIGHT В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ АДЪЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ, ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИСТАТУТНОСТИ

OPTIONS OF SYNTACTIC COMBINATORICS
OF TOKENS "RIGHT" IN THE MODERN
ENGLISH ADJECTIVAL LEXICON,
IT IS A MANIFESTATION OF POLYSTATIC

M. Klochkova

Annotation

This article seeks to examine the functional characteristics polystatic tokens "right" in the modern English language, which carries a different value and meaning in a variety of combinatorics. As a result of the analysis, the author reveals the syntactic combinations with the "right" subjective lexeme and forms the categories defining the variants of cognitive orientation and the degree of semantic load of each given statement and the group as a whole. The author presents for the first time the features of the combinatorics of the "right" lexeme, which demonstrate the change in its status, based on its syntactic environment. On this basis, we can say for sure that the "right" token is polystatic and has the property of multiplicity, which determines its broad compatibility in a syntagmatic way.

Keywords: token "right", combinatorics, polystatic, polysemy, polystatic lexeme.

Клочкова Марина Николаевна
Институт межкультурной
коммуникации и международных
отношений Белгородского
государственного национального
исследовательского университета
НИУ "БелГУ"

Аннотация

В данной статье ставится задача рассмотреть функциональные особенности полистатутной лексики "right" в современном английском языке, которая несёт разные значения и смысловые нагрузки в различных вариантах комбинаторики. В результате анализа автор выявляет синтаксические комбинации с адъективной лексемой "right" и формирует категории, определяющие варианты когнитивной направленности и степень смысловой нагрузки каждого приведенного высказывания и группы в целом. Автором впервые представлены особенности комбинаторики лексики "right", которые демонстрируют изменение ее статусов, исходя из ее синтаксического окружения. На этом основании можно точно утверждать, что лексема "right" является полистатутной и обладает свойством многозначности, что определяет ее широкую сочетаемость в синтагматическом плане.

Ключевые слова:

Лексема "right", комбинаторика, полистатутность, многозначность, полистатутная лексема.

Английский язык имеет очень древние корни, и на каждом этапе времени он модифицировался и совершенствовался. Он относится к аналитическому типу языков, и очень часто одна и та же лексема может выступать в качестве разных частей речи в зависимости от синтаксического окружения в предложении. Лексеме "right", которая является общеупотребительным словом в английском языке, можно смело внести в список 10 популярных многозначных слов, в значениях которых легко запутаться.

Слово "right" может использоваться в предложении и как прилагательное, и как наречие. Одно из самых часто встречающихся значений данного наречия – "право", "направо", "справа", то есть указание направления движения, например:

- ◆ Turn right and go straight on. – Поверните направо и пройдите прямо.
- ◆ "This way," Fache said, turning sharply right and

setting out through a series of interconnected galleries [5]. – Сюда, – сказал Фаш, резко свернул вправо и зашагал через цепочку связанных одна с другой галерей [1].

Но если рассматривать "right" как прилагательное с похожим смыслом, то значение будет "правый" (обычно используется в сочетании с именем существительным):

- ◆ It happened yesterday. She wrenched her right shoulder while playing tennis. – Это случилось вчера. Она вывихнула правое плечо во время игры в теннис.
- ◆ My cat always sleeps on the right side of the sofa. – Мой кот любит спать на правой стороне дивана.
- ◆ In Russia you drive on the right side of the road, but in Britain you must drive on the left. – В России нужно ехать по правой полосе дороги, а в Британии – по левой.
- ◆ Fache was silent now, striding briskly up the right side of the corridor with his gaze dead ahead [5]. – Фаш молча и быстро шагнул по правой стороне коридора, взгляд его был устремлен вперед. [1].

◆ He thought he might have cracked his ribs on the right side. [6] – Думал, что, возможно, сломал ребра с правой стороны. [4].

Но "right" также часто выступает в значении – "верный", "правильный":

◆ He's right to be angry – I've come late. – Я понимаю его злость – я пришел с опозданием.

◆ "Is that Mike?" "Yes, that's right". – Это Майк? – Да, верно.

◆ I got three answers right and two wrong. – У меня три правильных ответа и два неправильных.

◆ I set the alarm clock to the right time. – Я поставил будильник на правильное время.

◆ Sadly, while most of the Catholic Church was gradually moving in the right direction with respect to women's rights... [5] – Это было очень прискорбно, особенно если учесть, что большинство Католических церквей постепенно двигались в правильном направлении, стремились уважать права женщин [1].

◆ "No, that's the right number," Sophie interjected quickly... [5] – Нет, номер правильный, – торопливо перебила его Софи [1].

Если вы правы в какой-либо ситуации, значит, вы верны в своем суждении или заявлении:

◆ I'm sure we're absolutely right – Я уверен, что мы абсолютно права.

◆ You're right, you're totally right [8]. – Ты прав, ну конечно, ты прав [2].

◆ "Was it wrong of me to go to the police?" – "Oh no, I'm sure you did the right thing". – Правильно ли я сделал, что пошел в полицию? – Я уверен, что ты сделал все правильно.

◆ My husband was absolutely right about Tom – he's a real troublemaker. – Мой муж был абсолютно прав насчет Тома – он настоящий смутьян.

◆ He almost laughed. "Well, I guess you were right about that, Doc" [6]. – Он чуть не рассмеялся. – "Док, вы оказались правы" [4].

◆ You were right to keep it off the air [6]. – Ты правильно сделал, что не передал сообщение в эфир [4].

Наличие "right" в предложении может выражать правильность действия, оно может быть подходящим или та-ким, как и должно быть:

◆ He thought the time was right to let his intentions be known. – Он подумал, что это было как раз подходящее время, чтобы рассказать о своих намерениях.

◆ This dress looks just right on you. – Это платье тебе очень идет.

◆ The temperature of the swimming pool was just right (= exactly as I wanted it). – Температура воды в бассейне была как раз подходящая.

◆ It's important to be well informed about over-the-

counter and prescription medicines, understand the side effects and know why it's important to take the right doses [7]. – Важно быть хорошо информированным относительно лекарств, продаваемых по рецептам и без, понимать побочные эффекты и знать, почему важно принимать побочные дозы [3].

◆ She paused dramatically, searching for the right words [8]. – Она сделала многозначительную паузу, подыскивая нужное слово [2].

"Right" используется для описания человека, который считается социально важным, имеет значение "правильные люди", "правильное окружение":

◆ He likes to be seen in the right clubs and restaurants. – Ему нравится бывать в правильных клубах и ресторанах.

◆ His uncle knows all the right people in the city. – Его дядя знает всех нужных людей (= важных) в городе.

Иногда наречие "right" приобретает в определенном контексте значения "справедливо", "правильно по моральным соображениям", может быть выражено адекватным структурным типом right + infinitive или right + that:

◆ [+ to infinitive] It's not right to criticize people behind their back. – Неправильно критиковать людей за их спиной.

◆ I can't imagine he can be put in prison. It isn't right. – Не могу представить, что он может оказаться в тюрьме. Это несправедливо.

◆ [+ that] It is (= completely) right that men and women should be paid the same for doing the same work. – Абсолютно справедливо то, что мужчинам и женщинам должны оплачивать одну и ту же выполненную работу одинаково.

◆ It's not right to throw litter on the street. – Неправильно мусорить на улице.

◆ I don't think it's right to spend time in the Internet. – Думаю, неправильно тратить время в Интернет.

Иногда "right" приобретает значение "здоровый", "хорошо функционирующий", "исправный":

◆ Something isn't quite right with the brakes on your bike. – Что-то не так с тормозами на твоём велосипеде (= они неисправны).

◆ My child hasn't felt right since he ate that fish in the morning. – Мой ребенок плохо себя чувствует с тех пор, как съел эту рыбу утром (= нехорошо).

В Британской разговорной лексике слово "right" порой имеет значение "полного", "законченного" действия, обычно предшествует существительному и носит отрицательную коннотацию, усиливая смысловую нагрузку предложения:

◆ He's a right idiot! His house is a right mess! – Он полный идиот! Его дом в таком беспорядке!

Прилагательное "right" можно часто встретить в идиомах:

give your right arm – отдать многое
 to be not (quite) right in the head – не все в порядке с головой
 to be not in your right mind – быть не в своем уме
 a right one – "дубина", дурак
 to be (as) right as rain – быть в полном порядке / абсолютно правильный
 to be in the right place at the right time – быть в нужное время в нужном месте
 to be on the right lines – быть на правильном пути
 to be on the right track – быть на правильном пути

Рассматриваемое наречие может выступать синонимом к "именно", "точно", "ровно", "как раз", "точь-в-точь" – "exactly", например:

◆ John met me right at the post-office. – Джон встретил меня прямо у почты.

◆ The car stopped right on the road. – Автомобиль остановился прямо на дороге.

◆ People seemed to look right through him [5]. – Кажалось, что люди смотрят сквозь него [1].

◆ Perhaps the ghost will pass right through these walls! [5] – Раз призрак, значит, должен уметь проходить сквозь стены [1].

◆ "It's a tough thing to do right out of college, you know [8]. – Это не так-то легко сразу после университета [2].

◆ She smiled at the line and put her hand out but Bosch was right in the middle of tying one of the boots [6]. – Джулия улыбнулась и протянула руку, но Босх как раз завязывал шнурок ботинка... [4].

"Right" также используется в предложении, чтобы усилить смысловую нагрузку всего высказывания:

◆ I'll be right back/I'll be right with you (= I will return very soon). – Я скоро вернусь.

◆ The car ran right (= completely) out of fuel. – В машине полностью закончилось топливо.

◆ She walked right (= all the way) past me without noticing me. – Она прошла прямо мимо меня, не замечая.

Что касается выражения "right now", то, в зависимости от времени, в котором употреблены характеризующие им глаголы, оно может иметь значения "немедленно", "в настоящее время", "прямо сейчас", "в данный момент" и т.п., например:

◆ We're very busy right now. – Сейчас мы очень заняты.

◆ You'd better leave right now. – Тебе лучше уйти прямо сейчас.

◆ Just listen calmly. You are in danger right now [5]. – Просто слушайте, и все. Вы в опасности [1].

◆ I'm in the car right now, Miranda, and I should be at the garage in just a few minutes [8]. – Я сейчас как раз в машине, Миранда; через пару минут буду в гараже [2].

◆ But I have to say, there's an amazing opportunity open right now... [8] – Но как раз сейчас есть одна замечательная возможность [2].

◆ Uh, well, it seems I can't recall her name right now [8]. – Э-э... знаете ли, мне никак не удается сейчас его вспомнить [2].

◆ I just, well, don't, uh, seem to know it right now [8]. – Просто я... э-э... не могу вспомнить прямо сейчас [2].

"Right away" является синонимичной фразой словосочетанию "right now", но встречается в художественной литературе не так часто и, как правило, значит "прямо сейчас", "немедленно", "тотчас", "мигом":

◆ "How about if I meet you out front?" – "Right away" [6]. – Давайте я подожду вас у парадной двери. – Я мигом. – А это я заберу [4].

"Right" используется в качестве вопросительного слова-подтверждения "не так ли?", "верно?":

◆ Langdon stared at the narrow crawl space at his feet and then up at the massive iron grate. He's kidding, right? [5] – Лэнгдон смотрел на узенькую щель в основании решетки, проползти здесь можно было разве что на брюхе. Шутит он, что ли?... [1].

◆ ...But it's a hell of a lot better to work at Runway than some horrible trade publication somewhere, right? [6]. – Но ведь во сто крат лучше работать в "Подиуме", чем в каком-то третьесортном издании, разве не так? [2].

◆ "But I need both you men to keep clear of it and not to tell anybody about this. All right?" – both of the neighbors nodded [6] – Я попрошу вас обоих не подниматься туда и никому об этом не говорить. Договорились? Оба кивнули [4].

◆ "They hurt" – "Only when you breathe, right?" [6] – Побаливают. – Только при вдохе, так ведь? [4].

Порой, встречаясь в заголовках, "right" используется как часть названия должностей или званий конкретных людей, таких как епископы и некоторые члены парламента:

◆ the Right Honourable Diane Abbott, MP... – Дistinguished Диана Эбботт, Член Парламента...

Если что-то идет "правильно", то оно будет иметь успех и произойдет таким образом, как вы и хотели:

◆ Why does he never do anything right? – Почему он никогда ничего не делает правильно?

◆ Things haven't been going right for me these past few months. – Последние несколько месяцев дела у меня шли неважно.

Наречие "right" также употребляется в идиомах:

- right behind sb – осторожно!
- right, left, and centre – где угодно

И, наконец, рассмотрим использование лексемы "right" в качестве существительного в значении "правая сторона", несмотря на то, что в переводе на русский язык эквивалентом перевода выступает чаще всего наречие:

- ◆ Arabic is written and read from right to left. – В арабском языке чтение и письмо осуществляется справа налево.
- ◆ Jack saw a woman standing on his right. – Джек увидел женщину, стоящую справа от него.
- ◆ They have to turn into the next road on the right. – Дальше они должны повернуть направо.
- ◆ Go upstairs and you'll see our office on the right. – Поднимитесь наверх и увидите наш кабинет справа.
- ◆ As the Citroen accelerated southward across the city, the illuminated profile of the Eiffel Tower appeared, shooting skyward in the distance to the right [5]. – "Ситроен", прибавив скорость, мчался по городу в южном направлении, вот вдалеке и чуть справа возник устремленный к небу силуэт Эйфелевой башни с подсветкой [1].

Зачастую "right" обозначает политические партии или людей, которые придерживаются традиционных мнений касательно низких налогов, того, что собственность и промышленность должны находиться в частной собственности, а бедным нужно помогать меньше:

- ◆ The right was in power after 1979. – Правая партия была у власти после 1979.
- ◆ He's a man of the far (= extreme) right. – Он человек, придерживающийся исключительно правой позиции.
- ◆ He's certainly on the right. – Определенно он на стороне правых.
- ◆ The right campaigned against the president. – Правые выступили против президента.
- ◆ Politicians on the right are naturally in favour of the proposal. – Правые выступают за данное предложение.
- ◆ The far right are gaining in popularity. – Ультраправые набирают популярность.

В числе примеров с использованием "right" можно встретить значение "то, что считается морально и юридически правильным или приемлемым":

- ◆ Your conscience should tell you the difference between right and wrong. – Прислушайтесь к своей совести, она должна подсказать вам разницу между правильным и неправильным.

В отдельную категорию "right" попадают ситуации, когда человек может рассчитывать на справедливое, морально приемлемое или законное обращение. "Right" приобретает значение "право":

- ◆ She campaigned for women's rights during the

1960s. – Она выступала за права женщин в 1960-х годах.

- ◆ Every person has a right to education. – У каждого есть право на образование.
- ◆ [+ to infinitive] You're not my boss, so what right (= authority) do you have to tell me what to do? – Вы не мой начальник, так какое право вы имеете, чтобы говорить мне, что делать?
- ◆ You have every right (= you have a good reason) to complain. – Вы имеете все права, чтобы подать жалобу.
- ◆ He has acquired the film rights to the book (= he is allowed to make a film of the book). – Он приобрел права на фильм по книге (= ему разрешено снимать фильм по книге).
- ◆ Freedom of speech is a cherished right in this country. – Свобода слова – это заветное право в этой стране.
- ◆ She's also a veteran campaigner for human rights. – Она также является ветераном в борьбе за права человека.
- ◆ Freedom of speech should be a constitutional right. – Свобода слова должна быть конституционным правом.
- ◆ Just because you're older doesn't give you a right to tell me what to do. – Только то, что вы старше, не дает вам права указывать мне, что делать.

Иногда можно встретить фразу "to put/set sth to rights" – в значении "улучшить или исправить что-то", "привести в порядок":

- ◆ The company needs over a million dollars to set its finances to rights. – Компании требуется более миллиона долларов, чтобы установить свои права.

Словосочетание "within your rights" в значении "в пределах ваших прав": если вы имеете права на что-то, вы можете законно на это претендовать:

- ◆ I think I'm quite within my rights to demand a full refund. – Я думаю, что я вправе требовать полного возмещения.

Идиомы с существительным "right".

- By right of – на основании..., по праву
- By rights – по справедливости, по правилам
- In your own right – от своего имени
- The rights and wrongs – правые и виновные

Лексему "right" зачастую можно встретить в предложении в качестве восклицания. Оно используется с целью выражения согласия с чьим-либо мнением или подтверждением того, что слушающий понял смысл сказанного:

- ◆ "Dad, let's buy an ice-cream." "Right." – "Папа, давай купим мороженого". – "Хорошо".
- ◆ "You have to do this exercise." "Right." – "Вы должны выполнить это задание". – "Хорошо".
- ◆ "We're going to take a taxi." "Right." – "Мы собира-

емся вызвать такси". – "Хорошо, договорились".

◆ Right, lady. I'm driving very, very carefully... [8] – Ну конечно, леди, я поеду очень, очень осторожно... [2].

Восклицание "right" используется, когда вам необходимо, чтобы вас заметили:

◆ Right, everyone. Keep silence, we're getting down to business. – Итак, аудитория, прекратите разговаривать, мы переходим к делу.

◆ Right, we've made a lot of mistakes so we'd better redo our task. – Итак, у нас много ошибок, поэтому нам лучше переделать наше задание.

◆ Right, if everybody's ready, we'll start. – Ну что же, если все готовы, тогда начнём.

"Right" является своего рода связкой между предложениями, используется в ходе повествования, чтобы удивить, чтобы слушающие следят за говорящим и все понимают:

◆ It was a middle of the night, right, and this guy came up to me... – Была ночь, и этот парень подошел ко мне ...

Восклицание "right" также употребляется в идиомах:

right you are! – верно! Ты прав!

too right! – восклицание, выражающее абсолютное согласие.

Что касается лексемы "right" в качестве глагола, то встречается она не так часто и значение приобретает "исправлять, редактировать":

◆ You've made a huge mistake, you must right it as soon as possible. – Ты допустил грубую ошибку и должен её исправить как можно скорее.

В результате нашего исследования было выявлено и представлено множество комбинаторных вариантов с лексемой "right", были продемонстрированы ее функциональные особенности.

Рассматривая приведенные синтаксические комбинации, становится очевидно, что лексема "right" приобретает разные статусы в зависимости от того, в какой позиции и в каком синтаксическом окружении она находится в предложении.

Как видно по приведенным выше примерам, "right" может выступать в предложениях именем прилагательным, именем существительным, а также наречием, восклицанием и даже глаголом.

На этом основании можно с полной уверенностью утверждать об абсолютно очевидном проявлении полистатусности лексемы "right" в современном английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун Д. Код Да Винчи [пер. с англ. Н. Рейн]. М.: Издательство АСТ, 2004. 470 с.
2. Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада [пер. с англ. М. Маяков, Т. Шабаяева]. М.: Издательство АСТ, 2017. 446 с.
3. Департамент здравоохранения Нового Южного Уэльса. Семейные вопросы: как подходить к проблеме наркотиков в вашей семье. Департамент главы правительства НОУ, 2011. 15 стр.
4. Коннели М. Город костей [пер. с англ. Д. Вознякевич]. М.: Издательство АСТ, 2006. 66 с.
5. Brown D. The Da Vinci Code. Transworld & Bantam Books, 2003. 583 p.
6. Connelly M. City Of Bones. Warner books, 2002. 464 p.
7. New South Wales Health Department. Family matters: how to approach drug issues with your family. NSW Premier's Department, 2011. 15 p.
8. Weisberger L. The Devil Wears Prada. Harper Collins Publishers, 2003. 432 p.
9. <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/right>
10. https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/right_2
11. <http://www.ruscorpora.ru/>

© М.Н. Ключкова, (klochkova@bsu.edu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Классическое университетское образование

Современные программы профессиональной подготовки.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

SOME ASPECTS OF TRANSLATION OF ANDREI PLATONOV'S PROSE INTO ENGLISH

E. Kulikova

Annotation

The article deals with the problems of translating Platonov's prose into English in modern Platonic studies. This theme occupies a special place and does not lose its relevance to this day. A. Platonov's work, due to the originality of his manner of writing, is extremely difficult to study even in his native country, and even more so – abroad, not to mention the difficulty of reproducing his texts in other languages.

Keywords: prose, language, translator, A. Platonov, multistory.

Куликова Елена Вячеславовна
Московский
политехнический университет

Аннотация

Данной статье рассмотрены проблемы перевода прозы Платонова на английский язык в современном платоноведении. Данная тематика занимает особое место и не теряют своей актуальности и по сей день. Творчество А. Платонова, в силу своеобразия его манеры письма, представляет необычайную сложность для изучения даже в родной стране, а тем более – за рубежом, не говоря уже о трудности воспроизведения его текстов на других языках.

Ключевые слова:

Проза, язык, переводчик, А. Платонова, многостильность.

По единодушному мнению, всех критиков, существующие на сегодняшний день, английские переводы произведений писателя не дают достаточно полного представления об оригиналах. С другой стороны, переводчикам Платонова зачастую приходится вести не только литературоведческие, текстологические, но и исторические исследования, что способствует более глубокому и полному освоению творческого наследия писателя, которому немало повредило издательские редакторы советской эпохи, пытаясь "причесать" его под требования соцреализма. Из наиболее значительных работ, посвященных платоновским текстам и их переводам на английский язык, можно выделить исследования, Р. Чандлера, С. Пикалева и др. [13, 14, 15]. О трудностях, возникающих перед переводчиками и исследователями прозы А. Платонова пишет К.А. Баршт [3].

Замечено, что исследователи творчества Платонова, как правило, склонны во всем винить переводчиков. Отметим, например, что писательница Т. Толстая в своем предисловии к нью-йоркскому изданию сборника произведений Андрея Платонова "В прекрасном и яростном мире" высказывает ряд критических замечаний по поводу перевода повести "Джан", выполненного Дж. Барнесом. В частности, в эпизоде, где девочка Ксения, которой Чагатаев преподнес деньги и подарки, обещает ему в скором времени тоже что-то дарить. В подтверждение обещания она произносит фразу: "Скоро наступит богатство!", переведенную как "I'll be rich soon" (я скоро буду богата). Это соответствие Т. Толстая находит

не совсем точным. У Платонова слово "наступит" по отношению к богатству употребляется по аналогии с наступлением будущего или, например, сезона, которые наступают сами по себе, безоговорочно и независимо от человека. Богатство у Платонова входит в систему природных явлений, таких, как весна, рассвет, смерть. Писательница замечает, что даже если бы это предложение было переведено как "wealth will come", англоязычные читатели не почувствовали бы своеобразия этого словосочетания, не восприняли бы его как образец необычного языка и мироощущения Платонова [2]. Но собственного, более адекватного варианта перевода писательница не предлагает.

Есть и противоположная точка зрения на эту проблему. В эссе "Катастрофы в воздухе" (1984) И. Бродский соглашается с тем, что "в существующих переводах он (Платонов) остается для читателей недоступным... Что же до неадекватности существующих переводов, то они таковы вовсе не по вине переводчиков; виновная сторона здесь сам Платонов, или, точнее, стилистический экстремизм его языка" [4].

Действительно, переводчик, приступающий к платоновскому тексту, зачастую вынужден выбирать между точностью передачи всех оттенков авторского языка, его мысли, мироощущения и чрезмерной буквальностью перевода, чреватой потерей естественности звучания переводного текста в связи с перегруженностью нехарактерными для английского языка оборотами.

Все переводчики и исследователи единодушно отмечают, что основную трудность перевода платоновских произведений составляет нарочитая "корявость" его языка, за которой стоит тщательно выверенное единство формы и содержания. Вот что пишет переводчица Платонова на польский язык Мая Шимонюк: "Перед переводчиками встает почти, а может, вообще непосильная задача – передать на иностранном языке стилиевые приемы, основанные на ломке синтаксической нормы" [16].

Платонов производил над языком невероятные эксперименты, смело взламывая привычную структуру, как синтаксическую, так и лексическую. Он позволял себе не только вторгаться в ткань языка, в его святая святых, по сути, он творил новый язык, создавая новые слова, а существующим придавая новый смысл. Переводчик, пытаясь воссоздать всё это на языке перевода, должен принимать в расчет еще и нормы языка перевода и те допустимые пределы, в которых их ломка будет соответствовать тому, что творит Платонов. Английский исследователь и переводчик Р. Чандлер, по определению которого Андрей Платонов является величайшим из писателей прошлого века, творивших на каком-либо языке, отмечает, что переводчик Платонова должен не только одинаково хорошо владеть обоими языками, но располагать детальным знанием специфики жизни в Советском Союзе. Сверх того, чтобы распознать тщательно зашифрованные намеки как на классическую русскую и европейскую литературу, так и на давно затертые временем малозначительные произведения советских писателей 30-х годов, статьи и заметки в "Правде" и, конечно же, злободневные речи И.В. Сталина. А как передать авторское искрометное остроумие, не обладая им в полной мере? Но что еще важнее – переводчик должен настолько тонко чувствовать все оттенки английского языка, чтобы передать особенности живой речи героя даже тогда, когда тот коверкает язык или придает необычное звучание самой мысли. Платонов – подлинный поэт, и едва ли не каждая его строчка представляет для переводчика головоломную задачу. Перевод должен быть таким же отточным, выверенным, как и оригинал, тогда он будет представляться естественным и единственно возможным.

Другая трудность перевода платоновских текстов на английский язык состоит в многостильности, изменчивости платоновской прозы. Часто приходится вникать в глубоко скрытый смысл, язык то совершенно абстрактен, то крайне материален, а то и попадаетея всё это вместе в невероятном смещении. А как быть с той осязательностью, с которой описывается физическое и даже физиологическое? "Большинство людей лежали в отдыхе, и объятиях, или питались в темноте квартир секретари своих душ" [10]. В каком смысле, например, выступает здесь слово "секреты"? Ведь помимо обычного, у это-

го слова есть и биологическое значение (выделения желез), и кто дерзнет утверждать, что в этом контексте не реализуются в той или иной мере оба значения? А переводчику приходится делать выбор в пользу одного из них, и это лишь маленький частный пример.

По мнению Р. Чандлера, одной из основных трудностей платоновской прозы является сохранение ощущения живого голоса повествователя или персонажа. Способность А.П. Платонов давать иллюзию живого голоса или голосов уникальна. Вот лишь один из примеров: "Неужели внутри всего света одна тоска, а только в нас одних пятилетний план?" [12, стр. 440] Здесь необычна не только сама мысль – поражает каждое слово. Платонову удается не только вложить этот текст в уста простого рабочего, но при этом еще и сохранить интонационную естественность речи. Р. Чандлер предлагает два варианта перевода этой фразы на английский язык, считая оба неадекватными:

"Can there really be nothing inside the whole world but sorrow – and are we the only ones with a Five Year Plan?" и 2) "Can what lies inside the whole world really be sorrow? Can the Five Year Plan exist only in us?" Первый вариант естественней, зато второй точнее. И здесь, по мнению переводчика, еще стоит подумать, чем пожертвовать.

Неотъемлемой частью языковой ткани прозы Платонова является метафора. Именно она, по мнению английского слависта, помогает Платонову проникать в суть вещей, раскрыть глубинный смысл понятий. Метафоризация затрагивает у писателя все сферы человеческой жизни. Основные направления процесса образования платоновских метафор – это автономизация частей человеческого тела, метафоризация человеческой деятельности (умственной, физической, физиологической, производственной), антропоморфическая трансформация пространства и времени, а также конкретизация и обратное движение от конкретного к абстрактному.

Центром метафоризации становится человек. Герои Платонова существуют в каком-то условном пространстве, точное местоположение их не определено. От окружающего мира они отделены только своим телом, а каждый орган при этом также функционирует автономно.

Платонов сравнивает людей то с животными, то с растениями, и они как бы меняются местами: природные объекты очеловечиваются, наделяются мыслями и чувствами, тогда как люди их лишаются.

Еще одно направление метафоризации – размывание границ между абстрактным и конкретным, смещение масштабов. Мелкое становится важным, а значительное сводится к бытовой мелочи.

Грамматически платоновские метафоры часто оформляются путем расширения сочетаемости глаголов, семантики существительных и предлогов, реализации переносного значения прилагательных, причастий и наречий. В результате происходит максимально эффективное использование семантических ресурсов русского языка, самой его специфики.

При переводе метафор, как правило, приходится производить лексические и синтаксические трансформации. Это и контекстуальные замены, и опущения, и изменение грамматических форм. Чаще всего разные виды преобразований метафоры Андрея Платонова в переводе обусловлены либо несовпадением сочетаемости в английском и русском языках, их грамматического оформления, либо несоответствием смысловых ассоциаций между элементами метафор в двух языках.

Р. Чандлер выделяет еще целый ряд особенностей платоновского стиля, играющих большую роль при переводе его прозы. В частности, он отмечает и такую особенность, как постоянное преднамеренное искажение привычного, правильного словоупотребления. Расширяя сочетаемость слов, обновляя тем самым их смысловую структуру, писатель находит неисчерпаемые ресурсы художественной речи в таком "неправильном" словоупотреблении, в результате самые обычные, даже служебные слова обретают новое, неожиданное звучание, новую пластику и выразительность.

Вот пример из романа "Счастливая Москва": "Темный человек с горящим факелом бежал по улице в скучную ночь поздней осени. Маленькая девочка увидела его из окна своего дома, проснувшись от скучного сна" [11, стр.9]. Русский предлог "в" употреблен здесь одновременно в двух своих значениях – и временном, и пространственном. При переводе же приходится выбирать одно из них: двузначность сохранить невозможно. А вот и другой пример. "Спите молча, – сказал Чиклин всем и вышел наружу, чтобы пожить одному среди ночи", "Shut up and go sleep! Chiklin called out to them all. He then went out into the deadly night so as to be on his own for a while". В этом отрывке Платонов с помощью метафоры трансформирует пространство, делая человека центром мироздания. Это достигается посредством неожиданного осмысления предлога "среди". В переводе же предлог "среди" передается предлогом "into", который не является его прямым соответствием в английском языке. Однако такая замена оправдана, т.к. это придает английскому предложению естественное звучание. Что касается самого словосочетания "спите молча", то его необычность в переводе, к сожалению, утрачена. "Shut up and go sleep!" можно перевести как "замолчите и спите", что никак не соотносится с авторской метафоричностью. Сопоставительный анализ данного места в оригинале и переводе еще раз свидетельствует о необычайной слож-

ности языка Платонова, что создает даже для самого тонкого и компетентного переводчика непреодолимые трудности.

Не меньшую сложность представляют сочетания метафоры и метонимии, которые в тексте Платонова зачастую переплетаются, не сливаясь при этом воедино. И переводчику приходится пытаться сохранить сразу два тропа исходного текста. Например, мы это видим в следующем фрагменте: "К бараку подошла музыка и заиграла особые звуки, в которых не было никакой мысли, но зато имелось ликующее предчувствие, приводившее тело Вощева в дребезжащее состояние радости" [12]. "A band came up to the barrac and began to make various animated sounds, that were quite devoid of thought, though they were imbued with exultant sense of the future that made Voshchev's body tingle with joy".

Здесь присутствуют одновременно метонимия и антропоморфическая метафора: музыка отождествляется с ее исполнителями. Р.Чандлеру приходится жертвовать метонимией, употребляя вместо слова "музыка" слово "оркестр". При этом теряется и метафора, образованная нарушением лексической сочетаемости. То что вместе с метонимией в переводе неизбежна и утрата метафоры, говорит о тесном, до неразрывности, переплетении этих двух художественных средств у Платонова.

Особые трудности вызывают и метафоры, связанные с переосмыслением понятия пространства. В этих случаях переводческие жертвы зачастую неизбежны. Это объясняется чрезвычайной тонкостью механизма образования метафоры у А.П. Платонова: источник такой метафоризации известен только автору, а переводчик может лишь довольствоваться более или менее близкими к истине предположениями. Главная же задача переводчика в том, чтобы эти необычные тропы органично вписались в картину мира носителя английского языка. По меткому выражению Р. Чандлера, "переводчик живет ради тех моментов, когда Бог языка принимает оправданную жертву и энергия подлинника воскрешается в другом языке" [13].

Во всех этих наблюдения Роберта Чандлера очень точно раскрывается стиль Платонова в его содержательно-философской функции. Для того, чтобы найти наиболее удачное приближение к подлиннику, в случае Платонова переводчику необходимо глубоко разобраться во всех тонкостях поэтики писателя.

Впрочем, иногда в результате глубокого художественного проникновения в эти тонкости, увлечения интуитивистским подходом переводческая интерпретация рискует стать чересчур вольной. Анджеле Ливингстон, написавшей глубокую работу о христианских мотивах в романе "Чевенгур", принадлежит также перевод этого

романа на английский язык в стихотворной форме [1]. Переводчица объяснила этот эксперимент тем, что проза Платонова новаторски поэтична, ее ритмичность, красота и яркая выразительность языка тяготеют к стихотворной форме.

Текст перевода местами разбит на отдельные стихотворения–фрагменты, в каждом из которых переводчица попыталась как можно полнее сохранить образность Платонова, его идеи и общий дух произведения.

По признанию самой А. Ливингстон, идея стихотворного перевода связана со следующими соображениями: "Я думаю, каждое стихотворение у меня возникло из ощущения, что Платонов здесь что–то ценное скрыл, недоговорил или почти вовсе выбросил. Конечно, тут снова возникает опасение: может быть, этим он как раз и говорит, что ценное должно остаться спрятанным ("сокровенным")" [8].

Этот герменевтический подход в целом представляется не лишенным продуктивности. Однако анализ некоторых стихотворений из этого поэтического перевода показывает, что получился перевод "по мотивам" романа. И не только потому, что во фрагментах, написанных традиционным для современной англоязычной поэзии верлибром, опускаются имена героев, значимые географические названия. Сравним первое стихотворение "Коммунизм" с соответствующим фрагментом из романа "Чевенгур":

"Копенкин погружался в Чевенгур, как в сон, чувствуя его тихий коммунизм теплым покоем по всему телу, но не как личную высшую идею, уединенную в маленьком тревожном месте груди" [12, стр. 113]

*"Communism
Arriving from far away
He sank in the town of the steppe
Like sinking into a dream
And felt its quiet communism
Not as a lofty idea
Confined in part of his ribcage
But like a peaceful warmth
Spread all over his body".*

Ритм не слишком далек от ритма прозаического оригинала.

Однако при переводе такое опущение имен (Копенкин, Чевенгур) едва ли допустимо, ибо это слишком большое отступление от оригинала. Глагол "to sink" (погружаться, тонуть) употреблен дважды, в первом случае в форме простого прошедшего, что не дает представления о процессе, и поэтому переводчице приходится повторно употребить тот же глагол – на сей раз в процессуальной форме ("sinking"), когда речь идет о погружении в сон. Не–

которые жертвы пришлось принести и в пользу сохранения стихотворного ритма. Это и перестановка синтаксических единиц (у Платонова "чувствуя его тихий коммунизм теплым покоем по всему телу" идет как неразрывный оборот, тогда как у переводчицы последняя его часть поставлена в самый конец стихотворения), и разрушение или подмена глубинных смыслов словосочетаний. Сравните: "теплый покой" и "peaceful warmth" ("мирное/умиротворяющее тепло"); "личная высшая идея" и "lofty idea" ("высокая идея"). И вовсе потеряна пронзительность платоновской интонации и мысли в переводе фразы "уединенную в маленьком тревожном месте груди": "Confined in part of his ribcage" ("заточенную (заключенную) в уголке (буквально – части) его грудной клетки"). Согласитесь, "маленькое тревожное место груди" звучит гораздо эмоциональнее "части грудной клетки".

Другое стихотворение "Могила рыбака" повествует о Дмитрии Ивановиче, отце главного героя романа Александра Дванова. Дмитрий Иванович – рыбак–философ, вечно бившийся над тайной смерти. О нем говорится, что он "многих расспрашивал о смерти и тосковал от своего любопытства". Он "больше всего любил рыбу, не как пищу, а как особое существо, наверное, знающее тайну смерти. Он показывал глаза мертвых рыб Захару Павловичу и говорил: "Гляди – премудрость". Рыба между жизнью и смертью стоит, оттого она и немая и глядит без выражения; тел?к ведь и тот думает, а рыба нет – она все уже знает". Созерцающая озеро годами, рыбак думал все об одном и том же – об интересе смерти. Захар Павлович его отговаривал: "Нет там ничего особого: так, что–нибудь тесное". Через год рыбак не вытерпел и бросился с лодки в озеро, связав себе ноги веревкой, чтобы нечаянно не поплыть. Втайне он вообще не верил в смерть, главное же, он хотел посмотреть – что там есть: может быть, гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу озера; он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, – и она его влекла. Некоторые мужики, которым рыбак говорил о своем намерении пожить в смерти и вернуться, отговаривали его, а другие соглашались с ним: "Что ж, испыток не убыток, Митрий Иваныч. Пробуй, потом нам расскажешь". Дмитрий Иванович попробовал: его вытащили из озера через трое суток и похоронили у огады на сельском погосте" [12, стр. 15–16].

А вот стихотворение–перевод:

*"The Fisherman's Grave
I knew a fishman once who fished
In lake Mutevo and he was fished
With curiosity, he'd ask
Everyone about death: what was it?
It seemed to him only the fish could know
He loved them, not for their sweet flesh
But for their secret. He used to point
To the face of a dead fish: "Look how wise!"*

*Why doesn't a fish speak, and why
Are her eyes so blank? – It's because she stands
Halfway between life and death. A calf
Thinks, but a fish already knows"*

*For years he stared at the lake. And thought
Only how interesting death must be.
"Nothing's there, Mitya", I'd say, "but cramped
Space, you won't be able to breathe"
Yet full of impatience, one fine day
He fasted a rope around his feet
And flung himself from his fishing-boat
Into the deep.
Now Mitya never believed in death
He'd only wanted to take a look -
It might be far better than village life
On the shores of a lake, it might be a new
Province lying beneath the sky
As thought at the bottom of cool water.
'I'll just go and stay there a little while",
He said. Some argued; others agreed -
"Why not?" they said, "Give it a try,
Then tell us about it when you come back".
Three days later they dragged him out
And buried him by the churchyard fence"[1].*

В целом сохранена авторская образность, но есть и не вполне оправданные, на наш взгляд, лексические замены и потери. Вместо "Втайне он вообще не верил в смерть" читаем: "Now Mitya never believed in death". Здесь упущено слово "втайне", очень важное по смыслу, ибо речь идет о сокровенных, по сути, религиозных убеждениях. Далее эта мысль развивается и раскрывается в представлении о смерти как "другой губернии" ("a new province"), жизнь в которой представляется Мите "может быть, гораздо интересней". Слово "интересней" заменено в переводе на "лучше" ("better"), что также не оправданно, поскольку слово "интерес" у Платонова здесь ключевое: оно заявлено еще ближе к началу отрывка, где говорится об "интересе смерти", и повтор подкреплен контекстуально синонимичным упоминанием о "любопытстве: "многих расспрашивал о смерти и тосковал от своего любопытства". Сам автор, как и персонажи, рассматривает это самоубийство из научного интереса вовсе не как самоубийство, а как эксперимент. В самом тексте говорится о намерении Мити "пожить в смерти и вернуться". Именно пожить! В переводе это рассредоточено в двух местах: "to take a look" и "go and stay there a little while" (в последнем случае – в прямой речи персонажа). Но сам оксюморон "пожить в смерти", стирающий границу между жизнью и смертью – утерян. Пострадала и авторская интонация, передающая всю наивную "премудрость" народного философа.

Смерть персонажа у Платонова представляется не самоубийством, а гибелью в связи с неудавшимся экс-

периментом, поэтому очень важно, что его похоронили всё-таки "у ограды на сельском погосте", а не за оградой, как это воспринимается в переводе: "buried him by the churchyard fence" [1].

Сама по себе попытка передачи платоновского текста в стихотворной форме является интересным экспериментом, имеющим право на существование, но не как перевод, а скорее – как пересказ произведения, авторизованный парафраз, поскольку перевод этот слишком вольный по всем представлениям как английских, так и русских переводческих традиций. Небезосновательным представляется опасение Р. Чандлера, "не обкрадывает ли она Платонова ради создания собственных стихов" [8]. При этом стоит отдать должное переводчице как смелому интерпретатору поэтики Платонова. Однако приходится признать, что такая интерпретация всё же нарушает единство содержания и формы, их гармонию. "Произведение, не обладающее такой гармонией, в той или иной мере теряет в своей художественности... единство содержания и формы обычно нарушается в произведениях посредственных, а также в вольных переводах" [6].

Оправдывая свой художественный подход, А. Лингстон пишет: "Литературная критика – занятие всеми признанное и дозволенное – заключается в постоянном выявлении, высвечивании, выделении, т.е. нарушении формы рассматриваемого, обобщаемого и рассматриваемого произведения. В моих стихах происходит то же самое, и не в большей степени, чем в литературной критике; при этом, несмотря на изменение в расстановке авторских акцентов, они сохраняют и выявляют дух соответствующей части оригинала" [6]. Это высказывание созвучно с мыслью, высказанной словацким литературоведом Д. Дюришиным о том, что перевод – "специфическая форма межлитературной рецепции" [7] произведения писателя. Б. Пастернак утверждал, что "перевод – это средство векового общения культур и народов" [9].

Иосиф Бродский в предисловии к двуязычному (русско-английскому) изданию повести "Котлован" в США в 1973 году высказал парадоксальную мысль, что "Платонов непереводим и, до известной степени, благо тому языку, на который он переведен быть не может. И все-таки следует приветствовать любую попытку воссоздать этот язык, компрометирующий время, пространство, самую жизнь и смерть – отнюдь не по соображениям "культуры", но потому, что, в конце концов, именно на нем мы и говорим" [5].

Перенесение художественной системы Андрея Платонова на другую языковую почву – сложнейшая задача для переводчика. Важным компонентом этой системы является метафора, поэтому качество перевода произведения в целом в большой мере зависит от того, насколько удачно найден эквивалент именно этого художе-

ственного средства. Отсюда и необходимость сложных преобразований стилистических единиц. В метафоре, как нигде, заключен самый дух платоновских произведений, и от качества ее перевода зависит возможность адекватного восприятия читателем всей философской глубины, самобытности мироощущения писателя.

Перевод, как и литературная критика, требует не только таланта, но и обширных, а в случае Платонова – энциклопедических познаний, и думается, что не случайно за перевод произведений этого писателя, как правило, берутся литературоведы, в том числе и Э. Олкотт, Р. Чандлер, О. Меерсон, А. Ливингстон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Livingstone A. The Chevengur Poems // The Portable Platonov. – Birmingham, 1999. – P. 243–251.
2. Tolstaya T. Introduction to the book by A. Platonov "The fierce and beautiful world". – New York, 2000. – P. 10.
3. Баршт. К. Платонов в Англии // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. – С. 366–369.
4. Бродский И. Катастрофы в воздухе // Бродский И. Поклониться тени. – СПб., 2006. – С. 58.
5. Бродский И. Предисловие // Платонов А. Котлован. – Мичиган, 1973. – С. 165.
6. Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы. – М., 2003. – С. 38.
7. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. – М., 1979. – С.162.
8. Ливингстон А. О переводе прозы Платонова в английские стихи // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. – М., 2000. – С.110.
9. Пастернак Б. Заметки переводчика // Знамя. 1944. № 1–2. Цит. по: Чуковский К. Высокое искусство. – М., 1988. – С.158.
10. Платонов А. Счастливая Москва // "Страна философов" Андрея Платонова. – М., 1999. – С. 69.
11. Платонов А. Счастливая Москва // Новый мир. 1990. № 9. –
12. Платонов А. Чевенгур. Котлован. – М., 2009. –
13. Чандлер Р. Перевод и нужное жертвование // "Страна философов" А.П. Платонова. Проблемы творчества. Вып.4. – М., 2000. – С. 16–19;
14. Пикалев С.А. Особенности перевода метафоры Андрея Платонова: На материале повести "Котлован" и ее переводов на английский язык : Автореф. дис. ... кандидата филол. наук: Великий Новгород, 2004;
15. Нонак С. Силлеспис в "Котловане" Платонова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн.3. – СПб., 2004. – С.378–399.
16. Шимонюк М. Две переводческие интерпретации – два разных Платонова // Prace Naukowe Uniwersytetu Slaskiego w Katowicach. Katowice, 1998. № 1725. – С.116.

© Е.В. Куликова, (neaktor100@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московский политехнический университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING IRONY ON THE MATERIAL OF GERMAN PUBLICISTIC TEXTS

E. Lavristscheva

Annotation

The aim of the article is to analyse the functions of irony and means of creating irony in a publicistic text. The research is made on the actual material of modern German mass-media. The peculiarities and functions of the publicistic style are discussed in the introduction; the role of irony as the means of evaluativity and influence on the reader is defined. The most frequent means of creating irony in a publicistic text: morphological, lexical, stylistical are analyzed in the article. On the analysis of the language material the author distinguishes word building, allusions and repetitions as the most frequently used means.

Keywords: irony, publicistic style, repetition, allusion, stem-composition.

Лаврищева Екатерина Владимировна
К.филол.н., доцент,
Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина

Аннотация

Целью статьи является анализ функции иронии и средств ее создания в публицистическом тексте. Исследование основано на фактическом материале немецких современных средств массовой информации. Во введении рассматриваются особенности публицистического стиля, анализируются его функции, определяется роль иронии как средства оценочности и воздействия на читателя. В статье анализируются наиболее частотные средства создания иронии в публицистическом тексте: морфологические, лексические, стилистические. Анализ языкового материала позволяет выделить в качестве наиболее частотных средств словообразование, аллюзии, повторы.

Ключевые слова:

Ирония, публицистический стиль, повтор, аллюзия, словосложение.

Современный этап развития общества характеризуется сложными глубинными общественными, политическими, социальными процессами. Значительную роль при этом играют средства массовой информации, способствуя формированию общественного мнения. Основной функцией СМИ наряду с информативной является функция воздействия, т.е. информировать, выражая при этом определённую общественную позицию и убеждая читателей в её истинности. Публицистические произведения характеризуются актуальностью проблематики, политической страстностью и образностью, остротой и яркостью изложения. Агитационно-пропагандистской функцией публицистики определяется высокая степень ее экспрессивности и эмоциональности.

А.Н. Васильева в качестве основных экстралингвистических признаков публицистического стиля указывает актуальность и новизну информации, явно выраженную позицию автора, наличие оценочной программы, эмоциональную окрашенность текста [Васильева 1982: 37].

Таким образом, для языка СМИ характерно быстрое приспособление к постоянно изменяющимся реалиям окружающей действительности, тонким анализом социальных приоритетов, оказывающих влияние на сознание каждого отдельного человека и определяющих его поведение, и точным отражением этих аспектов в своих текстах. Для того, чтобы сделать содержание более актуальным, авторы статей вынуждены искать общепонятные и в

то же время отличающиеся свежестью и новизной формы выражения. Одним из ярких средств такого воздействия многие исследователи называют иронию, которая именно в публицистике стала уже не только и даже не столько стилистическим приемом, сколько способом мировосприятия, состоянием духа, способом мышления, незаметно возникшим как общая тенденция времени за счет многообразия средств ее выражения.

В качестве материала нашего исследования мы изучали статьи и заголовки онлайн-газет и журналов ("Der Spiegel", "STERN.de", "FOCUS Online").

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что наиболее частотными средствами выражения иронии в языке СМИ являются исторические и литературные аллюзии, а также прецедентные тексты. Аллюзии чаще всего используются в заголовках:

ПРИМЕР 1: *"Trumps erster Tag. Narziss und Schoßhund"* (Spiegel online. 22. Januar 2017). В данном заголовке мы видим отсылку к произведению Г. Гессе "Нарцисс и Златоуст" (Narziss und Goldmund).

ПРИМЕР 2: *"Ein Jeep! Ein Jeep! Ein Konigreich fur einen Jeep!"* (Die Welt.21.10.2011) – намек на слова короля Ричарда из трагедии У. Шекспира "Король Ричард III" в стихотворном переводе (1833) актера Я.Г. Брянского.

ПРИМЕР 3: *"Eurokrise: Viele Gipfel - keine Ruh"*. (STERN.de. 31.01.2012). Прагматический аспект иронического высказывания заключается в использовании фразы из знаменитого стихотворения И.В. Гете, которая переносится в сферу экономики, что сразу же привлекает внимание читателя. В данном примере употребление в заголовке стереотипного, понятного для читателя изречения служит сигналом принадлежности к определенному социуму, связи с его традициями и культурой. Одной фразой автор статьи дает оценку сложившейся в ЕС ситуации и, конечно, оказывает влияние на мнение читателей. Такой газетный заголовок выступает в качестве намека, под влиянием которого явление социального характера или общественно-политическое, историческое событие оживает и активизируется в сознании читателя.

ПРИМЕР 4: *Frankreichs Einsatz in der Elfenbeinküste: Freiheit, Gleichheit, Profit*. (Der Spiegel. 06.03.2011). Данный заголовок служит примером исторической аллюзии. В девизе Великой французской революции "Свобода, равенство, братство!" последний компонент заменяется на лексему *"Profit (выгода, прибыль)"*. Для создания комизма применяется перечисление, в основе которого лежит "вольное" обращение с однородными членами предложения, что приводит к нарушению логичности их перечисления.

Прецедентные единицы – одна из доминирующих моделей речетворчества, для которой важнейшим условием её продуктивности и функционирования является когнитивная репрезентация, или в расширительном значении когнитивная база лингвокультурного сообщества [Голубева 2007: 152]. Например: *Der Staat bin ich. (Putin)* (Der Spiegel. 25.09.2011). Фраза "Государство – это я!" приписывается французскому королю Людовику XIV (1643–1715). Данная фраза цитируется для характеристики человека с большим самомнением, который отождествляет свой личный интерес с интересом государства, и противопоставляет себя обществу. В статье данная прецедентная единица употребляется не только с иронией, но и несет оценку происходящей ситуации в стране. Таким образом, прецедентные единицы выполняют как экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию, так и номинативно-информативную.

В языке СМИ также часто используется антитеза. Комическая антитеза в заголовке статьи позволяет выделить обобщающую функцию, т.е. по одной фразе можно не только догадываться о содержании статьи, но и прийти к определенным выводам. Без сомнения, автор использует данное языковое средство для воздействия на реципиента и, как следствие, для формирования его мнения: *Superreiche in der Politik: Playboys, Paten, Patrioten*. (Die Welt. 18.01. 2012).

Среди логико-синтаксических средств создания иронии следует выделить в первую очередь повторы. Без со-

мнения, именно повтор является средством создания выразительности. С его помощью автор подчеркивает, выделяет в речи важную в смысловом отношении группу слов. Функция нарастания способствует не только большей силе высказывания, большей напряженности повествования, но и служит для выражения иронии. В текстах СМИ можно встретить не только многократные повторы одного и того же слова (примеры 1, 2, 3), но и синонимические повторы (пример 4), а также деривационные повторы (пример 5).

ПРИМЕР 1. *"Im Kreml folgt als Präsident der Russischen Föderation, auf einmal oder auch zwei Mal sechs Jahre, Wladimir Putin auf Wladimir Putin"*. (Die Welt. 27.09.2011);

ПРИМЕР 2. *Um unsere neurotischen Anwandlungen, unser neurotisches Hobby ist es ab jetzt schlecht bestellt*. (Amerika, du wirst uns fehlen. Spiegel online. 22. Januar 2017);

ПРИМЕР 3. *Es wurde jeder Quatsch gedacht, und dass es Quatsch war, schien sogar die Voraussetzung dafür, dass er gedacht wurde*. (Amerika, du wirst uns fehlen. Spiegel online. 22. Januar 2017).

ПРИМЕР 4. *Sie verunglimpfen Trumps alternative Fakten als Lügen, als Spinnereien, als Irrweg, weil sie ihre Macht bedrohen*. (Debatte um lugenden Trump-Sprecher. Fakt you! Spiegel online. 23. Januar 2017).

ПРИМЕР 5. *Was ist das überhaupt für ein faktenverachtendes Faktenbild, bei dem jedes Faktum erst einen Check durchlaufen muss, bevor es anerkannt wird? Purer Wahrheitsdarwinismus! Jeder Faktenprüfer muss als das gebrandmarkt werden, was er ist: als wahrer Faktenfeind*. (Debatte um lugenden Trump-Sprecher. Fakt you! Spiegel online. 23. Januar 2017)

Достаточно частотными являются в текстах немецких СМИ синтаксические повторы, а именно анадиплосис (подхват) (пример 6) и анафора (пример 7).

ПРИМЕР 6. *"Der Präsident wird Regierungschef, der Regierungschef Präsident - und dann wird noch einmal getauscht"*. (Der Spiegel. 25.09.2011);

ПРИМЕР 7. *Denn was machen wir, wenn wir nicht mehr über die Nato diskutieren können, weil es sie gar nicht mehr gibt? Und es gibt sie, Trump hat das bereits angekündigt, in der Sekunde nicht mehr, in der er die grundsätzliche, immer gültige Verteidigungsgarantie vom Tisch nimmt*.

Was machen wir jetzt in einem Land, in dem der ehemalige Außenminister Guido Westerwelle noch vor wenigen Jahren den Abzug der in Deutschland gelagerten Atomraketen zu einer der wichtigsten Forderungen seiner Amtszeit erhob - offensichtlich in volliger Unkenntnis ihrer strategischen Funktion als Verbindungsglied zwischen deutschen und amerikanischen Kommandoebenen ("nukleare Teilhabe")? Vielleicht zieht Trump sie einfach ab. Zufrieden?

Was machen wir in einem Land, in dem der kommende Bundespräsident den zaghaften Versuch, eine milde Form der Abschreckung aufrechtzuerhalten, als "Sabelrassel" bezeichnet und sich damit in der Tradition der Brandt'schen "Ostpolitik" wagt (die nur durch Atomraketen abgesichert eine Chance hatte), wenn die Amerikaner keine Sabelrassel mehr zur Verfügung stellen?...

Was machen wir eigentlich, wenn die Welt mit Trump wieder - wie im Imperialismus (jetzt, liebe Linke, wurde das Wort endlich passen) - in "Einflussosphären" aufgeteilt wird? Wo endet die von Putin? In der Ukraine? Im Baltikum? Oder doch erst in Polen? Und was ist, wenn uns Putins Einflussgrenze nicht passt, seinem Kumpel in Amerika aber schon? (Amerika, du wirst uns fehlen. Spiegel online. 22. Januar 2017)

В качестве морфологических средств создания иронии в публицистическом тексте часто используется превосходная степень прилагательного: *Wir sind jetzt der Feind. Der allerschlimmste Feind ist China. Die Chinesen sind, was die Wirtschaftsleistung angeht, auch dreimal so groß. Aber danach kommen schon wir Deutschen.* (Germany first. Spiegel online. 23.01.2017); *Bei der Eröffnung der Winterspiele in Sotschi wurde zwar viel marschiert und viel getanzt, dafür weniger geredet. Nicht das schlechteste Vorzeichen für die Wettkämpfe.* (Eröffnung der Winterspiele. Spiegel online. 07.02.2014); *Im Vorfeld hatte Organisationschef Dmitri Tschernyschenko höchste Erwartungen geweckt: Der Abend werde "wunderbar", das "Schönste, was man seit langem gesehen habe".* (Eröffnung der Winterspiele. Spiegel online. 07.02.2014)

Также одним из самых частотных средств передачи иронии является словообразование, а именно словосложение. Словосложение используется авторами часто для создания окказионализмов и служит для выражения иронии. Наиболее частотной моделью является "существительное + существительное". Функция речевой экспрессии и оценочности являются в данном случае преобладающими: *"Timoschenko-Prozess in Kiew: Endspiel für die Gasprinzessin".* (Der Spiegel. 6.09.2011); *Es ist einfach nicht mehr so wie früher in unserem Narrenparadies Bundesrepublik, dem Spaßland, in dem man politisch nicht erwachsen werden musste.*

(Amerika, du wirst uns fehlen. Spiegel online. 22.01.2017); *Jeder Faktenprüfer muss als das gebrandmarkt werden, was er ist: als wahrer Faktenfeind.* (Debatte um lugenden Trump-Sprecher. Spiegel online. 23.01.2017).

Как средство выражения иронии выступает также контаминация: *"Willkommen in Putlandia!"* (Der Spiegel. 25.09.2011); *Außenspiegel Hame gegen Merkozy (Angela Merkel und Nicolas Sarkozy sollen den Euro retten)* (Der Spiegel. 21.10.2011)

Итак, прагматический аспект той или иной статьи отражен через большое количество языковых средств, которые несут за собой определенные функции, например, функция убеждения, общения, выделительная и т.д. Ирония является одним из основных "орудий" автора, которая сообщает, оценивает, воздействует и убеждает читателя. Самыми частотными средствами создания иронии являются употребление превосходной степени прилагательного, словосложение, контаминация, прецедентные единицы, антитеза, повтор, аллюзия и т.д. Среди различных областей публицистики, как показывают данные статистики, самой излюбленной темой у журналистов для применения иронии является политика. СМИ выступает сегодня как основной и самый эффективный инструмент политических манипуляций. Приведенные нами примеры доказывают, что с помощью языковых средств, выражающих иронию, можно одновременно довольно четко описать не только ситуацию, но и личность, выразить свое мнение и тем самым воздействовать, в большей или меньшей степени, на восприятие ситуации другими людьми. Данный феномен не только вызывает улыбку, она остро и глубоко позволяет проследить позицию автора, которая зависит от его восприятия, видения определенной политической ситуации в чужой стране. Прагматическая роль иронии, таким образом, обусловлена тем, что она способна в определенной мере оказывать влияние, в данном случае, на политические процессы, способствовать политическому просвещению широких слоев населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, А.Н. Газетно-публицистический стиль речи / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1982. – 37 с.
2. Голубева, Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы / Н.А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2007. – Вып.7. – С.152–168.
3. Зайцева, В.А. Особенности перевода иронии на примере публицистических текстов / В.А. Зайцева, Е.А. Кушнерова // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2014. – С. 173–179.
4. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск, 1990. – С. 51–84.

ГЭ БАОЦЮАНЬ И ПУШКИН

GE BAOQUAN
AND A.S. PUSHKIN*Liu Yankun
Chen Gjing*

Annotation

A long time passed when the Russian poet's muse struggled through the language barrier to the hearts of Chinese readers. Pay attention to the artistic heritage of A.S. Pushkin, shown by famous scientists, researchers and translators, demonstrates the unfading glory of A.S. Pushkin. In the Chinese literature there are unique translation masters and researchers, such as Ge Baoquan (1913–2000), Guo Moruo (1892–1978), Mao Dun (1896–1981), and others. If there were not for the translation masters and the works of scientists, China would not have recognized A.S. Pushkin. This article is devoted to the Chinese translator of the works of Pushkin—Ge Baoquan, in order to further understand the contribution of Professor Ge Baoquan in the process of the functioning of A.S. Pushkin in China.

Keywords: Pushkin, Chinese literature, functioning, translator, Ge Baoquan, periodization.

*Лю Янькунь**Аспирант, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет**Чэн Цзин**Аспирант, Восточно-Китайский
педагогический университет,
Шанхай*

Аннотация

Давно прошло время, когда муза русского поэта с трудом пробивалась сквозь языковой барьер к сердцам китайских читателей. Углубленное внимание к художественному наследию А.С. Пушкина, проявленное крупными учеными, исследователями и переводчиками, демонстрирует немеркнущую славу литературных произведений А.С. Пушкина. В китайской литературе есть уникальные мастера перевода и исследователи, как Гэ Баоцюань (1913–2000), Го Можо (1892–1978), Мао Дунь (1896–1981), и другие. Если бы не эти мастера перевода и труды крупных ученых, Китай не узнал бы А.С. Пушкина. Данная статья посвящена китайскому переводчику произведений Пушкина—Гэ Баоцюаню, чтобы ещё лучше понять вклад профессора Гэ Баоцюаня в процессе функционирования творчества А.С. Пушкина в Китае.

Ключевые слова:

Пушкин, китайская литература, функционирование, переводчик, Гэ Баоцюань, периодизация.

Изучение Пушкина в Китае уже сформировалось специальной наукой—пушкиноведение. Эта область знания зародилась в России, а потом получила широкое распространение во всем мире, в том числе в Китае. Однако узнали Пушкина в Китае несколько позже (первый перевод произведений Пушкина появился в Китае в 1903 году), но произведения Пушкина на китайской земле распространялись уже больше столетия. В качестве составной части мирового пушкиноведения китайское пушкиноведение тоже в последнее время делает успехи и добилось признания русских коллег.

С начала XX-ого века творчество Пушкина пришло в Китай. Как и в других странах, имя основоположника русской литературы окружено высоким уважением и особым вниманием, спустя 30–40 лет творчество Пушкина включили в содержание учебного плана вузов Китая, в 80-е годы начало формироваться пушкиноведение, Гэ Баоцюань является одним из выдающихся представителей китайской науки о Пушкине.

Гэ Баоцюань (1913–2000) – лауреат ордена Дружбы народов СССР, китайский знаменитый исследователь русской литературы, литературовед, литературный критик и переводчик с русского языка, журналист и культуролог. Родился 15 февраля 1913 года в провинции Цзянсу, с 1928 по 1932 учился в Восточно-китайском педагогическом университете (Шанхай). С 1935 по 1937 год работал как корреспондент газеты "Дагунбао" в Москве, с 1938 по 1945 работал редактором газеты "Синьхуа жибао", с 1946 по 1948 занял пост редактора издательства "Шидай", в 1947 году издал первый сборник стихов Пушкина, с 1949 по 1954 занял пост советника посольства КНР в Москве, с 1954 по 1960 был помощником Генерального секретаря общества советско-китайской дружбы, с начала 1961 по 1986 сотрудник литературно-исследовательского института Китайской академии общественных наук, в 1987 году стал почетным доктором Московского университета и Парижского восьмого университета, в 1988 году заслужил орден Дружбы народов за большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества, заслуги в популяризации

русской и советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения. Скончался 15 мая 2000 года в Нанкине в возрасте 83 лет, завещав своё тело медицине.

Господин Гэ Баоцюань посвятил всю жизнь русскому литературному делу, что прежде всего выразилось в его переводческой деятельности.

Работу переводчика пушкинского творчества Гэ Баоцюань начал в 30-е годы XX века, в 1932 году после окончания университета он работал редактором газеты "Синьши". благодаря широкому знанию разнообразных иностранных языков в 1935 году он был отправлен в Москву в качестве журналиста газеты "Дагунбао", в то же время он совмещал в своём лице корреспондента еженедельника "Синьшэн" (Новая жизнь), "Шэньбао" (газеты в Шанхае) и журнала "Знания о мире". В июле 1937 года Гэ Баоцюань написал статью "Советское сообщение", в этой статье примерно 20 тысяч слов, он всесторонне описывал, как в СССР торжественно отмечалось 100-летие со дня гибели Пушкина, в этот день во многих городах СССР проводились торжественные митинги, конференции, спектакли. В Москве главным официальным мероприятием юбилея стало торжественное вечернее заседание в Большом театре, в котором приняли участие все руководители СССР во главе со Сталиным. В этой статье автор подробно описал биографию, творчество и семью великого русского поэта, поэтому "Советское сообщение" Гэ Баоцюаня стало первой подробной и всесторонней статьёй об А. С. Пушкине. Через эту статью китайские читатели и исследователи познакомились с великим русским поэтом. Она положила начало изучению Пушкина и русской литературы в Китае и дала толчок развитию исследовательской мысли. После возвращения на Родину господин Гэ Баоцюань, опираясь на опыт работы за границей, непрерывно писал обзоры творчества Пушкина и наряду с этим делал переводы произведений поэта. В 1947 году к 110-летию со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина Гэ Баоцюань издал "Собрание сочинений А. С. Пушкина" в издательстве "Шидай" (в Шанхае). Эта книга включает в себя 40 лирических стихотворений, эпическую поэму, 2 баллады, 2 драматических произведения, 3 произведения прозы, 24 научных статьи русских писателей, 10 научных статей китайских писателей, 32 портрета и иллюстрации русских художников, 3 портрета и иллюстрации китайских художников. При сём прилагается краткое жизнеописание, хронология произведений и описание обстоятельств распространения творчества Пушкина в Китае и другие. Эта книга после выхода из печати сразу привлекла широкое внимание, оказала огромное благотворное влияние на китайского читателя. С 1947 по 1957 годы она выдержала 9 переизданий. Таким образом, эта книга представляет очень важное общественное значение. Специфика этого труда Баоцюаня состоит в следующем: значение этого сборника статей в том, что он является первой всесто-

ронней публикацией перевода произведений Пушкина в Китае; данная книга сыграла роль образца перевода произведений Пушкина; большинство читателей Китая узнает Пушкина из этого сборника статей. Можно сказать, что все китайские исследователи русской литературы хорошо знают этот сборник статей. Таким образом, он до сих пор имеет огромное методологическое значение и реальную востребованность.

Консультантами собрания сочинений были известные китайские деятели: Го Можо (1892–1978, китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии Наук КНР), Мао Дунь (1896–1981, лауреат Международной Сталинской премии, китайский писатель, председатель Союза китайских писателей и общественный деятель), Е Шэнтао (1894–1988, китайский писатель), Чжэн Чжэньдо (1898–1958, писатель, китайский литературовед, новеллист), Тянь Хань (1898–1968, автор "Марша добровольцев" (ставшего гимном Китайской Народной республики в 1949 году), переводчик, композитор, китайский драматург, театральный деятель, поэт), Ху Фэн (1902–1985, китайский литературный критик, писатель и поэт), Цзан Кэцзя (1905–2004, китайский поэт), Юань Шуйпай (1916–1982, китайский известный поэт, писатель). Сборник статей был подготовлен редакционной коллегией в составе Гэ Баоцюаня, В. Н. Рогова, Линьляня (1912–1987, китайский известный переводчик, ректор шанхайского университета иностранных языков).

Чтобы гарантировать качество перевода сборника статей, Гэ Баоцюань приглашал тогдашних переводчиков с русского языка. Так, Цюй Цюбо (1899–1935, китайский публицист, прозаик и литературный критик, пропагандист марксизма, общественный деятель), Линьлин, Гэн Цзичжи (1898–1947, китайский литературовед, известный переводчик), Шуйфу (1920–1942, известный переводчик, директор научно-исследовательского института иностранной литературы), Лэйжань (1918–2009, жена Шуйфу, известный переводчик), Лянсян (1916–2008, известный переводчик, секретарь секретариата союза писателей Китая) и другие известные переводчики с русского языка. Все эти люди обеспечили качество перевода сборника статей, его общий культурный уровень, поэтому эта книга для распространения творчества Пушкина в Китае имеет эпохальное значение.

После этого господин Гэ Баоцюань не прекращал своей деятельности по изучению и переводу творчества Пушкина, почти каждый его перевод уникален и является образцом в области перевода.

В 80-е годы, когда издательство "Бэйцзин" редактировало часть иностранной литературы книги "Чтение и любованье", издательство сразу же выходило на господина Гэ Баоцюаня и его перевод стихотворений "К Чаа-

даеву", "Во глубине сибирских руд" ("В Сибирь"). Издательство заказывало господину Гэ Баоцюаню критическую статью, и Гэ Баоцюань для выполнения этой работы специально пересматривал свой перевод. Так был сформирован "Сборник стихов А. С. Пушкина", за который в 1993 году он добился выдающейся награды Китайской академии общественных наук (КАОН).

В начале 50-х годов на факультете китайского языка и иностранных языков вузов Китая открыли дисциплины иностранных литератур, и русский поэт Пушкин стал изучаться на занятиях в вузах Китая, в то же время в лице А. С. Пушкина русская литература прочно занимала важное место в китайской литературе. Почти все произведения поэта переводили с русского языка на китайский. Только перевод классического произведения Пушкина "Евгений Онегин" имеет больше 10 моделей переводов. Причина широкого распространения творчества Пушкина в Китае в том, что Пушкин является основоположником русской литературы и русского литературного языка. Распространение русской литературы обширно входило в китайскую культуру; В Китае есть много выдающихся исследователей и переводчиков Пушкина, таких, как Гэ Баоцюань. Русско-китайская дружба является движущей силой успешного развития русской литературы и интереса к ней в Китае.

В 1998 году в пекинском университете была проведена торжественная научная конференция "А. С. Пушкин и Китай", на научной конференции присутствовало более 100 человек, в том числе старые, пожилые и молодые ученые-пушкиноведы. Посол РФ в Пекине Игорь Алексеевич Рогачев высоко оценил эту конференцию и получение выдающихся достижений в области научного пушкиноведения. Посол И. А. Рогачев сказал, что Китай уже стал другим центром изучения Пушкина, кроме России.

Символом формирования специализации пушкиноведения в Китае является научная конференция "А. С. Пушкин и Виктор Мари Гюго" (в 1981 году в городе Чанша провинции Хунань). Участники этой научной конференции-педагоги вузов Китая. Результатом этой конференции стал 1 сборник статей "Сборник критики творчества А. С. Пушкина". Заслуживает упоминания то, что все статьи конференции являются специальными научными статьями, настоящими исследовательскими работами. С подготовительного этапа по завершению конференции был обеспечен полный инструктаж господина Гэ Баоцюаня. Его статья о Пушкине в сборнике была основополагающей. С 80-х годов университеты Фуданьский (Шанхай), Сямэньский, Нанкинский, Пекинский педагогический университет, Хэйлунцзянский университет, Синьцзянский и другие (всего 21 вуз) были приглашенными в качестве почетных профессоров. Отсюда очевидно, что профессор Гэ Баоцюань пользуется большим авторитетом в области изучения Пушкина в Китае.

В начале 80-х годов профессор Гэ Баоцюань редактировал "Справочник иностранных литератур" и публиковал много статей, наряду с этим писал раздел "А.С. Пушкин" и другие параграфы для "Китайской энциклопедии". Все это внесло огромный вклад в распространение творчества Пушкина в Китае.

Обычно научные статьи профессора Гэ Баоцюаня о Пушкине делятся на два типа. Один из них заостряет внимание на оценке творчества писателя в целом и изучении переводов произведений Пушкина. Другой тип связывает изучение литературы с проблемами культуры. Его статьи раскрывают содержание произведений поэта и комментируют восприятие творчества Пушкина в Китае.

Профессор Гэ Баоцюань-исследователь самого раннего периода развития пушкиноведения в Китае, больше того, он расширил рамки исследования произведений Пушкина. Некоторые статьи профессора Гэ Баоцюаня имеют значение как документы для изучения культурных связей, как "сношения русско-китайской письменности" и "Культурная связь Китая с заграницей". В этом смысле они вошли в конспект истории русско-китайской культурной связи.

Все мы хорошо знаем, что первым китайским переводом был перевод "Капитанской дочки" Пушкина, но почти большинство читателей не знали автора этого перевода. Кто, как и когда заметил? Можно так сказать, что без профессора Гэ Баоцюаня Китай не узнал бы появление первого китайского перевода произведения Пушкина, сделанного ещё в 1903 году. Мы знаем, что Гэ Баоцюань ранее других в Китае специально занимался исследованием пушкинской темы. На первый перевод произведения Пушкина профессор Гэ Баоцюань потратил целых 20 лет, включая поиск материалов, и в конце концов в 1903 году появился китайский самый ранний перевод произведения Пушкина-"История русской любви" ("Капитанская дочка"). Этот результат исследования имеет большое значение и в развитии китайской литературы, и в истории русско-китайских литературных связей.

Кроме того, профессор Гэ Баоцюань является знаменитым переводчиком и исследователем иностранной литературы. Его область изучения включает в себя историю китайско-иностранных литературных отношений, историю переводов и сравнительное исследование мировых литератур.

С конца 20 годов профессор Гэ Баоцюань переводил большое количество Советских и Российских литературных произведений, таких, как "Сборник А.С. Пушкина" (1945), "Ежегодник изучения Горького" (1947), "Изучение русского драматурга-А.Н. Островский" (1947), поэма "Двенадцать" Блока (1947) и другие. В области китайско-иностраных литературных связей он опубликовал многие

статьи, как например, "Пушкин и Китай", "И.А. Гончаров и Китай", "Горький и Китай", "Горький и революционная борьба Китая", "Чехов и Китай", "Тургенев и китайская литература", "Толстой и Китай", "Маяковский и Китай", "Роман Роллан и Китай", "Шекспир и Китай", "Французская литература в Китае", "История китайских переводов", "Русская литература периода "4 мая" Китая", и другие.

Статьи профессора Гэ Баоцюаня за границей были широко известны, многие его статьи переводили на русский, английский, французский, немецкий, испанский, португальский и японский языки и они имеют большое международное влияние и сохраняют по сей день научную актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И. Ф., Пушкин и Царское село. В кн.: Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979.
2. Бартенев П. И., О Пушкине: Страницы жизни поэта; Воспоминания современников. М., 1992.
3. Виноградов В. В., Стиль Пушкина. М.: Наука, 1999.
4. Гершензон М. О., Статьи о Пушкине. М.:Изд. Academia, 1926
5. Горький М., История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939.
6. Ге Ихун, Цзо Лай. Становление и развитие современного театра драматического Китая после "движения 4 мая" // Китайская культура 20–40–х годов и современность: Сборник статей. Под ред. Сорокина В.Ф. – М.: Наука, 1993. 261 с.
7. Лю Вэньфэй. Распространение русской литературы и ее сегодняшнее положение в Китае // Русский Харбин, запечатленный в слове. 2012. № 6. С. 251.
8. Цюй Цюбо. Русская литературная история и другие. Изд. Фуданьский университет. Шанхай, 2004 г. с. 92.
9. Ван Шубай. История китайской культуры XX в. Изд. Чжунго циньянь.
10. Ге Ихун, Цзо Лай. Становление и развитие современного театра драматического Китая после "движения 4 мая" // Китайская культура 20–40–х годов и современность: Сборник статей. Под ред. Сорокина В.Ф. – М.: Наука, 1993. С. 261.
11. Гао Сюйдун. Литература "4 мая" и традиции китайской литературы. Изд. Шаньдунского ун-та, Цзинань. 2000. С. 21–24.
12. Лю Вэньфэй. Распространение русской литературы и ее сегодняшнее положение в Китае // Русский Харбин, запечатленный в слове. 2012. № 6. С. 251.
13. Лу Синь. Полное собрание сочинений. Изд. издательство Жэйминьвэньсюэ чубаньшэ. Пекин, 1981. Т.10. С. 169.
14. Лу Синь. Полное собрание сочинений. Изд. Жэньминьвэньсюэ чубаньшэ. Пекин, 1981. Т. 4. С. 432.
15. Чэнь Цзяньхуа. Китайско–российские литературные связи в 20 в. Изд. Сюэлинь. Шанхай, 1998. С. 1.
16. Чэнь Сюньмин. "Столетняя пушкиниана в Китае". М.: 1999 г. С.2.
17. Чэнь Цзяньхуа. Китайско–российские литературные связи в 20 в. Изд. Сюэлинь. Шанхай, 1998. С. 74–81.

© Лю Янькунь, Чэн Цзин, (15945607187@163.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ "ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА"

Парахина Ирина Сергеевна
Аспирант, Тюменский
государственный университет

INTERPRETATION OF THE CONCEPT "ENVIRONMENT"

I. Parakhina

Annotation

The study of the conceptsphere "environment" is an important scientific challenge, because ecology and environmental protection are becoming an increasingly important component of the life of the modern world community. The increasing role of information and the methods of its transmission allow us to identify that nowadays there is a lack of study of the metaphorical representation of the environment in modern mass media. The article proves there is necessity of studying the texts of ecological discourse from cognitive linguistics points of view. The analysis of the multiplicity of interpretations of the conceptsphere "environment" has been carried out on the materials of the newspaper discourse of environmental themes, which is becoming more widespread because it is connected with human activities. There are large number of concept definitions because its category is mental, figurative. In the analysis of the articles we used descriptive and comparative methods, the method of contextual analysis, the method of quantitative analysis.

Keywords: concept, conceptsphere "environment".

Аннотация

Изучение концептосферы "окружающая среда" является важной научной задачей, так как экология и защита окружающей среды становится все более значимой составляющей жизни современного мирового сообщества. Возрастающая роль информации и способов ее передачи позволяет выявить, что в настоящее время существует недостаточность изученности метафорического представления окружающей среды в современных СМИ. В статье доказана необходимость исследования текстов экологического дискурса с позиции когнитивной лингвистики. Проведён анализ множественности интерпретаций концептосферы "окружающая среда" на материалах газетного дискурса экологической тематики, который получает все более широкое распространение в связи с деятельностью человека. Большим количеством дефиниций, концепт обязан своей природе, так как это категория мыслительная, образная. При анализе статей были использованы описательный и сопоставительный методы, метод контекстуального анализа, метод количественного анализа.

Ключевые слова:

Концепт, концептосфера "окружающая среда".

Экология и защита окружающей среды становятся значимой составляющей жизни современного мирового сообщества и экологическая проблематика всё более проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает влияние на его дискурсивное пространство, в связи с этим необходимо обратиться к содержанию понятия концептосфера "окружающая среда" и выявить его интерпретации.

В понятийный аппарат нашего исследования входят следующие термины: концепт, концептосфера.

Согласно латинско-русскому словарю Колесова, этимология слова "концепт" соотносится с латинской лексемой "conceptio, conceptum" и имеет следующие значения:

1. соединение, совокупность, система;
2. резервуар;
3. зачатие, зародыш;
4. словесное выражение".

С лингвофилософской и исторической точек зрения концепт рассматривается как диалектическое единство потенциальных образов, значений и смыслов словесного

знака, выражающего непреодолимую сущность бытия в неопределенной сфере сознания [7, с.88].

Новейший философский словарь дает следующее определение концепта (лат. conceptus – понятие) – 1) формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; 2) в логической семантике – смысл имени [8, с.245–246]. Отсюда концепция [< лат. conceptio – восприятие; лат. conceptus – мысль, представление] – 1) система взглядов на те или иные явления; способ рассмотрения каких-либо явлений, понимание чего-л.; 2) общий замысел художника, поэта, ученого [3, с.234–235]. Здесь можно заметить, что философский словарь ставит акцент на логическую составляющую концепта, на понятие, в то время как словарь иностранных слов акцентирует особенности внутренней формы слова, учитывая восприятие, видение, образ.

Концепт – категория мыслительная, образная отсюда и такое большое разнообразие ее толкования. Категорию концепта можно встретить в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов. В подобных интерпретациях она несет в себе вневелингвистические черты.

С точки зрения лингвокультурного подхода концепт рассматривается в качестве базовой единицы культуры. Данного подхода придерживаются такие ученые, как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др. Так, Ю.С. Степанов определяет концепт как "сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, то, посредством чего человек – рядовой, обычный, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё" [7, с.104–105].

Ученые, поддерживающие лингвокогнитивный подход к пониманию концепта, такие как Э.Д. Попова, И.А. Стернин относят концепт к явлениям ментального характера, определяя его как глобальную мыслительную единицу. В "Кратком словаре когнитивных терминов". Е. С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта: "Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке" [9, с.67–69].

Н.Ф. Алефиренко определяет концепт как единицу когнитивной семантики, как сложное ментальное образование, в состав которого входит оценочная и релятивно-оценочная семантика, содержащая информацию об отношении человека к отражаемому объекту. [1, С.340].

Понятие "концепт" отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания в виде неких "квантов" знания [9, с.67–69].

Различные подходы к пониманию термина "концепт" говорят о том, что он имеет двустороннюю природу как значения языкового знака (лингвистическое и культурологическое направления) и как содержательной стороны знака, представленной в ментальности (когнитивное направление). Отметим, что все вышеприведенные точки зрения связаны между собой и не противопоставлены друг другу: когнитивный и культурологический подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт, как ментальное образование в сознании человека, выходит на концептосферу социума, т.е. в конечном результате на культуру, а концепт, как единица культуры, есть совокупность коллективного опыта, который становится достоянием каждого человека.

Поскольку концепт "Environment/Окружающая среда" будет рассматриваться нами в рамках публицистических произведений, он будет являться познавательным и отличаться от художественных концептов или концептов-универсалий. Ряд ученых [2, С.278; 1, 340] считают, что познавательный концепт определяется как мыслительное образование – заместитель реальных предметов,

действий, признаков. Концепт–заместитель может быть конкретным, отвлечённым и даже потенциальным, а сама замещаемая в сознании множественная предметность – реальной или воображаемой. Как считает С.А. Аскольдов, "к концептам не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное" [2, С.278].

Таким образом, концепты представляют собой свернутые и структурированные процессы в системе смысла, для которой допустим спектр разных путей развития, ограниченный познавательной моделью и возможностями средств, манифестирующих концепт, — синонимическим и антонимическим рядом, ключевым или тематическим словом в тексте, а также "факультативными" элементами структуры текста. Например, комплексное рассмотрение эмоционального, сюжетно–композиционного, тематического и других уровней текста позволяет говорить об эмоциональных концептах как "прототипических моделях поведения или сценариях, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств" [4, с.87–89] или гештальтах.

В рамках данного исследования рабочее определение концепта основано на лингвокогнитивном и лингвокультурном подходах, и сформулировано как "заместитель реальных предметов, действий, признаков, мыслительных функций одного и того же рода, относящееся к явлению ментального характера и являющееся основной ячейкой авторской концептосферы". [8, с.77–79].

Динамичная концептосфера английского языка постоянно пополняется новыми концептами. Это, несомненно, касается многослойного концепта "environment", который, в связи с ростом интереса к защите окружающей среды, приобретает множество новых составляющих. Проведем компонентный анализ единиц "environment / окружающая среда" как источника формирования ядра рассматриваемой концептосферы "окружающая среда".

Environment – the air, water, minerals, organisms, and all other external factors surrounding and affecting a given organism at any time [10]. Environment – 1) external conditions or surroundings, especially those in which people live or work; 2) (ecology) the external surroundings in which a plant or animal lives, which tend to influence its development and behavior; 3) the state of being environed; encirclement [11]. Окружающая среда: окружающий мир; окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества и организмов, т.е. те из окружающих их условий, которые они способны переживать и от которых зависит их существование и продолжение рода.

Исходя из определений понятий environment / окружающая среда, представляется возможным выделить доминантные семы: "естественные природные условия",

"экологическое состояние местности", "окружающий человек природный и созданный людьми материальный мир", "окружение, совокупность природных условий, окружающий мир среду обитания и деятельности человека" – в определениях, предложенных русскими словарями; "external conditions or surroundings", "the state of being environed" "the air, water, minerals, organisms, and all other external factors surrounding" – в англоязычных словарях.

Так как концептосфера – это совокупность концептов, из которых складывается миропонимание носителя языка, то мы можем сказать, что такие концепты как "земля", "вода", "флора и фауна", "животные", "природа", "экология" и т.д., человек объединяет в концептосферу "окружающая среда", при этом вкладывая в данное понятие все свое восприятие, познание и реакцию на мир, связанные непосредственно с окружающей средой.

В антропоморфных метафорах человек моделирует реальность исключительно по своему подобию. Сюда входят следующие таксоны: действия человека, части тела личность. Spaceship earth needs more hands [Greenpeace: Great news for the 120,000 people demanding forest-friendly products! 2014].

Most firefighting is done with the head, not the muscles. You can be smarter than a fire. Firefighting safely depends on skills and proper equipment, not on gender [12].

В данных примерах лексемы hands, head, muscles используются в переносном значении, которая подразумевает не конечности и части тела человека, а непосредственно его действия по отношению к планете Земля.

К категории артефактных или бытовых метафор относятся наименования, в основу которых положено сравне-

ние с предметами быта и окружения человека. В основу бытовых метафор легли следующие таксоны: 1) помещение и его элементы 2) дом.

Рассмотрим пример, в основе которого лежит таксон дом.

Monday, Mr. Obama directed the Environmental Protection Agency to consider immediately California's application to set its own rules on greenhouse-gas emissions from cars and trucks [The New York Times: New Day on Climate Change 2012].

В приведенном примере, лексема greenhouse-gas emissions относится к выбросу различных газов, состоящих в основном из углекислого газа. Тем не менее, парниковые газы – это газы, выпускающиеся из растений в теплице, а не газы, которые выбрасываются в атмосферу от машин и фабрик, то есть употребление лексемы greenhouse в примере основано на метафоре, так как можно подумать о Земле как об оранжерее или парнике, не позволяющем теплу покинуть Землю. Поскольку есть определенные сходства между настоящей оранжереей, парником и Землей, данное употребление метафоры имеет смысл. Так же как атмосфера, которая окружает Землю сохраняет тепло внутри, стены и крыша парника обеспечивают такой же эффект.

В заключение подчеркнем, что изучение концептосферы "окружающая среда" является важной научной задачей, так как экология и защита окружающей среды становятся всё более значимыми составляющими жизни современного мирового сообщества и экологическая проблематика так или иначе всё более проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает влияние на восприятие, понимание и реакцию человека на мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семиологические корреляции // Жанры речи: сб. науч. трудов. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов, 2005. С.440
2. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНБЕС, 1998. с.234–235
3. Вежицкая А.Н. Язык. Культура. Познание. . М.: Русские словари, 1996. ... с.87–89
4. Колесов В.В. Латинско–русский словарь, 2002. с.88–93
5. Кондрашов В. Новейший философский словарь. Ростов–на–Дону: Феникс, 2008.с.245–246
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. с.67–69
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. с.104–105
8. Философский энциклопедический словарь // URL: <http://enc-dic.com> (25.11.15:)
9. Юлтимирова С.А. Различные подходы к трактовке термина "концепт" Publishing House Education and Science s.r.o. Архив научных публикаций, 2006 // URL: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm (25.11.15:)
10. Collins dictionary // URL: <http://www.collinsdictionary.com> (25.11.15:)
11. Webster's dictionary // URL: <http://dictionary.reference.com> (25.11.15:)
12. <https://www.greenpeace.org/international/story/15550/the-incredible-firefighting-women-of-russia/>

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА МЕТАФТОНИМИИ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

PECULIARITIES OF METAPHTONOMY ANALYSIS IN ADVERTISING SLOGANS

*D. Remyannikova
S. Mishlanova*

Annotation

The article represents a research carried out within a cognitive paradigm of modern linguistics. The study represents an analysis of the way in which metaphor and metonymy interact (metaphtonymy). The material of the research is English-language advertising slogans of fast-food restaurant KFC. The methods used in the investigation are Metaphor Identification Procedure (MIPVU), Five-step metaphor analysis and Critical metaphor analysis.

Keywords: metaphor, metonymy, metaphtonymy, advertising discourse, critical discourse analysis.

*Ремянникова Дарья Олеговна
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет*

*Мишланова Светлана Леонидовна
Д.филол.н., профессор,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация

Данная статья выполнена в рамках когнитивной парадигмы современной лингвистики. В исследовании проводится анализ, позволяющий определить способы взаимодействия метафоры и метонимии (метафтонимии). В качестве материала исследования послужили англоязычные рекламные слоганы ресторана быстрого питания KFC. В исследовании используются метод идентификации метафоры (MIPVU), пятишаговый анализ метафоры и критический анализ метафоры.

Ключевые слова:

Метафора, метонимия, метафтонимия, рекламный дискурс, критический дискурс-анализ.

Обзор современных лингвистических исследований в рамках когнитивного подхода показывает, что одним из основных способов восприятия и познания действительности является воображение или способность проецировать элементы одного концепта на элементы других концептов [5, р. 31]. Именно поэтому в последние годы стало актуальным изучение таких механизмов создания образности как метафора и метонимия в качестве когнитивных процессов мышления, категоризации и концептуализации окружающей действительности.

Р.О. Якобсон рассматривает метафору и метонимию как единицы, принадлежащие разным "полюсам" и располагающиеся на разных "осях". Он указывает на то, что "речевое событие может развиваться по двум смысловым направлениям: одна тема может переходить в другую либо по сходству, либо по смежности". Показательным для иллюстрации действия метонимического и метафорического механизмов оказывается то, что они оба играют огромную роль в когнитивной деятельности человека, в том числе и порождении речи. Однако не исключается и конкуренция между двумя механизмами поведения – метафорическим и метонимическим, которая проявляется в любом символическом процессе, как внутри личностном, так и социальном [4, с. 110, 117].

По мнению Н.Д. Арутюновой, метафора и метонимия представлены, с одной стороны, на разных полюсах когнитивного процесса, с другой – позиционно находятся в синтагматических отношениях: метонимия употребляется чаще всего в функции субъекта, а метафора связана с позицией предиката. Метафоре и метонимии приписываются разные функциональные роли. Метафора дает объекту сущностную характеристику, а метонимия идентифицирует объект, актуализируя его индивидуализирующую черту [1, с. 5]. Вопрос определения механизмов метафоры и метонимии привел к тому, что ряд лингвистов настаивает на строгом разграничении данных феноменов, в то время как другие предпринимают попытки объяснить их частичное наложение.

Мнение о том, что метонимия и метафора – совершенно разные явления, разделяют Дж. Лакофф [14], М. Тернер, Ж. Фоконье [10] и Р. Гиббс [12]. В рамках когнитивного подхода явление метонимически ориентированной метафоры вылилось в попытки классифицировать структурно-функциональные разнообразия "метафтонимии", предпринятые такими исследователями, как Л. Гуссенс [13], Дж. Тейлор [24], Р. де Мендоза и Ф. Мазегоза [19], Р. де Мендоза и Р. Майрал [20]. Термин "метафтонимия", под которым понимается переход одного явления в другое в рамках области-источника и области-цели,

был введен Л. Гуссенсом [13, p. 353]. Рассматривая логически возможные способы потенциального взаимодействия метафоры и метонимии, выделяются два основных типа метафтонимии:

1. комплексная метафтонимия – слияние метафоры и метонимии в одном выражении:

а) метонимия в метафоре (metonymy within a metaphor);

б) метафора в метонимии (metaphor within a metonymy);

2. кумулятивная метафтонимия, допускающая либо образование метафоры от метонимии (metaphor from metonymy), либо метонимии от метафоры (metonymy from metaphor) [13, p. 370].

Метафтонимия понимается нами как цепочка метафор, т.е. слов, употребленных в тексте не базовом значении. В настоящем исследовании предпринята попытка разработки собственного "дизайна" методики для анализа метафтонимии, на основании уже имеющихся методов. Необходимо отметить, что некоторые шаги данных методов были редуцированы, в результате чего была получена методика, адаптированная под анализ метафтонимии. В качестве примера послужил рекламный слоган ресторана быстрого питания KFC: "Get a bucket of chicken, have a barrel of fun".

Одна из проблем, возникающая перед исследователями на первых этапах исследования: как идентифицировать метафору в тексте? Концептуальная теория метафоры расширяет определение метафоры и ее применение, говоря, что "наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, метафорична по своей сути" [15]. Однако такое определение, безусловно, не может являться достаточным критерием для идентификации метафоры в том или ином типе дискурса. Для решения данной проблемы Г. Стейном и Лабораторией Метафоры Свободного университета Амстердама была предложена процедура MIPVU [18; 23]. Применяя процедуру идентификации метафоры, необходимо определить фокус метафоры, то есть лексем, представленных в переносном значении в окружении лексем с буквальным значением [18]. Приведем контекстуальные и базовые значения лексем, входящих в состав слогана, на основе статей словарей Longman Dictionary of Contemporary English [16] и Macmillan Dictionary for Advanced Learners [17]:

1. базовое значение глагола get – to receive, or be given smth – отличается от контекстуального, так как речь в слогане идет о приобретении – to buy a basket of chicken;

2. bucket имеет контекстуальное значение a small container for carrying food и базовое значение a round open container with a handle, used for carrying and holding things, especially liquids;

3. of имеет базовое и контекстуальное значения used for saying who or what has a particular feature, aspect, or quality;

4. chicken имеет базовое значение a bird kept for its eggs and meat и контекстуальное значение the meat of a chicken, which is cooked with secret 11 herbs and spices, которое отличается от базового;

5. глагол have имеет контекстуальное значение to make someone have a particular feeling, которое отлично от базового значения – used to say what someone or something looks like, what qualities or features they possess etc;

6. barrel – used for showing a large amount of smth, in our case used for showing a large amount of pleasant emotions, базовое значение существительного barrel отличается от контекстуального – a round wooden, metal, or plastic container with a flat top and bottom, used for storing liquids; a unit for measuring crude oil; measurement for oil, equal to 159 litres;

7. fun имеет контекстуальное значение a tremendous amount of pleasant emotions, и базовое значение behaviour that is not serious and shows happiness.

На основании контрастности контекстуальных и базовых значений следует отметить лингвистические единицы get, bucket, chicken, have, barrel как метафорические, а т.к. они представлены в переносном значении на фоне группы лексических единиц с буквальным значением, то можно сделать вывод, что они являются метафорическими фокусами (F1, F2, F3, F4, F5). Следующий этап исследования основывается на пятишаговом анализе метафоры, подлинная научность которого была доказана М.В. Суворовой и С.Л. Мишлановой [2, с. 289]. В результате применения пятишагового анализа становится возможным восстановить межконцептуальные соответствия, характеризующие проекцию области-источника на область-цель [21]. Выявленные метафоры анализируются с трех точек зрения: лингвистической, концептуальной и коммуникативной. Отсюда цель создания пятишагового анализа определяется как создание метода, позволяющего "идентифицировать концептуальные метафорические структуры в дискурсе так, чтобы исследователи речи и текста могли следовать единой процедуре" [21, p. 55].

Важно подчеркнуть, что пятишаговый анализ применяется для метафтонимии столько раз, сколько метафорических фокусов было выявлено в ходе проведения MIPVU, которая описывалась выше, и для каждого фокуса в отдельности.

После определения метафорического фокуса представляется необходимым проведение пропозиционного анализа, который позволяет выявить метафорическую идею, содержащуюся в слогане. Пропозиция понимается нами как минимальная смысловая единица идеи, представляющей концептуальное содержание лингвистического выражения. В результате проведенного пропозиционного анализа была выявлена идея, содержащаяся в слогане:

"Больше посетителей → больше порции → меньшее количество времени → увеличение потока клиентов → увеличение объема продаж".

Более того, пропозиционный анализ позволил определить, что для усиления эмоционального воздействия на потребителя в слогане используется такой композиционный прием, как параллелизм – сходное построение смежных частей текста, при котором элементы речи, несущие единую идею, следуют в определённой последовательности и создают единый образ. Параллелизм заключается в использовании двух синонимов: ведра и бочки. Вторая часть слогана "have a barrel of fun" оказывается более насыщенной, более выразительной и впечатляющей, чем предыдущая. С использованием климакса (градации) про-

исходит постепенное усиление, нарастание признака или свойства предмета. Так копирайтеры стремились показать, что потребитель, покупая фирменный "баскет" курицы в KFC, получит взамен огромное удовольствие. В данном случае климакс указывает на увеличение важности, так как ведро в несколько раз меньше бочки.

Последующими шагами было реконструирование концептуальной основы сравнения и определение переносной аналогии. На заключительном этапе, на основании аналогии формируется перечень соответствий компонентов области-цели и области-источника, составляющих в итоге метафорическое пересечение (mapping), которое может быть представлено графически следующим образом на рис.

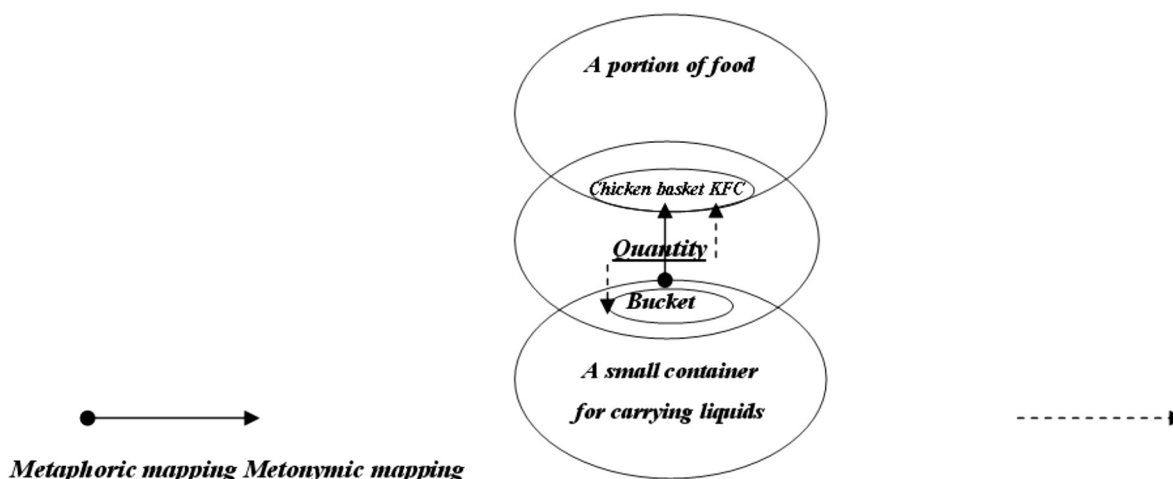

Рисунок 1. Метафоро-метонимические трансформации.

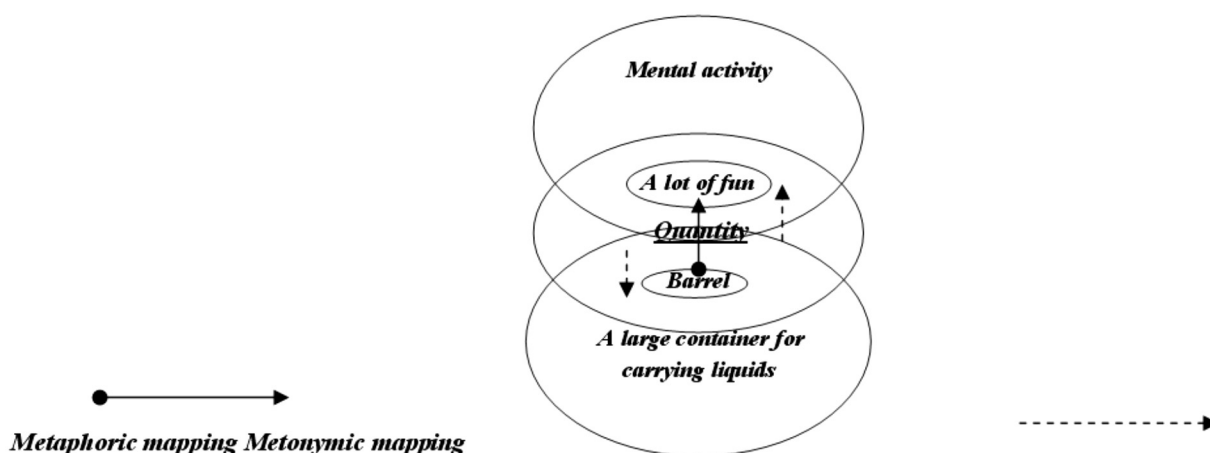

Рисунок 2. Метафоро-метонимические трансформации.

Графическое изображение метафтонимии позволяет увидеть следующую картину: сначала происходит выделение общего элемента у смежных концептуальных областей, т.е. с одной стороны проявляются свойства метафоры (две разных области), а с другой – метонимии (две разных, но смежных области). И так, как мы видим, происходит метонимический перенос с контейнера на содержимое, в котором "chicken" и "fun" отождествляется с "liquids", и при котором дискретное значение количества переходит в недискретное, передавая смысл неопределенного большого количества в целях создания дополнительной экспрессии. Недискретная оценка в данном слогане выражает количественно-качественные отношения, которое характеризуют величину объекта с точки зрения размера, объема.

В пределах нового, общего для двух смежных областей "субдомене" реализуется проекция, в результате которой "bucket", "barrel" стали обозначать "a basket of KFC fried chicken" и "a lot of fun". Точка пересечения двух значений будет представлять собой метафтонимию. Это обстоятельство доказывает, что мы имеем дело с разнородностью метафтонимии – "метафорой на базе метонимии".

Графическая схема наглядно показывает, что метафорическое значение мотивируется наличием связи между референтом буквального значения (базового значения) и метафорическим значением, устанавливаемым метонимией, но результирующим и превалирующим оказывается именно метафорическое значение, а осознание присутствия метонимии, которая мотивирует понимание, исчезает. Это зависит от того, насколько образной оказывается метафорическая составляющая, и насколько актуальной для понимания представляется связь между метафорой и метонимией, с одной стороны, и метонимией, и референтом буквального значения, с другой. Нельзя рассматривать исследования организации дискурса рекламы в рамках одного подхода, изучение данного дискурсивного образца должно быть комплексным. Сочетание прагматического, коммуникативного и когнитивно-концептуального подходов к изучению дискурса рекламы позволяет определить условия, а также способы его эффективного функционирования. Исходя из чего, на заключительном этапе исследования, мы считаем целесообразным обратиться к критическому анализу метафоры, предложенному Дж. Чартерисом–Блэком [6].

В своих исследованиях Дж. Чартерис–Блэк возвращает несколько забытую идею о том, что метафора является преимущественно риторической фигурой речи, так как она придает сказанному большую наглядность и воздействует на чувства слушателей. В информирующей и аргументирующей речи метафора используется как средство достижения успеха. Чтобы вернуть риторический элемент в метафорику, исследователь связывает

рассмотрение текстовых аспектов метафоры с ее прагматикой [6]. Усиление воздействия на эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы адресата в слогане происходит за счет использования метафтонимии, что подтверждает взгляд на метафору как на риторическую фигуру речи.

Необходимо отметить, что в данном исследовании критический анализ метафоры впервые применяется в комплексе с MIPVU и пятишаговым анализом метафоры для рассмотрения метафтонимии в рекламных слоганах. Существуют исследования, в которых предпринята попытка применения методики критического анализа метафоры в комплексе с MIPVU для анализа и объяснения того, как метафоры в речи президентов упрощают понимание сложных политических событий, рисуют знакомые всем образы и являются средством манипуляции массовым сознанием [3]. Дж. Чартерис–Блэк является сторонником критического дискурс-анализа, которым занимались такие исследователи, как Т. ван Дейк [25], Н. Фэрклоу [9] и Р. Водак [26]. Критический дискурс-анализ служит инструментом, помогающим извлечению максимально полного количества имплицитных смыслов, заключенных в контексте. Именно критический анализ дискурса как социальной практики ориентирован на выявление связей текста с другими элементами социального события. Анализ текста – оказался во многом ключом к пониманию функционирования идеологии. Каждый отдельный пример использования языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру. Таким образом, использование языка может быть идеологическим [25; 26].

Стоит отметить, что идеология – коллективно исповедуемая система верований и убеждений, контролируемая государством, субъектом которой обязательно является та или иная социальная группа [9]. По закону о бизнесе, государство, осуществляя расходы, оказывает прямое воздействие на ресторан быстрого питания. Использование бюджетных средств нацеливает на то, чтобы не разменивать их по многочисленным направлениям и программам, а определять приоритеты и концентрировать средства на четко сформулированные цели, сокращать расходы и получать большие результаты при минимуме затрат. Рассмотрим, как данная идеология реализуется на практике компанией KFC.

"Быстрая еда" превратилась в глобальную индустрию потому, что мир изменился принципиально: во много раз увеличились темпы жизни, города выросли до многомиллионных масштабов. Поэтому домашнюю пищу все больше вытесняют полуфабрикаты и готовая еда, продвигаемая KFC, вполне удовлетворяет спрос потребителей. Более того, людей привлекает сравнительно низкая цена "баскета" по отношению к остальным позициям, представленным в меню. Если переводить дословно, то фраза

"ведро курицы", говорит нам о большой порции, предлагаемой по доступной цене. Таким образом, KFC продают фирменное блюдо оптом, увеличивая килограммы потребляемой "курицы".

Анализируемый слоган показывает, что в фаст-фуде устранена богатая семантика пищи, наоборот, она очень технологична: отсутствует трапеза; время, которое может быть затрачено на приготовление еды и на саму трапезу, отчуждается; обедняется предметная среда – традиционная посуда заменяется одноразовыми аналогами для большего удобства и скорости обслуживания. Преимуществом "баскета" является быстрота его приготовления и употребления, что позволяет обслужить большее количество посетителей за меньшее количество времени, так увеличивается поток клиентов в течение дня и, как следствие, увеличивается объем продаж. Одной из ключевых идей является стандартизация фаст-фуда. Смысл заключается в том, что если ты хотя бы раз попробовал "баскет" в KFC, то точно будешь знать, что когда ты закажешь его в следующий раз, он будет точно таким же. Более того, ты приведешь с собой друзей, которые также попробуют "баскет" и будут возвращаться за ним вновь, приводя своих знакомых, расширяя круг потребителей.

В анализируемом слогане адресант манипулирует сознанием реципиента, убеждая его при помощи метафоричности, параллелизма и климаткса, что покупая их фирменное блюдо, он получит огромное наслаждение взамен и, кроме того, сможет разделить его в компании друзей, ведь "баскет" – уникальный продукт для дружной веселой компании. Исходя из этого, настроение потребителя на-

ходится на высоком уровне и у него возникает желание вернуться за очередной порцией. Так копирайтеры пытаются воссоздать ситуацию мнимого выбора или "иллюзию" выбора, этот семантический ход в современной научной литературе имеет название "выбор без выбора", когда внушается только одно, определенное отношение к предмету. Метафоричность рекламных слоганов может служить мощным средством воздействия на общественное мнение, так как подсказывает реципиенту информации, на каких свойствах объекта сосредоточиться, чтобы понять более сложные абстрактные явления (область-цель) в терминах более знакомых конкретных (область-источник). Это неизбежно способствует созданию и закреплению определенных стереотипов и доминирующей идеологии.

В результате проведенного исследования было выявлено, что специфика рекламного воздействия обусловлена многочисленными экстралингвистическими факторами и их взаимодействием с лингвистическими особенностями рекламных сообщений, что определяет выбор языковых средств, используемых в рекламных слоганах для достижения прагматического эффекта. Предлагаемый нами "дизайн" методики для анализа метафоричности позволяет наглядно продемонстрировать, как реализуется имплицитная информация при функционировании метафоричности в рекламных слоганах. Отсюда следует, что когнитивный подход к анализу метафоры и метонимии позволяет выйти на метафоричностное моделирование. Дискурсивный подход, в свою очередь, раскрывает взаимодействие метафоры и метонимии как сложного механизма формирования идеологии и ценностных смыслов, реализующихся в дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Суворова М.В., Мишланова С.Л. Оценка соответствия метода пятишагового анализа метафоры требованиям, предъявляемым к подлинно научному методу // Вестник молодых ученых ПГНИУ: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Бячкова. Вып 5. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. С. 289 – 293.
3. Цзи Сяосяо. Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-issledovanii-metafor-v-amerikanskom-prezidentskom-diskurse> (дата обращения: 30.03.2018).
4. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 110–132.
5. Barcelona A. Types of arguments for metonymic motivation of conceptual metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 317–58.
6. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.
7. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. London: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
8. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana U.P. Midland Book Edition, 1986. 254 p.
9. Fairclough N., Mulderrig J., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies. A multidisciplinary Introduction / ed. by T.A. van Dijk. London: Sage, 2011. P. 357–378.
10. Fauconnier G., Turner M. Metaphor, metonymy and binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 133–145.
11. Feyaerts K. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 59–78.
12. Gibbs R. Speaking and thinking with metonymy // Metonymy in Language and Thought / ed. by K.–U. Panther, G. Radden / Human Cognitive Processing. 1999. Vol. 4. P. 61 –76.

13. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by R. Dirven, R. Porings. Berlin; New York: Mouton de Gruyer, 2002. P. 349–377.
14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
15. Lackoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. London: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 30.03.2018).
17. Macmillan Dictionary – Free Online Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 30.03.2018).
18. Praggeljaz G. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. № 22(1). P. 1?39.
19. Ruiz de Mendoza F.J., Galera–Masegosa A. Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains // *Studies in Cognition and Linguistics* / ed. by B. Eizaga Rebolgar. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2012. P. 161–190.
20. Ruiz de Mendoza F.J., Mairal R. High–level metaphor and metonymy in meaning construction // *Aspects of Meaning Construction* / ed. by G. Radden, K.–M. Kopcke, T. Berg, B.R. Siemund. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 33–51.
21. Steen G.J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / ed. by R.W. Gibbs, G.L. Steen. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 55?77.
22. Steen G.J. Metaphor identification: A cognitive approach // *Style*. 2005. № 36. P. 386?407.
23. Steen G.J., Dorst A.G., Kaal A.A., Herrmann J.B., Krennmayr T. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: Benjamins, 2010. 238 p.
24. Taylor J.R. Category extension by metonymy and metaphor // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by R. Dirven, R. Porings. Berlin; New York: Mouton de Gruyer, 2002. P. 323–334.
25. Van Dijk T. *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach* // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 62–86.
26. Wodak R. Aspects of critical discourse analysis // *Zeitschrift fur Angewandte Linguistik*. 2002. № 36. P. 5–31.

© Д.О. Ремяникова, С.Л. Мишланова, (dasharemyannukova94@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Международная выставка IMPC–EXPO2018

добыча и переработка минерального сырья.

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению полезных ископаемых

Москва 16 – 18 сентября 2018. ЦВК «Экспоцентр», павильон 7, зал №1

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

Спонсоры:

Официальный конгресс-организатор Международное Агентство Конгрессного Обслуживания MAKO

MAKO

<http://www.makongress.ru> / +7 499 705 79 25 / info@makongress.ru

СПОСОБЫ ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Е.В. ГРИШКОВЦА "ПЛАНКА"

WAYS OF TRANSLATING THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN THE COLLECTION OF "PLANKA" SHORT STORIES OF E.V. GRISHKOVETS

E. Sonina

Annotation

The work of the modern representative of the literary mainstream E.V. Grishkovets no doubt can be considered within the anthropological tradition of fiction. In his works, it is the person who is the main object of creative research, the writer understands the world through the image of his hero in everyday and seemingly insignificant situations. Under the watchful gaze of E. V. Grishkovets the most unremarkable events acquire epic scope that allows the author to open the vision of essence of the person and his existence within existential philosophical paradigm.

Keywords: collection, the author's consciousness, story, artistic knowledge.

Сонина Елена Владимировна
Аспирант,
Северо-Кавказский
федеральный университет

Аннотация

Творчество современного представителя литературного мейнстрима Е.В. Гришковца без сомнений можно рассматривать в рамках антропологической традиции художественной литературы. В его произведениях именно человек является основным объектом творческого исследования, писатель осмысляет окружающий мир через изображение своего героя в бытовых и незначительных на первый взгляд ситуациях. Под пристальным взглядом Е.В. Гришковца самые непримечательные события приобретают эпический размах, что позволяет автору раскрыть свое видение сущности человека и его бытия в рамках экзистенциальной философской парадигмы.

Ключевые слова:

Сборник, авторское сознание, рассказ, художественное познание.

На рубеже XIX – XX вв. в литературном пространстве происходят изменения, внимание писателей при создании художественного текста сосредотачивается на самом герое и его внутреннем мире: "Традиционно на авансцену произведений выдвигались подробности событийного ряда: поворотные моменты в жизни героев. А все остальное (психологические состояния людей, окружающая их обстановка, течение будничной жизни с ее мелочами) оставалось на периферии: либо давалось вскользь, либо сосредотачивалось в начальных эпизодах произведения (экспозициях)" [Хализев: 356]. В литературе наблюдается усиление антропологической парадигмы, в рамках которой автор обращается к различным формам творческого самовыражения через художественный текст. При этом, как отмечают Н.Т. Рымарь и В.П. Скобелев, в 1930–1950х гг. XX века в литературоведении "официальное осуждение формализма и полное господство так называемой гносеологической концепции искусства, отрицание права художника на условность ... – все это не способствовало изучению проблемы автора и, более того, вызывало к такого рода работе подозрительное отношение" [Рымарь, Скобелев: 60]. В таких непростых условиях формируется основа теории автора, исследованиями данного направления занимается ограниченный круг учёных, среди которых следует особенно выделить вклад В.В. Виноградова и Л.Я. Гинзбург. В конце 1950–х – начале 1960–х гг. на-

учная деятельность Б.О. Кормана и его учеников позволила развить теорию автора и вывести эту область исследований в литературоведении на новый уровень. В рамках системно-субъектного подхода Б.О. Корман выделяет различные формы выражения авторского сознания в художественном тексте через проявление субъективности самого писателя как личности: "Автор непосредственно не входит в произведение: какой бы участок текста мы ни рассматривали, мы не можем обнаружить в нем непосредственно автора; речь может идти лишь о его субъектных опосредованиях, более или менее сложных" [Корман: 41]. Центром литературного процесса становится автор, который обеспечивает возможность исследования литературного текста как целостной системы в единстве формы и содержания и отношений между субъектом и объектом как существенных характеристик литературного текста: "Художественный мир литературного произведения потому и является миром, что включает в себя, внутренне объединяет и субъекта высказывания, и объект высказывания, и адресата высказывания, а в системе взаимосвязей и взаимопереходов между ними выявляется своеобразие авторской позиции, образующей и организующей художественное целое" [Гиршман: 126].

В творчестве современного писателя Е.В. Гришковца интерес для исследования представляют особенности

субъектно–объектных отношений, выраженные в прозаических текстах. В соответствии с определением Б.О. Кормана субъектом речи выступает тот, кто изображает и описывает художественное пространство произведения и все события, происходящие внутри тексте, как объект речи следует понимать "все то, что изображается, и все, о чём рассказывается: это люди и их поступки, предметы, обстоятельства, пейзаж и события" [Корман: 20]. В современном литературоведении достаточно широко представлен анализ субъектно–объектных отношений в лирических произведениях, одним из фундаментальных исследований в этой сфере является труд С.Н. Бройтмана *Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно–образная структура)*. Автор всегда присутствует в произведении, при этом, чем субъект художественной прозы ближе позиции и биографии самого писателя, тем меньше заметна для читателя граница между субъектом и автором. Особенности прозаического повествования позволяют писателю использовать различные способы своего присутствия в тексте: через объект и субъект речи и посредством "субъекта сознания" (Б.О. Корман) – того, чьи мысли и мироощущение выражены в данном отрывке произведения. Эпос предоставляет писателю широкие возможности для создания различных, в том числе и полярных, точек зрения, которые отличаются от позиции самого писателя, выраженные в субъектно–объектных отношениях текста.

Разнообразие способов присутствия писателя в тексте может быть выражено как через автора–повествователя и ролевого героя, так и посредством проявления субъектности писателя в изображении поэтического мира произведения и введения в повествование межличностного субъекта, выражающего различные точки зрения на описываемую действительность. Писатели используют различные формы выражения авторского сознания в произведении, что во многом обусловлено особенностями мировоззрения автора и характерными для него способами изображения действительности в художественном пространстве.

В целом все творчество Е.В. Гришковца характеризует общностью выбора темы литературного повествования, жанрового выражения и системы действующих героев. В драматургии и рассказах писателя прослеживается явная взаимосвязь с традициями, заложенными творчеством А.П. Чехова. А.П. Скафтымов, размышляя о драматургии Чехова, отмечает, что в произведениях "вопреки всем традициям, события отводятся на периферию как кратковременная частность, а обычное, ровное, ежедневно повторяющееся составляет главный массив, основной грунт всего содержания пьесы" [Скафтымов: 413]. Е.В. Гришковец неоднократно упоминал, что в своем творчестве он ориентируется на российскую гуманистическую литературу, среди которой первостепенными образцами стали произведения А.П. Чехова [11, 12].

В творческом поиске Е.В. Гришковец от своих первых пьес–монологов и до новых прозаических текстов определяет эту же проблематику как основу своих произведений: он писал и продолжает писать современные истории о смешных и трагических пустяках, из которых состоит наша жизнь, глубоко раскрывая мир эмоций своего героя, которые он при этом испытывает. Автор осознанно замедляет действие в происходящем, обращая внимание на бытовые детали и долгие монологи–размышления, воплощая принцип драматургии настроения, заложенной пьесами А.П. Чехова. Произведения Е.В. Гришковца не отличаются большой сюжетной динамикой, что позволяет автору внимательно и подробно останавливаться на изображении чувств и переживаний героев и их взаимосвязи с художественным миром произведения.

При доминирующем значении содержания в художественной литературе важную роль играет его диалектическое единство с формой выражения. Определив человека, как основной предмет творческого осмысления, Е.В. Гришковец находит наиболее точные способы выражения авторской концепции личности посредством литературных проб и экспериментов с различными жанровыми формами. В.М. Головкин отмечает, что при эволюции идеи человека на различных этапах исторического развития сохраняется "соответствие потенциала жанров запросам и тенденциям художественного познания (обоснование закономерности востребованного временем, которое познает себя в формах определенной жанровой системности)" [Головкин: 225]. Это положение справедливо не только в рамках герменевтики жанров в целом, но также и для художественной системы одного писателя. Рассматривая творческий путь Е.В. Гришковца как уже сложившегося автора, можно выделить определенную концепцию человека, которая прослеживается и декларируется писателем: и драматические тексты, и прозаические произведения объединяются общим видением личности человека и определяют основные способы его изображения. Представление человека в его бытовых условиях описание небольших по временному промежутку и динамике развития событий определили выбор писателя в пользу жанров малой прозы – повести и рассказы.

Одной из наиболее явных форм присутствия авторского сознания в творчестве Е.В. Гришковца является объединение всех художественных текстов в поэтический мирповествования о Человеке и его экзистенциальном самоопределении себя в этом мире. В начале творческого пути писатель обращается к описанию переживаний героя, которые ему хорошо знакомы – служба и первые осмысления своего внутреннего мира (пьесы "Как я съел собаку", "Дредноуты", сборник рассказов "Планка", повесть "Реки"). Вместе с творческим становлением писателя меняется тематика и действующий герой произведений: автор описывает быт и повседневность современного человека в его жизни и обыденных

переживаниях (пьесы "ОдноврЕмЕнно", "Сатисфакция", "Уик энд", сборники рассказов "Планка", "Следы на мне", роман "Рубашка"). Автор обращается к глубокому исследованию человека в экзистенциальной концепции мировосприятия (роман "Асфальт", сборник рассказов "Боль"). Отдельными тематическими циклами можно выделить серию, посвященную саморефлексии Е.В. Гришковца своей жизни через дневниковые записи ("Год жизни", "Продолжение жизни", "151 эпизод жизни", "От жизни к жизни", "Почти рукописная жизнь", "Одно-временно: жизнь" и "Лето – лето и другие времена года"), а также самоанализа писателя природы творческого со-зидания и вдохновения (эссе "Письма к Андрею" и анон-сированные к выходу в 2018 году спектакль и роман "Те-атр отчаяния или отчаянный театр"). Субъектную форму повествования выбирает автор, и сам этот выбор субъ-ектной формы обусловлен идейной позицией и художе-ственным замыслом писателя. В соответствии с этим принципом сформирован и сборник писателя "Планка". В рассказах проявляется гармоничное сочетание формы и содержания, которое автор стремится открыть своему читателю. В сборнике представлено разнообразие при-емов, которое позволяет выявить основные положения художественного видения человека, выраженного в творчестве писателя. Книга "Планка" включает в себя 8 текстов, при этом первые рассказы являются автобио-графическими и дополнительно объединены между собой заголовком "Другие. Три рассказа из жизни военного моряка".

В сборнике рассказов Е.В. Гришковец продолжает свой моноспектакль "Как я съел собаку" и рассказывает читателю новые эпизоды из службы в армии. Драматур-гическое произведение стало первым текстом автора, который был представлен публике в 1998 году и принес ему успех в театральной среде. Действующий герой – от-крытый и словоохотливый романтик рассказывает о своих ожиданиях и ситуациях (чаще – комических), когда они сталкиваются с реальной действительностью, а также делится своими размышлениями о доме, детстве и поис-ке места человека в окружающем мире. В 2006 году пи-сатель вновь возвращается к теме военной службы и раскрывает читателю новые истории жизни новобранца на флоте. Рассказ "Другие" открывает сборник, настраи-вая читателя на основную проблематику книги, а также позволяет сразу и точно описать общую атмосферу сле-дующих двух рассказов – холодное море и неприветли-вый корабль "Гневный", на котором служат разные и уди-вительные люди, ставшие открытием для рассказчика.

"Легкое" повествование, характерное для автора, ув-лекает читателя, ситуации, в которые попадает рассказ-чик, вызывают искреннюю улыбку или сопереживание. Сознание писателя определяется напрямую через пози-цию "лирический герой": использование условности дан-ного термина обусловлено тем, что в произведениях это-

го автора персонаж выступает субъектом речи и выража-ет эмоционально–психологические и биографические черты самого писателя, он наиболее близок по своему характеру и уровню творческого самовыражения автора к особенностям создания и функционирования лиричес-кого героя в художественном пространстве. В творчестве Е.В. Гришковца, особенно в текстах автобиографическо-го характера, создается иллюзия отсутствия разделения говорящего на автора и героя. Внимание читателя при этом сосредотачивается именно на субъекте речи и тех событиях, которые происходят с ним. Границу между ав-торским сознанием и действующим персонажем расска-зов можно проследить в тех частях, которые описывают дополнительные эпизоды, не относящиеся напрямую к событийной линии и отвлеченные размышления, которые не являются смысловой деятельностью самого лиричес-кого героя в конкретной ситуации. Например, первое по-сещение корабля после долгого пути на службу вызывают у героя волнение, страх, усталость и даже безразли-чие, о которых он рассказывает читателю. При этом в рассказе автор приводит свою рефлексию об осознании всей жизни, не только на корабле, но и за его пределами, как необходимость жить "среди и вместе со всеми людь-ми" [Гришковец: 42], наполненную обязательствами и делами. Это рассуждения человека, который не прожива-ет некий новый опыт здесь и сейчас, а анализирует тот или иной этап своей жизни уже спустя некоторое время. Во втором рассказе "Встреча с мудростью" Е.В. Гришко-вец описывает своих сослуживцев Джамала Беридзе и боцмана Хамовского и переживает вместе с ними не-сколько комичных ситуаций. Но автор, вспоминая об этих эпизодах, приходит к серьезному выводу: "в каждом, ка-залось бы до конца изученном, понятом и классифициро-ванном явлении и человеке, может открываться та без-донная глубина, которая не пугает, а заставляет стоять перед ней изумленным и счастливым..." [Гришковец: 64]. Это традиционное для писателя проявление своего при-сутствия в тексте часто является саморефлексией уже сложившегося автора и взрослого человека, анализиру-ющего те или иные эпизоды своей жизни, которые невоз-можны по уровню осознания своих эмоций и пережива-ний для действующего героя на тот момент.

В рассказах Е.В. Гришковца нет исключительной лич-ности, которая героически преодолевает жизненные ис-пытания или бросает вызов существующему порядку. В рамках социальной антропологии писатель видит в чело-веке результат развития общества, которое оказывает значительное влияние на личность как социальный фе-номен. Человек вписан в общественные порядки и устои, что особенно подчеркивается условиями армейского распорядка, описанного в трех рассказах сборника. При-сутствие автора, его субъективность в системе литера-турного произведения, проявляется в изображаемом ху-дожественном пространстве, что позволяет не только от-разить события армейской жизни молодого моряка, но и

донести до читателя важную особенность концепции личности писателя. Е.В. Гришковец видит человека, существующего и готового примириться с той средой, в которой он оказался: "Выяснилось, что привыкнуть можно ко многому, даже если очень не хочется привыкать... открылись очень простые, если не сказать, подлые свойства моей собственной натуры, которые помогали переносить унижения" [Гришковец: 17]. Писатель открывает человека в различных ситуациях и поступках, в которых проявляется не только многообразие характеров и отличие людей между собой, но и многогранность одного человека внутри себя самого: "единственный свой подарок на двадцатилетие я получил от самого страшного (как мне тогда казалось) человека в мире" [Гришковец: 104]. Данное положение – принятие права каждого человека другим – становится одним из основных в авторском видении личности. Неслучайно именно такой заголовок писатель дает для первых рассказов сборника – открытие, совершенное юным матросом, стало характерной особенностью художественного мировоззрения писателя: "Мир не населен мною, размноженным на миллиарды людей. Все другие люди они совершенно другие, а я другой для них" [Гришковец: 13].

В данном рассказе присутствие авторского сознания выражается не только в тонких смысловых различиях использования слова "другой", но и в его многократном повторении на уровне художественной речи писателя. Частые повторы, формирующие ощущение спонтанности речи повествователя, отмечены как характерная особенность стиля Е.В. Гришкова, которая проявляется как в прозаических текстах, так и при исполнении спектаклей. В.В. Виноградов отмечает, что "в произведениях художественной литературы, в их стилиевой структуре и образах авторов (хотя бы и безымянных) воплощено отношение писателя к литературному языку своей эпохи, к способам его понимания, преобразования и поэтического использования" [Виноградов: 106]. При этом писатель использует этот приём осознанно, в первую очередь, для достижения доверительной интонации общения с читателем и формирования простых высказываний, позволяющих точно донести их смысл и суть: "Он стоял на набережной и очень остро понимал, что не знает, что ему делать, понимал, что не понимает, как со всем этим справиться, и еще Косте было отчетливо ясно, что он не скоро это поймет..." [Гришковец: 138].

В последующих произведениях повествование ведется уже не от первого лица, автор-рассказчик уступает место новым героям – мужчинам различного возраста и положения в обществе. В рассказе "Шрам" все действие сосредотачивается вокруг Кости – молодого мужчины, который пытается определиться не только в правильности своих собственных поступков, но и в целом в своей жизни. Вадик, герой рассказа "Лечебная сила сна", напротив представляет собой состоявшегося и достаточно

успешного внешне парня, которому при этом в погоне за статусами и дорогими вещами не хватает простых бытовых радостей. Два других героя из следующих рассказов Андрей ("Погребение ангела") и Дима ("Спокойствие") являются уже взрослыми и семейными мужчинами, переживающими некоторые внутренние кризисы, которые в целом как персонажи характерны для всего творчества автора. Персонаж последнего и кульминационного рассказа сборника "Планка" отличается от других героев – Игорь Семенович состоятельный и властный мужчина, резкий и достаточно импульсивный в своих решениях и поступках. Все они становятся ролевыми героями, посредством которых выражается авторское сознание в произведениях, и, не смотря на все внешние различия между действующими героями разных рассказов – это все тот же Е.В. Гришковец; несколько сбивчивая речь и общая для всех произведений сборника читательская эмоция-открытие в простом жизненном событии глубокого понимания "про себя" и "про других".

В рассказе "Шрам" автор описывает неоднозначную ситуацию, в которой человек принимает решение, единственно верное с позиции общественных норм. Авторское сознание в данном тексте также проявляется в межличностном субъекте: через реакцию других действующих лиц и в описании непростого переживания внутри главного героя – сомнения в правильности своего поступка. Таким поступком для Кости становится возвращение утерянного постояльцем гостиницы кошелька с крупной суммой денег, когда при видимой однозначности решения даже оно может оказаться непонятым и другими людьми, и самим собой. Писатель представляет в тексте два противоположных взгляда на эту ситуацию, оставляя читателю окончательное решение в определении своего отношения к поступку героя.

Простота выражения мыслей и понятная широкому кругу проблематика, о которой пишет автор, способствует тому, что читатель видит себя и в герое следующего рассказа: Вадима погоня за социальным статусом и успехом, стремление "успеть все" приводят к выгоранию и эмоциональному истощению: "А теперь его это не волновало. Он устал..." [Гришковец: 156]. Поездка в Париж запоминается ему только из-за возможности в тишине и покое выспаться и прийти в себя. Весь поэтический мир рассказа можно свести к одному ощущению "на ходу", которое автор неоднократно повторяет и точно описывает: "на ходу можно поесть, попить, можно читать на ходу, и даже учиться можно на ходу... можно общаться на ходу, и даже очень важные вещи можно обсудить и выяснить на ходу" [Гришковец: 159].

С каждым следующим рассказом автор все больше погружается внутрь человеческого мироустройства. В произведении "Погребение ангела" одно событие (смерть собаки) сдвигает привычный распорядок и мироощуще-

ние героя, открывая для него то, что всегда оставалось незамеченным. Андрей долго ищет и не может найти достойное место, где похоронить собаку, испытывая при этом сложные эмоции. Его переживания вполне искренние, но даются через усилие над собой: писатель описывает, как меняется его отношение и к мертвому питомцу, и к окружающему городу – "они как бы уже не его" [Гришковец: 216]. В этом состоянии к действующему персонажу приходят случайные воспоминания из детства и тяжелое ощущение от неуместных разговоров со случайными прохожими. Через эти события Андрей впервые смог увидеть в своем городе то, чего никогда не замечал раньше – исчезающие утренние звезды, тающим образом которых и заканчивается рассказ о "погребении ангела".

Автор показывает, как сложные эмоции между новой страстью и стремлением человека сохранить свой стабильный и привычный мир разрушают его изнутри и выражаются во внешних проявлениях, когда "падает планка" – это одновременно и кульминация сборника, и его завершение. Е.В. Гришковец описывает двоих героев Игоря Семеновича и уравновешивающего его резкостью и импульсивностью помощника Николая. "Планка" – особое эмоциональное состояние, которое отражает сложные переживания главного персонажа. Писатель показывает, как уверенно может вести себя герой рассказа, насколько он успешен и точен в своем бизнесе и в своих решениях. Но оказавшись перед простым и важным вопросом "А зачем?", он сам признает свой страх и сомнение. В заключительном рассказе, который подчеркивается как название всего сборника, Е.В. Гришковец подводит своеобразную черту: все, что происходит во внутреннем мире человека, находит свое отражение в окружающем.

Открытие и последующее подтверждение в каждом новом тексте, что все люди – "другие", объединяют рассказы в единую художественную систему сборника. Описывая типичные события и людей, автор сохраняет за каждой личностью его индивидуальность и значимость всех переживаний. В любом моменте повседневной жизни человек может осмысливать себя и свое взаимодействие с миром, совершать "очевидные открытия" – в этом радость и ценность человеческой жизни.

Для писателя творческий процесс является основным способом осознания себя, художественный текст становится основной формой выражения внутреннего содержания автора. Чаще всего писатель не определяется и не называется в структуре литературного произведения, его роль нельзя свести к образу повествователя как простого субъекта речи. В сборнике "Планка" писатель использует разнообразные формы воплощения авторского сознания, основными из которых являются лирический и ролевой герой, каждый из которых наделен различной степенью автобиографичности. Также активно субъектность автора проявляется через формирование и изображение поэтического мира произведения. Авторское сознание является воплощением содержания и сути литературного текста, в нём объединяются система действующих героев в соотношении с рассказчиком и речевые структуры произведения. Различные формы присутствия писателя в художественном тексте обеспечивают идейно-стилистическое единство всех произведений в целостный сборник рассказов, который на следующем уровне гармонично вписывается в художественное пространство всего творчества Е.В. Гришковца как яркого писателя современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 283 с.
3. Гиршман М.М. Повествователь и герой // Чехов и Лев Толстой. М., 1980.
4. Головки В.М. Историческая поэтика русской классической повести. Учебное пособие. М: Флинта, 2010.
5. Гришковец Е.В. Планка. Рассказы. М.: Махаон, 2011.
6. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 110с.
7. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981.
8. Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности, Логос-траст, Воронеж, 1994.
9. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / Сост. Е.И. Покусаева, вступит.ст. Е.И. Покусаева и А.А. Жук. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.
10. Хализев В.Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа. 2005. 405 с.
11. Антон Павлович Чехов, запись от 30 января 2010 г. // <http://odnorenno.com>. URL: <http://odnorenno.com/archives/tag/> (дата обращения: 26.01.2018).
12. Евгений Гришковец: Как он съел собаку // Московский комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/culture/2017/03/10/evgeniy-grishkovec-krym-byl-anneksirovan-pezakonno-no-spravedlivo.html> (дата обращения: 1.04.2018).

СОЧЕТАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В РАССКАЗЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА "ПОДПОРУЧИК КИЖЕ"

Сунь Е

Д.филол.н., м.н.с.,
Сунь Ят-сен университет,
Гуан Чжоу, КНР

COMBINATION OF THE HISTORICAL AND ARTISTIC TALE IN THE STORY Yu.N. TYNANOVA "SUPPORTER KIZHE"

Sun Ye

Annotation

The article discusses the relationship between historical and artistic in the story of Yu.N. Tynanov "Lieutenant Kizhe." The work is written on the basis of a historical anecdote about the second lieutenant whose surname originated in documents in the time of Paul I and who became a bureaucratic incident: he lived a lifetime, served, married, died. It is revealed that, based on a historical anecdote, the writer produces his own original story. On the one hand, it precisely follows the requirements of depicting historical reality, creating the image of Emperor Paul I, depicting the historical epoch, faithfully reproducing historical events. On the other hand, the story clearly shows the author's view of historical events, the author's interpretation of historical facts. It is shown that Yu.N. Tynanov is building his own narrative strategy, completing and reworking the story of historical anecdotes. Attention is paid to the artistic quality of the text, author's ways of creating images of historical characters, for example, using the vocabulary of sensory perception to emphasize the suspiciousness of Pavel Petrovich, as well as the reception of contrast for depicting him as a person with mental disabilities. It is proved that the historical plot and the documentary context of the work are closely connected with the fictitiousness of the text, its artistic component.

Keywords: Artistic text, history, fictitiousness, Yuri Tynanov, "Lieutenant Kizhe".

Аннотация

В статье рассматривается вопрос соотношения исторического и художественного в рассказе Ю. Н. Тынянова "Подпоручик Кижэ". Произведение написано на основе исторического анекдота о подпоручике, фамилия которого возникла в документах во времена Павла I и который стал бюрократическим казусом: прожил целую жизнь, служил, женился, умер. Выявлено, что, основываясь на историческом анекдоте, писатель продуцирует собственную оригинальную историю. С одной стороны, он точно следует требованиям изображения исторической действительности, создавая образ императора Павла I, изображая саму историческую эпоху, достоверно воспроизводя исторические события. С другой стороны, в рассказе явно виден авторский взгляд на исторические события, авторская трактовка исторических фактов. Показано, что Ю. Н. Тынянов выстраивает собственную повествовательную стратегию, дополняет и перерабатывает сюжет исторических анекдотов. Уделяется внимание художественности текста, авторским способам создания образов исторических персонажей, например, использованию лексики чувственного восприятия для подчёркивания мнительности Павла Петровича, а также приёма контраста для изображения его как человека с психическими отклонениями. Доказано, что исторический сюжет и документальный контекст произведения тесно связаны с фикциональностью текста, его художественной составляющей.

Ключевые слова:

Художественный текст, история, фикциональность, Юрий Тынянов, "Подпоручик Кижэ".

Рассказ Юрия Николаевича Тынянова "Подпоручик Кижэ", как и многие другие произведения известного писателя и литературоведа, относится к жанру исторической прозы, которая повествует о реальных героях, событиях, имевших место в истории, но является при этом художественной. В литературной энциклопедии историческая проза определяется как "разновидность научной прозы, труды историков, ставящих своей целью не просто передачу фактов, но и увлекательное их изложение" [Литература и язык, 2006, с. 624].

Данное произведение представляет собой авторскую версию исторического анекдота о подпоручике (поручике) Кижэ, появившемся в документах времён Павла I в результате бюрократической оплошности, но прожив-

шем целую жизнь (естественно, на бумаге). Анализу рассказа посвящены многочисленные исследования. Н. Поселягин рассматривает образ подпоручика Кижэ как эмблему бюрократической России и ищет соответствия между изображённой Ю. Н. Тыняновым эпохой Павла I и современной писателю советской действительностью [Поселягин, 2005]. А. В. Кубасов выявляет особенности "бытия мнимости" несуществующего героя Ю. Н. Тынянова в сопоставлении с героем другого произведения – "Товарищ Брук" С. Д. Кржижановского [Кубасов, 2016, с. 158]. Литературоведами рассматриваются также различные редакции рассказа "Подпоручик Кижэ" [Матвеева, 2014], приёмы литературной кинематографичности в рассказе как средства интерпретации исторической эпохи [Ахриева 2012] и другие вопросы.

На наш взгляд, весьма актуальной является проблема соотношения исторического и литературного (художественного) в творчестве Ю. Н. Тынянова. Насколько точно следовал писатель историческому анекдоту? Что и с какой целью он внёс в историю, бытовавшую в устной форме и получившую на страницах рассказа длительную литературную жизнь?

Репутация Тынянова–учёного и его обращение к сюжетам и персонажам исторического плана неоднократно побуждала исследователей задаваться подобными вопросами. К примеру, Е. А. Подшивалова, рассмотрев роман Ю. Н. Тынянова "Пушкин", отмечает, что автор "научному труду биографа предпочел художественное творчество" [Подшивалова, 2012, с. 260]. Д. А. Матвеева считает, что автор "обращает свои тексты к истории, демонстрируя незаурядное знание описываемых эпох", однако при этом в его исторической прозе присутствует явный вымысел [Матвеева, 2015, с. 140]. Вообще проблема соотношения правды и вымысла в художественном тексте, повествующем о реальных исторических событиях, активно обсуждается в литературоведении. В современных исследованиях художественная составляющая исторического текста именуется термином "фикциональность" и трактуется как "особый дискурсивный модус, характерный для художественной литературы, но встречающийся в самых разнообразных речевых жанрах, в том числе в текстах нефикциональных, т. е. не являющихся в целом вымышленными" [Лозинская, 2016, с. 27]. Фикциональность, по мнению исследователей, выступает как "сущностная характеристика художественного текста" [Беляева, 2009, с. 6], "одна из важнейших категорий художественной литературы" [Черкасов, 2007, с. 3]. Предметом обсуждения учёных становится как раз доля фикциональности в тексте, позиционируемом как документальный (исторический, мемуарный и т. д.).

Хотя в рассказе "Подпоручик Киж" основой сюжета стало не зафиксированное документально историческое событие, а анекдот, для писателя очень важным является вопрос о точном воспроизведении на страницах рассказа исторической действительности. "Скрупулезность работы Тынянова с историческими документами, его изощренную игру с цитатами из исторических документальных и художественных источников" отмечает, к примеру, Д. А. Матвеева [Матвеева, 2015, с. 142]. У читателя не вызывает сомнений то, что исторический колорит эпохи воссоздаётся автором очень точно.

События и герои рассказа Ю. Н. Тынянова делятся на реальных и вымышленных, причём сюжетные линии обоих типов тесно переплетаются. С одной стороны, основной сюжет представляет собой исторический анекдот, то есть разновидность мифа, легенды, в котором фигурируют реальные персонажи; с другой – анекдот по-

мещён в исторический контекст, связан с реальными событиями. На страницах рассказа оживает эпоха Павла Петровича (императора Павла I), представляющая собой не самый позитивный момент русской истории.

Большое внимание уделяет писатель изображению Павла Петровича, основной чертой характера которого выступает мнительность. Именно благодаря Павлу, "оживает" и "живёт" бюрократическая ошибка – подпоручик Киж. Дело даже не в том, что писарь, боясь наказания, не признаётся в сделанной в приказе ошибке, и не в том, что командир гвардейского полка, не найдя в списках подпоручика Киж, решает, что проще признать его условно существующим, чем разбираться в причинах происшествия. Ю. Н. Тынянов показывает, что именно личность императора служит причиной, "оживляющей" подпоручика. Живущие в страхе люди, окружающие его – от рядовых писарей до гвардейских командиров – готовы угождать Павлу Петровичу любой ценой. На страницах рассказа воссоздаётся атмосфера страха и мнительности, окружавшая императора, и образ подпоручика Киж становится одним из средств создания этой атмосферы.

Заслуживает внимания сам анекдот, лёгший в основу сюжета рассказа и являющийся в некоторой степени исторической реальностью (реальностью бытовавшего в течение десятилетий мифа). Е. К. Никанорова считает, что данный анекдот контаминирует два мотива – "случайной карьеры и мнимого слепого повинования" [Никанорова, 2006, с. 89]. Анекдот показывает, как излишняя строгость власть придержащих приводит не к подчинению, а к мнимому повинованию, то есть не достигает своей цели. Д. А. Матвеева отмечает: "...Приказ исполняется по форме, а не по сути" [Матвеева, 2015, с. 144]. Получается, что именно такой анекдот выбран автором в качестве сюжетной линии рассказа не случайно: Ю. Н. Тынянов стремится показать, к чему приводит неразумная, гипертрофированная строгость.

Историческое правдоподобие было одной из важнейших целей Ю. Н. Тынянова, но в то же время его произведение исторического плана, в том числе и рассказ "Подпоручик Киж", не являются полностью историческими. В них превалирует авторский взгляд на изображаемое время, на героев и события. Сам писатель отмечал в книге "Как мы пишем": "Где кончается документ, там начинаю я" [Тынянов, 1930].

Ю. Н. Тынянов преобразует и дополняет те исторические сюжеты, которые использует, в том числе сюжет исторического анекдота в рассказе "Подпоручик Киж". Исправления могут быть и малозначительного характера (например, замена фамилии Киж, фигурировавшей в историческом анекдоте, на фамилию французского типа Киж), и значительного, например, трансформация содержания анекдота и контаминирование в тексте не-

скольких анекдотических сюжетов, а также дополнение повествования собственными сюжетами, построенными по типу исторических анекдотов. Помимо анекдота о подпоручике Кижее, в рассказе присутствует отсылка к анекдоту о крике, который Павел Петрович услышал под своими окнами. Согласно анекдоту, это был крик "Слушайте!" и император отреагировал на него положительно, поощрив прекрасный голос кричавшего. В рассказе Ю. Н. Тынянова это крик "Караул!" (изменение реплики является ещё одним авторским средством подчеркнуть мнительность Павла), и он становится поводом, чтобы выслать несуществующего подпоручика Кижее в Сибирь. Приказ даёт сам император: "Произвестъ дознание и, бив плетьюми, пешком в Сибирь". Происходит слияние двух анекдотических сюжетов в один.

Ещё один сюжет анекдотического типа, который в качестве второй повествовательной линии присутствует в рассказе, – это сюжет об офицере, поручике Синюхаеве, по ошибке объявленном умершим. Этот сюжет одновременно схож с основным (бюрократическая ошибка закрепляется и получает реальное воплощение) и полностью ему противоположен по вектору развития (здесь фигурирует не оживление несуществующего героя, а смерть реального). Данная линия повествования являет действия полностью абсурдные: поручик, именуемый теперь не иначе, как "бывший Синюхаев", попав в разряд умерших, сам сомневается в том, что он жив. Более того, он вскоре тоже уверяется в том, что действительно умер, если так сказано в прозвучавшем высочайшем приказе. Даже отец, лекарь, к которому приходит после "смерти" Синюхаев, сомневается в возможности считать сына живым: над его кроватью в госпитале он пишет: "Mors occasional. Случайная смерть". Поручик Синюхаев становится бродягой, и все вокруг, включая его самого, относятся к нему как к мёртвому.

Фикциональность связана с выстраиванием автором собственной повествовательной стратегии, с авторской трактовкой исторических фактов. Действительно, в рассказе Ю. Н. Тынянова появляется идейная линия, отсутствующая или только намеченная, подразумевающаяся в исторических анекдотах. Для автора важно показать пагубное влияние на человека и человечность тирании, деспотии, атмосферы беспрекословного подчинения, страха, мнительности. Он затрагивает проблему существования маленького человека в условиях авторитарного антигуманного государства и стремится подчеркнуть, что государство должно быть гуманным, антропоцентричным, направленным к человеку, понимающим и подерживающим его.

Фикциональность предполагает творческую переработку исторического материала, и писатель использует богатый потенциал художественного текста для изображения своих героев, для придания им определённых ка-

честв. Ярким литературным приёмом является обращение Ю. Н. Тынянова к лексике чувственного восприятия для создания образа Павла I. Императору кажется, что у окружающих его гвардейцев "потёмкинский дух" (раньше гвардейский полк назывался полком князя Потёмкина) остался не в переносном, а в прямом смысле, и он принюхивается к адъютанту, пришедшему с докладом: "Он приблизился вплотную и понюхал адъютанта". Помимо обоняния, актуализируются такие чувства императора, как вкус: "И все же дух остался, привкус остался" и слух: "Он прислушивался". Указывается на стабильность Павла в таких странных демонстрациях его пристрастий: "Павел Петрович имел привычку принюхиваться к себе-седникам".

Благодаря использованию слов с семантикой чувственного восприятия, писателю удаётся изобразить императора не просто мнительным, что было известно из исторических источников, но и похожим на зверя и очень живым, реальным. Найденная писателем деталь способствует приданию реалистичности повествованию.

Для автора очень важен в "Подпоручике Кижее" именно образ Павла I. По сути, весь рассказ задуман именно для характеристики этого исторического персонажа. Ю. Н. Тынянов изображает императора одним из самых странных правителей в русской истории. На страницах рассказа мы видим Павла практически ненормальным, психически больным. Фразы, которые свидетельствуют об этом, помещаются писателем в контекст обычного изображения действий императора, даже контрастируют с ними, вызывая у читателя подчас недоумение: почему этот человек, император, вдруг так поступил или подумал. Например, проснувшись ночью и размышляя о своей жизни, об управлении страной, "Нужно бы спрятаться в табакерку", – подумал император, нюхая табак". Или вдруг Павел ловит муху и сидит "с жужжащей мухой в руке". С помощью этого приёма – попутного, словно невзначай, указания на психическую ненормальность Павла Петровича, Ю. Н. Тынянов создаёт реалистический портрет человека, который одновременно и смешон, и достоин жалости.

Итак, в рассказе Ю. Н. Тынянова "Подпоручик Кижее" тесно переплетаются историческое и художественное. Произведение относится к исторической прозе, и писатель, в соответствии с требованиями жанра, стремится внести точность и документальность в повествование. Он работает с документами, прекрасно знает эпоху и придаёт героям (в первую очередь, императору Павлу Петровичу) реальные исторические черты. Однако художественное, фикциональное начало оказывается в рассказе не менее сильным и значимым. В произведении явно виден авторский взгляд на события, героев, исторический период. Писатель дополняет и перерабатывает

сюжет исторического анекдота, выстраивая при этом собственную повествовательную стратегию, творчески перерабатывая исторический материал на идейном, проблемном и текстовом, изобразительном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю. Н. Как мы пишем Электронный ресурс / Ю. Н. Тынянов. – Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. – 224 с. – Режим доступа : <https://knigogid.ru/books/381525-kak-my-pishem/toread>.
2. Тынянов Ю. Н. Подпоручик Кижэ / Ю.Н. Тынянов. – Москва : Эксмо, 2007. – 512 с.
3. Ахриева Л. М. Интерпретация исторической эпохи средствами литературной кинематографичности в рассказе Ю. Н. Тынянова "Подпоручик Кижэ" / Л. М. Ахриева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2012. – № 6. – С. 70–74.
4. Беляева И. С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма (на материале произведений Владимира Набокова) : автореферат дис. ... канд. филол. наук / И. С. Беляева. – Москва, 2009. – 18 с.
5. Кубасов А. В. "Товарищ Брук" С. Д. Кржижановского и "Подпоручик Кижэ" Ю. Н. Тынянова : варианты представления мнимости / А. В. Кубасов // Уральский филологический вестник. Серия : Русская литература XX–XXI веков : направления и течения. – 2016. – № 3. – С. 158–167.
6. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. А. П. Горкина. – Москва : Росмэн, 2006. – 1682 с.
7. Лозинская Е. В. 2016.01.003. Десять тезисов о фикциональности и против нее: дискуссия в журнале "Нарратив" (сводный реферат) / Е. В. Лозинская // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2016. – № 1. – С. 26–33.
8. Матвеева Д. А. Концепция исторической прозы Ю. Н. Тынянова (на примере рассказов "Подпоручик Кижэ", "Малолетный Витушишников" и повести "Восковая персона") / Д. А. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 140–152.
9. Матвеева Д. А. Редакции рассказа "Подпоручик Кижэ" Ю. Н. Тынянова / Д. А. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 129–135.
10. Никанорова Е. К. Анекдоты о Павле I и "Подпоручик Кижэ" Ю. Н. Тынянова / Е. К. Никанорова // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. – 2006. – Вып. 12. – № 2. – С. 85–102.
11. Подшивалова Е. А. Герой, повествование и жанровая модель в романе Ю. Н. Тынянова "Пушкин" / Е. А. Подшивалова // Cuadernos de Rusística Española. – 2012. – № 8. – С. 259–273.
12. Поселягин Н. Подпоручик Кижэ как эмблема бюрократической России / Н. Поселягин // Историк и художник. – 2005. – № 1. – С. 47–56.
13. Черкасов Р. В. Фикциональный дискурс в литературе: проблема репрезентации : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Черкасов. – Самара, 2007. – 19 с.

© Сунь Е, (verasun1204@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Сунь Ят-сен университет, Гуан Чжоу, КНР

К СЕМАНТИКЕ ОМОНИМИЧНЫХ ОТДЕЛЯЕМЫХ И НЕОТДЕЛЯЕМЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

ON THE SEMANTICS OF HOMONYMOUS SEPARABLE AND INSEPARABLE VERB PREFIXES IN THE GERMAN LANGUAGE

*N. Tankov
T. Gordeeva
L. Bashkova
L. Avdonina*

Annotation

This paper deals with the semantics of German separable and inseparable verb prefixes, as well as with the semantics of prefix verbs. The study is based on the analysis of normative sources related to German grammar and on the data obtained from the corpora of the Institute for the German Language (IDS) in Mannheim, Germany. The authors reveal semantic, syntactic, and lexico-grammatical differences between homonymous separable and inseparable prefixes. The study shows that German separable and inseparable prefixes are on different stages of grammaticalization. Separable prefixes are described as having relative syntactic freedom and less abstract semantics as compared to inseparable prefixes, thus retaining the spatial semantics of their lexical sources to a certain extent. Inseparable prefixes have meanings that are more abstract and metaphorical. The abstractedness of meaning concerns less prefixes than verb lexemes formed by these prefixes. Prefixes, which are homonymous synchronically but polysemic diachronically, are joined to the same verbs and generate varied composite semantics of the utterance, differing in their behavior on the semantic, lexico-grammatical, and syntactical levels of language structure.

Keywords: semantics, grammar, German, homonymous verb prefixes, separable prefixes, inseparable prefixes, prefixation, grammaticalization, corpora-based data, semantic differences, syntactic differences, lexico-grammatical differences.

Таньков Николай Николаевич

К.п.н., доцент, Пензенский

государственный университет

Гордеева Татьяна Александровна

Д.филол.н., профессор, Пензенский

государственный университет

Башкова Лилия Рафиковна

К.филол.н., доцент, Пензенский

государственный университет

Авдонина Лионора Николаевна

К.филол.н., доцент, Пензенский

государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с семантикой омонимичных отделяемых и неотделяемых глагольных приставок в немецком языке, а также образованных с их помощью глаголов. Исследование опирается на анализ нормативных источников по грамматике немецкого языка и корпусные данные Института немецкого языка в Мангейме (Германия). Выявляются семантические, синтаксические и лексико-грамматические различия между омонимичными отделяемыми и неотделяемыми приставками. Установлено, что отделяемые и неотделяемые глагольные приставки в немецком языке находятся на разных ступенях грамматикализации. Отделяемые приставки характеризуются относительной синтаксической свободой и менее абстрактной семантикой по сравнению с неотделяемыми, до определенной степени сохраняя пространственную семантику своих лексических источников. Неотделяемые приставки имеют более абстрактные, претерпевшие метафоризацию значения. Рассматриваемая абстрактность значения касается не столько самих префиксов, сколько глагольных лексем, участие в образовании которых принимают данные префиксы. Приставки, омонимичные на синхронном, но полисемичные на диахроническом уровне, присоединяются к одним и тем же глаголам и генерируют различную композиционную семантику высказывания, различаясь в своём поведении как на семантическом, так и на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях языковой структуры.

Ключевые слова:

Семантика, грамматика, немецкий язык, омонимичные глагольные приставки, отделяемые приставки, неотделяемые приставки, префиксация, грамматикализация, корпусные данные, семантические различия, синтаксические различия, лексико-грамматические различия.

Исследования, посвящённые глагольной префиксации в немецком языке, обладают богатой историей [1–4]. Тем не менее, некоторые аспекты немецкой глагольной префиксации остаются недостаточно разработанными. К их числу относится омонимия особого типа глагольных приставок, которые способны функционировать и как отделяемые, и как неотделяемые.

Настоящее исследование опирается на анализ нормативных источников по грамматике немецкого языка, а также на корпусные данные Института немецкого языка в Мангейме.

Прежде чем обратиться к материалу немецкого языка, нам представляется необходимым сказать несколько слов о том, что собой представляет глагольная пристав-

ка* как лингвистический объект и в каких значениях этот термин будет использоваться в рамках данной статьи.

* Здесь и далее термины "приставка" и "префикс" будут использоваться как синонимичные.

Согласно И. Мельчуку, префикс следует понимать как один из типов аффикса (т.е. морфемы, не являющейся корнем), точнее – одной из его разновидностей – кон-фикса (т.е. аффикса, не прерывающего корень и не прерываемого корнем), который располагается перед корнем (но не обязательно следом за каким-либо другим корнем) [5]. В нашем случае глагольный префикс – это такой префикс, который присоединяется к глаголу, а не к какой-либо иной части речи. Типичными примерами глагольных приставок служат такие элементы, как рус. по– в полюбить, англ. over– в overdo "перебарщивать" и нем. aus– в aussteigen "высаживаться".*

* В данном случае мы абстрагируемся от описания отглагольных существительных (таких, как, напр., нем. Eingang "вход"), унаследовавших приставку от своего глагольного источника (напр., eingehen).

Функционал, которым обладают глагольные приставки, с типологической точки зрения довольно широк и, в первую очередь, включает в себя выражение пространственной и аспектуальной семантики [6; 7].

С диахронической точки зрения префикс в самом общем случае представляет собой результат грамматикализации пространственного наречия (или же предлога), утратившего при этом синтаксическую автономность и, как правило, претерпевшего фонологическую редукцию (ср. [8, с. 19–20] и, особенно, [9] и [10] применительно к общетипологическим параметрам грамматикализации). Что касается степени морфологизации, то в данном отношении приставки могут между собой розниться: существуют "полностью грамматикализованные" приставки (как, напр., рус. пере- в переделать), то есть неотделяемые, и "не полностью грамматикализованные" (как, напр., венг. fel- в Janos tegnap olvasta fel a verseit "Янош вчера читал свои стихи вслух", где употребление приставки fel- после финитного глагола olvasta "читал" в данном случае обусловлено появлением наречия tegnap "вчера" между субъектом и предикатом, без которого предложение выглядело бы как Janos felolvasta a verseit "Янош читал свои стихи вслух"), то есть отделяемые (ср., напр., [6; 11]). Приставки могут отделяться от глагола полностью, как в случае с упомянутым венг. fel-, так и частично – допуская так называемый тмезис, т.е. вставку какого-либо неглагольного (как правило, служебного) элемента между приставкой и корнем, как в случае с нем. zu (инфинитивная частица) в anzuwenden "чтобы применять" при anwenden "применять". Приставки, подобные an-, в немецкой лингвистической традиции принято называть глагольными частицами (нем. Verbpartikel, verbale Partikel), а глагольные лексемы, образо-

ванные при их использовании, соответственно, "частичными" глаголами (нем. Partikelverb).

Кроме того, как будет показано ниже, синтаксические характеристики приставок (в частности, их положение по отношению к глаголу) могут находиться в непосредственной связи с их функционалом. Одним из следствий данного обстоятельства является то, что в отношении языков, в которых приставки могут отделяться от остальной части глагола, необходимо применять несколько различных критериев определения слова – то есть, в частности, фонетического, морфологически-синтаксического и лексического критериев.

Как известно, немецкий язык, подобно прочим германским, обладает развитой системой глагольной префиксации, причем приставки участвуют как в словообразовании (ср. an- в anmachen "включать" при machen "делать", uber- в überspringen "перепрыгивать" при springen "прыгать" и т.д.), так и в словоизменении (ср. ge- в ist gefahren "он (по)ехал" при fahren "ехать"). Кроме того, приставки могут быть задействованы в актантной деривации, изменяя валентность структуры исходного глагола (ср. be- в einen Wagen mit Heu beladen "грузить телегуАРГУМЕНТ сеномАДЬЮНКТ" при das Heu auf den Wagen laden "загружать сеноАРГУМЕНТ в телегуАДЬЮНКТ").

В немецкой лингвистической традиции глагольные приставки принято разделять на отделяемые (то есть не полностью грамматикализованные, нем. trennbare Praverbien) и неотделяемые (то есть полностью грамматикализованные, нем. untrennbare Praverbien). Список последних является закрытым и включает в себя следующие элементы: ge-, be-, ent-, er-, miss-, ver-, zer- (как, напр., be- в beurteilen "судить, выносить суждение", ent- в entspannen "расслаблять", ge- в gefallen "нравиться", ver- в verstehen "понимать"). В то же время список отделяемых приставок закрытым назвать нельзя: помимо таких элементов, как ab-, an-, auf-, aus-, bei-, ein-, nach-, vor-, zu-, mit-, los- (как, например, в anmachen "включать", aufladen "загружать", mitfahren "ехать вместе с кем-либо"), в него входят глагольные сателлиты, которые продолжают сохранять тесную связь с лексическими элементами, от которых они в конечном счете происходят (ср., например, Fahrrad fahren "ехать на велосипеде", Staub saugen "пылесосить", kennenlernen "знакомиться"). Данные элементы обнаруживают черты как лексически независимых единиц, так и приставок, ср., например, колебания в употреблении перфекта в данном случае: um Staub zu saugen - um zu staubsaugen "чтобы пропылесосить (досл. чтобы пыль сосать)".

Также следует отметить, что важным различием между отделяемыми и неотделяемыми приставками в немецком языке служит ударение: отделяемые приставки всегда притягивают его, тогда как неотделяемые остаются безударными.

Кроме того, существует целый ряд приставок, которые с диахронической точки зрения представляют собой один элемент, однако на синхронном уровне являются двумя различными аффиксами: так, например, приставка *unter-* может функционировать как отделяемая (1), так и как неотделяемая (2):

(1) *Die Krankenschwester schiebt dem Kranken ein Kissen unter.* "Медсестра подкладывает подушку больному (сзади) под голову" (глагол *unterschieben*₁)

(2) *Diese Äußerung wurde ihm unterschoben.* "Ему было написано (досл. *пододвинуто*, *подсунуто*) данное высказывание" (глагол *unterschoben*₂)

Следует отметить, что, если бы приставка *unter-* была отделяемой в глаголе *unterschoben*₂, то форма так называемого второго причастия выглядела бы как *untergeschoben*, то есть была бы образована при помощи специального маркера причастий - *ge-*.

Данный тип приставок является основным предметом нашего исследования и будет отдельно рассмотрен ниже.

Как уже говорилось выше, в немецком языке есть полностью грамматикализованные глагольные приставки, или префиксы, которые составляют неделимое целое с остальной частью глагола – не только на семантическом (каковому критерию удовлетворяют также и отделяемые приставки), но и на фонетическом, и на морфологически-синтаксическом уровнях языка, ср. примеры (3а-в) ниже:

(3а) *Ich verstehe es.* "Я понимаю это" (наст. вр.) (**ich stehe es ver*)

(3б) *Ich verstand es.* "Я понял это" (претерит) (**ich stand es ver*)

(3в) *Ich habe es verstanden.* "Я понял это" (перфект). (**ich habe es vergestanden*)

Так называемые отделяемые приставки, если абстрагироваться от уже упомянутых глагольных сателлитов и ограничиться лишь продуктивными словообразовательными аффиксами, можно задать следующим списком: *ab-, an-, auf-, aus-, bei-, dar-, ein-, fehl-, fur-, inne-, los-, nach-, ruck-, vor-, wieder-, zu-, zurecht-, zwischen-*.

Их основными свойствами являются (1) ударность (в частности, *wieder-, zurecht-, zwischen-*) и (2) отделяемость в (независимых) декларативных предложениях в презенсе и претерите, ср. примеры (4а-б) ниже:

(4а) *Ich rufe ihn an.* "Я звоню ему". (**ich anrufe ihn*)

(4б) *Ich rief ihn an.* "Я (по)звонил ему". (**ich anrief ihn*)

В нефинитных формах глагола, в том числе в инфинитиве (*anrufen* "звонить") и в так называемом втором причастии, используемом при образовании перфекта (*angerufen* "тот, кому (по)звонили") с маркером причастия *ge-*, помещаемым между отделяемой приставкой и кор-

нем), они остаются при глаголе в префиксальной позиции. Кроме того, приставки данного типа в зависимых клаузах с инверсией сохраняют за собой предглагольную позицию (образуя, в частности, с глаголом единое фонетическое слово), а в зависимых клаузах без инверсии – подобно тому, как это происходит в независимых клаузах, – отделяются от глагола и занимают финальную позицию в предложении, ср. примеры (4в-е):

(4в) *Mein Stromverbrauch ist niedrig, weil ich alles ausschalte.* "Я расходую мало электричества, потому что всё выключаю". (**weil ich schalte alles aus* / **weil ich ausschalte alles*)

* Следует отметить, что данный вариант, аграмматичный с точки зрения прескриптивной нормы, в настоящее время получает широкое распространение в разговорной речи.

(4г) *Mein Stromverbrauch ist niedrig, denn ich schalte alles aus.* "Я расходую мало электричества, потому что всё выключаю". (**denn ich ausschalte alles* / **denn ich alles ausschalte*)

(4д) *Mein Stromverbrauch war niedrig, weil ich alles ausschaltete.* "Я расходовал мало электричества, потому что всё выключал". (**weil ich schaltete alles aus* / **weil ich ausschaltete alles*)

(4е) *Mein Stromverbrauch war niedrig, denn ich schaltete alles aus.* "Я расходовал мало электричества, потому что всё выключал". (**denn ich ausschaltete alles* / **denn ich alles ausschaltete*)

Приставки данного типа также обнаруживают способность к полуавтономному употреблению при топикализации (5а) и в фокусной позиции (5б). При этом в обоих случаях приставка обладает собственным ударением и представляет собой отдельное фонетическое слово [4, с. 190, 183]:

(5а) *Auf geht die Sonne im Osten, aber unter geht sie im Westen.* "Восходит солнце на востоке, а заходит оно на западе". (глаголы *aufgehen* и *untergehen*)

(5б) *Die Manner laden das Heu nicht auf, sondern ab.* "Мужчины сено не загружают, а разгружают". (глаголы *aufladen* и *abladen*)

Как уже упоминалось выше, помимо уже рассмотренных приставок, которые являются либо отделяемыми, либо неотделяемыми, существует целый ряд исторически полисемичных, однако в настоящее время омонимичных приставок, которые функционируют и как отделяемые, и как неотделяемые. Таким образом, можно говорить о таких парах приставок (назовём эти пары гибридными), как:

- *durch-* отд., *hinter-* отд., *um-* отд., *unter-* отд., *uber-* отд., *voll-* отд., *wider-* отд., *wieder-* отд.;

- *durch-* не отд., *hinter-* не отд., *um-* не отд., *unter-* не отд., *uber-* не отд., *voll-* не отд., *wider-* не отд., *wieder-* не отд.

Соответственно, можно также говорить о наличии в немецком языке пар гибридных глаголов, различающих-

ся по морфологически–синтаксическому статусу приставок, напр., *durchkreuzen*₁ "зачёркивать, перечёркивать" и *durchkreuzen*₂ "пересекать", *übergehen*₁ "переходить" и *übergehen*₂ "пропускать, перескакивать через что-либо" и т.д.

Что касается их диахронического статуса, то омонимичные приставки занимают различные позиции на шкале грамматикализации [9]: неотделяемые приставки расположены ближе к "более грамматическому" полюсу, нежели отделяемые (рис. 1).

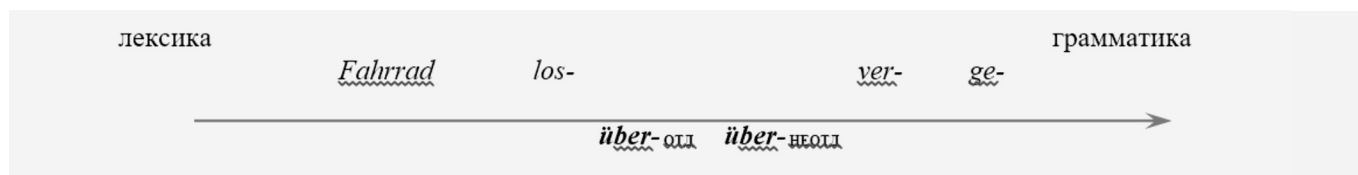

Рисунок 1. - Грамматикализация глагольных приставок в немецком.

Рассмотрим семантические, синтаксические и лексико–грамматические различия между омонимичными отделяемыми и неотделяемыми приставками.

Основным параметром вариативности семантики омонимичных приставок нам представляется более высокая степень абстракции семантики глаголов с неотделяемыми приставками по сравнению с более конкретной пространственной семантикой глаголов с отделяемыми приставками. Примеры (6а) и (6б) иллюстрируют данное явление:

[6а] *Der Mulchkompost darf nicht tief untergegraben werden...* [M05/APR.34312]* [12] "Мульчевый компост нельзя зарывать глубоко (в землю)". (отделяемая приставка)

* Здесь и далее: источник: *W - Архив литературного языка (нем. W - Archiv der geschriebenen Sprache)*. Доступ к этим данным был получен через онлайн-ресурс Института немецкого языка в Мангейме (нем. IDS, Institut für Deutsche Sprache).

[6б] *Das duale Ausbildungssystem wird untergraben und bleibt auf der Strecke.* [BRZ06/FEB.02866] [12] "Доверие к системе дуального образования подорвано, и она пробуксовывает". (неотделяемая приставка).

Тем не менее, были отмечены и другие особенности, среди которых – различия в аргументной структуре, проявляющиеся на лексико–грамматическом и синтаксическом уровнях.

В целом, если исходить из различий между двумя ступенями грамматикализации, на которых находятся интересующие нас приставки, мы обнаруживаем тесную корреляцию между более конкретной пространственной семантикой и относительной синтаксической свободой, с одной стороны, и между более абстрактной, претерпевшей метафоризацию семантикой приставки и её неотделяемостью. Данное обстоятельство подтверждает уже упоминавшиеся выше представления о механизмах грамматикализации.

В табл. 1 суммируются сведения, полученные в ходе исследования корпусных данных и нормативной грамматики немецкого языка [13].

Под термином "метафора" в таблице подразумевается результат переосмысления пространственной семантики. Полу жирным шрифтом в таблице для каждой пары приставок отмечено более распространённое употребление.

Таблица 1.

Семантические свойства гибридных глагольных приставок.

Приставки	Отделяемая	Неотделяемая
<i>durch-</i>	"через, сквозь"; окончание действия	метафора; результат действия
<i>hinter-</i>	"за, назад"	метафора
<i>um-</i>	изменение местоположения; прохождение через объект	движение вокруг / мимо объекта
<i>unter-</i>	"под, из-под", окончание действия	метафора; результат действия
<i>über-</i>	"над, поверх; чрезмерно"	"чрезмерно"
<i>voll-</i>	"полностью, целиком"	окончание действия
<i>wider-</i>	"назад; (на)против"	метафора
<i>wieder-</i>	"назад, обратно"	метафора (повтор)

Как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе (см., например, [14–16]), гибридные пары глаголов обнаруживают следующее свойство: глаголы с неотделяемыми приставками зачастую имеют на одну обязательную валентность больше, чем глаголы с отделяемыми приставками. Так, ниже приводятся примеры, в которых употребляются одноместный глагол *durchfahren*₁ "проезжать" с отделяемой приставкой (7а) и двухместный *durchfahren* "ехать по чему-либо" со вторым участником, кодируемым аккузативом (*keine Felder*) с неотделяемой (7б):

[7а] *Der einzige Guterzug am taglichen Fahrplan ist schon durchgefahren...* [BVZ08&NOV.00110] [12] "Единственный указанный в дневном расписании товарный поезд уже проехал [мимо нашей станции]".

[7б] *Durchfahre keine Felder, auf denen noch die Ernte steht.* [Z86/OKT.00308] [12] "Не проезжай по полям / через поля (досл.: поля), с которых ещё не собран урожай".

В рамках нашего исследования корпусных данных и нормативных источников, в стандартном немецком языке удалось локализовать 52 пары таких глаголов (большая часть из которых характеризуется высокой частотностью в устной и письменной речи), среди которых 20 – это глаголы с приставкой *durch-*, 13 – с приставкой *uber-*, 10 – с приставкой *um-*, 8 – с приставкой *unter-* и 1 – с приставкой *hinter-*. При помощи прочих гибридных приставок гибридные глаголы не образуются. В частности, приставка *wider-* встречается в 2 глаголах как отделяемая и в 7 – как неот-

деляемая. *Wieder-* и *voll-* встречаются, соответственно, в 6 и 1 глаголах как отделяемые и в 1 и 5 как неотделяемые. Наконец, за исключением уже упомянутой единственной гибридной пары с приставкой *hinter-*, последняя также фигурирует в 6 глаголах как неотделяемая. Эти сведения подтверждаются также исследованием [1], посвященным гибридным глаголам подобного рода.

Нами было показано, что отделяемые и неотделяемые глагольные приставки в немецком языке находятся в разных ступенях грамматикализации. Отделяемые приставки характеризуются относительной синтаксической свободой и менее абстрактной семантикой по сравнению с неотделяемыми, до определенной степени сохраняя пространственную семантику своих лексических источников. Неотделяемые приставки имеют более абстрактные, претерпевшие метафоризацию значения. Рассматриваемая абстрактность значения касается не столько самих префиксов, сколько глагольных лексем, участие в образовании которых принимают данные префиксы.

Особого внимания, как показало данное исследование, заслуживают приставки, омонимичные на синхронном, но, очевидно, полисемичные на диахроническом уровне, которые присоединяются в том числе к одним и тем же глаголам и генерируют различную композиционную семантику высказывания, различаясь в своём поведении как на семантическом, так и на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях языковой структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конобеева А.О. Глаголы движения с локальными префиксами в категоризации пространственных отношений в современном немецком языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Тамб. гос. ун-т им. Г.П. Державина. Тамбов, 2006.
2. Островская О.В. Структура и функции приставочных глаголов движения с синестетическим значением (на материале немецкого языка): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Белгород. гос. ун-т. Белгород, 2006.
3. Burianova M. Verben mit trennbarem und / oder untrennbarem Prafix. BA. Ms. 2006.
4. Zeller J. Moved Preverbs in German: Displaced or Misplaced? / G. Booij, A. van Kemenade (eds.). // Preverbs. Special Issue of Yearbook of Morphology 2003. Dordrecht: Kluwer, 2004. Pp. 179–212.
5. Mel'cuk I. Cours de morphologie generale. Vol. IV. Signes morphologiques. Montreal: Les Presses de l'Universite de Montreal. Paris: CNRS Editions. 1997.
6. Аркадьев П.М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015.
7. Lazard G. Preverbs et typologie / A. Rousseau (ed.). 1995. Pp. 23–31.
8. Traugott E.C. The Role of the Development of Discourse Markers in a Theory of Grammaticalization. A Paper Presented at ICHL XII. Manchester, 1995.
9. Brinton L.J., Traugott E.C. Lexicalization and Language Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
10. Norde M. Degrammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2009.
11. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Часть I: Введение. Фонетика. Морфология / Отв. ред. Б.А. Серебrenников; М.: Академия наук СССР, Институт языкознания, 1955.
12. Corpus Search, Management and Analysis System, "COSMAS II" [Электронный ресурс]. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/faces/home.xhtml>
13. DUDEN [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/>
14. McIntyre A. Preverbs, argument linking and verb semantics // Yearbook of Morphology. 2003. Pp. 119–144.
15. Zeller J. Prefixes as Transitivizers / N. Dehe, A. Wanner (eds.). // Structural Aspects of Semantically Complex Verbs. Berlin: Peter Lang, 2001. Pp. 1–34.
16. Zeller J. How Syntax Restricts the Lexicon: Particle Verbs and Internal Arguments // Linguistische Berichte 188. 2001. Pp. 461–494.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛИСИЙСКОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

LINGUISTIC FEATURES OF SPANISH AS SPOKEN BY GALICIAN SPEAKERS IN BILINGUAL ENVIRONMENT

D. Ushakov

Annotation

Galicia is an autonomous region of Spain, a historical region in the north-west of the country, which is formed within the boundaries of the local indigenous population – gallegos. This is a region with an original culture. The official languages of Galicia are Spanish (Castellano) and Galician (gallego). It should be noted that the majority of the population speaks both languages. Thus, in this region of Spain, there was a contact of two languages and a situation of bilingualism occurred that is quite interesting from the point of view of linguistics. The aim of this paper is to study the main stages of bilingual environment forming in Galicia and present the major characteristics of Spanish in Galicia, where certain linguistic solutions of Spanish came into contact with Galician.

Keywords: Spanish language, Galician language, bilingual environment, bilingualism, language contact.

Ушаков Дмитрий Анатольевич
Преподаватель,
Донской государственный
технический университет

Аннотация

Галисия – автономная область Испании, исторический регион на северо-западе страны, который образован в границах проживания местного коренного населения – галисийцев (gallegos). Это регион с оригинальной культурой. Официальными языками Галисии являются испанский (кастельяно) и галисийский (гальего). При этом необходимо отметить, что большинство населения владеет обоими языками. Таким образом, на территории данного региона Испании произошел контакт двух языков и сложилась довольно интересная с точки зрения лингвистики ситуация двуязычия. Цель данной работы – рассмотреть основные этапы формирования на территории Галисии двуязычной среды; представить основные особенности галисийского варианта испанского языка.

Ключевые слова:

Испанский язык, галисийский язык, двуязычная среда, билингвизм, языковой контакт.

Формирование двуязычных областей

С начала своего существования как самостоятельно-го романского языка в раннем средневековье, галисийский постепенно стал языком повседневного неформального общения, а также использовался при написании ранних литературных произведений. Он встречается особенно в лирической поэзии, где он стал коине, выходящим за пределы средневекового королевства Галисия [1]. Его популярность, однако, заметно снизилась из-за постепенного усиления и продвижения политических, экономических и религиозных интересов Кастилии, в результате чего, в процессе лингвистической ассимиляции, правящий класс, а вслед за ним и прочие слои населения начали отказываться от галисийского языка. Начиная с шестнадцатого века этот процесс ускорился из-за интенсивного развития романских языков западной части Пиренейского полуострова.

Несмотря на постепенный упадок, галисийский язык продолжал оставаться языком устного общения большинства населения региона вплоть до начала двадцатого века.

Общепринятой датой начала формирования нынешней языковой ситуации в Галисии считается тринадцатый век. С того времени, начиная с восхождения на Галисийский трон короля Кастилии Фернандо III в 1230 году, средневековое королевство Галисия стало еще одной территорией, управляемой кастильской короной. Такие политические изменения неизбежно повлияли и на языковую картину. Насаждение кастильского языка было быстрым, а скорее постепенным процессом, который продолжался до окончательного утверждения этого языка в качестве государственного много веков спустя. Постепенно некоторые варианты кастильского стали появляться среди жителей Галисии, первоначально в качестве нормативного литературного, и только намного позже, в качестве разговорного языка. Другими словами, данный языковой контакт не имел немедленных последствий для языковой ситуации в Галисии. Доказательством тому является тот факт, что период расцвета галисийско-португальской литературы приходится на тринадцатый – первую четверть четырнадцатого века.

Существенный упадок галисийского языка, начиная с шестнадцатого века, объясняют несколько факторов.

Несомненно, самым явным фактором является упомянутая ранее лингвистическая ассимиляция, которой подвергались языки областей, граничивших с королевством Кастилия. В XVI веке кастильский стал официальным языком объединенного королевства и, следовательно, именно в этот момент он стал заметно укрепляться за пределами Кастилии. Фактически, шестнадцатое столетие знаменует собой первый этап процесса языкового сдвига, который продлится несколько сотен лет, и в Галисии известен как "темные века". Тем не менее, чтобы точно понять то, что произошло с галисийским языком, нужно вернуться к середине четырнадцатого века и приходу к власти династии Трастамара. Появление этой кастильской династии в сопровождении множества слуг, книжников и духовенства, говорящих на языке Кастилии, привело к распространению новой социально-политической и культурной модели. В попытке восстановить утраченный социальный статус, галисийские дворяне постепенно заменили свой язык на язык кастильских дворян, а галисийский как письменный язык исчез и раз и навсегда из официальных документов после первой трети шестнадцатого века, что нарушило процесс формирования галисийского как литературного языка [1].

Историческое присутствие испанского языка на территории Галисии

В конце средневекового периода Галисия не имела собственных правящих классов, чтобы способствовать укреплению социального престижа своего языка. По этой причине кастильский постепенно набирал силу, увеличивая свой престиж и расширяя свое присутствие в церковной сфере и во всех эшелонах гражданского и военного управления. В результате письменное и институциональное использование галисийского языка сошло на нет, и только в конце XVIII века возникли признаки возрождения. Однако галисийский язык оставался повседневным языком народных масс. Со временем, когда Галисия начала экономически восстанавливаться, испанский язык стал официальным языком торговли и широко использовался в постоянно развивающихся городских центрах. Тем временем галисийский был языком сельских районов, к которым центральное правительство не проявляло большого интереса. В общих чертах эта геолингвистическая стратификация – город/сельская местность – сохранилась до сегодняшнего дня.

В восемнадцатом веке к власти пришли Бурбоны, которые стремились к построению национального испанского государства. В этих условиях потребность в лингвистическом единообразии проявляется как основной элемент сплоченности новой политической структуры. Что касается галисийского языка, то его исключительно устное использование способствовало его заметной

фрагментации и диалектизации, что затрудняло создание его литературного варианта вплоть до двадцатого века.

Несмотря на то, что в конце восемнадцатого века были попытки вернуть галисийский язык как язык культуры, его литературное возрождение произошло только во второй половине девятнадцатого века. Тогда же были опубликованы первые галисийские грамматики и словари, необходимые для фиксации норм языка. Все это происходит в период, когда окончательно формируется испанское национальное государство, а испанский язык получает статус официального государственного языка.

Первая треть XX века была многообещающим временем для галисийского языка. Этот момент истории стал свидетелем его восстановления как литературного, культурного и исторического языка, в то время как текущая политическая конъюнктура способствовала его официальному признанию. Тем не менее, гражданская война и, впоследствии, диктатура Франко, уничтожили все попытки возрождения галисийского языка. Во время режима Франко (1939–1975) официальное использование галисийского языка было запрещено. Причиной этого запрета было стремление Франко централизовать Испанию и поставить барьер локальному национализму. Запрет использования региональных языков и подавление культурных особенностей казался режиму Франко подходящим средством для этого. Испанский язык окончательно закрепился в городских центрах в среде образованного населения и среди молодого поколения.

В значительной степени передача галисийского языка между поколениями имела заметный спад из-за экономических последствий, связанных с процессом поздней урбанизации, происходившим в Галисии. Многие сельские семьи, носители традиционного галисийского языка, вступали в контакт с городской культурой и, стремясь как можно быстрее интегрироваться, адаптировались к языковым особенностям, характерным для урбанизированных районов, где испанский язык был неотъемлемым элементом. Таким образом, они стали использовать испанский язык не только в формальном, но также и, что более важно, в неформальном общении. Самым непосредственным последствием этого явления было постепенное развитие двуязычия, особенно это характерно для городских жителей в возрасте 30–40 лет [2].

Лингвистическая характеристика испанского языка в двуязычных областях: последствия языковых контактов

Явления, возникающие в связи с лингвистическим контактом между испанским и галисийским языками, слишком сложны, чтобы быть освещены в рамках одной статьи. Несмотря на обширную библиографию о положе-

нии Галисии, написанную за последние несколько лет, почти все эти работы были сосредоточены на характеристике испанских интерференций в галисийском языке, в то время как лишь небольшое внимание было обращено на лингвистическую характеристику разновидностей испанского языка, используемых в Галисии [2, 4, 7].

В этом разделе описываются некоторые языковые особенности разновидностей испанского языка, используемые населением, для которого он является их родным языком. Вместо того, чтобы говорить о галисийских интерференциях в испанском языке, мы имеем дело с исторической интеграцией элементов, характерных для галисийского языка, которые также являются частью процесса обретения испанского языка как родного [2]. По этой причине мы не приводим здесь никаких упоминаний о таких явлениях, как "gheada" или "seseo", очень часто встречающихся в произношении носителей галисийского языка при использовании испанского, но гораздо менее распространенных среди носителей разновидностей испанского языка в Галисии [7].

Существует общепринятое мнение о том, что фонетический уровень является наиболее выразительной чертой испанского языка, используемого в Галисии. Исследователь О. Кастро показала, что высокий тон в конечной позиции каждой звуковой группы или мелодической единицы испанского языка воспринимается как галисийская черта "на примерах открытых и закрытых гласных среднего подъема в этих положениях" [3]. Помимо определенного звучания, в галисийском варианте испанского языка используется система гласных, которая очень похожа на ту, что существует в галисийском языке, где различают семь гласных с четырьмя градусами открытия: /i/, /e/, /ɛ/, /a/, /ɔ/, /o/, /u/.

В испанском языке, используемом в Галисии, различия между гласными среднего ряда не являются дистинктивными (или не всегда являются дистинктивными, см. Garc?aaand Blanco 1988, Porto Dapena 2001), но они, безусловно, присутствуют более явно в галисийском испанском языке чем в других вариантах испанского на полуострове (Rojo 2004). Ударные [e] и [o] в испанском обычно произносятся как открытые [E] – [O], тогда как безударные звуки той же серии в исходном или предударном положении обычно закрыты. Еще одна из фонетических особенностей, встречающихся в испанском языке, используемая в Галисии, – это сокращение консонантных групп в некоторых словах кастильского языка: *estructura* [estructura], *acion* [accion], *manifico* [magnifico], *perfeto* [perfecto] и т. д.

Что касается грамматического уровня, здесь следует выделить несколько аспектов: чдщастое использование уменьшительных суффиксов *-ino* / *-ina*, характерных для галисийского, наличие таких форм указательных местоимений,

как *estes* и *eses*, вместо стандартных *estos* и *esos*, использование выражения *de aquella* в значении – так, таким образом, местоименная форма среднего рода *lo que* в значении стандартного *que* и частое использование местоимения *lo* в подобных фразах:

- [1] A.: <Donde esta Juan > [<Donde esta Juan?>]
 "Где Хуан?"
 B: *Ahi lo viene*. [*Ahi viene*]
 "Он идет сюда".

Особый интерес представляет глагольная система галисийского варианта испанского языка. Традиционно, практически невозможно было услышать, чтобы носитель этой разновидности испанского использовал в своей речи сложные времена. Тем не менее, в последние годы эти формы все чаще используются [6], но не всегда в соответствии с правилами стандартного испанского языка. В Галисии практически нет разницы между *escribí un libro* "Я написал книгу"(в прошлом), и *"he escrito un libro"*, я написал книгу(закончил писать). Это явление, несомненно, объясняется особенностями глагольной системы галисийского языка. В галисийском нет сложных времен, а значение подобных временных конструкций, передается сложной системой глагольных перифраз. Например, носители галисийского варианта испанского языка используют сочетание *dar* + причастие прошедшего времени, конструкцию, которая не существует в стандартном испанском языке:

- [2] *no doy hecho todo el trabajo*,

что соответствует фразе *no soy capaz de hacer el trabajo* "Я не могу закончить работу"; частотность использования таких конструкций как *tener* + причастие прошедшего времени, *llevar* + причастие прошедшего времени или *venir de* + причастие прошедшего времени также очень велика. Другим печально известным аспектом является использование форм *imperfecto de subjuntivo* со значением предпрошедшего времени, как в следующем примере:

- [3] *el estuviera destinado anteriormente en San Sebastian, что означаem - el habi a estado destinado anteriormente en San Sebastian*, а в другом контексте - *el estuvo destinado anteriormente en San Sebastian* [4].

Другая морфологическая особенность, характерная для испанского языка в Галисии, обнаруживается в использовании особых форм *presente de subjuntivo* глаголов *dar* и *estar*. В отличие от канонических форм *presente de subjuntivo* в стандартном испанском: *yo de* "даю", *tu des* "даешь", *el de*, "он дает"...; *yo este* "я есть", *tu estes* "ты есть", в Галисии можно услышать *yo dea*, *tu deas*..., *yo estea or tu esteas*, и т. д. [4].

Другие особенности включают частое использование этического датива,

например:

(4) *te es un individuo a tener en cuenta*

Что на литературном испанском будет иметь вид *es un individuo a tener en cuenta* "вот тебе человек, которого стоит иметь в виду"

Также необходимо отметить неиспользование возвратных местоимений в выражения типа:

(4) *voy descansar вместо me voy a descansar* "Я собираюсь отдохнуть".

Лексический состав также имеет свои отличительные особенности. Как и везде, есть сотни слов, множество выражений и другие лексические конструкции, которые на испанском языке, используемом в Галисии, приобретают значения, отличные от тех, которые они имеют в стандартном испанском языке.

В качестве примера можно привести ситуацию с глаголами *sacar* "вынимать, извлекать" и *quitar* "отнимать, лишать".

В галисийском варианте испанского языка, *quitar* обычно появляется вместо *sacar* и наоборот [5]:

(5) *Quito su hijo del colegio.* [*Saco a su hijo del colegio*]
"Он забрал своего сына из школы".

(6) *Como me porte mal, me saco la paga.* [*Como me porte mal me quito la paga*]

"Так как я плохо себя вёл, он забрал мои карманные деньги".

Испанский язык в Галисии чрезвычайно важен, особенно среди молодежи и городских жителей. Это доминирующий язык в средствах массовой информации, как в прессе, так и в аудиовизуальных постановках, а обучение на нем гарантируется государством. На протяжении веков испанский был языком представителей политической власти, и обладал престижем, который сохраняется и сегодня [6]. Несмотря на некоторые изменения языковой ситуации в Галисии, существуют области, в которых испанский язык несколько не пострадал от политического решения узаконить галисийский язык и сделать его вторым официальным языком Галисии. Это происходит потому, что действующее законодательство не привело к ухудшению статуса испанского языка. Что касается демографических характеристик Галисии, можно сказать, что практически все население может изъясняться на обоих языках, по крайней мере, в устной форме. В свою очередь, этот факт устраняет необходимость использовать только лишь один или другой язык в различных коммуникативных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарумов Б. П. Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык / Отв. ред. Г. В. Степанов. – 2-е, доп. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 4–12.
2. Alvaro Porto Dapena J. El español en contacto con el gallego, de Ponencia en el II Congreso Internacional de la Lengua Espanola. Valladolid, 2001. https://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/4_el_espanol_en_contacto/porto_a.htm.
3. Castro, O. Pitch accent in Galician Spanish. Selected Proceedings of the First Workshop on Spanish Sociolinguistics, L. Sayahi (ed.), 43–52. Somerville, MA: Cascadia Proceedings Project, 2001. www.lingref.com/cpp/wss/1/paper1006.pdf.
4. Garcia, C., Blanco, L. (1998). El Castellano de Galicia. Interferencias Linguisticas entre Gallego y Castellano. Anaya, 1998.
5. Mas, I. El intercambio de los verbos sacar y quitar en el castellano de Galicia. Cinguidos por unha arela comun. Homenaxe o profesor Xesus Alonso Montero, 1999.
6. Moreno-Fernandez, F. Historia social de las lenguas de Espana. Barcelona: Ariel, 2005.
7. Rojo, G. El español de Galicia. In Historia de la lengua Espanola, R. Cano(ed.), 1087–1101. Barcelona: Ariel. Guijarro-Fuentes, 2004.

© Д.А. Ушаков, (dmitrijushakov@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Донской государственный технический университет

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: БЛАГОГОВЕЙНЫЙ СТРАХ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (на материале английского языка)

MAN'S INNER WORLD: REVERENTIAL
FEAR AND LANGUAGE CONSCIOUSNESS
(based on the english language source)

N. Chezybaeva

Annotation

The linguists' interest in studying the inner world of the speaker has intensified the anthropocentric approach to the language. The study of fundamental human emotions – fear, in particular, and its representation in the language makes it possible to understand how fear being the basic emotion is transformed into complex emotions and verbalized in the language consciousness of the English. This article is devoted to the analysis of the language signs "awe, reverence, veneration, dread" defining "reverential fear" in the English linguoculture.

Keywords: anthropocentric paradigm, fear as a basic emotion, "awe/reverence/veneration/dread", language consciousness.

Чезыбаева Наталья Владимировна

*К.филол.н., доцент, Хакасский
технический институт (филиал) Сибирского
федерального университета, г. Абакан*

Аннотация

Интерес лингвистов к изучению внутреннего мира говорящего активизировал антропоцентрический подход к языку. Исследование фундаментальных человеческих эмоций, в частности страха, и ее репрезентации в языке дают возможность понять, каким образом базовая эмоция страха преобразуется в сложные эмоции и вербализуется в английском языковом сознании. Настоящая статья посвящена анализу языковых знаков "awe, reverence, veneration, dread", дефинирующих "благоговейный страх" в английской лингвокультуре.

Ключевые слова:

Антропоцентрическая парадигма, страх как базовая эмоция, "благоговейный страх", языковое сознание.

Развитие антропоцентрической парадигмы обусловлено осознанием того, что "язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем" [Кравченко, 1996, с. 6]. В современной лингвистике язык – не просто "орудие мысли", а "самостоятельная реальность", которая "создает и самого человека, и его мир" [Балла, 1998, с. 27].

В рамках когнитивных исследований семантики внутреннего мира индивида актуально изучение ментальных образований, относящихся к области эмоций. Страх – базовая эмоция. Он генетически детерминирован, обладает вневременной психолого–культурной актуальностью в жизни любого сообщества: это способ сохранения психического здоровья, форма психической самозащиты и важнейший мотив человеческой деятельности [Изард, 2000; Красавский, 2008].

Представляет интерес рассмотрение страха в английском языковом сознании не как эмоции, вызванной ожиданием непосредственно грозящей или потенциальной опасности, а эмоции, испытываемой в контексте нечто неординарного и величественного, репрезентируемой лексемами awe, reverence, veneration, dread.

В толковых словарях исследуемые языковые знаки манифестируются: *awe* – a feeling of respect mixed with fear and wonder; *reverence* – honour and respect felt or manifested, mixed with love and awe; *veneration* – a feeling of respect mingled with awe, excited by the dignity, wisdom, or superiority of a person [CED, EWD, WOD]; *dread* – reverential or respectful fear and awe [EWD, WOD]. Интегрирующий признак – "уважение, почтение (благоговение)", смешанное с чувством страха.

Существование слов–дублетов обусловлено историческими факторами развития языка: на каком–то этапе в одном языке появляются двойные именованья одного и того же референта [Пименова, 2012, с. 95]. Реконструкция соответствующего фрагмента действительности предполагает рассмотрение происхождения благоговейного страха посредством этимологического анализа языковых знаков awe, reverence, veneration, dread.

"Awe" и "reverence" соотносятся с числительным "один", восходящим к праформе *oi-(d)-nos или u.-e. *oid~"schwellen" (о Божестве) [ИЭССАЯ, 1999, с. 247]. Натуральный ряд чисел от единицы до девяти представляет завуалированный (табуированный) дискурс: и.–е. *ai-, *oi-"давать, распределять" соответствует метафоре Божест–

ва – "дающий, наделяющий"). И.–е. **oi-s* означало – "reverence, respect, honour, awe" [ИЭССАЯ, 1999, с. 247].

Лексема "reverence" связана с происхождением слова "name" – "имя" в английском языке, что следует из сопоставления: тох. А англ "voeu, souhait", др.–инд. namas – "reverence", а также лат. nomen "божественная воля, предзнаменование" [ИЭССАЯ, 1999, с. 247]. Таким образом, "reverence" восходит к значению "почитание богов, благоговение перед божеством".

"Veneration" происходит от латинского слова venerationem (nom. veneratio) или venerari, что значит "почитать, поклоняться, боготворить", а также venus (gen. veneris) – "любить, возжелать" [OED].

"Dread" с древнеанглийского *"adraedan"* – "советовать не делать чего–либо" [OED], то есть "предостерегать против чего–либо". Также оно понималось как "бояться по какой–либо причине" – "fear from", on- *"against"*. Позже появилось значение *"fear of the Lord"* [OED] – "страх Божий".

Страх как базовая эмоция связан с обостренным чувством грозящей опасности. Все, что может навредить человеку, создать угрозу для здоровья, спокойного течения жизни вызывает чувство страха.

Благоговейный страх – религиозно–нравственное чувство, выражающее любовно–почтительное отношение к превосходящему человеческую субъективность – Богу, святыням, высшим ценностям бытия [ПЭ, 2014]. Однако чувство благоговейного трепета человек испытывает не только в связи с ощущением присутствия божественного начала, но и в ситуациях повседневной жизни, когда он сталкивается с чем–то необыкновенным, чудесным, необъяснимым, неопределенным, значимым. Такой страх вызван восхищением, от которого захватывает дух. Внутренний конфликт индивида происходит вследствие переплетения эмоций страха и любви к определенному объекту или субъекту бытия [Перлз, 2004, с. 217].

В английском языковом сознании феномены благоговения и страх репрезентированы языковыми знаками awe, reverence, veneration, dread.

AWE – благоговение, трепет, страх [EWD].

Данное чувство заставляет человека испытывать сильное волнение, физическую или внутреннюю дрожь от переживания страха и:

◆ восхищения: *The shaggy man drew a deep breath of awe and amazement, for never had he dreamed that such a grand and beautiful place could exist* (Baum);

◆ веры в чудо: *I forgot myself in my awe and marvel at these matters* (Burton);

◆ восторга: *Her touch filled me with strangely united sensations of rapture and awe* (Collins 5);

◆ уважения: *... he had always commanded a certain amount of respect, which was a compound of appreciation and awe* (Dreiser);

◆ сострадания и ужаса: *It is overborne by another and complex impression of awe, compassion and horror* (Conrad 3).

Таким образом, Awe представляет собой смешанное чувство страха, глубокого уважения, почтения, ожидания чуда и восхищения. Такой страх может привести в состояние оцепенения: *... the destruction of his own personality filled him with paralyzing awe* (Conrad 1).

REVERENCE – благоговение, почтение [EWD]. Благоговейный страх есть смешение страха и:

◆ смирения, покорности: *To be commended, thanked, God-blessed, and bade good night ... was something for a porter. He withdrew with much humility and reverence* (Dickens 2);

◆ уважения: *"Respect" said Walter, in a low tone. "Reverence"* (Dickens 3);

◆ любви: *... nothing is easier for a man who has, as the phrase goes, "followed the sea" with reverence and affection ...* (Conrad 2).

В английском языковом сознании Reverence представляется как чувство глубокого уважения, смешанное с любовью к тому, что нерушимо, свято. Оно искренне: *I had often heard him speak with sincere reverence* (Collins 2), велико и возвышенно: *... and the monk ... lifted down the coffer with great reverence* (Dickens 5).

VENERATION – благоговение, почтение, поклонение [EWD].

Священный трепет, нравственная привязанность, уважение, религиозное поклонение, преклонение, любовь, удивление, восхищение и печаль объединяются в органическую целостность: *She looked into that sister's eyes, so calm, serene, and cheerful, with a gaze in which affection, admiration, sorrow, wonder, almost veneration, were blended* (Dickens 7).

DREAD – чувство благоговейного страха и ужаса [EWD].

Dread, в отличие от значений awe, reverence и veneration, имеет выраженное отрицательное воплощение. Это чувство врожденное, вечное, связано с первородными инстинктами человека: *Her conviction that the man's hateful admiration ... seemed to have increased ... her inborn dread* (Collins 6); *He was haunted, too, with a perpetual dread of eavesdroppers ...* (Doyle); *She detected the anguish of a slow mind with an instinctive dread of obscure places ...* (Conrad 5).

В этой связи представляется невозможным этим чувством управлять: *The strangeness and peril of my situation, the*

dread, which I could not master ... (Collins 6); преодолеть: *My strong suspicion that she must have told him, my irresistible dread ... of the consequences* (Collins 6). Оно, словно болезнь, проникает в человека: *A sickening, physical sense of dread - entirely new in her experience of herself* (Collins 1), заставляя его страдать: *She must not be sacrificed to policy or ambition, and she must not be left to suffer from the dread of it* (Austen).

В лингвистической литературе отмечается, что в английском языке лексема *awe* имеет положительную оценочность: "это единственное слово, описывающее страх с положительной точки зрения" [Зайкина, 2005, с. 252]. Однако видение окружающего мира через бинарные оппозиции прослеживается уже в мотивах космогонических мифов: "Противоположности суть начала вещей" [Арис-тотель, 2002, с. 46]. Человеку свойственны двойственные переживания, противоречивое осмысление бытия, несовместимые стремления касательно одного объекта.

Языковые знаки *awe*, *reverence* и *veneration* несут в себе не только положительное значение, но и репрезентируют полярное осмысление благоговейного страха как нечто:

- ◆ жуткое и зловещее: *... but with a fear with which was mixed a certain uncanny awe of the manlike thing ...* (Burroughs);
- ◆ неподобающее: *... "and we may safely say that it had never before been regarded with such awful reverence, - no, ..."* (Hawthorne);
- ◆ неприятное, невыносимое, утомительное: *In exchange he had their silent fear, their loquacious love, their noisy veneration* (Conrad 1);
- ◆ сомнительное: *The hero is not forgotten, by any means, or held in doubtful veneration* (Twain).

Лексема *dread*, помимо отрицательного значения, обладает и неким положительным смыслом. Человек испытывает в определенной ситуации невероятный страх, с одной стороны, но и одновременно ощущает подъем духа, чувство торжества, ведущие к ощущению своей нерушимости, величавости: *He felt that ... its mysterious presence filled him with a solemn dread* (Dickens 1).

Таким образом, лексем *awe*, *reverence*, *veneration* и *dread* репрезентируют страх, который не является единственной эмоцией, которую испытывает субъект состояния в определенном контексте ситуации. Это смешение чувств и эмоций – страха, трепета, ужаса, любви, восхищения, восторга, уважения, покорности, скорби. Благоговейный страх – это сложная эмоция, преобразованная из базовой эмоции – страха.

В психологической литературе отмечается: сложная эмоция состоит из взаимодействия простых эмоций. Переживание сложных эмоций требует одновременного удовлетворения двух или более потребностей (иногда противоположных) [Черняев, 2007].

Пересечения *AWE + DREAD; REVERENCE; VENERATION* усиливают и дополняют эмоциональное воздействие. Такое сочетание лексем в дискурсе способствует достижению психологических целей (усиление восприятия, возбуждение внутреннего трепета, вызов желания или порыва к внезапному действию, воодушевление):

- ◆ *... he felt a dread and awe creeping upon him which shook him to the core* (Dickens 4);
- ◆ *... Nathaniel Pipkin was so overcome with reverence and awe, when the aforesaid bishop laid his hand on his head* (Dickens 8);
- ◆ *... but this immense range of mountains... is still more an object of awe and veneration. They call it "the crest of the world"* (Irving).

Главная задача сочетания языковых знаков *awe*, *reverence*, *veneration* и *dread* – углубить смысловую и эмоциональную сторону дискурса, выделить значимость идеи о мощной силе, которая овладевает человеком, служить опорными элементами в развитии мысли о величии или опасности окружающей действительности.

В английском языковом сознании благоговейный страх, выраженный посредством лексем *awe*, *reverence*, *veneration* и *dread*, можно отнести к группе романтических эмоций. "Это эмоции, связанные со стремлением ко всему необычному, таинственному, неизведанному. Проявляются в ожидании "светлого чуда", в манящем чувстве дали, в чувстве особой значимости происходящего или в зловеще-таинственном чувстве" [Додонов, 1978, с. 115].

Говоря об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует считать доминирующим представлением о них как "о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих форму сосуда" [Арутюнова, 1999, с. 389]. Это метафорическое осмысление мироздания.

В современной лингвистической науке метафора привлекает внимание исследователей как один из способов создания языковой картины мира. Метафоры являлись существенной частью речи и мышления людей с древнейших времен [Уфимцев, 2010, с. 11]. Они не только глубоко вплетены в ткань языка, но и являются одной из основ мышления вообще, а именно формируют смысловую основу языка, речи и мышления в целом [Уфимцев, 2010, с. 17].

Человек есть "контейнер". Данная мысль восходит к концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, 2004]. Контейнерные метафоры представляют собой смыслы как наполнение конкретных языковых единиц: "Сердце – это сосуд, наполненный эмоциями" [Гименова, 2011].

В английском языковом сознании благоговейный страх сосредоточен внутри человека, в его сердце:

- ◆ *I found myself weary, heartsore, my brain still dazed and*

with awe in my heart ... (Conrad 4);

◆ Ah, ... those foolish days when our simple hearts were full of truth, and faith, and reverence (Jerome);

◆ They are superstitious, and worship with hearty veneration any being or thing whose destructive agency they fear (YD);

◆ A nameless dread throbbd at her heart and crept among the roots of her hair (Collins 1).

Однако благоговейный страх, выраженный лексемой *dread*, сосредоточен не только в сердце индивида, но и в его разуме: *There was an unspeakable dread in his mind that the nervous attack ... might be ...* (Collins 4). Это говорит и об эмоциональной, и о рациональной оценке индивидом ситуации, его осознании ситуации конкретной угрозы. В результате чего задействованы и эмоции, и разум.

"Многие древние культуры не делали различия между чувствами и мыслями. Человек, который "позволяет сердцу управлять головой", считался скорее разумным, чем глупым" [Тресиддер, 1999, с. 330]. Благоговейный страх в английском языковом сознании соотносится не только с эмоциональной, но и интеллектуальной сферами жизни человека.

Таким образом, языковые знаки *awe*, *reverence*, *veneration* и *dread* передают крайнюю степень эмоционального переживания ситуации индивидом, страх, от которого "захватывает дух". Человек настолько поражен происходящим, что ему трудно выразить свои чувства словами

(*unutterable reverence, mute with awe, a sense of dread unspeakable*), не хватает даже воздуха (*breathless awe*), трудно перевести дыхание. Как правило, такой благоговейный трепет проявляется при переживании одновременно страха и сильных положительных эмоций: восторга, счастья, восхищения, радости, любви. Смещение ощущений индивидом страха и восторга придает ситуации некую оборотительную и чарующую силу.

С другой стороны, у благоговейного трепета проявляются также отрицательные стороны: он парализует, заставляет страдать, пугает, что может привести человека в болезненное состояние. Человеку свойственно двойственное осмысление окружающего мира: благоговейный страх или трепет осознается как нечто, вызывающее восторг, с одной стороны, и как нечто враждебное и подозрительное, с другой стороны.

Благоговейный страх определяют как романтическую эмоцию, исходящую из глубины сердца человека. "Этимология слова сердце связывается с понятием середины, сердцевины, глубины. Глубина – символ тайного, нераскрытого, непознанного, не проявленного" [Пименова, 2013, с. 53]. Из глубин человеческой природы "вырывается" благоговейный страх. Человек в своем стремлении получить истинное представление о мире ощущает страх перед непознанным и неизведанным, одновременно испытывая радость и восхищение в процессе познания всех истин и скрытых возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / сост. С.И. Еремеев. – СПб.; Киев: Алетейя; Эльга, 2002. – 832 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Балла О. Власть слова и власть символа // Знание – сила. – 1998. – № 11/12. – С. 26–38.
4. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
5. Зайкина С.В. Страх // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 247–268.
6. Изард К. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
7. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии / пер. с англ. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 384 с.
11. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://litread.info/web/455964/494000-495000> (дата обращения: 24.03.2018).
12. Пименова М.В. Эквивалентные концепты // Філологічні трактати. – Украина, Сумы: Издательство СумГУ, 2012. – Т. 4 (№1). – С. 93–99.
13. Пименова М.В. Методика анализа и теоретические установки Кемеровской школы концептуальных исследований // Вестник Херсонского гос. ун-та. Сер. "Лингвистика". – 2013. – Вып. XVIII. – С. 50–59.
14. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
15. Уфимцев Р. Хвост ящерики. Метафизика метафоры. – Калининград: Изд-во "Оттокар", 2010. – 293 с.
16. Черняев Л. Взгляд гештальт-терапевта на базовые эмоции // "Гештальт – 2007": сб. науч. тр. в 2-х ч. – М.: Московский Гештальт Институт, 2007. – Ч. 2. [Электронный ресурс]. URL: www.b17.ru (дата обращения: 25.03.2018).
17. ИЭССАЯ – Историко-этимологический словарь современного английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры / сост. М.М. Маковский. – М.: Диалог, 1999. – 416 с.
18. ПЭ – Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр "Православная Энциклопедия", 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/149303.html> (дата обращения : 18.03.2018).
19. CED – Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english> (дата обращения : 05.12.2017).

20. EWD – English World Dictionary [Electronic resource]. URL: http://world_en.enacademic.com/5761/awe (дата обращения : 05.12.2017).
21. OED – Online Etymology Dictionary / ed. by Douglas Harper [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения : 15.01.2018).
22. WOD – Webster's Online Dictionary [Electronic resource]. – URL : <http://www.webster-dictionary.org/definition> (дата обращения : 05.12.2017).
23. Austen, J. Lady Susan [Electronic resource] / J. Austen // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
24. Baum, F. The Road to Oz [Electronic resource] / F. Baum // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
25. Burton, R. The Arabian Nights [Electronic resource] / R. Burton // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
26. Burroughs, E.R. The Return of Tarzan [Electronic resource] / E.R. Burroughs // Английская литература А – Z (CD-ROM).
27. Collins, W. 1. Man and Wife [Electronic resource] / W. Collins // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
28. Collins, W. 2. The Black Robe [Electronic resource] / W. Collins // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
29. Collins, W. 3. The New Magdalen [Electronic resource] / W. Collins // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
30. Collins, W. 4. The Queen of Hearts [Electronic resource] / W. Collins // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
31. Collins, W. 5. The Two Destinies [Electronic resource] / W. Collins // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
32. Collins, W. 6. The Woman in White [Electronic resource] / W. Collins // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
33. Conrad, J. 1. An Outcast of the Islands [Electronic resource] / J. Conrad // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
34. Conrad, J. 2. Heart of Darkness [Electronic resource] / J. Conrad // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
35. Conrad, J. 3. Some Reminiscences [Electronic resource] / J. Conrad // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
36. Conrad, J. 4. The Arrow of Gold [Electronic resource] / J. Conrad // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
37. Conrad, J. 5. The Rescue [Electronic resource] / J. Conrad // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
38. Dickens, Ch. 1. A Christmas Carol [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
39. Dickens, Ch. 2. Barnaby Rudge [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
40. Dickens, Ch. 3. Dombey and Son [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
41. Dickens, Ch. 4. Oliver Twist [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
42. Dickens, Ch. 5. Pictures from Italy [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
43. Dickens, Ch. 6. Tom Tiddler's Ground [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
44. Dickens, Ch. 7. The Battle of Life [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
45. Dickens, Ch. 8. The Pickwick Papers [Electronic resource] / Ch. Dickens // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
46. Doyle, A.C. The Stark Munro Letters [Electronic resource] / A.C. Doyle // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
47. Dreiser, Th. Sister Carrie [Electronic resource] / Th. Dreiser // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
48. Jerome, K.J. Idle Thoughts of an Idle Fellow [Electronic resource] / Jerome K. Jerome // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
49. Hawthorne, N. Grandfather's Chair [Electronic resource] / N. Hawthorne // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
50. Irving, W. Astoria [Electronic resource] / W. Irving // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
51. Twain, M. A Tramp Abroad [Electronic resource] / M. Twain // Treasures of the World Literature (CD-ROM).
52. YD – YourDictionary/ Sentence Examples [Electronic resource]. – URL : <http://www.yourdictionary.com> (дата обращения: 12.02.2018).

© Н.В. Чезыбаева, (Natti81@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Хакасский технический институт (филиал) Сибирского федерального университета

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДАЧИ ОБЪЕКТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

LEXICO-SEMANTIC GROUP OF VERBS OF TRANSFER OF THE OBJECT IN LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECT

Cheng Jintao

Annotation

In this article we are talking about semantics and functioning of verbal units related to lexical-semantic group of verbs of transfer of the object. The problem is considered in the cultural-linguistic aspect at the example of actions and behavior of the characters of Russian and Chinese fairy tales and legends and magical assistants, who act in various situations. The analysis of the language material allows to speak about the study of fragments of the national linguistic picture of the world.

Keywords: linguistic Culturology, language picture of the world, tales and legends, fantastic characters, magical objects, a situation of transfer of the object.

Чэн Цзиньтао

Аспирант,

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

Аннотация

В статье речь идёт о семантике и функционировании глагольных единиц, относящихся к лексико-семантической группе глаголов передачи объекта. Проблема рассматривается в аспекте лингвокультурологии на примере поступков и поведения героев и их волшебных помощников в русских и китайских сказках и легендах. Анализ языкового материала позволяет говорить о исследовании фрагментов национальной языковой картины мира.

Ключевые слова:

Лингвокультурология, языковая картина мира, сказки и легенды, сказочные персонажи, волшебные предметы, ситуации передачи объекта.

Известно, что язык – система знаков, используемая людьми в процессе общения, мышления, выражения, а также хранения, передачи и обмена информацией. К основным функциям языка относятся, например, конструктивная функция, эмотивная функция, функция воздействия на адресата и другие. Важнейшей функцией языка, по мнению учёных, является коммуникативная функция, поскольку язык прежде всего – средство общения людей [10]. Можно сказать, что общение – это важная часть человеческой жизни, а значит, и часть культуры, о которой Т.Г. Грушевицкая пишет следующее: "Культура – это сущностная характеристика целенаправленного преобразования окружающего мира." [2, с. 81].

В процессе коммуникации ведущее место занимает лексика. По сравнению с другими языковыми единицами, например, с фонетическими, морфологическими, синтаксическими, слово воспринимается как важная языковая единица, так как оно представляет собой "основную структурно-семантическую единицу языка, служащую для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности..." [10, с. 464].

С развитием антропоцентрической парадигмы в лингвистике лексика все больше исследуется с лингвокультурологических позиций, в рамках которых подчеркива-

ется связь между языком и культурой, понимаемой в широком смысле.

Лингвокультурология, являясь продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике, представляет собой "теоретическую филологическую науку, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса..." [4, с. 21].

В основе лингвокультурологии лежит понятие языковой картины мира (ЯКМ), которая отражает окружающий мир при помощи языковых средств, помогающих созданию наглядного представления о предметах и явлениях окружающей действительности.

В данной статье мы придерживаемся мнения В.Н.Топорова, который рассматривает языковую картину мира как "упрощенное и сокращенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах" [7]. Это позволяет рассматривать языковую картину мира не только как сумму представлений об окружающем мире, но и особенности отражения ментальности различными языковыми средствами, в частности, при помощи лексики и грамматики.

Особый интерес в лингвокультурологических работах представляют сопоставительные исследования, в том

числе, проведенные на материале таких далеких друг от друга языков и культур, как русский и китайский. В этом отношении показательным являются материалы русских и китайских легенд и сказок, которые занимают в этом процессе важное место. Они основаны на устных преданиях и являются, по мнению О. Амбайнса, воплощением "народной мудрости, этических и эстетических идеалов и также опыта народа" [1, с. 28]. Их изучение открывает "не только универсальные связи современника с многослойной культурой предшествующих эпох, но и культурами другой – соседних и дальних – народов" [3, с. 23].

Легенды и сказки имеют множество общих черт, таких, например, как волшебство, чудесные превращения, присутствие сверхъестественных сил и повторяющиеся сюжеты. Но они отличаются друг от друга, связью с реальностью: "сказка никоим образом не связана с реальными событиями, легенда отражает в фантастическом ключе то, что было или могло быть в реальности" [11].

Все легенды и сказки представляют огромный интерес в аспекте культуры, как и их основные персонажи, их помощники, бытовые ситуации, волшебные предметы, что может быть рассмотрено и с позиции лингвокультурологии. В этой связи обратимся к единицам, входящим в лексико-семантическую группу (ЛСГ) глаголов передачи объекта, которую можно считать показательной в свете вышесказанного. Глаголы данной ЛСГ служат для выражения распространённой в бытовой жизни ситуации "передачи чего-либо от одного лица к другому" [5].

Наше исследование показывает, что в русских сказках и легендах глагольными средствами выражения ситуации передачи объекта является базовый глагол давать и глаголы отдать, передать, подать, раздать, продать, дарить, наградить, одарять, присылать, учить. Например: *Царь не знал, как его угостить и как пожаловать; отдал ему все царство, а других зятьев за то, что обманывали, велел расстрелять (Свинка золотая щетинка). Первый товарищ дурня послушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался (Летучий корабль). Приехал к царю; тот увидел Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином (Жар-птица и Василиса царевна).*

Обратимся теперь к примерам в русском и китайском материале, в которых сказочные персонажи передают и получают различные волшебные предметы. Например: *Когда маленькая девочка выросла, ее пригласила к себе самая главная мудрая фея и сказала: - Дорогая, Альфина, ты уже стала взрослой. Ты умная, ты красивая, но самое главное ты обладаешь особой силой, особым даром. ...- потом она достала шкатулку, украшенную драгоценными камнями, открыла ее и достала ослепительную золотую палочку. Фея протянула палочку Альфине. (Волшебная палочка). Дали братьям топоры, и принялись они рубить вековой дуб. Срубил ветку Петыр, а на ее место двадцать новых ветвей вырастает (Топор-саморуб). - А что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня из железного столба выпустил? Дочь говорит: - Дам ему скаптерь-самобранку (Королевич и его дядька).*

Рассмотрим примеры из китайского материала (перевод Б. Рифтина): *Выбежала Дева-лотос за ворота, вытащила из волос бутон лотоса, отдала его юноше и говорит: - Возьми этот цветок, он защитит тебя от всяких гадов, волков и тигров, от кровожадных барсов. Увидят они его - сразу убегут (Мимоза). Дам я тебе платье, которое от огня спасет, надень его и смело иди вперед (Как юноша любимую искал). Рассмеялся старец - борода по воздуху поплыла - и говорит: - Не надобны свахи... Дам я тебе два зеркальца ... В третий день луны ... от зеркальца луч пойдет, и тотчас широкая дорога откроется. По этой дороге и надобно за невестой идти (Жены в зеркале).*

Как видим, эти волшебные предметы имеют определенное назначение: они помогают героям преодолеть все препятствия, трудности, победить враждебные силы. Также заметим, что эти волшебные предметы могут быть очень разнообразны, например, растения (*бутон лотоса, зеленый стебелек*), бытовые предметы с добавлением волшебных функций (*топор-саморуб, гусли-самогуды, зеркальце*). К волшебным предметам также относятся, *перо Жар-птицы (Жар-птица и Василиса-царевна), ковер-самолёт (Царевна-лягушка), сапоги-скороходы (Вещий сон), посошок-перышко (Подземные царства), волшебная картина (Волшебная картина).*

В борьбе с чудовищами, враждебными человеку, героям не только помогают различные волшебные предметы, но и, как указано выше, помощники. В русских сказках мы встречаем, например, *Серого волка, Сивку-Бурку, Горыню, Дубыню, Усыню*, а в китайских сказках – это *Лунный старец (Сад Нефритовой феи), карп (Девушка-камп), жемчужина (Сказка про хитрого у-эгна и верного ши-е), птичка банчуйня, дух березы (Царь-удав), мальчик-жэньшэнь (Жэньшэнь-оборотень).*

Обратимся ниже непосредственно к самим персонажам сказок и легенд. Их манера поведения, поступки и действия позволяют проследить особенности восприятия действительности, психологии, выделить положительное и отрицательное в рамках ценностной шкалы той или иной культуры.

В русских сказках и легендах можно выделить две группы персонажей. 1) Персонажи, обладающие волшебной силой (отрицательной или положительной): *Баба-яга, Леший, Мороз, Водяной царь, русалка, Хозяйка Медной горы и другие.* 2) Персонажи, обладающие яркими положительными качествами: *благородство, доброта, храбрость и другие: Иван-царевич, Иван-дурак или Василиса-прекрасная.* Приведем примеры: *Этот старик подкликнул его к себе и взмолился ему: "Дай, пожалуйста, Иван-царевич, напиток!" Иван-царевич еще ничего не знал - был маленький, почерпнул воды и подал ему... (Иван-царевич и Марфа-царевна). Василиса зажгла лучину от трех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погребца принесла она квасу, меду, пива и вина (Василиса прекрасная).* Как видим, здесь Иван-царевич подал старику воды, он проявил доброту, как и Василиса.

Особыми персонажами китайских сказок являются монахи, даосы, которые не встречаются в русских волшебных сказках и легендах. Это представители религиозного направления китайской культуры, "стремящиеся к духовному развитию, являющиеся связью между Небом и Землей, хранителями волшебных снадобий и предметов" [6].

К таким особым персонажам также относится человек-животное (получеловек), его наличие в китайских текстах обусловлено связью с древними китайскими мифами, являющимися предшественниками волшебной сказки. Например, князь драконов, который способен оценить поступок человека. *Поднялись царь драконов и царица навстречу гостю. Юноша поведал им о том, как Ши-е спас его от гибели, и повелел царь слугам принести драгоценности Ши-е одарить... Услыхал его слова царь драконов и думает: "Славный юноша этот Ши-е, отдам-ка я за него свою дочь"* (Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е). Как видим, царь драконов одарил Ши-е за его поведение, так как он спас его сына [6, с. 217 – 224]. В ходе исследования мы заметили, что некоторые персонажи не существуют в других культурах, например, в русской легенде – Хозяйка Медной горы. Она является хранительницей драгоценных камней, иногда предстаёт перед людьми в виде прекрасной женщины и проявляет щедрость: *А у парня верно невесту-то Настей звали. Вот, - говорит, - тебе подарочек для твоей невесты, - и подает большую малахитовую шкатулку. (Хозяйка Медной горы)*

Похожий персонаж есть в китайских сказках – Князь гор. Он является тотемным символом уважения к горам. Считается, что у каждой горы есть свой дух в мужском облике, он контролирует всё, что случается на его территории: *...А она (невестка) все бежит. Упадёт, встанёт на ноги, снова бежит. Себя не помнит, вихрь догоняет, кричит: - Князь гор, отдай мою сестрицу!* (Птица Чжаогу – Б. Рифтин). В китайской книге "Шань хай цзин" объясняется, что Князь гор – это "причудливый образ животных, или человека в облике животного, по-другому можно называть его человек-животное (получеловек)" [См.: 9]. Заметим, что и в русских, и в китайских сказках, горы наделены духом, т.е. воспринимаются как живое существо, которое охраняют и используют Хозяйка Медной горы и Князь гор.

Таким образом, мы видим, что в русских и китайских сказках и легендах их героям, как положительным, так и отрицательным, помогают волшебные предметы и волшебные существа, имеющие волшебную силу. Различие героев и их помощников обусловлены историко-культурным своеобразием русского и китайского народов, особенностями их национального менталитета. Исследование поведения и поступков персонажей, их помощников, волшебных предметов, традиционно используемых в текстах сказок и легенд, важно, в частности, не только для представления ЛСГ глаголов передачи объекта в лингвокультурологическом аспекте, но также и для изучения национальной языковой картины мира носителей языка, в том числе русского и китайского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбайнс О., Алксите А. и др. Латвийские народные сказки. Рига: Издательство Академии Наук Латвийской ССР, 1957. – 28 с.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов /Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
3. Горелов А.А. Сказы и сказки. М. Современник, 1983. – 368 с.
4. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. – СПб. "Осипов", 2006. – 259 с.
5. Колосова Т. Н., Лексико-семантическая группа глаголов передачи объекта в современном русском языке (лексико-семантическая парадигматика, типовые ситуации употребления). Дисс. уч. степени к.ф.н. – СПб, 1997.–200с.
6. Китайские народные сказки. Сост. и пер. Б. Рифтина. М. 1972.
7. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М., 1995. – 624 с.
8. Чэн Цзиньтао. Герои и их волшебные помощники в русских и китайских сказках // Русская литература в иностранной аудитории: Сборник научных статей. Вып. 6 – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 287 с.
9. Шань хай цзин чжуань ("Шань хай цзин" с комментарием). Кн. 1–3. Пекин, 1983; Юань Кэ. Шань хай цзин цзяо чжу ("Шань хай цзин", выверенный и прокомментированный). Шанхай, 1985
10. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с. – БЭС.
11. Основное отличие мифа от сказки: описание и интересные факты – Руслана Котова [Электронный ресурс] – <https://www.syl.ru/article/349743/osnovnoe-otlichie-mifa-ot-skazki-opisanie-i-interesnyie-faktyi> (дата обращения 01.12.2017)

ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ НАРОДНИКОВ В КИТАЕ*

* Статья подготовлена при поддержке Китайского Государственного совета по стипендиям для студентов, обучающихся за рубежом.

THE STUDY OF THE WORKS OF RUSSIAN POPULISTS IN CHINA

*Chen Gjing
Liu Yankun*

Annotation

The literature of Russian populism is an important part of Russian literature. Russian and Western scholars pay particular attention to the study of populism, but in China this phenomenon has not yet been seriously considered. The reason for this is that the populism differed in the extreme radicalism of ideology and the period of its duration was too short. The article analyzes the current situation in the study of Russian Populism in China.

Keywords: Russian populism, modern interpretation, Chinese literature, Russian literature, populists.

Чэн Цзин

Аспирант, Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай

Лю Янькунь

Аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

Народническая литература является важной составной частью русской литературы. Российские и западные учёные уделяют изучению народничества особое внимание, однако в Китае это явление пока ещё серьёзно не рассматривалось. Причина этого заключается в том, что народничество отличалось чрезмерной радикальностью идеологии и период его расцвета был слишком кратким. В статье анализируется современная ситуация изучения русского народничества в Китае.

Ключевые слова:

Русское народничество, современная интерпретация, литература Китая, русская литература, народники.

В 60–е годы XIX века народничество стало одной из основных форм движения русского общества и важной составной частью литературы. Писатели-народники внесли большой вклад в русскую литературу, который заключался в том, что они расширяли главную тему русской литературы – тему народа. Китайский учёный Лю Цзунцы в связи с этим писал: "Литература народников является важной составной частью русской литературы XIX века, в ней подробно описаны аутентичные картины сельской жизни второй половины XIX века, показано пробуждение духа русского народа в низших слоях общества. <...> Писатель народник редко мог обладать индивидуальным пространством в русской литературе. Однако все вместе, в качестве целостности, они создали более богатое произведение культуры, чем любой из известных отдельно взятых писателей" [8, с.17]. Великий русский писатель А.М. Горький давал литературе народников высокую оценку: "Народнические писатели представляли богатые материалы понимания психологии народа и общественной жизни и описали обычаи и привычки тогдашнего общества" [3, с.219].

Современный китайский исследователь русской литературы Сюй Чюань писал: "В России с момента возник-

новения народнической литературы её всегда сопровождало внимание научных кругов" [7, с.59]. В китайском литературоведении сложилась иная ситуация, связанная с изучением народничества: поскольку в китайской литературе не существовало аналогичного явления, русское народничество специально не изучалось, что не соответствовало той активной роли, которую народничество играло в русском обществе.

Именно с этим связано то, что первые переводы произведений народников на китайский язык появились довольно поздно. Только в 1949 году китайский исследователь Шуй Фу перевёл "Нравы Растеряевой улицы" русского писателя Г.И. Успенского. В 1980 году Шэнь Чжаньхуа и Чэнь Хунфа перевели с русского языка на китайский повесть русского писателя С.М. Степняка-Кравчинского "Домик на Волге". В 1987 году Ши Тянь и Шэн Шилян перевели "Сборник прозы русских народников" (в 2 томах), в который вошли произведения Н.И. Наумова, Г.И. Успенского, С. Каролина и др. В 1994 году Лу Минь перевёл роман С.М. Степняка-Кравчинского "Андрей Кожухов". Других переводов произведений русских писателей-народников на китайский язык в настоящее время нет.

Исследованию творчества народников посвящены 4 монографии китайских исследователей, в том числе "Русское народничество и марксизм" Лу Бо (1956), "Новое прочтение русского народничества" Ся Иньпина (2005), "Народничество: понятие, теория и практика" Линь Хун (2007), "Русское народничество и его межвековое влияние" Ма Луншань и Лю Цзяньго (2013).

На китайский язык переведены 2 книги западных исследователей, в том числе "Культурный популизм" Джима Макгигана (2001) и "Популизм" Поля Тэггарта (2005), однако их работы сосредоточены на общем изучении популизма, и русское народничество только кратко упоминается.

Изучению литературы народничества посвящено несколько научных статей. Китайская исследовательница Чань Айсян в 2008 году писала: "Народничество в контексте революции – вторичное объяснение образа Санина"[10,с.22]. В 2012 году литературовед Сюй Чуаньхуа опубликовал статьи "Сознание крестьянина как субъект в литературе русского народничества", "Способы выражения речи в литературе русского народничества: на примере творчества П.В.Засодимского" и "Отношения русской интеллигенции и крестьян: на материале литературы русского народничества". В 2015 году Лу Цзянь опубликовал статью "Анализ народнической литературы с позиции социолингвистики". В 2017 году У Сыжу опубликовал статью "Особенности языка народнической литературы: на примере творчества Н.Н.Златовратского". Все названные статьи содержат конкретный анализ отдельных произведений русской народнической литературы, но не предлагают всестороннего исследования народничества как своеобразного явления историко-литературного процесса.

Диссертаций, посвященных литературе народничества, в Китае было написано немного. В их числе прежде всего следует назвать докторскую диссертацию Сюй Чуаньхуа и магистерскую диссертацию Ли Цяоцяо. В 2010 году Сюй Чуаньхуа, доктор столичного педагогического университета, опубликовал свою диссертацию "Изучение русской народнической литературы", а в 2012 году студент-магистрант Ли Цяоцяо из Шанхайского университета иностранных языков защитил диссертацию "Общий обзор литературы русского народничества". Первопроходцем изучения в Китае русского народничества является доктор Сюй Чуаньхуа, который исследовал историю возникновения системы идей народничества, процесс формирования тематики народнической литературы, изменение принципов создания образов в литературе, развитие функций народнической литературы и эстетику языка народнической литературы и тем самым внёс огромный вклад в изучение этого важного феномена русской культуры. Магистр Ли Цяоцяо преимущественно исследовала фон, на котором форми-

ровалась народническая литература, а также жанровые особенности произведений.

В обобщающих исследованиях по истории русской литературы, издававшихся в Китае, народническая литература нередко упоминалась, но специально не изучалась. Господин Жэнь Гуансюань в своей книге "История русской литературы" описывал процесс развития литературы народничества и конкретно анализировал произведения писателей народничества. В книге он писал, что писатели-народники внесли огромный вклад в развитие прозы 70-ых годов и в целом в русскую литературу. Они расширили прозаические жанры, обогатили литературу тематически, исследовали в качестве главной тему русского крестьянства после реформы, капитализации и классового расслоения русской деревни, жизнь наёмного рабочего раннего периода капитализма в России, а также идеи и деятельность популистских революционных интеллектуалов[4,с.98].

В "Истории русской литературы" (Цао Цзинхуа) также не слишком глубоко объясняется русское народничество, но дается анализ творчества конкретных писателей. Автор книги "История русской литературы", упоминая о русском народничестве и народниках, подчеркивает, что из русских писателей первым был Герцен, он "творил русский деревенский социализм – народничество"[9,с.158]. После него стали появляться очерки о русских народниках. Цао Цзинхуа обращает внимание на то, что "заметным явлением в русской литературе 1970-х годов является то, что наряду с народническим движением в литературном мире были народники – писатели гражданской интеллигенции, например: Г.И.Успенский, Н.И.Наумов, П.В.Засодимский, Н.Н.Златовратский, Каронин-Петропавловский, С.М.Степняк-Кравчинский, А.О.Осипович-Новодворский и т.д.. Они написали много очерков, повестей и рассказов, в основном по двум темам: жизнь людей (крестьян, особенно после реформ) и судьба русской прогрессивной интеллигенции" [Там же, с.270].

В книге "История русской литературной критики" Лю Нин дал высокую оценку "литературной критике народников" и предоставил специальную главу, в которой обсуждались четыре темы народнической литературной критики: основные характеристики литературной критики народников, критика литературная Лаврова, критика литературная Скабичевского и критика литературная Михайловского. Автор говорит об одной из замечательных черт этой критики – "наследовании и развитии прекрасной традиции шестидесятых, литературной критики революционной демократии и применении ее к требованиям времени"[5, с.493], но в то же время замечает: "У народников особые взгляды на исторический идеализм и субъективные социологические методы, в которых их эстетические и литературные критерии впадают в глубокое противоречие"[Там же, с.492].

Необходимо отметить, что в исследованиях китайских ученых теме народничества в русской литературе уделялось внимание в значительно меньшей степени, чем теме влияния русской народнической литературы на китайскую литературу. Например, Мэн Фаньхуа в книге "Народничество и китайская литература 20 века" (2006) замечает, что в идеологических ресурсах Китая нет четкой традиции популистской идеологии. Концепция "ориентированности на людей" в мыслях господствующего класса подразумевает смысл правящей стратегии. Традиционное литературное "чувство неотложности" также в основном ограничено культурными убеждениями. Однако нельзя отрицать, что существует большая моральная привлекательность как местных культурных убеждений, так и чужого популизма [6, с.20].

Ван Бэньчао в работе "О популистической мысли Лао Шэ" (2006) в основном выражает критику и сопротивление капиталистической материальной цивилизации и ее моральным концепциям, поддерживая ценности народа, анализируя современное образование и кризис знаний. Он показывает, что ценности и способы популистского мышления также повлияли на художественные особенности работы Лао Шэ, усиливая в них тенденцию обращения к публике [2, с.43].

Назовем работы Чжан Юня "О новых тенденциях народничества в творчестве Чи Ли", (2008) и Ли Си "О влиянии народничества на китайскую современную литературу" (2009) и т. д. в которых рассматривается влияние народнических идей русской литературы на китайскую литературу, что подтверждает широкое воздействие на-

роднической российской литературы на всемирную литературу.

Русский мыслитель Н.А.Бердяев всегда подчеркивал роль и значимость народников русской литературы в истории литературы: "Народничество есть столь же характерное русское явление, как и нигилизм, как и анархизм. У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен, Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов – одинаково народники, хотя и по-разному" [1, с.57].

Таким образом, идеи русских народников получили в Китае не только большой интерес, но и стали предметом научных исследований. Названные нами работы китайских ученых о русском литературном народничестве подтверждают, что этот интерес растет и углубляется. Однако следует сказать, что процесс изучения русского народничества пока делает свои первые шаги и нуждается в дальнейшем развитии. Китайской науке предстоит расширять горизонты исследований, укреплять их глубину, использовать все многообразие форм и методов исследований. Основываясь на прекрасных исследовательских традициях русской литературы XIX века в Китае, у нас есть основания полагать, что исследование русских народников в Китае в будущем получит подлинное внимание, ведь так называемая классика – вечна! И мы можем способствовать сближению Китая с международным исследовательским интересом к русской литературе, чтобы действительно понять ценность и значимость русской литературы в мировом литературном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, Цю Юньхуа и Ву Сюецзинь, Пекин: Восточная пресса, 1998, 186с.
2. Ван Бэньчао. О популистической мысли Лао Шэ// Исследования национальной литературы. 2006. № 4.
3. Горький А.М. Архив А.М.Горького Т.1.М. История русской литературы, Москва: государственное изд. "Художественная литература". 1939, 340с.
4. Жэнь Гуансюань. История русской литературы, Пекин: Изд. Пекинский университет, 2006, 487с.
5. Лю Нин. История критики русской литературной, Шанхай: Издательство Шанхайского перевода, 1999, 794с.
6. Мэнь Фаньхуа. Народничество и китайская литература 20 века// Литературная полемика. 1997. № 3.
7. Сюй Чюань. Комментарий к нынешней ситуации русского народничества // Сибирское исследование. 2011. № 1.
8. Успенский Г.И., Наумов Н.И.и т.д.. Сборник прозы русских народников. Т. 1 / Перевод Лю Цзунци. – Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1987, 455с.
9. Цао Цзинхуа. История русской литературы, Пекин: Изд. Пекинский университет, 2007, 409с.
10. Чэнь Айсян. Народничество в контексте революции – вторичное объяснение образа Санина// Русское искусство. 2008. № 3.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (С.Щипачев, "Березовый сок")

ARTISTIC REFLECTION OF ETHNO
ELEMENTS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL
TEXT (S.Schipachev, "Birch juice")

Z. Yahyaeva

Annotation

The article discusses the features of the artistic reflection ethnopsychology elements in the creative consciousness and autobiographical text S.Schipacheva, the aim is the analysis of the motives and the reasons for resorting to the writer of this issue. The urgency for S.Schipacheva in his childhood, adolescence, youth, maturity of the national character of the national problem. In the book "Birch sap" assessed the facts manifestations of atmospheric folk beliefs, traditions, legends, children's games as examples of traditional folk culture. The paper compares S.Schipacheva prose and poetry, considered images of children as bearers of ethno elements.

Keywords: autobiographical, lyrical-epic prose, ethnic psychology, realism, detail, the atmosphere of folk beliefs, traditions, legends, poetic consciousness.

Яхьяева Зухра Идрисовна
К.ф.н., доцент,
Чеченский государственный
педагогический университет,
г. Грозный

Аннотация

В статье рассматриваются особенности художественной отражения элементов этнопсихологии в творческом сознании и автобиографическом тексте С.Щипачева, ставится цель анализа мотивов и причин обращения писателя к данной проблематике. Отмечается актуальность для С.Щипачева в его детстве, отрочестве, юности, зрелости проблемы национального народного характера. В книге "Березовый сок" оцениваются факты проявления атмосферы народных поверий, преданий, легенд, детских игр как примеров традиционной народной культуры. В работе проводится сопоставление прозы и поэзии С.Щипачева, рассматриваются образы детей как носителей элементов этнопсихологии.

Ключевые слова:

Автобиографическая, лиро-эпическая проза, этнопсихология, реализм, деталь, атмосфера народных поверий, преданий, легенд, поэтическое сознание.

Произведения художественной литературы на всем протяжении ее развития исследуют этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функции национального самосознания.

В литературных текстах, особенно созданных в таких содержательных формах, как "роман воспитания", "автобиографическая повесть о детстве" зачастую присутствует серьезное отражение этнопсихологии и этнопедагогики, которые стремятся "вывести свойства национального характера из так называемой "базовой", или "модальной", личности, которая в свою очередь ассоциировалась с типичными для данной культуры методами воспитания детей".

Так, например, "этнопедагогика чувашского народа – величественная энциклопедия духовной жизни чувашского народа", – отмечал Педер Хузангай, народный поэт Чувашии. "Воспитание и развитие традиционного трудолюбия детям внушалось, что труд – источник человеческого существования, опора жизни, основа счастья. "Вут хутмасар сакар писмест, еслесе писмесер сурт-йер пулмасть" – "Не истопив печь, хлеба не испечешь". С малых

лет дети слышали поговорки и пословицы о роли труда. Глубокий смысл в пословице, много веков назад ставшей девизом жизни чувашского крестьянина: "Ес – пурнас тыткачи" – "Труд – основа жизни".

Детская среда, народная педагогика, прилагала большие усилия к тому, чтобы у детей было много радости и веселья: "Самрак чухне выльар, кулар, укенмелле ан пултар!" – "Пока молоды, играйте. Веселитесь, смейтесь, чтобы потом не раскаиваться!". Но в играх не только веселье и радость, они имеют важное значение в физическом, художественном и нравственном воспитании.

В данной статье рассматриваются особенности этнопсихологии на материале лирической повести о детстве С.Щипачева "Березовый сок". Степан Щипачев (1899 – 1980) – это русский поэт советского периода, который в общественном сознании воспринимался как принадлежащий, в основном, к лагерю социалистического реализма.

Вместе с тем очевидно, что этот поэт на самом деле не был прямолинейным пропагандистом такой линии. Так, известно, что "в поздние сталинские времена Щипачёв выделялся на общем фоне благодаря этим первоначаль-

ным лирическим элементам (теме любви, природы) в своей поэзии". В то же время большинство его стихов, по достаточно объективному замечанию В.Казака, "ограничены развитием одной какой-нибудь простой мысли, его сентенции звучат несколько банально... Короткие стихи Щипачёва снискали большее признание, чем его поэмы: благодаря их лаконичности меньше ощущается недостаточная музыкальность поэта и скупой запас слов".

Куда более значимой в содержательном и художественно-эстетическом плане оказалась для С.Щипачева его лирическая "повесть о детстве" "Березовый сок" (1965). "Жанровая и композиционная свобода, раскованность прозаического творчества поэтов проистекает именно из потребности в свободе выражения мыслей, чувств, впечатлений, из потребности отразить всё как можно более естественно, непосредственно, более всесторонне". В своей повести автор воспроизводит органичный мир повседневной жизни уральской деревни в предреволюционный период, в котором в самой простой и типичной (и одновременно очень характерной в плане народной этнопсихологии) крестьянской семье рождается, растёт и формируется как личность будущий поэт.

В автобиографической повести С.Щипачева "Березовый сок" вполне реалистическая, насыщенная яркими деталями картина крестьянского труда и быта обогащается атмосферой народных поверий, преданий, легенд, что, в том числе, способствует и созданию поэтического сознания юного автобиографического героя: "Больше всего любили мы слушать, усевшись где-нибудь между возами, как Балай рассказывал собравшимся мужикам об утопленниках, о русалке, которая живет на мельнице под водяным колесом и в лунные ночи выходит во всем белом из клокочущей пены".

Поначалу довольно безоблачная картина "мира детства" героя постепенно нарушается разного рода контрастами, к этому все больше приводит соприкосновение с "миром взрослых" (Безусловно, эти два "мира" не существуют в книге изолированно). Среди этих взрослых были люди, которые прививали деревенским ребятишкам любовь к родине, природе, родному языку, народной поэзии. Герой автобиографической книги испытывал на себе воздействие народной этнопедагогики, нравственности, получал от них уроки мудрости, справедливости, доброты.

Несколько особое место среди взрослых занимает незаурядная личность деревенского выдумщика и охотника, яркого носителя национального художественно-мифопоэтического сознания, Балай, которого за способность жить не так, как все, деревенское общественное мнение считает колдуном. Народ относится к нему с некоторым трепетом, даже страхом и, в то же время, – завистью, уважением. Так, его непременно приглашают на

свадьбу, чтобы он, вдруг обидевшись, не наслал порчу на молодых. Надо оказать, что сам Балай не спешит разуршить этого мнения односельчан, поддерживает свою мистическую репутацию колдуна.

И лишь дети, как уже давно замечено народной мудростью и литературой ("Устами младенца глаголет истина") ситуация в сказке Г.Х. Андерсена "Новое платье короля"), и, прежде всего, главный герой книги, довольно скоро выясняют для себя истину, сумев непредвзято взглянуть на этого человека, "в глазах которого постоянно светилось лукавство и озорство". "Недаром прильнуло к нему это прозвище: Балай".

Именно дети, в силу своей пронзительности и неиспорченности суевериями и предрассудками и, одновременно, некоего внутреннего родства с персонажем, оказываются более верно, чем взрослые, видящими истину, суть вещей.

Образы взрослых в книге даются не как некая портретная галерея, а всегда раскрываются для героя в связи с каким-либо событием, в конкретных ситуациях. В "Березовом соке", в отличие от, к примеру, автобиографической трилогии Н.Рыленкова и аналогичной книги М.Исаковского, нет глав, "монографически" посвященных тем или иным образам взрослых людей.

В. Дементьев отмечает в своей книге "Личность поэта. По страницам советской литературной эпохи 1917–1987 годов" (2:198), что образы детей (не считая главного героя) автору "Березового сока" удались меньше, чем образы взрослых. С этим, по нашему мнению, нельзя согласиться. Не умаляя значения в повести образов взрослых, мы должны признать, что "мир детства", характеры его представителей в автобиографической книге С.Щипачева раскрыты полнее и ярче, чем в аналогичных произведениях Н.Рыленкова и М.Исаковского, в которых "мир детства" ограничен практически исключительно образами главных героев. Детям в книге С.Щипачева отведена чрезвычайно важная роль. Они нередко оказываются добрее, наблюдательнее, разумнее взрослых, менее зашорены и подвержены суевериям и предрассудкам. Мастерство С.Щипачева в раскрытии детских характеров явно недооценено.

Правдивый рассказ о детстве – своем и чужом – в повести нигде не звучит в минорной тональности, однако в душе читателя вызывает нередко ощущение боли, впрочем, не "перекрывающей" оптимистического настроения книги: "Как только солнышко начало пригревать по-весеннему и под окнами освободилась от снега черная сырая земля, удержать меня в избе было невозможно. Я босиком выбежал за ворота, усаживался на завалинку и подставлял лицо теплomu солнцу... Звенели первые ручьи,

неся в себе навозную жижу и небесную голубизну. От воды и ветра, от снега и студеной весенней земли ноги у меня вовсе становились черными и покрытыми сплошными трещинками – "цыпками". Этот пронзительно яркий фрагмент, содержащий в себе такой интересный контрастный образ: "...навозную жижу и весеннюю голубизну" имеет и стихотворный аналог. Нетрудно заметить, что лексически и стилистически стихи несколько беднее прозы, они оказываются всего лишь зарифмованным рассказом, тогда как проза поэта отличается большей полноценностью – конкретностью, образностью, смысловой насыщенностью.

Сопоставление прозы и поэзии С.Щипачева несколько отвлекло нас от разговора об образах детей, лаконичные и яркие характеры которых один за другим дает С.Щипачев в своей книге. Несмотря на то, что мальчики были до полусмерти замерзшие, они "запруживали ручьи и взапуски бегали по дороге, где еще лежали потемневшие ледяные корки". Однажды, когда Степанко и Санько пускали в ручей спичечную коробку и смотрели, далеко ли она доплывет, к ним подошел Гришка. "Он остался с нами играть, и мы с завистью поглядывали на него: он был в сапогах... он нарочито ступал на ледяные корки и даже в неглубокие лужи". Этот фрагмент передает и детскую психологию, и формирование еще неосознанных социальных представлений. Особое место среди товарищей занимает сын "колдуна" Балая Тимка, умелый и изобретательный подросток. "... Хотя, играя "в войну", Тимка всегда заставлял нас быть "японцами", и больно колотил галкой, мы терпели и по-прежнему тянулись к нему: ведь он умел стрелять из настоящего ружья, и отец часто брал его с собой на охоту". Это и служило причиной небывалого авторитета Тимки среди ребят.

Подлинную же силу мальчишеской дружбы испытывает на себе юный герой в наиболее тяжелые периоды своей жизни – во время работы в батраках и на асбестовых

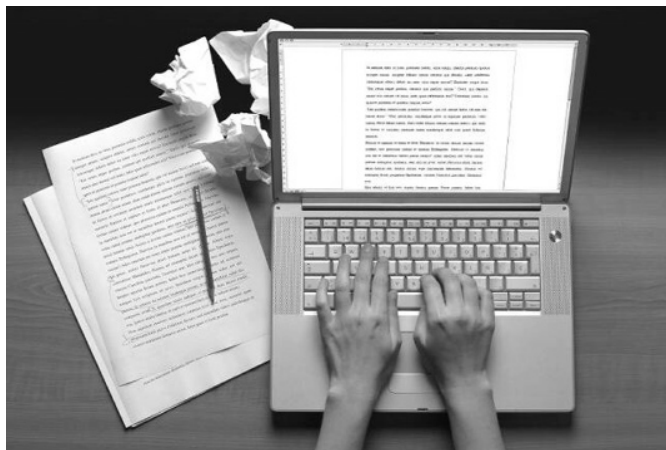
приисках. Старшие ребята помогают ему выдержать все тяготы, помогают разобраться в людях, в подлинных и мнимых человеческих ценностях. Так, уже в финале книги одиннадцатилетний герой во время работы на прииске получает резкую проповедь от старшего товарища Фролки за то, что он дразнил татарских ребяташек. Ярко и динамично показано в книге участие ребят в забастовке. Пусть эта забастовка лишь дала выход стихийной активности ребят, до поры сдерживавшейся ими, но несомненно, что это выступление послужило сплочению, не только чисто личностному, но и межличностному, интернациональному, детей и подростков.

Социальному взрослению лирического героя уделено внимание и в автобиографических стихах С.Щипачева. В этих ключевых строках намечена одна из важнейших тем авто – биографической книги – судьба истории и судьба детей. Ведь детство и отрочество героя приходится на первое десятилетие XX века – период классовых битв, "стольпинской реакции", Первой мировой войны. А так далеко, казалось бы, было от путей истории небольшое уральское село, в котором происходит действие повести, однако и его коснулись многие важнейшие процессы эпохи – усиленная капитализация русской деревни, расслоение крестьянства. И книга С.Щипачева отличается конкретностью и остротой отражения социально-политических и духовно-нравственных противоречий. Это роднит ее с автобиографическими произведениями Федора Гладкова и Василия Смирнова.

Проведенное исследование автобиографической лиро-эпической прозы С. Щипачева позволяет увидеть в ней элементы этнопсихологии. В подобных произведениях художественно анализируются и ценностные ориентации народной культуры; неразрывно связанные с соответствующими разделами этнографии, фольклористики, искусствоведения и т. п.; в них рассматриваются и этнические особенности социализации детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
2. Дементьев В. Личность поэта. По страницам советской литературной эпохи 1917–1987 годов. М. 1987. 430 С.
3. Казак В. Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [пер. с нем.]. – М. : РИК "Культура", 1996. – XVIII, 491,
4. Степанова, Т.М., Аутлева Ф.А. Автобиографистика И. Машбаша в контексте прозы поэта // Символ науки. – Уфа: "Омега Сайнс", 2015. – С. 183–188.
5. Щипачев С. П. Берёзовый сок. Повесть о детстве, М. 1986. 202 с.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Aglei E. – Kazan Federal University
e-mail : llina.elenaa@mail.ru

Ahmadova K. – Baku State University
e-mail : kamala.ahmadova2@gmail.com

Alekseeva L. – Doctor of Philology, Professor, Perm State National Research University
e-mail : alm@psu.ru

Alramadan D. – Post-graduate student, Moscow State Pedagogical University
e-mail : dee-said@live.com

Aranovskaya I. – Volgograd State Social and Pedagogical University
e-mail : aalu@yandex.ru

Avdonina L. – Penza State University
e-mail : bulalol@mail.ru

Bagirova S. – Baku Slavic University
e-mail : bitkovskayay@inbox.ru

Bashkova L. – Penza State University
e-mail : lilirafikovna837@gmail.com

Bukhova N. – Senior Lecturer, Moscow Architectural Institute (MARCI), Moscow
e-mail : nina_ing@mail.ru

Chen Gjng – East China Normal University, Shanghai
e-mail : 914024295@qq.com

Cheng Jintao – St. Petersburg State University
e-mail : xiaoshuibao@hotmail.com

Chezybaeva N. – Khakas Technical Institute – branch of Siberian Federal University, Abakan
e-mail : Natti81@mail.ru

Dmitrenko G. – Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
e-mail : galina-dmitrenko@yandex.ru

Dvoynina G. – Volgograd State Social and Pedagogical University
e-mail : madam.dvoynina2010@yandex.ru

Evstratov H. – Psychologist, PKU IR-5 UFSIN of Russia in the Tula region
e-mail : Ek.holopova@yandex.ru

Fazliev A. – Kazan, Volga Region, Federal University, Russia
e-mail : aivazik@mail.ru

Gordeeva T. – Penza State University
e-mail : gordejewa@mail.ru mailto:tankovnn@gmail.com

Gubar I. – Postgraduate, Rostov state economic University, RINH
e-mail : iranetka90@mail.ru

Holopova E. – Candidate of pedagogical Sciences, Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia
e-mail : Ek.holopova@yandex.ru

Igonin D. – Kazan, Volga Region, Federal University, Russia
e-mail : igonindenis1983@yandex.ru

Ivanova E. – Senior lecturer of the Saint Petersburg State University of Economics
e-mail : trinitifix@mail.ru

Kardanova D. – Post-graduate student, Karachay-Cherkess state University. U. D. Aliev, Karachaevsk
e-mail : dianka.kardanova.00@mail.ru

Kindrya N. – Candidate of Philology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
e-mail : nkindrya@mail.ru

Klochkova M. – Institute of intercultural communication and international relations of the Belgorod state national research University "BelSU"
e-mail : klochkova@bsu.edu.ru

Konoplin N. – Lecturer, Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia
e-mail : Ek.holopova@yandex.ru

Koricheva S. – Candidate of pedagogical Sciences, Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia
e-mail : Ek.holopova@yandex.ru

Krot M. – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don
e-mail : mnkrot@sfedu.ru

Kulikova E. – Moscow Polytechnic University

e-mail : neaktor100@yandex.ru

Lavristscheva E. – Yelets State University named after I.A. Bunin

e-mail : eklav@mail.ru

Levitskaya I. – Phd of Pedagogics, Kuzbass state technical university of T.F. Gorbachev, Mezhdurechensk branch

e-mail : levitskaya_ia@mail.ru

Liu Xiujuan – Lecturer, Suihua University, Suihua China

e-mail : 26717789@qq.com

Liu Yankun – Post-graduate student, Perm State National Research University Cheng Jing

e-mail : 15945607187@163.com

Makedonsky A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State University of Land Use Planning, Moscow

e-mail : mav210659@yandex.ru

Melnik N. – Doctor of philology, professor of Kemerov State University

e-mail : saikova@mail.ru

Mishlanova S. – Doctor of Philology, Professor, Perm State National Research University

e-mail : mishlanovas@mail.ru

Moiseeva T. – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

e-mail : moiseewa.tv@yandex.ru

Nafikov I. – Kazan, Volga Region, Federal University, Russia

e-mail : ilsur_nafikov@mail.ru

Nurgaleeva G. – PhD in philology, associate professor, Moscow State (national research) University of civil engineering, NRU MGSU

e-mail : nurgale@inbox.ru

Parakhina I. – Tyumen State University

e-mail : parakhina90@mail.ru

Potapova I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, independent researcher, Khabarovsk

e-mail : ipotapova@yahoo.com

Remyannikova D. – Perm State National Research University

e-mail : dasharemyannukova94@mail.ru

Shakurov F. – Kazan, Volga Region, Federal University, Russia

e-mail : faritshakur@yandex.ru

Shepeleva Ju. – Siberian Federal University

e-mail : LADY-BOMG@yandex.ru

Skopina I. – Candidate of pedagogical Sciences, Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia

e-mail : Ek.holopova@yandex.ru

Sonina E. – Postgraduate student of the North-Caucasus Federal University

e-mail : elena_sonina17@mail.ru

Speight M. – Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

e-mail : schpeit.marina2018@yandex.ru

Subbotina I. – Nizhni Novgorod State Technical University, Arzamas Branch

e-mail : subbotina.irina.alex@yandex.ru

Sun Ye – Doctor of philology, junior researcher, Sun Yat-sen University

e-mail : verasun1204@mail.ru

Tankov N. – Penza State University

e-mail : tankovnn@gmail.com

Tereschenko E. – Saratov State University name of N. G. Chernischevski

e-mail : elmira.tereshhenkoaxmetowa@mail.ru

Ushakov D. – Teacher, Donskoy state technical university

e-mail : dmitrijushakov@yandex.ru

Yahyaeva Z. – PhD, assistant professor of the Chechen State Pedagogical University

e-mail : magazuhra@mail.ru

Yergaliyeva S. – Graduate student of Kemerov State University

e-mail : samal17.12@mail.ru

Zaytseva M. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail : maria.shtukar@yandex.ru

**НАШИ АВТОРЫ
OUR AUTHORS**

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).